

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д. И. ГУЛИА

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д. И. ГУЛИА

Ш. Д. ИНАЛ-ИПА

ТРУДЫ

в XI томах

АБИГИ
Сухум – 2017

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д. И. ГУЛИА

Ш. Д. ИНАЛ-ИПА

ЗАРУБЕЖНЫЕ АБХАЗЫ
СТУПЕНИ К ИСТОРИЧЕСКОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

ТОМ
IV

АБИГИ
Сухум – 2017

УДК 391 / 395
ББК 63. 5 (5 Абх) – 53 я 54
И 57

Редакционная коллегия:

к. ф. н., доц. **А. Е. Ашуба** (председатель)
д. и. н., чл.-корр. АН Абхазии **Ю. Д. Анчабадзе**
д. и. н., акад. АН Абхазии **Т. А. Ачугба**
д. и. н., проф. **В. Л. Бигуаа**
к. и. н., доц. **С. А. Дбар** (отв. секретарь)
к. б. н. **П. К. Квициния**
к. и. н., доц. **С. Ш. Салакая**
М. К. Хотелашвили-Инал-ипа

Составитель: М.К. Хотелашвили – Инал-ипа

Отв. редактор тома

д. и. н., доц. **О. В. Маан**

Инал-ипа Ш. Д.

Труды в XI-ти томах. Т. IV: Зарубежные абхазы. Ступени к
И 57 исторической действительности – / Ш. Д. Инал-ипа; сост. М.К.
Хотелашвили-Инал-ипа; АНА АБИГИ им. Д. И. Гулиа. – Сухум:
Дом печати, 2017. – 428 с.

В четвертый том трудов доктора исторических наук, профессора Ш. Д. Инал-ипа вошли его работы, посвященные вопросам истории и этнографии абхазов, проживающих за пределами своей исторической родины, а также этнической ситуации в Абхазии периода как зрелого и позднего Средневековья, так и Нового времени.

Труд рассчитан на специалистов и на всех тех, кто интересуется этнической историей абхазского народа.

© Абхазский институт гуманитарных исследований
им. Д.И. Гулиа, 2017.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В очередной IV том трудов почетного члена Адыгской Международной Академии наук, доктора исторических наук, профессора Шалвы Денисовича Инал-ипа вошли две его монографии, увидевшие свет в 90-х годах XX века, – «Зарубежные абхазы» и «Ступени к исторической действительности».

Труд «Зарубежные абхазы» (135 с.), изданный в Сухуми в 1990 г. – первое в абхазоведческой науке этнографическое исследование проблем зарубежной абхазской диаспоры с момента ее возникновения в первой половине XIX в. и вплоть до конца XX в.

В нем Ш. Д. Инал-ипа характеризует политико-культурную жизнь абхазской диаспоры в Турции в первой половине XX в., особо подчеркнув заметное воздействие на нее Кемалистской революции. Та часть абхазов, которая являлась приверженцами султана, с приходом новой власти, опасаясь за свои жизни, вынуждена была бежать за пределы Турции. Большинство из них перебралось в Грецию. Новые беды принесла греко-турецкая война (1919 – 1922 гг.), в которой погибло много абхазов. В числе виднейших сторонников М. Кемал-паши (Ататюрка) Ш. Д. Инал-ипа называет Рауфбея (Рауфа Орбая, Ашхаруа), сообщая достаточно подробные сведения о его политической деятельности. Детально выясняя профессиональные занятия абхазов Ш. Д. Инал-ипа, среди просвещенной части абхазской диаспоры отмечает Мустафу Бутба – создателя букваря для абхазов, проживающих в Турции, художницу Ачба, философа из Канады Мурата Ягана¹, поэта, ученого и просветителя Омара Бейгуаа-Бигуаа (Бьююка), которого автор особо выделяет среди деятелей абхазского происхождения. Не остались в стороне и

---

¹ Чирикба В. А. Абхазский мудрец из Вернона. В кн.: Мурат Яган. Я пришел из-за гор Кавказа. – Краснодар. 2002. С. 304 – 316.

факты, говорящие о наличии в Турции абхазов-журналистов, парламентариев, представителей деловых кругов и т. д. Но особо абхазы были представлены на военной службе. Об этом можно судить по тому, что среди заявлений иммигрантов (бежавших во второй половине XIX в. с Северо-Западного Кавказа в османские земли от репрессии царизма или покинувших родину в условиях военно-колониального управления) к османским властям от лиц, принадлежавших к неаграрным слоям абхазо-северокавказского населения, преобладали просьбы о приеме в армию¹.

В монографии Ш. Д. Инал-ипа «Зарубежные абхазы» нашли отражение сведения о численности абхазов, география их расселения и размещения в странах Ближнего Востока, Северной Африки, Балканском полуострове (Болгарии, Греции, Македонии, Косовской области в Сербии), Западной Европе, США. Опираясь на различные источники, Ш. Д. Инал-ипа склоняется к мысли, что в Турции, где проживает наибольшее количество наших соотечественников, их насчитывается не менее 100 тыс. чел., что перекликается с цифрами, приводимыми О. Бейгуаа. В результате проведенного Ш. Д. Инал-ипа исследования впервые удалось осветить многие стороны рассматриваемой темы, изучены, например, такие элементы жизнеобеспечения, как поселения, жилища, пища, а также брачные и семейные отношения. Проанализированы вопросы духовной культуры зарубежных абхазов, уделено место важному этническому признаку – этническому самосознанию, степени его сохранности, а так же состоянию абхазского языка. Нужно при этом с сожалением отметить, что в отличие от абхазов, живущих в Турции, сохранивших к настоящему времени родной язык, абхазы из Сирии и Иордании, потеряли его. Это результат ассимиляции значительной части абхазов среди арабов и того, что абхазы Сирии постепенно стали считать родным языком черкесский. По справедливому замечанию А. В. Кушхабиева, в течение 100-летнего периода совместного проживания произошло вытеснение абхазского языка черкесским по

---

¹ Чочиев Г. В. Отражение проблем этносоциальной адаптации северокавказских иммигрантов в их обращениях к османским властям (вторая половина XIX века) // Первые Международные Иналиповские чтения. – Сухум. 2011. С. 312.

причине численного преобладания черкесов и смешанных абхазо-черкесских браков¹.

При изучении вопросов абхазской диаспоры Ш. Д. Инал-ипа большое внимание уделяет фамильно-родовому составу абхазов в Турции и арабских странах. Автор приводит в работе перечень абхазских фамилий в Сирии, состоящий из более чем 35 антропонимов и более 120 абхазских фамилий, встречающихся в Турции, многие из которых ныне в Абхазии не фиксируются. Некоторые дворянско-княжеские фамилии приводятся ученым с их патронимическими ответвлениями. Именно то, что в Сирии, Иордании, Египте абхазами до наших дней в качестве родового имени используется общеабхазское этническое название «Абаза», служит основным показателем этнической индивидуальности абхазов и отличает их от окружающего арабского населения.

Важное место в работе «Зарубежные абхазы» заняли обращения вынужденных мигрантов к руководству Абхазской АССР уже в первые годы после установления советской власти с просьбой о возвращении на историческую родину. Однако их мечтам о возвращении не суждено было сбыться из-за противодействия правительства Грузии. В Приложении от имени «Комитета по делам абхазцев-махаджиров» помещено «Обращение к абхазскому народу и ко всем другим народностям, населяющим Абхазию» за 1920 г., и послание от имени кавказской общины в Сирии Генеральному секретарю ЦК КПСС, председателю Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачеву от 1989 г. Между тем, тот факт, что зарубежные абхазы, неоднократно заявлявшие о своем желании возвратиться на историческую родину, не воспользовались такой возможностью, появившейся после признания Абхазии Российской Федерацией в 2008 г., подтверждает то, что массовые миграции населения не происходят по причине идеологической пропаганды или подъема патриотических настроений. Только острые социально-экономические и политические причины (войны, дискриминационные меры, репрессии), природные катастрофы (засуха, землетрясения, наводнения и т. п.),

---

¹ Кушхабиев А. В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик. 2007. С. 158.

а также техногенные катастрофы, могут вынудить к переселению весь народ¹.

Следует отметить, что со времени выхода в свет книги «Зарубежные абхазы» прошло немало времени. За этот период, на основе установления более тесных связей между потомками изгнанников и исторической родиной, в научный оборот введены новые письменные и полевые этнографические источники, позволяющие дополнять наши сведения о быте и культуре абхазов, живущих вне страны своего происхождения. Однако значение книги проф. Ш. Д. Инал-ипа определяется прежде всего тем, что она способствовала удовлетворению серьезных потребностей широкой общественности в монографическом описании генезиса и положения абхазов за рубежом в XIX – XX вв. Книга не устарела, сохраняет свою актуальность и научную ценность, – этим, в том числе, вызвано и ее настоящее издание.

Вторая работа Ш. Д. Инал-ипа «Ступени к исторической действительности» (Сухум, 1992, 148 с.), включенная в данный том Собрания его научных трудов, является как бы логическим продолжением «Зарубежных абхазов». Дело в том, что насильственное выселение основной части абхазского населения в султанскую Турцию в процессе и после завоевания царской Россией Кавказа, привело, как известно, к катастрофическому сокращению численности коренного народа на исторической Родине. Резко отрицательно сложившейся для абхазов демографической ситуацией решили воспользоваться коммунистические власти Грузии, при которых особенно усилилась политика захвата абхазских земель и ассимиляции оставшегося абхазского населения. Для обоснования притязаний на абхазские земли в грузинской историографии была выдвинута концепция, согласно которой на территории Абхазии с древних времен проживали как абхазы, так и грузины. С другой стороны, большинство современных грузинских историков пишут о массовых переселениях «черкесов-апсуа» в Абхазию из Северного Кавказа в период позднего Средневековья. По их мнению, это происходило в XVI – XIX вв., говорят они также о непрерывных миграциях

---

¹ Кушхабиев А. В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры... С. 280.

в XIII – XVIII вв. Современные абхазы рассматриваются этими авторами как прямые потомки северокавказских переселенцев, смешавшихся с местным грузинским и грузинизированным населением. Вначале основной массой мигрантов считались представители адыгских племен, но впоследствии больше стали писать об абазинах, как наиболее близких абхазам в этническом отношении. Однако проф. Ш. Д. Инал-ипа, на основе анализа большого количества нарративных источников приходит к выводу о том, что рассуждения о прищлости абхазов являются глубоко ошибочными, носят явно политизированный характер и не имеют ничего общего с этноисторической реальностью. Они несостоятельны и потому, что абхазов на нынешней территории их проживания фиксируют античные источники с первых веков н. э. (Плиний, Арриан и др.).

Для обоснования своей точки зрения об автохтонности абхазов Ш. Д. Инал-ипа обращается к письменным источникам с XIV – начала XV вв. до конца XVIII в. (в числе которых – испанский Аноним, И. Галонифонтибус, М. Меховский, Дж. Лукка, Эвл. Челеби, Арк. Ламберти, Як. Рейнеггс и др.). Их сведения содержат убедительные доводы в пользу того, что миграции больших масс населения с севера на юг, на территорию Абхазии в позднее Средневековье не происходили. Если бы действительно имело место крупное вторжение несколькими волнами из-за Кавказского хребта, кардинальным образом изменившее этнокультурное и хозяйственное развитие Абхазии, то это не осталось бы вне поля зрения многочисленных грузинских письменных источников и иностранных авторов, посещавших страну в этот период. Между тем, – пишет Ш. Д. Инал-ипа, – «имеется много свидетельств тому, что в рассматриваемый период абхазы локализовались там же, где проживают и сегодня».

Значительное место в «Ступенях к исторической действительности» занимают вопросы этнокультурной ситуации в Юго-Восточной Абхазии периода позднего Средневековья. Согласно доводам Ш. Д. Инал-ипа, в междуречье Кодора и Ингура, за исключением узкой прибрежной полосы этой части страны (где Ш. Д. Инал-ипа допускает возможность преобладания в тот период мегрельского языка), население, можно не сомневаться, «состо-

яло сплошь из собственно абхазов – непосредственных апсилийских потомков». Учёный отмечает, что данных, говорящих о радикальном изменении этнической ситуации в Юго-Восточной Абхазии в указанную эпоху, не существует. Для доказательства своей точки зрения, автор обращался и к абхазскому топонимическому материалу. В работе «Ступени к исторической действительности» Ш. Д. Инал-ипа привел более сорока названий рек и речек, главным образом в Самурзакани, свыше пятидесяти названий гор и горных местностей, более двадцати названий укреплений, оград и населенных пунктов, около двадцати топонимов, производных от абхазских фамильных групп, столько же – топонимов, связанных с религиозным культом абхазов, и т. д. При этом, большинство из топонимов, существовало на самурзаканской географической карте, несомненно, значительно раньше XVII – XVIII вв. В этой связи сошлюсь на указание прекрасно владевшего абхазским языком акад. С. Н. Джанашиа, который отмечая множество абхазских топонимов, считал, что «в Гальском районе с древнейших времен проживали абхазы»¹. В изданной в 1988 г. В.Зухбая и Х.Зантарая книге «Гали», также приводится целый ряд названий абхазского происхождения (например, Алашара, Ашта, Аисырра, Анаара, Патархуца, Шашиквара, Апсха-идзых и др.). Однако авторы обходят неудобный для них вопрос этнической принадлежности этих и других наименований полным молчанием.

Со своей стороны считаю необходимым отметить, что из зафиксированных мною более чем 2 тыс. топонимов и микротопонимов Юго-Восточной Абхазии, мегрельских названий, по мнению специалистов-абхазоведов, сравнительно немного. По их мнению, примерами мегрельских топонимов служат, в частности, Цкургили, Олагуана, Набешь, Накодор, Латашькиар, Гуалан, Джамгуаргуал, Дабакур, Сатамашо, Цхенцкар, Папанцкур и др. Появление части этих и других географических названий в приморской части региона относится, по-видимому, в основном только к периоду оккупации этих земель мегрельскими Дадианами.

---

¹ См.: Эзугбая М. Х. Национальность? В паспорте исправлено...// Газ. «Абхазия», № 3, 4 февраля 1991 г.

Данные топонимики Юго-Восточной Абхазии доказывают, по верному заключению Ш. Д. Инал-ипа, то, что отмечаемая Ламберти и некоторыми другими авторами абхазо-мегрельская лингвистическая граница по Кодору в середине XVII в. отражает исторически ограниченный период, связанный с временным расширением отдельными мегрельскими владетелями пределов своего княжества за счет узкой прибрежной части Абжуа и Самурзакана. Из этого, по моему убеждению, следует, что мегрельские названия, фиксируемые лишь в приморской полосе Юго-Восточной Абхазии, говорят о том, что начиная с XIV – XV вв., происходило не столько ее «этническое освоение» и «интенсивное заселение мегрельскими элементами» (З. В. Анчабадзе), сколько необоснованное утверждение того, что указанная территория Абхазии этнически является мегрельской.

В своей работе Ш. Д. Инал-ипа приводит и многие другие логически обоснованные сведения, которые указывают на то, что абхазы, вопреки мнениям грузинских историков, не переселились в первый раз с Северного Кавказа в места их нынешнего проживания в XVII в.; они проживали здесь и ранее этого времени (в основном в горных и предгорных частях), а незначительные переселения на север и обратно происходили всегда, однако в XIV – XVIII вв. превалировал отток населения на север (предки абазин).

После переселения части абхазов на Северный Кавказ, особенно интенсивными становятся, надо полагать, миграции в Юго-Восточный регион Абхазии мегрельского населения. И в то же время, активно распространяемая в грузинской исторической науке точка зрения о проживании «грузин» в Абхазии не только в Средние века, но и вообще во все времена в преобладающем количестве, о «двуаборигенности» Абхазии, не подтверждается ни одним источником. Документы говорят наоборот о многочисленности абхазов не только в древности, но и в период позднего Средневековья (Эвл. Челеби, Макарий, З. Чичинадзе).

В заключительной VI главе работы «Ступени к исторической действительности» Ш. Д. Инал-ипа освещает вопросы изменения этнической ситуации в Абхазии во второй половине XIX и начале XX вв. в результате махаджирства и последовавшей за ним массовой колонизацией страны представителями разных

народов. Приведенный автором материал весьма убедительно свидетельствует о том, что вследствие длительной демографической экспансии, Абхазия из однородной в языковом и этническом отношении, превратилась в многонациональную страну, где по данным Всесоюзной переписи 1989 г. удельный вес абхазов в общем количестве населения Абхазии был доведен до 17 %.

Заканчивая обзор труда «Ступени к исторической действительности», считаю необходимым отметить, что большую роль в подготовке книги к печати сыграла супруга учёного М. К. Хотелашвили-Инал-ипа. При этом в главу III «О том, где зарыта собака», учёный собирался включить большой материал, касающийся состояния хозяйства и культуры абхазов в период позднего Средневековья, но не успел ее полностью подготовить. Однако, чтобы эти сведения не были утеряны для науки, М. К. Хотелашвили-Инал-ипа, по согласованию с Ученым советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии внесла их в настоящее издание, в качестве «Приложения».

В целом монография проф. Ш. Д. Инал-ипа «Ступени к исторической действительности», на мой взгляд, – важнейший вклад в изучение проблемы этнической ситуации в Абхазии периода как зрелого и позднего Средневековья, так и Нового времени. Аргументированные заключения Ш. Д. Инал-ипа убедительно опровергают теорию, выдвинутую П. Ингороква, об изменении этнического состава населения позднесредневековой Абхазии.

Следует подчеркнуть, что столь разноплановые работы учёного позволяют судить о том, что его научные интересы были разносторонними, его профессиональная квалификация чрезвычайно высока, что во всех сферах этнологического знания, которыми ему приходилось заниматься, он обладал глубокими, основательными познаниями. Публикуемые в IV томе труды профессора Ш. Д. Инал-ипа, внося существенную лепту в разработку диаспорных вопросов и социально-экономического и политического развития Абхазии XV – начала XX вв., останутся теми академическими работами, к которым не раз будут обращаться исследователи, изучающие историю и этнографию абхазского народа.

О.В. Маан

ЗАРУБЕЖНЫЕ АБХАЗЫ

(Историко-этнографические этюды)

Второе издание

Рецензент: доктор исторических наук
Б.Е. Сагария

В работе рассматриваются вопросы, связанные с историей и современным состоянием абхазской диаспоры, со времени начальных этапов ее образования в первой половине XIX в. и до наших дней. В ней отражены основные эпизоды насильственного выселения абхазов (махаджирство) в султанскую Турцию, приводятся данные о количестве эмигрантов и их расселении в пределах османской империи, странах арабского Востока, некоторых европейских государствах и в США. Значительное место занимают вопросы этнографического быта заморских соотечественников, сбережения этнического самосознания, состояния и перспектив развития родного языка, национальной материальной и духовной культуры, укрепления и расширения связей с их исторической родиной – Абхазией.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕТКИ

Со времен глубокой древности и вплоть до второй половины XIX в. абхазы – аборигены северо-восточного побережья Черного моря – жили компактно на своей исконной территории. В середине прошлого столетия их этническая граница проходила, начиная с юго-восточной стороны, в непосредственной близости от правобережья нижнего течения Ингура (хотя население здесь уже было частично смешанным и шла ассимиляция абхазов мегрелами) и, продолжаясь по предгорьям Главного Кавказского хребта, выходила к бассейну реки Сочипста, где население было также этнически смешанным – абхазо(садзо)-убыхским. За пределами очерченного пространства, занятого абхазами, оставались разбросанные по верховьям Кубани и ее притоков поселения их ближайших соплеменников – северокавказских абазин, в языке которых, говоря словами Ф. Торнау, произошло лишь «слабое изменение, сравнительно с чистым абхазским языком, заметное, впрочем, только для привычного уха...».¹

Иначе говоря, к середине XIX в., точнее до середины 60-х годов, вся территория Абхазии была сплошь еще населена собственно абхазскими этническими и родоплеменными группами – садзами, бзыбцами, центрально-абхазскими, гумскими группами, абжуйцами, самурзаканцами и др., включая сюда горные общества Ахчипсы, Аибга, Мдавей, Псху, Дал, Цебельда и др., количество жителей которых не поддается точному определению.² Кроме того, абхазский этнический элемент был

---

¹ **Торнау Ф.Ф.** Воспоминания кавказского офицера. – М., 1864. С. 113.

² Действительно, очень запутаны и противоречивы имеющиеся сведения о количестве населения Абхазии к середине XIX в. – от 30–35 до 150 тыс. человек и даже больше. По-видимому, ближе всего к истине Ф. Торнау – около 130 тыс. и у А. Берже – как минимум около 145 тыс.

представлен и на Сев. Кавказе в лице прикубанских абазин, а также и в Аджарии, о чем будет сказано ниже.

Как известно, не бывает абсолютной неподвижности населения, как и неограниченной его изоляции. Испокон веков люди в одиночку и группами переходили с места на место, а иногда переселялись и в дальние края. Но абхазы, как, впрочем, и адыгские народы, в целом не отличались миграционной активностью, если не считать исключительный случай вынужденного махаджирства в XIX веке и более раннее переселение абазин на Северный Кавказ. Напротив, их историческая жизнь характеризуется значительной территориальной устойчивостью. Это не значит, конечно, что вообще не было никаких передвижений. «Без создания подвижности населения не может быть и его развития»¹. Но передвижения происходили в основном в пределах своей этнической территории, а миграции за пределы страны были в целом крайне редкими и незначительными². Большую роль в сдерживании переселения играли традиционные общественные формы и связи, религиозные представления и родовые отношения (хотя, с другой стороны, тот же традиционализм, в особенности обычай кровной мести, выступал иногда причиной одиночных и даже групповых переселений). Этнические факторы – язык, быт, духовная и материальная культура, обычаи, привычки, навыки, одним словом, комплекс ценностей и ориентаций в общественной и бытовой сфере, обнимаемых термином «абхазство» (апсуара) были основными факторами традиционно малой миграционной активности абхазов. Но всего этого оказалось совершенно недостаточно для сохранения их этнической монолитности в собственной стране. И волею неумолимых исторических судеб в течение очень короткого промежутка времени карта нацио-

---

(вместе с садзами и абазинами), хотя Г.А. Дзидзария склонен был придерживаться цифры около 100 тыс. человек. (Г.А. Дзидзария. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми. 1958. С. 24-25).

¹ Ленин В.И. ПСС. Том 3. С. 246.

² По преданию, где-то примерно в XVIII в. значительная группа абхазов, оказавшись в условиях продолжительной лютой засухи, вынуждена была переселиться на Северный Кавказ («Алашара». №11. 1987. С. 134).

нального состава населения Абхазии оказалась в корне перекоренной, причем прогрессировавшие с каждым годом изменения происходили в ущерб интересам коренных жителей, которые полностью были отстранены от решения важнейших вопросов своей жизни.

Вообще в XIX в., особенно во второй его половине, сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца Российской империи в другой, состав населения перемешивается, национальная обособленность ослабевает. На Западном Кавказе, в частности в Абхазии, такие миграционные потоки осложнились насильственным выселением многих десятков тысяч коренных жителей в султанскую Турцию. Это – махаджирство¹, проходившее несколькими этапами, связанное со столкновением интересов крупных держав – России, Турции, Англии и других. Первая волна переселения имела место в 1810 г., когда вместе с отстраненным законным владельцем Аслан-беем около 5000 человек ушло в Турцию, а частично еще и в 20–40-х годах (в этот период эмигрировали некоторые феодалы, недовольные присоединением Абхазии к России, часть участников вооруженных выступлений 1821 и 1824 годов, а также пострадавшие в результате жестоких карательных экспедиций царских войск в район Цебельды и Дала и др.), вторая крупная волна – в период Крымской войны (1853–1855 гг.), третья – в связи с упразднением ставшего уже ненужным царизму Абхазского владетельного княжества (1864 г.), четвертая – во время Лыхненского антиколониального восстания 1866 года и пятая, самая крупная – в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 годов.²

---

¹ Данный термин (от арабо-турецкого muhacir – «переселенец»), в абхазоведении утвердился с иной смысловой нагрузкой, подчеркивающей насильственный характер переселения, что по существу отличается от первоначального значения – массовой целенаправленной миграции мусульман из неисламских стран в мусульманские.

² История махаджирства подробнейшим образом исследована в фундаментальном труде Г.А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX века» – Сухуми. 1975. Книга основана на богатейшем фактическом материале, а сложный процесс миграции абхазов показан на фоне общекавказского переселенческого движения в Турцию.

Так, поголовно были выселены садзы – особый субэтнос в составе абхазского народа, связующее этническое звено между абхазами, абазинами и убыхами, многолюдные абхазские горные общества Ахчипсы, Аибга, Мдавей, Псху, Гума, Дал, Цабал. Практически полностью опустели вся Северо-Западная Абхазия (от Бзыби до Сочи), вся Средняя Абхазия (совр. Сухумский и Гульрипшский районы), были выселены жители большинства бзыбских, а также части абжуйских сел и др. Картина была удручающая. «Куда же делись коренные жители этой страны?» – с возмущением восклицал грузинский литератор и общественный деятель Тедо Сахокия в 1903 году.¹ Говоря словами акад. И.Я. Марра, «Абхазия была обездолена в своей даже центральной этнографической части... Остались одни одичалые дворы с фруктовыми деревьями, ни души абхазской, ни звука абхазского»². Эмигрировало и много абазин, причем ушли большей частью из племени ашхаруа (тамовцы, кизилбековцы, баговцы, большинство чегреев и мысылбаев). Тапантовцы сравнительно менее поддались переселению³. Всего же переселилось в Турцию, вероятно, около 100 тысяч человек абхазского⁴ этнического корня.

Махаджирская проблема рассматривается в тесной связи с историческим развитием взаимоотношений России с народами Кавказа вообще, Западного Кавказа в особенности, а также, разумеется, с международным положением и международной политикой европейских держав того времени – России, Турции, Англии, Франции и др., каждая из которых преследовала на Кавказе свои цели.

¹ **Сахокия Т.** Путешествия. Гурия, Аджара, Самурзакано, Абхазия. – Тбилиси. 1950. С. 296 (на груз. яз.).

² **Марр Н.Я.** О языке и истории абхазов. – М. - Л., 1938. С. 177.

³ **Лавров Л.И.** Абазины // «Кавказский этнографический сборник». – М., 1953. С. 16.

⁴ Современный американский историк Э. Толедано, опираясь на секретные донесения английских консулов из Сухум-Кале и Керчи в шестидесятых годах XIX века, пишет: «В декабре 1863 года федерация племен Абаза сдалась, и 150.000 из них было приказано покинуть Кавказ к следующей весне. Четырьмя месяцами позже было побеждено последнее черкесское племя – убыхи». Автор далее указывает, что абхазские и убыхские земли, с которых были согнаны коренные жители, стали тут же заселяться азовскими казаками и всякого рода заслуженными цар-

Часть махаджиров поселилась в Батумском районе, который тогда находился еще в руках турок. В целях колонизации турецкое правительство, начиная с 1862 г., уступило земли в районе Батуми абхазским эмигрантам, которые обязаны были платить за ее аренду мечети. Абхазские выселенцы вначале работали поденно на береговых работах, а затем постепенно оседали среди аджарцев в окрестностях Батума, где поселились в селениях Махмудия, Ферия, Салибаури, Ангиса и Кахабери. Абхазская деревня Нурие стояла на месте бывших торговых рядов на Нурийской площади, которая занимала центральную часть современного г. Батуми, а тогда лежала за его чертою (впоследствии многие из этих абхазов были угнаны в Турцию)¹.

Оседали там переселенцы, как при выезде из Абхазии, так и во время частичного возвращения из Турции, причем, сперва турецкие, а потом (после присоединения Аджарии к России), царские власти препятствовали их возвращению на Родину. Процесс массового оседания абхазов в Аджарии происходил в период упразднения Абхазского княжества (1864 г.) и абхазского восстания 1866 года, а в основном во время Русско-турецкой войны 1877-1878 годов. В Аджарии нашли свою вторую родину абхазы из разных этнографических групп и регионов Абхазии – садзы, бзыбцы, гумцы, цебельдинцы, абжуйцы, самурзаканцы и др. Количество абхазов, поселившихся к концу XIX в. в Батуме и его окрестностях (сс. Ангиса, Кахабери, Минда, Махмудие, или Мнатоби, Ферия, Кведа Самеба, Гонио, Челта, Урехи, Чарнали, а также в Кобулети, Пичвнари, Цихисдири, Чаква и др.), составляло не менее 10 тысяч человек².

скими чиновниками. (Эхуд Р. Толедано. Оттоманская работоторговля и ее упадок. 1840 –1890 // Принстонский университет. – Нью-Джерси. 1982. С. 149). Поскольку в приведенной здесь цитате убыхи упоминаются отдельно, то, само собою понятно, что под абазинами можно подразумевать только собственно абхазов, так как собственно абазин в то время на побережье уже давным-давно не было.

¹ **Вольненский Л.В.** История Батумского края // «Батумское побережье». Батум. 1911. С. 37; **Кольфоглу И.И.** Древние известия о Батум // ИКОИРГО. Т. XXVIII, № 1. 1905. С. 46.

² **Ачугба Т.А.** Из этноязыкового развития абхазов Аджарии. С. 2, 3 (рукопись).

Махаджирство явилось одной из величайших, если не самой величайшей трагедией абхазского народа, одним из наиболее катастрофических конфликтов, когда-либо им пережитых, последствия которого дают о себе знать и по сей день.

«...Мы убили чудную страну», – сказал один из русских ученых и писателей XIX века Евгений Марков – современник махаджирских событий в Абхазии. Н.Я. Марр указывал в качестве одной из причин выселения абхазов их стремление «спасти свою крепко сложенную древнекультурную общность, свое человеческое достоинство». Царское правительство, принуждая население к махаджирству, добивалось избавления от беспокойного, непокорного элемента и высвобождения обширной, к тому же стратегически важной, территории для осуществления своей широкомасштабной колонизационной политики и дальнейшего расширения русского влияния на юго-восток, а «кровавый султан» Абдул-Хамид, названный В.И. Лениным «турецким Николаем II»¹, сделавший орудием своей агрессивной политики религиозно-политическую идеологию панисламизма, надеялся, не без основания, получить в свое полное распоряжение даровые рабочие руки и воинственных солдат для защиты в огне сражений своей разваливающейся по частям империи. С тех пор абхазская диаспора – пребывание большинства нашего народа вне своей родины – стала фактом.

Так, одновременно оказались рассеянными по всей Турции и ее бывшим владениям абхазские и другие кавказские переселенцы, которые, подвергаясь более чем столетней ассимиляции, сохраняют еще в той или иной степени многие свои этнические особенности. За последние годы советскими учеными было сделано немало по изучению истории и этнографии зарубежных стран, о чем свидетельствуют академическое издание многотомной серии «Народы мира» и многие другие публикации. Частью этого важного научного направления является также активное изучение зарубежных соотечественников.

Абхазский народ никогда не переставал интересоваться жизнью своих братьев, оказавшихся волею исторических судеб, оторванными от родины.

---

¹ Ленин В.И. ПСС, 4-е издание. Т. 15. С. 160.

После свержения царского самодержавия среди всех слоев абхазского населения, в том числе и зарубежного, оживленно начали обсуждать проблему махаджирства, ставя вопросы о путях и средствах возвращения абхазских переселенцев на родину. Эти вопросы широко освещались, в частности, в первой абхазской газете «Апсны», выходившей в Сухуме в 1919 – 1920 годах. В этом отношении обращают на себя внимание, например, статьи Д.И. Гулиа¹, Д. Алания² и др.

В 1920 году в Сухуме состоялся съезд абхазской интеллигенции, принявший специальную резолюцию по вопросу об абхазских махаджирах, в которой было выражено заветное желание абхазского народа перенести, наконец, этот вопрос «в плоскость практического разрешения». 12 июня того же года был создан «Сухумский центральный комитет по делам абхазцев-махаджиров». Этот орган 20 августа через первого абхазского профессора М.Ш. Бутба – потомка цебельдинских махаджиров – обратился к «Черкесскому комитету» в Стамбуле для совместного разрешения вопроса об абхазских переселенцах, «брошенных судьбой в объятия Турции». «Черкесский комитет», куда входили и абхазы, обратился к грузинскому меньшевистскому правительству с заявлением о содействии турецким абхазам в их стремлении к возвращению на родину. Однако не только дело не было сдвинуто с мертвой точки, но и само «просьшение махаджиров исчезло в Тифлисе»³.

Интерес к махаджирской проблеме не ослабевает и после установления Советской власти в Абхазии, о чем свидетельствуют посвященные ей художественные произведения почти всех жанров, народные предания, песни-плачи, воспоминания, выступления руководителей республики, представителей общественности и т. д.

Так, например, на первом съезде Советов Абхазии, 16 февраля 1922 года, заместитель председателя Ревкома Абхазии

¹ Гулиа Д. «Комитет по делам махаджиров» // газ. «Апсны» 13 марта № 8 (46) 1920.

² Алания Д. «Два слова о проблемах махаджиров» // «Апсны» 13 мая 1920 и его же. «Еще раз о делах махаджиров» // газ. «Апсны», 30 марта, № 10 (48), 1920.

³ Дзидзария Г.А. Очерки истории Абхазии. – Тбилиси. 1963. С. 326 (см.: также меньшевистскую газету «Слово» от 9 ноября 1920 года.

Н.А. Лакоба в своем заключительном слове по докладу о федерации Закавказских республик и о включении Абхазии в Грузинскую ССР на договорных началах, коснулся и вопроса о турецких эмигрантах. Он сказал: «Один из возражавших товарищей говорил, что если Абхазия и маленькая, то численность населения можно увеличить, вернув эмигрировавших. Товарищи! Переселить турецких эмигрантов очень и очень трудно. Правда, абхазцам, желающим вернуться, никто дороги не закрывает, а попробуйте их переселить сюда!»¹

История эмиграции кавказских горцев, известной в народе под названием махаджирства, – причины, количество и конкретные обстоятельства массового насильственного выселения абхазов, убыхов, абазин, адыгейцев, кабардинцев, черкесов вообще, осетин, ингушей, чеченцев, дагестанцев и др. в Турцию на различных этапах бурной истории Кавказа XIX в., дальнейшая судьба кавказских выходцев на новых местах их вынужденного поселения – все эти сложные процессы, полные неопишуемого драматизма, нашли свое широкое освещение в указанной выше монографии Г.А. Дзидзария и в работах некоторых других советских авторов.

Но если проблемы исторических условий и самого процесса эмиграции в той или иной степени отражены в ряде исследований, в том числе А.В. Фадеева и некоторых других историков², то вопросы о том, как сложилась жизнь наших соотечественников за рубежом, что происходит с их языком, материальной и духовной культурой, этническими особенностями вообще, каковы тенденции демографических и других изменений, к сожалению, не заслужили еще у нас, мягко говоря, должного

---

¹ Съезды Советов Абхазии. Сборник документов и материалов (1922-1923). – Сухуми. 1959. С. 99.

² **Фадеев А.В.** Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. 4. – Л-д. 1935; **Его же:** Кавказ в системе международных отношений 20 – 50-х гг. XIX в. – М., 1956; **Его же:** Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе в XIX в. // «Вопросы истории». 9, 1951; **Дзидзария Г.А.** Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. – Сухуми. 1958; **Инал-ипа Ш.Д.** Абхазы. – Сухуми. 1965 и др.

внимания, что объясняется главным образом чрезвычайной ограниченностью доступа к соответствующим материалам и трудностью, а порой и невозможностью их выявления.

Настоящая работа представляет собой первую попытку определенного обобщения и систематизации имеющихся на сегодняшний день материалов и источников по вопросам истории и этнографии зарубежных абхазов. Говоря об источниках, которыми мы располагаем по интересующим нас вопросам, следует, прежде всего, назвать сообщения упомянутого выше М.Ш. Бутба, родившегося и умершего в Турции.

В 1920 году, как об этом сообщает Д. Гулиа в статье «Приезд Мустафы Бутба», опубликованной в газете «Апсны», из Турции приезжал один из абхазских махаджиров, выходцев из Набила, первый абхазский профессор Мустабей (Мустафа) Шаханович Бутба – автор букваря для турецких абхазов. Родственники М.Ш. Бутба живут и теперь в сел. Атаре и в гор. Гагре, где, между прочим, и теперь проживает семья сына его родного брата – Меджита Шаабановича Бутба. Он был тогда уже семейным человеком средних лет, отец его Шаабан тоже был еще жив.

Целью поездки М.Ш. Бутба было установление связей между переселенцами, проживающими в Турции, и их соплеменниками на их исторической родине. В течение семи месяцев он разъезжал по городам и деревням Северного Кавказа, был также в Тбилиси, а перед возвращением в Турцию в августе того же года он посетил родную Абхазию, в частности, гостил у адзюбжинского дворянина Кичина Маан (деда Хутуши, проживающего там же и ныне), а затем свыше десяти дней находился в Сухуме¹. Члены Комитета по делам махаджиров, который тогда существовал в Сухуме, и другие представители абхазского населения устроили ему теплую встречу. Во время этой беседы М.Ш. Бутба подробно познакомил собравшихся с жизнью и бытом турецких абхазов, а хозяева рассказали ему о положении Абхазии. Узнав о рождении абхазской литературы и об издании абхазской газеты, он с радостью сказал: «Слава богу, теперь я убедился, что абхазы в Абхазии уже не пропадут».

---

¹ Гулиа Д. Мустафа Бутба //Газ. «Апсны», 21 августа, № 30 (58), 1920 года.

27 августа 1920 года общественность гор. Сухум устроила проф. М.Ш. Бутба трогательные проводы, причем из скудных средств «Сухумского центрального комитета по делам абхазцев-махаджиров» ему было выдано 7000 рублей на нужды просвещения наших соотечественников, заброшенных на чужбину¹. По некоторым сведениям, частично на эти средства в 1921 году М.Ш. Бутба организовал в Константинополе абхазскую школу, которая, однако, была впоследствии разгромлена турецкими шовинистами.

Интересные сведения можно почерпнуть также из разных статей и других работ Д.И. Гулиа и С.П. Басария.

С.П. Басария в 1910 году путешествовал по Турции, а в 1918 году снова ездил в Константинополь для участия в несостоявшейся мирной конференции, чтобы «рассказать правду и защитить судьбу Абхазии». Беседовал он там и с абхазскими студентами, которые «с горечью на сердце вспоминали свою милую «Страну души» – Абхазию»². О тяжелом положении кавказских выходцев и их глубоком разочаровании С.П. Басария рассказывает в статье «Горцы Кавказа в Турции» и в своей книге «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении», изданной в Сухуме в 1923 году.

Важным источником является также краткий отчет аспиранта Виктора Кукба – ученика акад. Н.Я. Марра – о его поездке летом 1927 года в Турцию для записи образцов живой абхазской и убыхской речи и ознакомления с положением абхазо-черкесских переселенцев³. Знакомству с этой ценной

---

¹ **Инал-ипа Ш.Д.** Пути развития абхазской письменности // «Советская Абхазия». 28 ноября 1965 г.

² **Дзидзария Г.Д.** Видный деятель абхазской культуры. К 80-летию со дня рождения С.П. Басария // «Советская Абхазия», 4 апреля 1965 года.

³ Еще раньше – 5 мая 1927 года – абхазским правительством было принято постановление о командировании в Турцию и другого ученика Н.Я. Марра Арсена Хашба – будущего директора АбНИИ – в тех же целях, выдав на поездку 600 рублей из средств Совнаркома Абхазии (ЦГИА Абхазской АССР, ф. VIII. Оп. 1. Д. 237. Л. 121, 18 обор., 122 и др.). С ним должен был ехать и В. Кукба. Однако только последнему удалось осуществить командировку в Стамбул, но и он не получил возможности посетить все места, где хотел побывать для своей полевой работы по

рукописью в шесть машинописных страничек, хранящейся в архиве АН СССР в Ленинграде, я обязан любезности проф. Г.Ф. Турчанинова (материалы и наблюдения В. Кукба широко используются мною ниже).

Следует, конечно, отметить публикации и исследования ныне покойного французского ученого Ж. Дюмезиля, имеющего крупные заслуги в изучении мифологии и языка турецких убыхов, но, к сожалению, сравнительно мало занимавшегося собственно абхазами (он собирался приехать в Абхазию и затем совершить со мной экспедицию к турецким абхазам, но осуществить это ему не удалось)¹.

Привлекаются, естественно, и мои полевые материалы, собранные во время неоднократных научно-туристических поездок в Турцию, Болгарию, Югославию и др. страны, многолетние записи сведений у старожиллов Абхазии, а также сообщения отдельных лиц, живших или бывавших в Турции и встречавшихся с абхазами, в том числе с теми зарубежными соотечественниками, которые приезжали к нам в качестве туристов и пр.

Из этих последних наиболее интересными, хотя и отражающими дореволюционное положение вещей, являются свидетельства, полученные от 89-летнего куланурхвинского жителя

собираанию материалов по убыхскому и абхазскому языкам, а поездка А. Хашба по неизвестным нам причинам не состоялась. Сохранилась только составленная им и одобренная Н.Я. Марром «Программа работы у убыхов в Турции», в которой предусматривались «изучение и запись убыхского языка, а также сбор материалов по этнографии убыхов», в том числе сведений о пережитках родового строя, родильных, свадебных и похоронных обычаях, одежде, а также данные о турецких абхазах и др. (**Хашба А.К.** Избранные работы. Составление, редакция, предисловие **Бражба Х.С.** – Сухуми. 1972. С. 126).

¹ Ш.Д. Инал-ипа в правоохранительных органах сказали, что Дюмезиль подозревается в шпионской деятельности и поэтому ему отказали во въезде в Абхазию. Ученый планировал приехать на месяц в Сухум вместе с женой, остановиться у нас дома. После работы в Абхазии Ж. Дюмезиль планировал вместе с Шалвой Денисовичем выехать в совместную экспедицию в Турцию. К великому сожалению, этим планам не суждено было сбыться. Ж. Дюмезиль не представлял насколько его желание было невыполнимым в условиях той страны, в которой мы тогда жили. (Прим. М.К. Хотелашвили).

Мамета Жагвовича Авидзба, родившегося в Турции в 1877 году и прожившего там 36 лет (до 1913 года), а также от дурипшского жителя Назифа Джисыповича Агрба, который тоже родился в Турции в 1902 году и 11-летним мальчиком приехал в Абхазию (в 1913 году).

У нас теперь есть, вместе с тем, и некоторые новейшие материалы. Это, прежде всего, в известной степени уникальные наблюдения и впечатления, полученные агрономом Игорем Мустафовичем Григолия, бывшим директором Гантиадского табачного ферментационного завода, от его встреч со многими городскими и сельскими абхазами, живущими в Турции, где он по коммерческим делам побывал трижды по несколько месяцев каждый раз, а в общей сложности около 3-х лет (последний раз в 1965 году, когда он был участником Измирской международной выставки), причем именно он впервые захватил с собой небольшое количество экземпляров «Абхазской азбуки» для турецких абхазов. Я частично пользуюсь его материалами, которые любезно предоставил мне сам ныне покойный И.М. Григолия.

Как сказано, исключительно большое значение имеют работы проф. Г.А. Дзидзария по проблемам истории Абхазии XIX – нач. XX вв., особенно указанная выше знаменитая монография о махаджирстве, в которой на основе огромного количества разнообразных фактических материалов нашли широкое освещение не только вопросы многосложной истории выселения абхазских и других кавказских горцев в Турцию, но и дальнейшая тяжелая судьба махаджиров и их потомков в продолжение последнего столетия. Мы не раз еще будем обращаться к ней в своем последующем изложении.

За последние десятилетия появились сравнительно более благоприятные условия для изучения жизни и быта наших зарубежных соотечественников. Представители абхазской научной и творческой интеллигенции, совершившие научно-туристические поездки в разные страны, собрали значительный ценный материал о турецких и сирийских абхазах, а также о соотечественниках, проживающих в других странах, который частично уже опубликован.

Проблема духовных взаимосвязей двух частей одного народа, влияния абхазской советской литературы, культуры вообще на духовную жизнь наших современных заморских соотечественников впервые нашла свое отражение в содержательной статье историка и журналиста В.Д. Авидзба, напечатанной в журнале «Алашара». Ее основное содержание выражено в заглавии: «Д.И. Гулиа и заморские абхазы». На основе богатых личных впечатлений, полученных во время нашей с В.Д. Авидзба совместной поездки в Турцию летом 1968 года, а также других материалов, включая многочисленные встречи и переписку, автор убедительно показывает процесс возникновения и развития литературных связей между советскими и турецкими абхазами, большое влияние в этом процессе многогранной творческой деятельности основоположника абхазской литературы Д.И. Гулиа, следование его традициям начинающих и немногочисленных пока абхазских литераторов, живущих за морем и проявляющих все больший интерес к истории и развитию национальной художественной культуры советской Абхазии. Статья содержит также основные сведения о жизни и незаурядной творческой деятельности первого поэта и ученого среди махаджирских абхазов О.Б. Бегуа, о его «высоком уважении и горячей любви к великому Дмитрию Гулиа»¹. Большое количество фольклорно-этнографического материала по зарубежным абхамам удалось собрать заведующему отделом истории XIX века Абхазского государственного музея Руслану Гожба. Некоторые основные результаты этой многолетней собирательской работы изложены в его ценной статье «Махаджирство: трагедия длиною в сто десять лет», напечатанной к 110-летию со времени последней миграции абхазов в двух номерах сухумской студенческой газеты осенью 1988 года². В основе данной статьи лежат абхазоведческая литература, материалы обширной переписки автора и информация, полу-

---

¹ **Авидзба В.Д.** Д.И. Гулиа и заморские абхазы // «Алашара», 1974, № 6. (на абх. яз.).

² **Гожба Р.Х.** Махаджирство: трагедия длиною в сто десять лет. Страницы истории // Газ. «Абхазский университет», 23 и 30 сентября 1988 года.

ченная из встреч со многими зарубежными абхазами. Но автор иногда бывает слишком доверчив к полученным свидетельствам, которые, естественно, не всегда являются достаточно точными и убедительными. Вся вторая часть статьи посвящена историко-этнографической и другой литературе и источникам (в основном на иностранных языках) по зарубежным кавказским горцам, в том числе абхамам. Нужно отметить, что и сам автор не претендует на то, что его обзор, включающий до двух с половиной десятков названий с некоторыми комментариями, является исчерпывающим или всегда достаточно точным.

Как сказано, постепенно расширяются связи с зарубежными соотечественниками, более оживленными становятся не только переписки между людьми, но и деловые и прочие поездки в обе стороны, взаимные посещения родственников, друзей и т.д. Например, неоднократно ездили в гости к сородичам в Турцию сухумский адвокат Р.Н. Бигуаа и житель г. Гудаута Ч.М. Авидзба, которые рассказывают немало интересного о своих многодневных пребываниях у родственников. Можно привести и другие примеры подобного рода.

В разное время вместе с Абхазским государственным ансамблем народной песни и танца в ряде стран (Сирия, ФРГ, включая Западный Берлин и др.) побывал бывший министр культуры Абхазской АССР, писатель, доктор искусствоведения А.Х. Аргун, который имел много интересных встреч с государственными и культурными деятелями тех краев и с живущими там абхазами, черкесами и другими кавказскими выходцами, подолгу беседовал с ними, обменивался мыслями и мнениями. Интересные факты и впечатления, полученные от этих поездок, он изложил в ряде своих выступлений и статей, особенно в книге «Неугасающий огонь», которые в совокупности представляют собой важное подспорье по теме настоящих очерков¹.

В 1988 году в Сирийской Арабской Республике побывала делегация советских писателей, в составе которой находилась абхазская поэтесса Нелли Тарба. В результате этой поездки появилась на свет ее книга «Шардаамта» – в стране Шам (Сирийские встречи)». «Слово «Шардаамта», что в переводе с абхаз-

---

¹ **Аргун Алексей.** Неугасающий огонь. – Сухуми, 1982.

ского выражает «многие лета», представляет собой название абхазской народной застольной песни, а «Шам» (Шьам) означает «Сирию». Издавна абхазы представляли ее благословенной, райской страной, о чем и пословица: «Каждый свою родину видит (воспринимает) как Шам» (Дасу иҭьсадгьыл Шьам еиҭш ибоит).

Перед читателем проходят живо написанные картины о сказочной стране, ее древней и современной культуре, уникальных памятниках, о дружеских творческих вечерах и встречах с сирийскими коллегами. Основное место, однако, занимают думы о жизни потомков абхазских махаджиров, которых занесла туда нелегкая судьба. Наряду с зарисовками, порою полными «сердца горестных замет», мы находим там так много конкретной информации (иногда с уникальными этнографическими деталями), что книгу Нелли Тарба можно было бы назвать и «Встречами с сирийскими абхазами». Песня, которую поет на свой особый, «ностальгический» лад сирийский абхазский юноша Гани Агрба, как и само название работы, является символическим выражением ее содержания.

В конце 1988 года в течение месяца с лишним пробыл в разных населенных абхазами городах и селениях Турции писатель Анзор Мукба, сообщения которого, сделанные по возвращении из поездки, вызвали огромный интерес у представителей широкой общественности Абхазии. Его путевые заметки в сочетании с видеофильмом – это большой и исключительно ценный материал для научного изучения современной культуры и быта турецких абхазов¹, который я не успел, к сожалению, использовать в достаточной степени. Неиспользованными остались, к моей большой досаде, и богатые материалы поездки экономиста Фени Авидзба (1989 г.), фольклориста и литератора С.Л. Зухба (1990 г.), материалы и разыскания старого абхазского жителя Стамбула, поэта и ученого О.Б. Бегуа, основные абхазоведческие труды которого, написанные на турецком языке, не вполне, однако, доступ-

---

¹ См.: подборку **Людмилы Сергегия** в Гагрской газете «Авангард» от 17 марта 1989 года под названием «Моя родина... Апсны... Мой брат» (на абх. яз.).

ны нам, к сожалению, из-за отсутствия абхазского и русского перевода (см. ниже).

Из сделанного здесь краткого и неполного обзора видно, что с литературой о зарубежных абхазах у нас теперь уже не такое плохое положение, как это было, скажем, лет 30 или 40 тому назад. И все же, до сих пор, к большому сожалению, нет еще почти ни одной специальной научной статьи или очерка по вопросам истории и этнографии наших заморских соотечественников, не говоря о фундаментальных исследованиях, если не считать одной замечательной филологической монографии на французском языке всемирно известного ученого Жоржа Дюмезиля «Абхазские этюды» (см. ниже). Для преодоления указанного существенного пробела в научном абхазоведении требуется прежде всего безотлагательное интенсивное собирание полевых и других материалов путем проведения соответствующих командировок и экспедиций, что пытались предпринять, как мы видели, еще в двадцатых годах.

Цель предлагаемых вниманию читателей этюдов состоит в том, чтобы на основе имеющихся на сегодня литературных и полевых материалов, включая авторские разыскания, путевые записи и наблюдения, свести, по возможности, воедино накопившуюся из основных источников информацию в виде кратких популярных историко-этнографических очерков о жизни и быте зарубежных абхазов. Это один из первых шагов к созданию в будущем фундаментального исследования по интересующей нас теме, весьма актуальной, как известно, в научном и практическом отношении.

І. ЗА МОРЕМ

1. Из политической и культурной жизни заморских абхазов

Борьба переселенцев за социальную справедливость, за свои национальные интересы, за свое существование, которая продолжается до наших дней, была сравнительно более активной в период революции и прихода новой власти в Турции.

Так, почувствовав сразу же после своего переселения результаты грубой турецкой ассимиляции, абхазы и черкесы созвали свой «парламент» (меджлис). Однако и на него и на его членов не замедлили обрушиться репрессии «кровавого султана» Абдул-Хамида II (1876 – 1909), по приказу которого члены этого «парламента» были казнены через повешение или сосланы на каторгу в Триполитанскую пустынь. Такие суровые репрессивные меры еще больше усугубляли противоречия между кавказскими выходцами и правителями страны. Борьба нередко принимала острые формы, хотя не всегда это было связано с национальным вопросом.

Так, например, желая отомстить за низложенного и умерщвленного султана Абдул-Азиза, черкес Гасанбей в июне 1876 г. убил нескольких министров в доме Мидхада-паши – великого визиря, главы младотурецкой партии¹. Или другой факт. Когда пантюркисты убили деятеля абхазского происхождения Назым-пашу Басарь, командовавшего армией в Балканскую войну, другой абхаз по имени Селим-паша Квацба отомстил за него, застрелив великого визиря Шевкет-пашу.

---

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том XXXIV. – СПб., 1902. С. 245-246.

После кемалистской революции черкесский меджлис вновь был открыт и некоторое время он регулярно собирался, а иногда созывал «Энджумен», то есть «Великое народное собрание абхазов и черкесов». Как пишет С. Басария, меджлис послал в начале Первой мировой войны на конгресс всемирной лиги защиты малых наций своих делегатов; по окончании же войны он, совместно с дипломатическим представителем горских народов Кавказа, вручил меморандум с изложением чаяний абхазо-черкесского народа в Турции миссиям всех держав, а также послал своих делегатов в Европу на конференцию¹.

В 1912 году турецкие абхазы и черкесы организовали в Константинополе абхазо-черкесский Комитет. Из абхазов членами Комитета являлись проф. М. Бутба и офицер (авиатор) Джамал Маршан (между прочим, последний был и руководителем махаджирского десанта, высаженного в августе 1918 г. у Сатамашо в Абхазии).

О деятельности этого Комитета В. Кукба в своем отчете о поездке в Турцию в 1927 году пишет так: «Комитет ставил перед собой культурно-просветительные задачи: составить алфавит и выпустить учебники на родном языке, а также собрать этнографический материал. Средства Комитет получал из добровольных взносов, вносимых черкесами и абхазами. Кроме того, устраивали общественные игры национального характера (скачки с призами), которые очень удачно проходили и привлекали большие средства в пользу Комитета. Кроме того, игры способствовали сплочению не только черкесов и абхазов, но и вообще горцев. Комитет сумел открыть в Константинополе школу с пансионом на 60 чел. Был выпущен начальный учебник абхазского языка, также готовилась к печати грамматика. Черкесами был выпущен ряд учебников, вообще ими было сделано больше, чем абхазами».²

В 1918 году, когда Константинополь был занят англичанами, Комитет фактически прекратил работу. После прихода к власти кемалистов здание Комитета было разрушено, а имевшие-

---

¹ **Басария С.П.** Горцы Кавказа в Турции // **Басария С.П.** Избранные сочинения. – Сухуми. 1967. С. 106-107.

² ЛО ААН. Ф. 800. Оп. 6, № 277. Лл. 1–5.

ся издания на черкесском и абхазском языках были конфискованы и сожжены.

Находясь в Константинополе, В. Кукба близко познакомился с проф. М. Бутба, а также с одним черкесом по фамилии Ду, работавшим тогда в торгпредстве СССР. Оба они, будучи хорошо информированными о жизни кавказских выходцев, рассказали В. Кукба немало интересного о прошлом и настоящем положении абхазов и черкесов в Турции.

Согласно их сообщениям, до турецкой революции кавказские горцы, являясь в значительной своей части военной опорой для султана¹, пользовались определенными привилегиями, порой не уступавшими правам коренных жителей: многие лучшие земли были заняты ими, горцы выдвигались на высокие государственные посты, руководство турецкой армией нередко находилось в их руках и т.д. Все это заставляло последних «твердо стоять за султана», который смотрел на верхушку абхазов и черкесов, как на верных проводников его реакционной политики.

Турецкая национальная буржуазная революция, свергнувшая султана, повела решительную борьбу с внешними и внутренними врагами, в том числе и с той частью абхазо-черкесского населения, которая оказывала «активнейшее сопротивление в пользу султана». Поэтому положение абхазов и черкесов резко ухудшилось после ликвидации деспотического султанского режима. В глазах нового руководства Турции они потеряли доверие и, как политически неблагонадежные элементы, стали подвергаться притеснениям, гонениям и преследованиям.

Вот как записал В. Кукба слова вышепоименованных своих информаторов: «Враждебная часть абхазов и черкесов, которые были в состоянии оставить Турцию, убежали в разные страны. Большая часть с греческой армией поехала в Грецию. Из них 200 были абхазцы. Оставшаяся часть подвергалась деспотическим наказаниям со стороны нового турецкого прави-

---

¹ В качестве одной из основных военных сил султана все кавказские выходцы под названием «черкесов» выступали, например, на Балканском полуострове.

тельства, в виде избиения их группой в мечетях... Когда они в городах говорят на своем родном языке, то к ним с большим недоверием относятся турки, толкуя их разговор как злоумышленное намерение, а потому стараются не говорить на родном языке в городах»¹.

Своей непримиримостью и активными антиправительственными действиями, подогревавшимися и направлявшимися агентами британской империи, абхазо-черкесские экстремисты еще больше осложнили и без того незавидное положение своих соплеменников. Противники нового режима, обосновавшиеся в Греции и подстрекаемые англичанами, переправляли оттуда в Турцию террористов, состоявших в основном из абхазов и черкесов, покушавшихся на самого Кемалю. Например, в октябре 1927 года были задержаны в Бурсе 7 человек – черкесы и абхазы – с бомбами, причем на суде они признались, что перешли границу с целью совершить покушение².

Как бы в довершение всевозможных невзгод и превратностей судьбы, постигшей кавказских переселенцев, в 1919 году вспыхнула греко-турецкая война, спровоцированная державами Антанты, особенно Англией, и продлившаяся до 1922 года. Эта война принесла много горя абхазам. Они снова оказались в водовороте сложных политических противоречий между сторонниками старого режима и кемалистами. Кроме того, ожесточенные сражения во время наступления и отступления греческой армии происходили как раз в Западной Анатолии, то есть в районах и вблизи основного сосредоточения абхазских поселений – Измир (Смирна), Маниса, Алашехир, Ушах, Афьон-Карахисар, Эскишехир, Балыкесир, Бурса, Енишехир, Измит и др. В результате этого многие абхазы погибли или были выселены в Грецию и другие страны³.

Боясь возмездия и политических репрессий со стороны кемалистских революционеров за свою приверженность к режиму феодально-теократической монархии и личности самого султана, многие абхазы в те годы, как уже отмечалось, вынуж-

---

¹ ЛО ААН. Ф. 800. Оп. 6, № 277. Лл. 1 – 5.

² Там же.

³ «Апсны», 24 июля 1920 года, № 26.

дены были эмигрировать из Турции, в частности, значительная их группа бежала в Грецию вместе с отступавшей греческой армией¹, где условия жизни оказались для них также неблагоприятными. Как сказано в абхазской поговорке: «Упавшего с дерева змея ужалила».

Так, верхушка абхазской эмиграции, идя, как и во времена махаджирства, против «течения истории», не нашла, к сожалению, своего места в кемалистской революции, представлявшей собой антиимпериалистическое национально-освободительное движение, возникшее в основном в результате военного поражения Турции в Первой мировой войне и последовавшей за этим борьбы за территориальную целостность и государственную независимость страны. В ходе этой революции, лидером которой являлся М. Кемаль, прозванный «отцом турок» (Ататюрк), были ликвидированы султанат (1922), халифат (1924) и была провозглашена светская республика (1923), а также проведены и другие прогрессивные буржуазно-демократические преобразования.

Но и среди сторонников этого движения имелось немало реакционных элементов, которые стремились свернуть национально-освободительную борьбу и добиться сближения с империалистами. Они группировались вокруг таких крупных военных и государственных деятелей Турции, как Рауфбей, Киазым Карабекир, Рефетбей и др.².

Виднейшим из этих деятелей являлся Рауфбей³. Как пишет З. Авалишвили в своей книге «Независимость Грузии в международной политике 1918 – 1921 годов», изданной на французском языке в Париже в 1924 году, Рауфбей был родом абхаз из Сухумской области, правда, С.П. Басария, уточняя эти сведения, указывает, что он происходил из Гагры, а фамилия его была Ашхаруа⁴. Рауфбей принимал самое активное участие в

---

¹ См.: роман турецкой писательницы Халидэ-Эдиб-Ханум «Огненная рубашка», переведенный на русский язык и изданный «Заккнигой» в 1927 году.

² Советская историческая энциклопедия. Том 7. – М., 1965. С. 168.

³ Рауф Орбай.

⁴ **Басария С. П.** Указ. соч. С. 106.

политической жизни и войнах Турции первых двух-трех десятилетий XX в. Он представлял страну на важнейших международных совещаниях, в частности, был руководителем турецкой делегации на Трапезундской конференции 1918 года, а 30 октября того же года вместе с Решад-Хикметом подписал на борту английского крейсера «Агамемнон» на острове Лемнос Мудросское перемирие, по которому султанская Турция, признав себя побежденной, согласилась на предъявленные Англией условия и выходила из Первой мировой войны (тяжелые условия этой капитуляции действовали до полного изгнания англо-греков в 1922 году). Потом Рауфбей некоторое время выступал в качестве одного из руководителей Анатолийского (кемалистского) движения, а в 1923 году был даже главой Ангорского (Анкарского) правительства Турции и совместно с измирским (смирнинским) губернатором Рахимбеем вел снова дипломатические переговоры с Англией и т.д.¹ Не менее значительной была его военная деятельность. Это был «ученый моряк с английским морским образованием, командовал знаменитым крейсером «Гамидие», нашумевшим своей неуловимостью и дерзостью по Средиземному морю в Балканскую войну, был морским министром по окончании Европейской войны в кабинете англомана Тефика-паши» и т.д.²

Значительное место занимает Рауфбей или, как его еще называют, Хусейн Рауф, в книге воспоминаний известного советского дипломата С.И. Аралова. Работая советским полпредом в Турции в 1922 – 1923 годах, он неоднократно встречался и подолгу беседовал с Рауфбеем. Создавая политический портрет этого незаурядного, хотя и противоречивого деятеля в истории новой Турции, автор указывает, что Рауфбей считался «черкесом», поскольку отец его переселился в Турцию из Кабарды (кабардинское, вообще «черкесское» происхождение ошибочно приписывается ему и в некоторых других источ-

---

¹ **Авалишвили З.** Независимость Грузии в международной политике 1911 – 1921 годов. Воспоминания. Очерки. – Париж, 1924. (В переводе на грузинский язык, с предисловием Ш. Элиава. – Тбилиси, 1925. С. 184, 199 – 200).

² **Басария С.П.** Указ. соч. С. 106.

никах, но фактически Рауфбей был, несомненно, абхазом из рода Ашхаруа: «**томит абхазия сохумис олкидан**» – т.е. «из племени абхазов Сухумской области», пишет З. Авалишвили). Рауфбей не любил, однако, когда ему напоминали его кавказское происхождение¹. Он был в почете у султана Абдул-Хамида, и сам нисколько не скрывал свою к нему приверженность. Он говорил М. Кемалю, что «душой и сердцем предан султану, так как отец его жил благодеяниями монарха и принадлежал к сановникам Оттоманской империи»². Это, однако же, не помешало ему, по инициативе М. Кемалю, объявить в Великом Народном Собрании Турции о низложении султана и внести предложение считать день упразднения султаната национальным праздником страны. В Стамбуле его считали взбунтовавшимся солдатом, но и кемалисты, в том числе сам Ататюрк, не до конца доверяли ему.

В этом сказалось характерное для Рауфбея политическое лицемерие. Тем не менее, М. Кемалю приходилось с ним считаться, стараясь привлечь его на свою сторону и предоставляя ему высокие посты в государстве, вплоть до назначения Рауфбея Председателем Совета Министров с 12 июля 1922 года до 4 августа 1923 года, а также и министром иностранных дел³. С.И. Аралов пишет: «Выдвинутый Мустафой Кемалем в премьер-министры в интересах политической борьбы с реакционной оппозицией в межджисе, Рауфбей во внешней политике действовал двурушнически – демонстрировал якобы дружественные чувства к Советской России, а за спиной Мустафы Кемалю вел интриги, поддерживая связь с реакционными силами в Стамбуле, а через них – с империалистическими кругами Англии»⁴.

С.И. Аралов, сгущая краски, рисует его как яркого противника Советской России, врага Турецкой республики, англофила и

---

¹ **Аралов С.И.** Воспоминания советского дипломата. – М., 1960. С. 175; **Авалишвили З.** Независимость Грузии в 1918 – 1921 гг. С. 189.

² **Аралов С.И.** Указ. соч. С.143.

³ **Корниенко Р.П.** Рабочее движение в Турции. 1918 – 1963 гг. – М., 1935. С. 154.

⁴ **Аралов С.И.** Указ. соч. С. 140.

агента Антанты, одного из основателей Прогрессивно-республиканской партии и главарей оппозиции. Рауфбей впоследствии был осужден к изгнанию из Турции на 10 лет, но снова появился на политической арене после прихода к власти Исмета Иненю, когда старые враги Ататюрка пришли к власти и заняли ответственные посты¹.

По словам М.Ш. Бутба, к началу 20-х годов текущего XX столетия среди турецких абхазов было только 2 – 3 человека с университетским образованием, 5 – 6 человек со средним образованием (гимназическим и пр.), а в турецкой армии – много офицеров, в том числе генералов абхазского происхождения. «Абхазы предпочитают службу в армии», – говорил М.Ш. Бутба.

Хотя военная служба является по традиции главной сферой деятельности тех кавказских выходцев, которым посчастливилось выбиться в люди, но среди них встречаются также видные государственные, гражданские деятели² и ученые. Такими деятелями из абхазов и абазин в начале XX в. являлись, например, следующие: профессор с парижским университетским

---

¹ Там же. С. 115, 219 и др.

² Например, **Хайрадин ат-Туниси** (по-турецки **Тунуслу Хайеддин-паша**) был сыном абхазского крестьянина из с. Бамборы по фамилии Нанба. В 1835 году 10-летним мальчиком был продан на стамбульском невольничьем рынке и попал в Тунис, обладал незаурядными умственными способностями, учился сначала в Тунисе, а затем в Стамбуле и Париже, где в течение нескольких лет основательно изучил военное дело и систему государственного управления. Вернувшись обратно, становится министром тунисского военно-морского флота и председателем высшего совета. Он является автором первой тунисской конституции, в 1873 – 1877 гг. возглавлял правительство Туниса. Впоследствии, однако, из-за разногласий с реакционной оппозицией провел несколько «мрачных лет», но в это трудное для него время получает приглашение на службу в Стамбул, где становится великим визиром, то есть главой правительства Османской империи. Тем не менее, в условиях феодальной реакции при «кровавом султани» Абдул-Хамиде II впал в немилость и навсегда ушел из политической жизни. Перу его принадлежит ряд получивших признание сочинений, в том числе о политическом устройстве европейских стран. Умер он в 1890 году (см.: **Дзидзария Г.А.** Человек удивительной судьбы // «Сов. Абхазия», 19 октября 1978 года).

образованием Азизбей Мкер-ипа (выходец из села Бибердовского), который в начале двадцатых годов был представителем Анкарского правительства в Москве; Хусейн Тосунбей – выходец из Очамчиры, президент черкесо-абхазского меджлиса, крупный политический деятель, один из инициаторов турецкой революции, проведший одиннадцатилетнюю ссылку в Триполи при последнем турецком султани Абдуле-Гамиде; Решитбей – родом из садзов, внук последнего садзского князя Решида Гечба; Барцыц – знаток парламентского дела, родом из бзыбских абхазов; художница Ачба – дочь Асланбея Ачба, произведения которой в 1918 году были выставлены как в Турции (в Пере), так и в Америке¹. Сын псырдзхинского абхазского мусульманина-фанатика Хасана Маан пел в хоре султанских музыкантов, где был солистом. Впоследствии вернулся на родину и принял христианство².

Представителей немногочисленной зарубежной абхазо-черкесской интеллигенции интересуют судьбы родного языка, они изучают вопросы истории и этнографии, собирают произведения устной народной словесности. К таким энтузиастам относится первый абхазский профессор М.Ш. Бутба, о котором говорилось выше, известный на Востоке ученый-историк, черкес Юсуф Иззет-паша – автор многотомного исторического исследования на французском и турецком языках. По сообщению С.П. Басария, он доказывает, в частности, что народы древней Греции одного племени с черкесами и абхазами³.

И в настоящее время некоторые деятели черкесского или абхазского происхождения занимают важные посты в отдельных ближневосточных странах. Так, согласно сообщению арабской газеты «Аль-Яум», в Иордании черкесы – «народ смелый, сыны его отличаются искренностью и твердостью духа», и они добились значительных успехов. «Некоторые из них, – писала эта газета в номере от 1 октября 1963 года, – занимают важные государственные посты, как, например, Саид аль-Муфти, ны-

---

¹ Басария С. Указ. соч. С.106.

² Газ. «Кавказ», № 5. 1869.

³ Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум-Кале. 1923. С. 62, 63.

нешний заместитель главы иорданского правительства, Расфи Мирза, который в прошлом возглавлял министерства обороны и внутренних дел. Один из черкесов занимает также пост заместителя начальника генерального штаба Иордании».¹

По сообщению И.М. Григолия, в Турции некоторые абхазы, представители деловых кругов, стали депутатами. Известный турецкий журналист Ени Сабах – родом абхаз, Ардзинба Яшар-Бир – уполномоченный новой турецкой партии по Стамбульскому округу, он же председатель общества выходцев из Кавказа (из гудаутских абхазов, но не помнит из какого села, слабо говорит по-абхазски), Ажиба Джамаль – генеральный директор банка, обслуживающего хлопчатобумажное производство во всей Турции (главная резиденция банка находится в Стамбуле). И. Григолия встречался и с двумя представителями фамилии Бегуа (Бигуаа) – Омаром и Сабри, причем первый из них по образованию инженер-лесовод, пишущий стихи на абхазском языке, ныне на пенсии (см. ниже). В начале 1963 года Хакибей Абуков, будучи в Турции узнал о том, что в Стамбуле живет один профессор из абхазов и зашел к нему домой, но жена последнего, вышедшая навстречу к гостям, заявила, что хозяин очень болен и принять посетителей не может.

Рассказывают, что среди деловых людей Турции немало лиц абхазского происхождения, что руководящие посты разного уровня занимают или занимали в прошлом представители таких, например, абхазских фамилий, как Маршан, Маан, Арстаа, Цугба, Авидзба, Чуаз, Кацба, Бутба, Жиба, Бганба, Кьятас, Тванба, Аргун, Тарба, Хибба, Ашуба, Папба и др.

В этом отношении представляет интерес сообщение моего американского коллеги Карла Бандманна, благодаря которому в результате нашей переписки мне стали доступны некоторые сведения из биографии одного турецкого абхаза по имени Мурат Яган-ипа, живущего в настоящее время в Канаде (г. Ванкувер). Профессор Бандманн написал мне 7 марта 1982 года: «У меня появился интерес к Вашему народу в результате знакомства с моим другом Муратом Яган-ипа, здесь, в Ванкувере, где

---

¹ «Аль-Яум» //Утренняя газета (арабская, 1 октября 1963 года (Израиль)).

мы сейчас живем. Его предки по происхождению с нагорной части Абхазии, из местности Ашкара, в течение четырех поколений были Ахами. Дедушка Мурата Сат¹ Яган, с 15-ю тысячами других абхазцев, в 1918 году переселился в Турцию, в провинцию Мараш. Получив разрешение от султана, он до смерти в 1925 году² жил в Чорлу и Истамбуле. Отец Мурата Мит³ Яган был назначен главой Ашкара Изуняйла в провинции Мараш. Он также был в течение трех лет депутатом Румелии в турецком парламенте до 1926 года. Он умер в 1927 году. После смерти отца Мурат получил образование на турецком и французском языках. В 1964 году Мурат переехал в Канаду, где и проживает в настоящее время со своей семьей. Надеюсь, эти сведения устанавливают личность Мурата, а также его интерес к своему народу и родине».

По всей вероятности, у Мурата Яган-ипа, человека не только высокообразованного и знающего языки и явно проявляющего большой интерес ко всему, что связано с Абхазией и абхазами, как видно, имеется большой материал по вопросам истории и этнографии абхазского народа. Было бы полезно, если бы нам удалось установить с ним творческие контакты по этим вопросам⁴.

Надо полагать, что история еще вскроет немало имен деятелей абхазского происхождения, сыгравших ту или иную роль в политической, культурной и военной истории Турции и других стран Ближнего Востока.

Здесь особо следует отметить деятельность современного поэта, ученого и просветителя Омара Бирамовича Беигуа

---

¹ По-абхазски Саат (Саат)

² В этих датировках какая-то путаница у автора письма или его информатора, так как ни о каком пятнадцатитысячном переселении абхазов в Турцию в 1918 году не может быть и речи, если только не имеется в виду небольшой десант абхазских махаджиров из Турции, совершивших неудачную попытку вооруженного сопротивления меньшевикам в Абжуйской Абхазии и их обратное возвращение.

³ Абхазская форма, вероятно, Мты (Мты).

⁴ По словам К. Бандмана, именно Мурат Яган-ипа рекомендовал меня ему для консультаций по абхазоведческим вопросам, а сам Мурат узнал о моем существовании через «Вайклифскую организацию по переводам Библии», существующую в США.

(Буйюка), предки которого переселились в Турцию из с. Аб-
жаква Сухумского района. Он родился в 1900 году¹. Первые его
литературные опыты были связаны с Кораном, который лю-
бознательный юноша пытался перевести на абхазский язык.

Учился он сперва в дюзджинской школе, лицей закончил
в Едирне, а в 1930 году, завершив высшее образование, полу-
чает диплом «инженера-лесоведа». С 1964 года, когда он ушел
на пенсию, сотрудничает в Стамбульском отделении Кавказ-
ского культурного общества, занимается научным изучением
языка, этнографии и истории абхазов, одновременно создает
на абхазском языке вдохновенные поэтические произведения,
часть из которых опубликована в нашем журнале «Алашара».

В многогранной деятельности О. Беигуа центральное место
занимают, наряду с художественными сочинениями, много-
численные труды и материалы, в том числе архивно-докумен-
тальные, по широкому кругу абхазоведческих проблем, кото-
рые созданы на турецком языке и ждут своего перевода, со-
ответствующего анализа и изучения. Среди них особое значе-
ние имеют две его крупные работы – «Абхазская мифология»
(Стамбул, 1971) и двухтомный «Кавказ...» (Стамбул, 1935, 1986),
изданные в частном порядке за счет Етема Арютаа, Сабри Беи-
гуа и некоторых других состоятельных «меценатов» абхазско-
го происхождения. В этих и других публикациях и целом ряде
его рукописных работ много разнообразных и ценных мате-
риалов, интересных мыслей, догадок и гипотез (иногда, быть
может, слишком смелых) по вопросам грамматики и лексики
абхазского языка, включая этимологические разыскания и аб-
хазо-турецкий словарь, по истории и этнографии Абхазии, в
том числе уникальные статьи о древних абхазских знаменах
(статьи хранятся в Абгосмузее). Омар Беигуа первый из аб-
хазов, кто обратил внимание на историю знамен Абхазии², и
на печать абхазского владетеля VIII века на арабском языке.
Ему принадлежат: большая статья об абхазской мифологии в

---

¹ Факты и наблюдения, приводимые здесь в отношении жизни и
деятельности О. Беигуаа и его ближайших друзей и коллег, заимствуются
частично из указанной выше статьи В.Д. Авидзба.

² **Беигуаа Омар.** Абхазские знамена //«Кафкасиа», № 14, 1967. С. 7.

турецкой специальной энциклопедии, брошюра «Хазрет Ибрахим Аублаа и кавказцы» (Стамбул, 1975), очерки по вопросам демографии и расселения турецких абхазов, абазин и убухов. Им составлено до 60 жизнеописаний художников, композиторов, журналистов и других деятелей абхазского происхождения. Выявлено большое количество «абхазологических» материалов: документов, хранящихся в стамбульских и других турецких музеях, архивах и библиотеках, составлены обширные библиографии по Абхазии, Кавказу в целом и т.д.

С точки зрения собственно абхазоведческих проблем, наиболее ценной, судя по оглавлению, является его монография по абхазской мифологии (объемом свыше 320 страниц). В ней читатель найдет много материалов, представляющих значительный интерес для сравнительно-исторического исследования традиционной абхазской культуры, особенно духовной. В монографии представлен обширный обзор литературы по изучаемому предмету от Библии и Корана до работ современных западных ученых. Составлен он, к сожалению, без учета трудов абхазских и других советских исследователей. Привлекается большое количество культурно-исторических и прочих терминов, включая топонимическую лексику, в том числе абхазские названия рек, но мы пока лишены возможности сколько-нибудь конкретно судить о научных результатах его многочисленных этимологических и других лингвистических разысканий (например, анализ терминов «ра», «псы» и др.). Отдельную группу материалов составляют эсхатологические легенды, этногенетические предания (например, о происхождении абхазов, грузин, армян), мифы о древнеабхазских богах, духах и героях, включая доселе неизвестные, малоизвестные, полузабытые, а то и вовсе забытые имена. Например, богиня – великая мать Анчве-Шана, бог животных Айтар, бог лесов и охоты Ажвейпша, божество пчел Анан, божества моря Мышандау и Ашху-Мекеписис, мать вод Дзызлан, бог дождя Дзыуауа, бог почвы Дзар, богиня целомудрия Ханзиса (Хансиса), божество женского рукоделия Арышна (Ярыш, Ярышна), бог здоровья Ханяя (Ания), божество ума и знаний Атана, бог металла Шефси-Айнарджи, богиня красоты Агунди, бог крепкого

сна Цифблок, бог кошмара Напкылчва, абхазские музы Рада-Раше-Рара-Рирара, бог войны Арис, бог цивилизации Ауыблаа, эпические герои Нарты и многие другие земные и небесные мифологические образы.

Вся поэзия О. Беигуа также посвящена родной Абхазии. Его стихи – это идущие из глубины сердца лирические излияния патриотических чувств и философские раздумья о судьбах соплеменников, песни и плачи о потерянной родине, о любви к ней, о ее трагическом прошлом, проникновенные молитвенные призывы к единению и счастью ее малочисленного, но сильного духом, обремененного историей и традициями народа. Некоторые из них опубликованы¹, а большая часть находится в рукописном состоянии.

Поэта вдохновляют не только мифологические образы «Страны Души», но и ее современные реальности. Особенно восхищает его образ Д.И. Гулиа, жизнь и деятельность которого служат для него образцом беззаветного служения своему народу и который в сердце О. Беигуа – сегодняшнего заморского Д. Гулиа – занимает совершенно особое место. В конце стихотворения «У памятника Дм. Гулиа» мы находим такие слова (в подстрочном переводе): «Жаль, достойного тебе слова сказать не могу, (но) твое имя врезалось в мое сердце». Вообще О. Беигуа. считает себя последователем Д. Гулиа, испытывает к нему чувство глубочайшего уважения и восхищения.

О. Беигуа, создавший на латинской графической основе особый алфавит для турецких абхазов, делает много, чтобы ознакомить их с абхазской дореволюционной и советской культурой и ее деятелями. «Песня об одной трагической жизни» – так называется его статья о сыне последнего владельца Абхазии, поэте Георгие Михайловиче Чачба (Шервашидзе), напечатанная вместе со знаменитым стихотворением Г. Чачба «Уарада» в переводе на турецкий язык самого О. Беигуа в журнале «Кавкасиа»², причем этот поэтический шедевр в Турции

---

¹ «Алашара», 1967, № 9, 1968, № 7. 1974, № 6 и др.

² **Беигуа О.** Перевод на тур. яз. стихотворения Г.М. Шервашидзе «Варада», а также его стихотворения «Апсны» // Ж-л «Кавкасиа», издаваемый «Кавказским культурным обществом» (выходит раз в три месяца).

многие знают наизусть, а сам О. Беигуа считает его лучшим из всего, что создано в абхазской поэзии.

Омару Беигуа принадлежит также ряд опубликованных в выходившей до недавнего времени в турецкой газете «Камчи» статей, посвященных Абхазии, в частности, жизни и деятельности основоположника абхазской драматургии С.Я. Чанба под названием «Соратник отца абхазской литературы Д. Гулиа», причем в газете был опубликован в переводе на турецкий язык отрывок известной чанбовской драмы «Махаджиры» с портретом автора. Он же является одним из основателей упомянутых здесь газеты и журнала и фактически возглавляет в них абхазские отделы.

Таковы некоторые черты замечательной жизни Омара Беигуа – талантливого и обаятельного человека, живущего скромной интеллигентной жизнью, снискавшего огромную любовь и уважение среди своих соплеменников.

О. Беигуа не одинок в своей благородной деятельности. Подросли молодые кадры, которые, следуя его примеру, многое делают для просвещения на родном языке, изучения и пропаганды национальной культуры абхазского народа. К ним относится, например, молодая высокообразованная женщина Махинур Папба, недавно приезжавшая с мужем в Сухум. В первую очередь она подошла к памятнику Д. Гулиа, и, по просьбе О. Беигуа, прочитала там же его стихотворение, посвященное отцу абхазской литературы. М. Папба знает многие произведения абхазских литераторов – стихи и прозу Д. Гулиа, в том числе «Камачич», «Под чужим небом», «Повесть о моем отце» Г. Гулиа и др. И таких примеров много.

Дочь самого О. Беигуа Нураи занимается сборанием и изучением абхазского ономастического материала (между прочим, ее брата зовут древнеабхазским именем Ешсоу). Другой автор Е. Ашвейба опубликовал в журнале статью о Д. Гулиа (1967 г.). Выпускница филологического факультета Анкарского университета Зухал Айкусба специализируется по абхазской литературе, а Симбар Бганба перевела на турецкий язык «Повесть о моем отце» Г. Гулиа и т.д. Их мысли и чувства можно было бы выразить словами, которые завершают проникновенное стихотворение О. Беигуа «Апсны! Апсны!», то есть «Аб-

хазия! Абхазия!»: «Нет! Нет! Не сломлена моя надежда! Мы встретимся, Апсны, мы увидимся! Но как до той поры мне быть и жить, Апсны!» (подстрочник).

А вот фрагмент художественного перевода того же стихотворения:

Гори рубахой на плечах –
Ни на мгновенье
Я не подумаю унять
Твое горенье,
Мы, может, встретимся с тобою –
Наступит время.
Но как до этого стерпеть
Разлуки бремя!
То смерти хочется душе,

То снова – жизни,
Отягощенной тяготением к отчизне.
Покуда эти два огня
Сжигают душу,
Я вижу за морем вдали
Родную сушу¹.

Большую работу по проведению разных культурно-просветительных и других мероприятий среди турецких абхазов и налаживанию их связей с Абхазией ведет Орхан Расимович Шамба. У него в Турции широкие родственные и дружеские связи – мать из довольно многочисленной фамильной группы Чанба, бабушка – из исчезнувшего в Абхазии рода Шарбалиа (Шъарбальиаа), проживавшего некогда в с. Пшاپ. Он пользуется огромным уважением и популярностью, в молодые годы он был известным спортсменом (15 лет успешно выступал на арене классической борьбы), а количество самих сородичей Шамбовцев, которых, по словам О. Шамба, переселилось сравнительно мало, в настоящее время превышает 100 дворов.

---

¹ **Бейгуаа О.** «Апсны» // Перевод с абхазского **Д. Чачхалиа** // «Сов. Абхазия», 28 октября, 1975 года.

Ввиду ограниченности материальных возможностей отца, О.Р. Шамба не удалось пройти курс высшей школы, но путем систематического самообразования и чтения книг он достиг значительных результатов. Быстро освоил и абхазскую азбуку, и теперь он свободно читает и пишет на родном языке, не пропуская ни одной новинки, которую ему удастся получить. В течение многих лет он является признанным руководителем абхазо-черкесского культурного общества в своем городе Адапазаре, на заседания которого иногда приглашает председательствовать Омара Беигуа, который также приходится ему дальним родственником – мать поэта была из рода Шамба. «Омар – нашей сестры сын» (ҟаҟэшьяҟа), – говорит с гордостью Орхан Шамба.

2. Количество и расселение

Миграции населения такие же древние, как и само человечество. Они бывают малые и большие, эпизодические, длительные, локальные и почти мирового охвата и влекут за собой заметное изменение этнографической карты мира. Истории известно несколько крупнейших движений народов, оказавших огромное влияние на процессы этногенеза многих народов во всех частях света. Происходили они в различные исторические эпохи, в разных направлениях, под влиянием глубоких социально-экономических и политических причин, часто в результате больших военных акций, а также по религиозным и другим мотивам.

Таковы, например, так называемые, «великие переселения народов», имевшие место в конце античной эпохи и раннем Средневековье, последующие арабские завоевания на Ближнем Востоке, Северной Африке, а отчасти и в Юго-Западной Европе, монгольские и тюркские завоевания (в частности, проникновение тюркских племен в Малую Азию и Юго-Восточную Европу), расселение племен банту по странам Южной Африки, эпоха великих географических открытий (переселения испанцев и португальцев в страны Центральной и Южной

Америки, затем французов и англичан в основном в Северную Америку), ввоз в Америку африканских негров в результате массового захвата и торговли рабами, переселения европейцев в Америку, Австралию, Новую Зеландию, Южную Африку и другие страны вследствие относительного перенаселения некоторых стран Западной Европы в период бурного развития капитализма, миграции населения из Европейской России в Сибирь, переселения китайцев в страны Юго-Восточной Азии, выселение из Малой Азии свыше 1 млн. греков и переселение в Турцию более 400 тыс. турок из стран Юго-Восточной Европы, переселение немецкого населения из стран Восточной Европы в Германию в годы и после Второй мировой войны, недавние миграции евреев из многих стран в Палестину (а затем в Израиль) и др.¹

Даже с учетом масштабов таких крупных миграций населения нельзя полностью согласиться с характеристикой махаджирства как «этнического события преимущественно локального характера», как «эмиграции в Турцию и Сирию небольших групп северокавказских переселенцев»².

Одним из самых важных, но и самых неясных и запутанных вопросов истории махаджирства является вопрос о численности абхазского населения, как и других кавказских выходцев, в Турции и других странах региона. Доброкачественные и объективные источники по этому вопросу вообще отсутствуют, а имеющиеся сообщения того или иного характера очень часто совершенно не соответствуют действительности или страдают крайней противоречивостью. Сведения, исходящие от самих турецких абхазов, по-видимому, несколько преувеличены и приблизительны, так как они не основываются на точных научных данных свободно проведенных переписей населения. А с другой стороны, если послушать турецких деятелей, придерживающихся шовинистической политики, то в их стране вообще нет ни одного нетурка. Так, например, бывший генеральный секретарь Народно-республиканской партии Тур-

---

¹ Численность и расселение народов мира. – М., 1962. С. 17, 18.

² Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия / Под редакцией Толстова С.П., Левина М.Г. и Чебоксарова Н.Н. – М., 1959. С. 394.

ции Реджеб Пекер, один из представителей пантюркизма и расизма, писал, что в «Турции нет нетурок, а есть люди, которым внушена мысль, что они курды, черкесы, лазы и т.д.»¹ В действительности же, хотя современная Турция и относится к числу стран с относительно однородным национальным составом – основная народность страны (турки) насчитывает около 42,2 млн. человек, но все же на ее территории проживают свыше десяти национальностей: курды, арабы, греки, грузины, в том числе лазы, армяне, «черкесы» (выходцы из различных районов Кавказа, включая абхазов), туркмены, евреи и др.² Приведенные здесь данные согласно «Очеркам общей этнографии» по численности всех кавказских выходцев в Турции в количестве 70 тыс. или, как написано в БСЭ, 100 тысяч³, где на долю собственно абхазов падает не более 10-15 тысяч человек, являются чрезвычайно заниженными. Этому определению противоречит, прежде всего то, что в XIX в. в течение десятков лет (а не только во время Русско-турецкой войны 1877-1878 годов) было выселено всех абхазов, по всей вероятности, около 100 тыс. чел., если не больше, хотя точной численной характеристике махаджирская эмиграция не поддается. За прошедшее же с тех пор столетие с лишним это количество должно было значительно увеличиться даже в тех неблагоприятных условиях, в которых жила и живет там основная масса переселенцев.

Сошлемся на некоторые материалы и свидетельства. Так, по мнению С.П. Басария, склонного, правда, к значительным преувеличениям, «в разное время абхазских племен было выселено в Турцию до 400 тыс. человек обоего пола, а черкесских до 2 млн. человек»⁴.

Заслуживают внимания данные, полученные и В.И. Кукба. Отметив, что информацию о положении абхазов в Турции он

¹ Цит. по **Еремееву Д.**: Изучение этнографии современной Турции //СЭ, 1960, № 2. С.157.

² Народы мира. Историко-географический справочник. – М., 1988. С. 457.

³ Большая советская энциклопедия. СЭ. Том I. – М., 1950 (1949). С. 510.

⁴ **Басария. С.П.** Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум-Кале. 1923. С. 105.

получал от проф. М.Ш. Бутба, офицера Джамала Маршан – членов Абхазо-черкесского комитета, а также офицеров Бганба и Саами Маршан, В.И. Кукба писал: «Сведения у каждого брал независимо друг от друга. Сведения давали одинаково за исключением количества абхазцев в Турции. Некоторые говорили, что по всей Турции абхазцев насчитывается не менее 300 тысяч, а другие – 250 тысяч, 230 тысяч и 200 тысяч».¹

По утверждению проф. М.Ш. Бутба, в 20-х годах текущего столетия в Турции проживало около 200 тыс.², а, по словам Н.А. Лакоба – до 300-350 тыс. абхазов³. В личном архиве Ефрема Эшба сохранились фрагментарные записи, связанные с его непродолжительным пребыванием в Турции в 1919 году. В одной из этих заметок в общей форме говорится о том, что «больше половины абхазского народа живет в Турции».

Если верить словам некоторых наблюдателей, подолгу живших в Турции (упомянутые выше Мамет и Хусейн Авидзба и др.), то абхазов даже больше в этой стране, чем черкесов.

По данным большого энциклопедического словаря Гердера (Фрайбург, 1953), общее количество абхазов, проживающих как в СССР, так и за границей, составляет 150 тыс. человек⁴. Если принять эту цифру с учетом, что сейчас в нашей стране около 100 тыс. абхазов, то за рубежом их будет приблизительно столько же, но никак не меньше.

Во время многочисленных бесед с абхазами, живущими в Турции, агроному И.М. Григолия говорили, что в настоящее время там насчитывается около полутора миллиона всех кавказских выходцев («черкесов»), а количество собственно абхазов Джамал Маршан, Омар и Сабри Беигуа и др. определяли ему в 100-104 тыс. человек, в некоторых сообщениях упоминалась цифра 70 тыс. Истинное же количество, по-видимому, находится где-то около середины этих показателей, хотя име-

---

¹ ЛО ААН. Ф. 800. Оп. 6, № 277. Лл. 1–5.

² Гулиа Д. Приезд Мустафы Бутба/Газ. «Апсны», 28 августа, № 31 (59) 1920 (на абх. яз. См. выше).

³ ЦГА Абх. АССР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 62. Лл. 188–189; Ф. 3. Л. 83 и Л. 6.

⁴ Алпенидзе Вл. Абхазия в немецкой энциклопедической литературе / «Алашара», 1960, № 5. С. 101 (на абх.яз.).

ющихся данных недостаточно для точного определения численности абхазской диаспоры в Турции.

По данным О. Беигуа, общее количество абхазов в Турции сейчас превышает 100000, а в арабских странах – 15000 человек, хотя называют (напр., Р. Гожба) и другие цифры – в Ираке, например, до 15 тыс. «черкесов», в Иране до 5 тыс., в Ливане до 2 тыс., а в Сирии и до 35 тысяч, что, возможно, является преувеличением, если даже считать абхазов и черкесов вместе.

Большинство абхазов живет в сельских местностях, но растет и число горожан. Из крупных городов Турции большое число абхазов – свыше 2-х тысяч – можно встретить по традиции в самом Стамбуле – «матери мира», как называли его восточные поэты, еще больше абхазов в Измире и других городах.

Современная официальная турецкая статистика, если и не полностью игнорирует наличие абхазов как самостоятельной национальной группы, то все равно содержит слишком урезанные и противоречивые сведения об их количестве в составе населения страны. Так, согласно всеобщей переписи, проводившейся в Турции в разные годы, когда учитывались данные только по родным языкам, численность абхазов в Турции, считавших родным языком абхазский (абазацъа), определялась: в 1935 г. – 10 099 человек (черкесов – 91 972), в 1945 г. – 8 602 (черкесов – 66 691), в 1950 г. – 17 200 (черкесов – 75 837), а в 1955 г. – 12 748 (черкесов – 90 738).¹

По совокупности данных – фактических и логических – можно смело утверждать, что, хотя количество махаджиров точному определению не поддается, вследствие чего мы теряемся в разногласии мнений, приведенные цифры, особенно в отношении численности турецких абхазов, являются чрезмерно заниженными.

Обращает на себя внимание то, что на страницах некоторых органов современной арабской печати изредка мелькают цифры порядка 1 млн. и даже выше, когда речь идет о количестве «черкесов», то есть всех выходцев из Кавказа в Турции.

---

¹ Всеобщая перепись населения (Турции) 1955 года. – Анкара, 1956. С. 51 (на тур. яз.). Данными последних переписей, начиная с 1960 года, мы, к сожалению, не располагаем.

Например, арабская газета «Аль-Яум», издающаяся в Израиле, 1 октября 1963 года писала, что «большинство черкесов живут в настоящее время за пределами исторической родины. Два миллиона их живут в деревнях Анатолии и в крупных турецких городах, а также имеются небольшие черкесские группы в Югославии, Румынии, Сирии, Иордании и Израиле»¹.

Здесь, очевидно, мы имеем дело также с явным преувеличением, но следует остерегаться и другой крайности. Вообще, как было сказано, наука еще не располагает точными статистическими данными о количестве и расселении «черкесов» за рубежом. Что касается абхазов в Турции, то в целом их, взятых вместе (то есть, говорящих на родном языке и не владеющих им) должно быть сейчас не менее 100 тысяч человек, что соответствует представлениям лучшего знатока этого вопроса О. Беигуа.

Существует много описаний очевидцев, которые свидетельствовали об отчаянном положении переселенцев, особенно в первые годы после эмиграции. Вот, например, что говорил известный большевик-революционер С.Г. Буачидзе, который два с половиной года провел в Турции: наши крестьяне там «не имели земли, не имели даже голоса на суде. И горцы-эмигранты говорили, что положение их при царизме в России было гораздо лучше, чем в Турции»². Этим объясняется рост самосознания среди кавказских переселенческих сообществ и поток возвращавшихся на родину беженцев, продолжавшийся вплоть до начала Первой мировой войны.

Крайне затруднительное положение громадного большинства иммигрантов объясняется не только тем, что им приходилось начинать жить заново, не имея на чужбине буквально ни кола, ни двора, но и рядом других усугубляющих обстоятельств социального и политического характера. В частности, страны, куда попали переселенцы, – Турция, а также Сирия, Ирак, Иордания, Египет, Болгария – были самыми отсталыми аграрными странами с господством феодально-крепостнических отношений, бесправием основных масс населения, причем Турция все

---

¹ «Аль-Яум» («Утренняя газета»), 1 октября 1963 года.

² Там же. С. 482.

больше превращалась в полуколонию и сырьевой придаток империалистических держав. В то время, как горские феодалы и на новом месте пользовались определенными льготами и привилегиями (им предоставляли лучшие земли, выделяли денежные пособия, продвигали по служебной лестнице и т.д.) крестьяне, наоборот, подвергались беспощадной эксплуатации не только со стороны турецких помещиков и чиновников, но и своих дворян и князей¹, прикрывавшихся часто в корыстных интересах аталычными и другими традиционными патриархальными отношениями со своими крестьянами. Конечно, местные жители – крестьяне, рабочие, рыбаки и др. – помогали, чем могли, обездоленным людям. Вспомним, например, семью самого Д.И. Гулиа, оказавшуюся на турецком берегу, как писал он сам, «в ужасающем положении – без жилья, без еды», которую спасали от гибели местные рыболовы,² но такие факты не меняют общую картину страшного народного бедствия.

«Черкесское» население, куда, как сказано, включаются кабардинцы, черкесы, адыгейцы, абхазы, абазины, убыхи, осетины, и др., разбросано малыми и сравнительно большими группами почти по всей территории Турции, но в основном в ее западных районах. Н.А. Кисляков отмечает, что наиболее многочисленные группы кавказских выходцев встречаются в провинциях (илах, или вилайетах) Кайсери и Болу³.

Турецкие абхазы живут в основном вблизи Черноморского побережья, между Стамбулом и Болу, наиболее компактно в вилайетах Сакарья (центр – г. Адапазар) и Дюздже. В первом из этих вилайетов находятся 25 абхазских сел, а во втором – 20. Менее компактные абхазские селения разбросаны по вилайетам: Бурса, Ескишехир, Самсун, Синоп, Билечик и др. Всего, по подсчетам О. Беигуа, количество сел, в которых живут абхазы, доходит до 200, причем только в 30 из них встречаются представители других национальностей (грузины, черкесы, турки и др.)⁴.

---

¹ Гулиа Д.И. Стихи. – М., 1964. С.8.

² Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия/Под ред. Толстого С.П., Левина М.Г. и Чебоксарова М.Н. – М., С. 449.

³ Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 493.

⁴ ЛО ААН. Ф. 800. Оп. 6, № 277. Лл. 1 – 5.

В настоящее время, по многочисленным устным и другим сообщениям, группы абхазского населения имеются во многих городах и вилайетах Турции: Адапазары, Дюздже,¹ Измит, Ескишехир², Хендек, Бурса, Енигаул, Сивас, Самсун³, Терме, Чаршамба, Бафра, Акчишехир, Синоп (по-абхазски Синап), Измир, Стамбул, Анкара и др. В основном эти земли растянулись широкой, но не сплошной полосой между Стамбулом и Анкарой.

Из всех этих пунктов наиболее «абхазскими» являются Адапазары, Дюздже, Ескишехир и некоторые другие, где абхазы компактно занимают довольно значительную территорию. Недаром В. Кукба, Ж. Дюмезиль и другие исследователи, интересующаясь языком и фольклором абхазов Турции, стремились попасть прежде всего в Адапазары, Измит, Ескишехир, Дюздже и др., которые, по словам В. Кукба, наиболее густо заселены абхазами, черкесами и убыхами, причем некоторые аулы в районе Адапазары были заселены исключительно убыхами.⁴

Кавказские выходцы в Турции живут, как было сказано, главным образом в деревнях, расположенных часто в горных местностях, а также в некоторых небольших городах и районных центрах. В крупных городах в первое время их было сравнительно мало и местные (коренные) жители практически не различали отдельные кавказские этнические группы. Так, в Стамбуле или в Анкаре далеко не всякий скажет, кто такие, скажем, убыхи и где они живут. Например, в 1927 году, как рассказывает В. Кукба, в советском посольстве в Стамбуле никто «не знал о существовании убыхов вообще и искали в словарях, но не нашли, потом как-то узнали, что есть такое племя»⁵. Ему также понадобилось дня два или три, чтобы встретиться там с абхазами или черкесами⁶, но положение с тех пор, можно сказать, резко изменилось: всеобщий процесс урбанизации не мог обойти и турецких абхазов.

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Басария С.П. Указ. соч. С. 107.

Абхазские эмигранты, основывая свои поселения на новых местах жительства, давали им названия тех селений или поселков в Абхазии, откуда они вышли, например: Аацы, Анхуа, Гагра, Гуп, Джгерда, Члоу, Дал, Ачандара, Уарча, Адзюбжа, Эшера¹, Абжаква, Арасадзих, Алахадзы, Гума, Калдахуара, Хамыш, Цабал (в районе Бурсы), Мцара и т.д. В селении Мцара, находящемся рядом с двумя другими абхазскими деревнями – Цгу и Тваникыта, живут, например, родственники упомянутого выше дурипшца Назифа Агрба.

Вот что говорил Назиф Агрба, проведенный в Турции (с. Мцара) первые одиннадцать лет своей жизни, хотя его рассказ отражает дореволюционное положение поселений с их старыми, вероятнее всего, уже измененными названиями. «Из всех известных мне абхазских селений в Турции, – утверждал он, – самым значительным является Гума, куда из Мцары можно добраться пешком за один неполный день. Затем идут села Мцара, Цгуаа (рядом с Гумой), Тваникыта, то есть село Тванба (последние три селения в районе Дюздже), село Джир-ипа Махты² (тоже рядом с Гумой, на р. Дивылы), село рода Амчба (это село от Мцары отделяет та же река), село Бейкуей (рядом с деревней Амчба), село Калиак (рядом с Бейкуей), село Афтаня (рядом с Калиак), село рода Ашуба (Ашэикыта, рядом с Афтаня), село Кайлара и др. В городах Хандакь и Измит и их окрестностях тоже живут абхазы. В Измите, например, немало представителей фамилий Конджария и Таркил. К востоку от этих мест, заключил Н. Агрба, уже мало абхазов, так как они живут в основном в Западной Турции.

Близ Бурсы есть абхазский микрорайон, который местные жители называют до сих пор Цабал (Тцабал), а вокруг него,

---

¹ Этот Махты Джир-ипа по фамилии Куадзба, по словам того же информатора, построил в своей деревне собственный лесопильный завод, и с тех пор селение Гума многие называли его именем (Махты икыта).

² В Турции много переселенцев из известного абхазского дворянского рода Маан (Маргания), который Ж. Дюмезиль называет «племенем Маан», представителей которого, по его же словам, «**много в абхазских деревнях области Хендек**» (выделено мной. – Ш. И.). (Дюмезиль Ж. Анатолийские документы о языках и традициях...Указ. соч. С. 74).

как рассказывают, имеется еще 12 абхазских деревень по сто с лишним дворов в каждой, причем всех их вместе называют Хрипсовцами – по патронимическому имени одной из ветвей абхазской княжеской фамилии Маршан, происходящей из Цебельды.

Я сошлюсь еще на свидетельство другого старика – Мамета Авидзба, прожившего, как указывалось выше, более 35 лет в Турции – в сел. Гума и других местах. Имея в виду также до-революционный период, он говорил: «Абхазы живут сплошной массой и отдельно от турок. От наших сел до турецких надо идти 3-4 дня (атыркәеи ҳареи 3-4 мыш ны́куа ҳабжьоуп; атыркәа дабаау). Селения называются большей частью по имени князей и дворян, которые в них господствуют». Затем он продиктовал мне список некоторых селений абхазов Турции, указывая иногда основателя и количество жителей в них, давая и другие пояснения к нему (формы названий даются согласно информатору):

1. Апсара – здесь живет 200-300 дымов, главенствовал там Асланбей (Чачба). Здесь лежит большой камень, на который становятся ораторы, выступая на народных собраниях (ср. староабхазское название Иверской горы – Апсара).

2. Кайлара – здесь жил Камлат Маан (Маргания).

3. Бейдыл – 20 тыс. жителей.

4. Бычка – этот пункт относится к районному центру Хандакь¹.

5. Гума – 400 дымов.

6. Адабазар – это губернаторство, где кругом проживают одни абхазы: вблизи него есть, например, сел. Сакарей (Сақареи)².

7. Дузча.

8. Була.

9. Чылмиа.

10. Малан – там жил, в частности, гумский князь Ачба (Агу-ма Ачба).

11. Калдахуара.

---

¹ «Наша деревня под названием Тагуарек находится в районе Адабазар – Хендек», – писал мне стамбульский студент Бюлент Эшба.

² Газ. «Апсны», 28 августа 1920 года (на абх.яз.). (См. выше).

12. Акапа – 600 дворов.

13. Измыт – этот больше всех, как Абхазия, – пояснял М. Авидзба.

14. Аскы-Шьахар – там живут выходцы из Дала и Цебельды.

15. Афгания.

16. Село Хаджибея Амчба и др.

По утверждению М. Авидзба, между Измитом и Дюздже расстояние почти пятидневного «спокойного» пешеходного пути, причем все это расстояние человек проходит через сплошные абхазские села. Нет там ни турок, ни черкесов (Ачаркъыз дызгуалашәода. Аҭсуа дахьыкоу, тыркуагь, чаркъазгы дубазом). Это подтверждает и Хусин Шаханович Авидзба (г. Сухум). Вспоминая свою поездку в Турцию в 1907 году, он писал: «Есть такие абхазские населенные пункты, которые не соседят с турками» (Тыркәа дыхьыргәламгы ыкоуп).

Эта информация осведомленных сказителей находит свое значительное подтверждение и в сообщении проф. М.Ш. Бутба о том, что абхазы Турции живут в основном в Измите, Адапары, Хендеке, Акиазе, Диуздже, Ескишехере, Енигауле, Сивасе, Самсуне и др.¹ Несмотря на изменения, происшедшие с тех пор, география расселения турецких абхазов, представленная в приведенных сообщениях, в основном соответствует действительности и для нашего времени с той лишь разницей, что здесь перечислены не все пункты проживания абхазов² и не указаны изменения названий (например, Гума была переименована в Дируин).

---

¹ Упомянутый выше Орхан Шамба, который является ныне одним из лидеров заморских абхазов и лучших знатоков их жизни и быта, писал автору этих строк: «Мы, живущие в Турции абхазы, разбросаны по разным городам и селениям страны. Например, выходцы из Дала и Цебельды живут в районе Ескишехир и Биленджик, абазины (выходцы из Fidyс) – в районе Кайсери – Узунай-айла, ахчипсуйцы осели в деревнях вокруг Дюздже, а выходцы из Бзыби, Абжаквы, Джгерды и Кутола основали свои поселения в Измите и его окрестностях, которые называются по-абхазски Измитской Впадиной (Измыт агъаюара). На этом побережье имеются значительные города, и здесь живет много абхазов».

² **Гожба Р.** Указ. соч.// Газ. «Абхазский университет», 23 сентября 1988 года.

На официальной территориально-административной карте Турции отсутствуют, как правило, абхазские или другие иноязычные топонимические названия, но сами абхазы, а в отдельных случаях и некоторые окрестные жители, пока продолжают называть свои деревни на новых местах жительства старыми именами, какие носили их селения на их исторической родине. Встречаются и названия, связанные с некоторыми абхазскими родовыми или личными именами. Например, Аублаа рқыта (Аублаа рқыта) – «село (рода) Аублаа», Геччаа рқыта (Гяччаа рқыта) – «село Гечба», Чыгуаа рқыта (Чыгуаа рқыта) – «село (рода) Чыгуба», Кадыр иқыта (Кадыр иқыта) – «село Кадыра», Тапшь иқыта (Тапшь иқыта) – «село Тапша» и др.¹.

Фактом является и определенная компактность расселения абхазов в дореволюционной Турции, причем, по свидетельству очевидцев, значительные ее пережитки сохраняются до наших дней. Нередко абхазские поселения находятся в непосредственной смежности с адыгскими (например, шапсугскими) вперемежку между собой. Они тоже не населяют одну и ту же деревню. Иными словами, при образовании своих поселков махаджиры, по возможности, руководствовались принципами кровного родства и этнической принадлежности, что диктовалось соображениями взаимопомощи в борьбе за общие интересы.

Такое расселение, видимо, доставляло немало хлопот властям и мешало им в проведении политики отуречивания. Вот почему, если бы не поражение Турции в Первой мировой войне, приведшее ее к критическому состоянию, турецкое правительство, согласно сообщению М.Ш. Бутба, намеревалось полностью ликвидировать компактность абхазских селений, расселив их по пять-десять-пятнадцать дворов между турками в турецких селениях.

Таким образом, оказавшись в чужой стране, иммигранты расселялись властями по своему усмотрению, часто вдоль границ государства или на зависимых территориях, чтобы максимально использовать их в качестве военной силы, молодых же людей брали в армию, где им приходилось проливать кровь

---

¹ Указ. соч. С. 449.

за чуждые им интересы. Вместе с тем, махаджиры старались, по возможности, выбирать удобные для жизни земли – плодородные, с водой и лесом, возвышенные места, расположенные подальше от больших городов, чтобы не раствориться в чуждой этнокультурной среде, причем, они пытались селиться компактно – семейными и родовыми группами и даже целыми общинами, сохраняя при этом и названия тех селений, в которых они жили на родине. В одном из своих писем 1983 года пожилой турецкий абхаз Тенгиз Бганба сообщал: «Известно, в какое черное время попали наши отцы, когда они прибыли в Турцию. Абхазы были надорваны голодом и болезнями и лучшую часть из них, отделив от народа, отправили на войну. Их матери, сестры, дочери, жены, чтобы защитить свою честь, основали в высокогорных лесистых местах свои селения. До сих пор целый ряд селений сохраняется на таких возвышенных территориях». Он пишет далее, что никогда раньше не было таких опасений за наш абхазский язык, обычаи и традиции, как сейчас.

3. Хозяйственные занятия

Этнографический быт турецких абхазов еще не был предметом изучения из-за отсутствия соответствующих материалов. К сожалению, об их жизни и культуре мы можем судить пока главным образом на основании устных сообщений наблюдателей. Имеющиеся же отрывочные сведения говорят о том, что эмиграция и длительное пребывание абхазов в Турции, разбросанных небольшими группами чуть ли не по всей стране, окруженных поглощающими их турецкими поселениями, подвергающихся политике ассимиляции и исламизации, во многом изменили быт и культуру.

Вместе с тем, как известно, этнические общности, если они не мизерные по количеству и не совсем рассеяны, проявляют большую силу сопротивления, ибо каждый живой организм хочет существовать и борется за жизнь. Абхазы живут в Турции десятками тысяч, часто отдельными компактными села-

ми в горных изолированных местах, до недавнего времени они занимались в основном земледелием и скотоводством, слабо были втянуты в торгово-промышленную деятельность, лишённые в массе своей возможности пользоваться плодами просвещения и технического прогресса. Все это вместе взятое в условиях отсталой, консервативной страны с замедленными темпами социально-экономического и политического развития, содействовало в известной мере сохранению языка иммигрантов, их обычаев, традиций и других этнических особенностей.

В настоящее время, – пишет Н.А. Кисляков, – кавказские выходцы в Турции «все более ассимилируются турками, но частично еще сохраняют родной язык, своеобразный тип жилища, элементы национального костюма».¹

Трудным оказался, естественно, земельный вопрос. Многие крестьяне с самого начала испытывали большие затруднения в связи с малоземельем. Кроме того, как признают сами турецкие абхазы, разные обстоятельства заставляли их или их предков продавать (иногда за бесценок) свои земельные участки частично или даже целиком (Изаазарызеи аамтала адгьылкәа хамхатиит), что в целом ряде случаев повлекло за собой тяжёлые последствия в экономической жизни значительной части деревенских жителей. Теперь они, конечно, хорошо понимают цену земли и редко, кто из них так легко расстанется с нею, хотя и продавать уже почти нечего: даже самые зажиточные крестьяне владеют не более 5-12 гектарами земли.

В отношении хозяйственных занятий турецкие абхазы, живущие в сельской местности, ничем уж особенным не отличаются от того, что мы наблюдаем в самой Абхазии. Согласно сообщению М.Ш. Бутба и других информаторов, главными их занятиями в начале XX столетия являлись земледелие (кукуруза, табак, пшеница, просо на спирт для коньяка, рис, овес, сахарная свекла, каук, который идет на производство высококачественной бумаги и др.), животноводство (овцы, козы, коровы, мулы, лошади, а кое-где держат и верблюдов), овощеводство и садоводство (фрукты, в том числе виноград, из которого дела-

---

¹ «Апсны», 28 августа 1920 года. № 31. (См. выше)

ют, однако, не вино, а сладкое блюдо под названием «бегмез»), а также торговля и предпринимательство, в том числе лесоводство (продавали пихтовые, сосновые и другие лесоматериалы).

Турецкие сельские абхазы сохраняли свою страсть к коневодству и конному спорту¹, по-прежнему устраивают торжественные (аеыѳора) и головокружительные поминальные скачки (аѳарчеи). Последние, кстати, черкесам неизвестны.

Вот, например, как Д. Гулиа излагает ту часть беседы с М.Ш. Бутба, которая отражает положение вещей, правда, чуть ли не вековой давности: «Воровство, конокрадство, как и субботние и годовые поминки по умершему у них распространены так же, как и здесь. Очень предаются верховой езде. Облачившись в короткую одежду, надев на ноги чувяки и ноговицы, обмотав вокруг головы башлык, а через плечо перекинув ружье, сядет абхазец верхом на лошадь и отправляется по своим делам или промышлять воровством лошаденка. Удастся ему украсть где-нибудь хотя бы паршивую клячу, он спешит продать ее за дешевенький пистолет (кьарахэк), а потом, довольный собой, возвращается домой»². Занятия воровством нужно объяснять, разумеется, не исходя из каких-то мифических врожденных качеств народа, а конкретными условиями жизни, их нищенским существованием на чужбине. Абхазские всадники, отправляясь в путь, берут с собой 3-4 кг овса для корма лошади (аеҳьа), в правой руке держат плеть, которая иногда специальным ремешком подвешивается на пояс. В 1920 году Д.И. Гулиа в Сухуме встретился с северокавказским черкесом, неоднократно ездившим в Турцию к своим родственникам-переселенцам, проживавшим в «черкесском городе Дюздже». Этот черкес, хорошо знавший и быт турецких абхазов, живших по соседству с его родственниками, рассказал Д. Гулиа немало любопытного, особенно о жизни населения абхазской деревни, которая под названием Сакарей находится вблизи гор. Адапазары.

---

¹ К сожалению, до недавнего времени среди абхазов встречалось конокрадство, которым занимались также и их соплеменники в дореволюционной Абхазии.

² Гулиа Д. «Об абхазских махаджирах в Турции // Газ. «Апсны», 6 июля и 28 августа 1920 года, № 23 (51) (на абх. ях.). (См. выше).

По словам информатора, небольшая часть абхазов устроилась в Турции неплохо, но большинство из них, в отличие от черкесов, влачило жалкое существование. Особенно бедственным было положение жителей упомянутого селения Сакаррей. Оно находится в горной местности, люди живут на самой вершине горы. Ввиду каменистости почвы там невозможно пахать и обычным способом сеять зерно, поэтому кукурузу им приходилось сажать руками. Жилищами служили примитивные круглые плетеные хижины (ақәацә), такие же, какие были и в дореволюционной Абхазии. Окрестные жители удивлялись, как можно жить человеку в таких постройках. «Таких жилищ я не видел», – удивлялся черкес. А в конце он рассказал следующее о трудолюбии и необычайной ловкости абхазов. Однажды он вместе со своим приятелем-черкесом проезжали через село Сакаррей. Вдруг спутник остановил его и указал на пихту (сосну), росшую вблизи дома одного абхаза, который поднимался по дереву, обрезая топориком ветви. «Гляди, что будет!», – сказал, затаив дыхание, местный черкес приезжому. Когда абхаз добрался до самой макушки дерева, то оно закачалось в небе, как будто сверху на него сел гигантский орел. Еще мгновение и, казалось, отчаянный абхаз полетит вниз со страшной высоты. Но в этот момент он прыгнул оттуда и пересел, лучше сказать, «перелетел» на соседнее дерево, которое отстояло от него на расстоянии нескольких аршин, и продолжил там спокойно свою работу¹.

Бедность и нищета, бывшие уделом большинства переселенцев, вынуждали их, особенно в первые годы эмиграции, идти в кабалу, выполнять самую черную работу, залезать в долги или, став абреками, сотнями уходить в горы и заниматься вооруженным грабежом и другими недозволенными делами, за что власти их жестоко преследовали, судили, ссылали, казнили. Оторванные от родной почвы, лишенные средств существования, некоторые из них вынуждены были прибегать иногда даже к продаже одного из своих детей, чтобы сохранить жизнь другим.

---

¹ **Образцов С.И.** Из отголосков прошлого (Воспоминания абхазского крестьянина)// «Сотрудник Закавказской миссии», № 1, 1 января 1914 года. С. 13 – 16.

Вот, например, один такой случай, рассказанный мне бывшим учителем Маркозом Каландия. Во время последней волны махаджирства одна крестьянская семья по фамилии Андарбуа выселилась в Турцию из сел. Моква. Глава семьи вскоре умер в изгнании и остальным стало невмоготу там больше жить. Решили вернуться обратно, но не было денег на дорогу. Тогда Чапырхан – так звали вдову – продала турку свою восьмилетнюю девочку по имени Зейнат и выехала с двумя сынишками – Османом и Мади на родину. Прошло время. Зейнат сделалась красавицей, и хозяин перепродал ее (разумеется, втридорога) богатому стамбульскому паше, который женился на ней. По настоянию жены паша в 1896 году вызвал к себе ее братьев, задержал их у себя года на три, а в 1899 году отпустил домой с большими дарами. Но, преследуемые князьями Хабугом Ачба и Таташем Маршан, им в 1903 г. снова пришлось ехать к сестре за море, но на этот раз уже навсегда. По сообщению того же информатора, в 1878 году группа аацинских жителей во главе с дворянином Зосханом Маан выселилась в Турцию. Среди них был Басиат Тванба с женой. Переселенцы, в конце концов, обосновались в местности Джумухурия, где, по рассказам, собралось до 10 тыс. абхазов, в том числе Басиат, у которого уже были сын Керим и дочка Селимхан. Последняя была очень красива и соседи, зная цену красоты, говорили ее отцу, что на счастье ему родилась она у него. От лишений и тоски по родине заболели родители, а так как средств на лечение не было, то вынуждены были продать девушку, хотя и это не помогло – больные вскоре все равно умерли. В 1914 году, когда началась война, Кериму пришлось оставить жену и пойти в армию. По его собственным словам, он служил на одном из германских военных кораблей, действовавших в Черном море, и когда однажды они подошли к Сухуму, высадился на берег и скрылся. После войны он привез из Турции свою семью и жил сначала в Аацы, а затем в Эшерах.

Но, к счастью, не всегда изгнанники прибегали к торговле людьми по безвыходной нужде. Феодалы и другие искатели легкой наживы, промышленлявшие разбоем, из бесчеловечной продажи своих же соплеменников извлекали большие барыши.

И таких проданных по той или иной причине абхазских молодых людей – лучших девушек и юношей, можно было встретить во множестве в Стамбуле, а также других крупных турецких и ближневосточных городах.

Один из абхазских крестьян-махаджиров, рассказывая о грубом обмане турецких агентов, рисовавших «райскую жизнь» в Турции, говорил: «Масса бедствий ждала нас там: голодали мы там, зябли, умирали, как мухи, ни золота, ни риса, ни сказочной тыквы так и не видели. Вдобавок ко всему, привилегированные знатные абхазцы, пользуясь турецким законом, надумали восстановить крепостное право и стали целыми семьями продавать туркам крестьян-абхазцев»¹.

Некоторые западные авторы XIX в. были склонны преувеличивать как «удобства», предоставлявшиеся иммигрантам турецкими властями, так и «хищнические привычки» кавказских «разбойничьих орд», не учитывая при этом тяжелейшие условия их существования, особенно в первые годы после махаджирства, вынуждавшие часть из них к совершению правонарушений. Вот как об этом писал английский ученый Карлайль Мак Коан: «Черкесы в азиатской, как и в европейской Турции, представляют эмиграцию из Абхазии и Дагестана, возникшую с крымской войны, а в особенности после окончательного поражения Шамиля. Строгость, с которой русское правительство обошлось с большинством из этих племен после помянутых событий, побудила многих искать убежища во владениях султана, где правительство дало им свободные участки земли и другие удобства для мирного водворения... Горцы Кавказа внесли с собой в Армению и М. Азию, а также в Болгарию и Фракию свои незаконные хищнические привычки и оказалось, что Порта вместо пастухов-пахарей приютила разбойничью орду. Везде, где только появлялись они, тотчас же становились предметом ужаса и только в редких местах, где власти действовали энергически, они подчинились чему-то похожему на общественный строй. Утверждали, однако, что

---

¹ Карлайль Мак Коан. Наш новый протектор. Описание географических, этнографических и экономических свойств Турецкой Азии. Т. I. – М., 1884. С. 115 – 116 (перевод с англ.).

в случае войны они образуют хорошие иррегулярные войска, но опыт не оправдал даже эту надежду, и 350 000 или более черкесов, разбросанных горстями по Малой Азии и Сирии, способных лишь тревожить местных жителей, являют собою элемент, от которого и правительство, и народ были бы рады избавиться. По поводу их значительного прилива в 1864 г., сэр Генри-Бульвер, тогда посол при Порте, посоветовал растянуть их военными колониями по армянской границе, и таким образом воспользоваться ими как пограничной стражей против их прежних гонителей, но эта прекрасная идея не была приведена в исполнение, и они были рассеяны внутри, как бы нарочно для всего того зла, которое они причиняли. Они продолжают продавать своих дочерей в гаремы Стамбула и Каира и, таким образом, вместе со своими единоплеменниками в Румелии образуют единственный остающийся источник, откуда могут быть добываемы белые «женщины-рабыни»¹.

Статья 61 Берлинского трактата 1877 года гласила: «Блистательная Порта обязуется осуществить без дальнейшего промедления улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями, в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Она будет периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам, которые будут наблюдать за их осуществлением»².

Не отрицая полностью распространенности конокрадства и набегов кавказских «рыцарей ночи», следует еще раз подчеркнуть, во-первых, что соответствующие сообщения нередко носят преувеличенный характер, потому что основные массы переселенцев были заняты мирным трудом, во-вторых, хищничества и другие правонарушения имели место в основном только в первый период после иммиграции, в-третьих, к совершению разного рода набегов, включая нападения на караваны, шедшие с шелком из Персии в Турцию, принуждали отсутствие минимума средств существования, неустроенность, эпидемии и голод. С другой стороны, как сказано, абхазам приходилось расплачиваться дорогой ценой за свое непослушание и противоза-

---

¹ История дипломатии. Т. II. – М.-Л., 1945. С. 118.

² «Апсны», 6 июля 1920 года, № 23 (51). (См. выше).

конные действия, в частности, по требованию персидского правительства власти расселяли их малыми группами по дальним безлюдным, мало пригодным для жизни местам.

С тех пор прошло много лет, и не стало, конечно, никаких «хищнических привычек» со стороны наших горцев, которые теперь служат в армии или в государственных учреждениях, работают в универмагах, на транспорте, на различных предприятиях, в больших ресторанах, стали специалистами в различных областях и т.д., а некоторые, сделавшись энергичными дельцами-бизнесменами, ворочают миллионными капиталами.

4. Жилище, одежда, пища

До сравнительно недавнего времени турецкие абхазы, как утверждают очевидцы, в какой-то степени еще сохраняли свой древний тип жилища. Лет 50-60 тому назад беднейшая часть из них жила в примитивных конусообразных круглых плетеных хижинах, известных под названием «аквацв» (ақәацә)¹. Но уже с двадцатых годов этот тип жилища и там становится все более редким явлением. В деревнях плетеные постройки кое-где еще остаются, в том числе специальные брачные домики (амхара), но форма их меняется: круглый план уступает место четырехугольному, горизонтальное плетение – вертикальному («как у армян», – пояснил один сказитель). Теперь жилые дома турецких абхазов, убыхов и др. представляют собой четырехугольные в плане постройки современного типа с открытыми, как и в Абхазии, верандами (абартца)². Сохраняется также характерный для абхазских поселений свободный двор перед жилищем (амзырха). Однако жилищная проблема у них и сейчас одна из самых острых.

В начале 20-х годов турецкие абхазы, рассказывал М. Бутба, одевались по-разному: большинство носило уже не на-

---

¹ Дюмезиль Ж. Анатолийские документы о языке и традициях Кавказа. – Париж. 1965. Табл. IV (на фр. яз.).

² Цит. по Р. Гожба. Указ. соч. //«Абхазский университет», 30 сентября 1988 года.

циональную черкеску, а разного рода «короткую одежду» (акьаѣ-маѣқәа).

В то же время еще стойко сохранялись такие элементы оригинального абхазского мужского костюма, как ноговицы, башлык и др., удерживались также традиционная любовь к верховой езде и привязанность к вооружению – почти все взрослые мужчины вооружены пистолетами или охотничьими ружьями – на всякий случай, в том числе и на случай проявления не изжитых еще пережитков обычая кровной мести.

Приведенному выше свидетельству М. Бутба несколько противоречат воспоминания Мамета Авидзба, согласно которым черкески носили до революции даже больше, чем в самой Абхазии. Как видно из полученных адыгейским ученым Аскером Гадагатлем фотографий выступлений ансамбля народной песни и танца кавказских горцев в Турции, а также, судя по иллюстрациям последнего (третьего) выпуска «Анатолийских документов» Ж. Дюмезиля, изданных в 1965 году, еще кое-где сохраняются остатки традиционного кавказского мужского (полный комплект черкески) и женского костюма. Но эти черты старого быта все же являются уходящими пережитками, связанными с театрализованными представлениями или с жизнью отдельных, наиболее традиционных пожилых людей. В основном же кавказские выходцы еще в начале текущего столетия начали одеваться уже на другой лад. Например, брюки в большинстве своем они носили уже не такие, какие были в моде у абхазов на родине (узкие), а на турецкий лад – длинные и широкие. Старый Хусин Авидзба рассказывал, что в 1907 году он видел в одной из абхазских деревень Турции абхаза по имени Зекерия Ванача, над которым посмеивались окружающие люди за то, что он продолжал шить себе брюки по староабхазскому образцу – прилегающие к телу, узкие книзу и со «стременами» (ашькыл), держащими штаны постоянно в натянутом положении. Теперь уже господствует, особенно в городах, общеевропейская форма как мужской, так и женской одежды.

Так, история одежды заморских абхазов за последнее столетие с небольшим была историей ее неуклонной деградации – от полного господства традиционного комплекса еще на рубе-

же XIX–XX вв. до жалких его остатков в наши дни, обреченных к полному исчезновению в ближайшем будущем.

Немецкий антрополог Феликс фон Лушан, который был одним из зачинателей антрополого-этнографического изучения зарубежных кавказских горцев, писал в 80-х годах XIX века, касаясь особенностей образа жизни «черкесов»: «...черкесы и их ближайшие земляки с Кавказа держатся совершенно особняком от своих турецких и прочих соседей. Они живут в собственных деревнях, которые издали бросаются в глаза своей особенной постройкой домов и хижин. Они почти сохранили свой чисто национальный костюм и характерные уздечки и седла. Они все еще разводят свои породы кавказских лошадей и вообще остались народом наездников с настоящими школами верховой езды в каждом даже самом бедном селении».

Другому немецкому ученому Г. Гроте принадлежит такое описание абхазов, убыхов и черкесов района Адапазары, сделанное позднее – в начале XX века: «Черкесов можно издали отличить по одежде и манерам от остальных довольно единообразно одетых мужчин магометанского населения Малой Азии. Большая барашковая или меховая шапка-папах; темный сборчатый кафтан, плотно обхватывающий тело (т.н. «черкеска»), нередко расшитый красными шнурами; узкие облегающие штаны придают черкесу что-то смелое, крепкое, военное. Он кажется сросшимся со своей небольшой ловкой лошадкой, на которой всегда готов проделать головоломные наезднические штуки. Нам не раз доводилось видеть черкеса, который горячил свою лошадь и для собственного удовольствия некоторое время скакал наперегонки с поездом. Самый бедный черкес отличается каким-то горделивым достоинством в манерах и выражении лица»¹.

Подобные характерные свидетельства очевидцев показывают, что иммигранты в первый период своего зарубежного существования продолжали еще вести свой прежний, «чисто национальный» образ жизни, но с течением времени у них, как и везде, дедовские традиции, несмотря на всю свою привлекательность, начинают слабеть, и экзотический «народ всадни-

---

¹ Газ. «Авангард», 17 марта 1989 года.

ков» все более воспринимает общеевропейские стандартные формы и ценности во многих сферах материальной и духовной культуры, точно также, впрочем, как и их соплеменники на родине отцов.

Несколько слов о пище. Турецкие абхазы питаются, в основном, как и все вокруг, нас же интересует, насколько сохранились традиции в еде. Как и другие элементы традиционной материальной и духовной культуры, национальная кухня проявляет гораздо большую живучесть в отдаленных сельских провинциях, чем в больших городах. Конечно, в этой сфере, как и в других областях жизни народа, за прошедшие десятилетия произошли значительные изменения, что, однако, требует специального изучения с конкретными этнографическими фактами в руках. Так, неизменным блюдом остается крутая каша из кукурузной муки, мамалыга (абыста), с той лишь разницей, что в Турции абхазы подсаливают воду перед варкой и не раскладывают ее деревянной лопаткой отдельными порциями по числу едоков, а, опрокинув котелок, кладут просто одной общей массой на круглый или, по староабхазскому обычаю, на четырехугольный длинный столик (аишәа), и едят затем все вместе, отламывая рукою по кусочку. Мамалыгу едят, как и у нас, с вареной фасолью вместе с соленьями (капуста и капуста кольраби), молочными продуктами, курятиной с ореховой подливкой, мясом и пр. Ни вина, ни водки не делают и не употребляют. Совершенно исключаются, конечно, из меню и всякие блюда из свинины.

Деликатесным и в то же время почетным кушаньем считается по традиции мясо дичи. Анзор Мукба рассказывает, как в Измите молодой хозяин по фамилии Багателия пошел со своей древней абхазской кремневкой в ближайший лес и, пока накрывали стол, доставил для угощения далекого дорогого гостя несколько подстреленных на скорую руку вальдшнепов (ацыблыккәа).¹

Знаменитую абхазскую универсальную соль с красным перцем и специями, широко известную под названием «аджика»,

---

¹ **Цвижба Заира.** Соединить два берега. Из зарубежного блокнота // «Советская Абхазия», 24 мая 1989 г.

заморские абхазы также хорошо знают, как и на ее родине – в Абхазии.

На квартире у Ердема Аншба (Анаш) – начальника таможенной службы порта Стамбул и его жены красавицы-турчанки Ещым, – пишет в своих воспоминаниях о недавней поездке в Турцию, Сирию и Египет журналистка Заира Цвижба, – «нам накрыли стол из абхазских блюд: мамалыги, фасоли, солений, сыра-сулгуни, кислого молока, которое у них постоянно в меню, курятины с ореховой подливой, аджикой, но без спиртного»¹.

5. Брак и семья

Турецкие абхазы женятся в основном только на своих соплеменницах, а также на убыхках и черкешенках, чему способствует то, что эти народы близки между собой по культуре, обычаям, языку. При этом не очень еще редки факты умыкания невест как внутри своей группы, так и за ее пределами, а в прошлом похищения были частым явлением²

Браки с турками и турчанками абхазы, как правило, не заключают, но исключений, за последнее время не так уж мало. В прошлом абхазо-турецкие браки встречались очень редко – ни абхазы не женились на турчанках, ни турки на абхазках. «Я этого не видел и не слышал», – говорил Хусин Авидзба. Это же подтверждают и другие наблюдатели. Например, Назиф Агрба сказал: «Абхазы не выдают своих девушек туркам, а если кто-нибудь из последних похитит абхазку, то все равно отберут обратно». Такое положение некоторые объясняют тем, что турчанки закрывали свое лицо чадрой, а абхазки – нет. Это, конечно, не означает полного отсутствия или запрещения брачных союзов между представителями абхазской и турецкой нацио-

¹ В своих дневниковых записях Заира Цвижба рассказывает о встрече в Турции с 9-летним грузинским мальчиком Ерманом Кобаидзе, одетым в черкеску, и его матерью-абхазкой из известного рода Званба.

² Так, например, рассказывают, что лет 70 тому назад молодой абхаз по имени Есхак Папба насильственно увез черкешенку, заткнув ей рот войлочным мячиком, чтобы она не могла кричать.

нальностей. Они все же встречаются, особенно в верхушечных слоях общества. А дочь Албуза Маан, близкого родича Каца Маан, жившего в Стамбуле и Измите и пользовавшегося большими привилегиями, попала в гарем и родила султану Абдул-Гамиду (Хамиду) сына. Браки заключаются в основном в своей этнической среде, а также между абхазами, с одной стороны, и черкесами и грузинами¹, с другой.

Свадебные обряды турецких абхазов, в отличие от наших, не характеризуются такой сложностью, а пиры – такой многолюдностью и пышностью, что частично объясняется отсутствием у них на столах спиртных напитков – вина и водки, а свадебное меню у бедняков ограничивается в основном только мамалыгой и вареным мясом. Интересно, что, как рассказывают, за столом многие держат голую кость от зарезанного к пиру животного и ударяют ею по столу, аккомпанируя танцам.

Иначе выглядят свадьбы представителей имущих слоев населения. Приведу рассказ Мамета Авидзба об одной такой абхазской свадьбе в Турции.

Махтыбей Джир-ипа (Ардзинба), женившийся на сестре крупного абхазского феодала-дворянина Албуза Маан, устроил по случаю своего бракосочетания пышный и многолюдный свадебный пир со скачками с призами и другими зрелищными представлениями. Один из участников, настроенный, видимо, против хозяина, подошел к последнему и сказал: сегодня, правда, здесь много народу, но если, когда мы вернемся домой, кто-нибудь спросит, что было интересного на свадьбе Махтыбея, то нам нечего будет ему рассказать.

– Разве? – отозвался хозяин, а затем, недолго думая, добавил: – Вот еще, что было интересного. – Сказав это, он выхватил пистолет, но люди успели предупредить кровавое преступление.

Было ли это так или нет, сказать трудно, хотя не доверять рассказчику у нас нет никаких оснований. Но если это действительно факт, то чего в нем больше – дикой жестокости, несовместимой к тому же с обычаем гостеприимства, или своеобразного проявления традиционного «закона гор», не остав-

---

¹ См. комментарий З. Цвижба к статье В. Шакрыл «Сухумская кравица: впереди финал» // «Советская Абхазия», 23 июня 1989 года.

ляющего безнаказанным сознательное публичное оскорбление чести и достоинства человека?

Турецкие абхазы живут в основном малыми семьями, но кое-где все еще встречаются и большие семейные коллективы, состоящие иногда из пяти и даже больше поколений. В состоятельных семьях большое внимание уделяется, в частности, эстетическому воспитанию подрастающего поколения. Идею спасения мира красотой абхазы выразили по-своему. «Красота сто недостатков скроет» (Агъшзара шэ-грак атэахуеит), – говорят они, подчеркивая этим силу воздействия прекрасного на душевное состояние, ум и чувства человека. Широкой известностью пользуется Кереман Халис Едже. Эта красавица, потомок абхазских переселенцев, происходит из старинного рода бзыбских крестьян Ебжноу, сейчас ей около 80 лет и живет она в Стамбуле. В свое время – на Всемирном брюссельском конкурсе красоты 1932 года – она была признана красивейшей в мире. О бывшей «Мисс мира» О. Беигуа рассказывает в своей книге по истории абхазов, а недавно в дар Абгосмузею прислал и ее фотографию, взятую из турецкого журнала тех лет¹.

6. О родовом составе абхазского населения Турции

В Турции представлены почти все абхазские фамилии, в том числе и те, которые в самой Абхазии уже не встречаются. По своему количественному составу они самые разные – от одного двора до двухсот и даже больше. Говорят, например, что род Капба насчитывает 202 двора, Авидзба – 150, Шамба – свыше 100 и т.д. Громадное большинство фамилий – деревенские жители, в городах их сравнительно мало (в Стамбуле, например, встречаются Арютаа, Бигуаа, Гечба, Жиба, Званба, Папба, Трапш, Хватыш, Цугба и др.). Из фамилий бывших князей и дворян можно назвать, например, Чачба, Ачба, Гечба, Иналипа, Маршан, Чаабал, Званба, Маан (их больше всего в области

---

¹ Вспомним и прекрасную парижанку Мэри Шервашидзе, также вдохновлявшую в свое время поэтов и художников, волею судьбы закончившую недавно свою жизнь вдали от родины.

Хендек), Мканба, Яшба (Эшба)¹ и др. Гораздо больше, конечно, крестьянских фамильных групп, например, Абухба, Агрба, Ажиба, Акусба, Амичба, Аншба, Ардзинба, Арстаа, Ахба, Ашхаруа, Ашуба, Багапш, Бганба, Бутба, Губаз, Кобахия, Куадзба, Куджба, Купалба, Папба, Цугба, Цвижба, Чанба и др. Назовем и несколько фамильных имен, которых не стало в Абхазии: Адзба (Азба), Акушба (Ақэшба), Алацба (Алатцба), Авхаа (Аохаа), Атейба (Атеиба), Аублаа, Баалоу, Гардан, Таскуач (Таскэач), Хвмар (Хэмар), Цвацваба (Цэатцэаба) и др. (см.: более полный список в приложении).

Фамилии турецких абхазов, часть из которых приведена здесь в своей «натуральной» форме, сохраняются по традиции лишь для внутриэтнического использования. Юридической силы они не имеют. Для официальных целей дедовскую фамилию или изменяют до неузнаваемости (так из «Бигуаа» получилось «Бюйюка»), или берут какое-нибудь приглянувшееся арабское или турецкое слово и присваивают его себе в качестве «паспортного» имени (например, в документах Орхан Шамба значится под фамильным именем «Чакар»)². Исчезли также все традиционные мужские и женские личные имена, причем все это является одним из элементов политики

---

¹ Интересные сведения об этом старинном и некогда широко распространенном абхазском роде, представители которого живут в районе Адапазары-Хендек (с. Тагуарек), содержатся в упомянутом выше письме студента Бюлента Эшба. По его словам, которые основаны на сообщениях отца и других старших сородичей, он принадлежит к фамилии Эшба, точнее Яшба, отца звали Шабан, деда – Ибрагим, а прадеда – Альяс (Ильяс), который во время переселения с трудом добрался до Гиресуна и там скончался. Деду тогда было всего лет 6-7. Альяс с отцом Акуном и братьями жил в Цебельде (Цабал). Как рассказал другой старый родич из той же деревни, дед Акуна был известен в Цебельде под именем Бадрук (Бадрыйъа), отец – Безрук (Базрыйъа), у самого Акуна был сын Хатажук (ЩаОажъыйъа), внук – Абаджа (АбаЪа) (все они умерли в Абхазии), только правнук Акуна – Шаиб похоронен в Турции, а праправнук по имени Раиф, сообщивший об этой генеалогии, жил еще тогда, когда отправлял студент свое письмо ко мне, и ему было тогда лет 75 (1970 год).

² У самих турок фамилии были введены только в 1934 году и еще не совсем успели прижиться.

денационализации иноэтнической общности. В. Кукба писал: «Надежда моя найти проф. Бутба через Константинопольский университет не увенчалась успехом, так как все фамилии переделаны на турецкий лад, а я не знал, как называют проф. Бутба по-турецки» (потом ему все же удалось встретиться с ним где-то под Константинополем)¹.

7. Язык и фольклор

Самым важным признаком национального самосознания является язык. Сохранили ли, и в какой степени, зарубежные абхазы родной язык?

Одним из главных и достоверных источников по этому вопросу, как и по другим, являются сочинения и устные свидетельства проф. М.Ш. Бутба. На основе латинского алфавита он написал, а в 1919 году типографским способом издал в Стамбуле отдельной книжкой букварь для детей турецких абхазов на 34 страницах малого формата. Характерно и внешнее оформление этой книжки: на лицевой стороне обложки имеется фотоснимок пятерых вооруженных абхазов, одетых в черкеску (двое полулежат впереди, а другие стоят позади). На обороте – изображение какой-то печати, по-видимому, эмблемы абхазо-черкесского общества в Турции. Книга называется так: «Serques elifbe apsifsele. Vizviz: Abitp M. Asiqse 1. Istampail, 1335–1919», то есть: «Черкесский букварь по-абхазски. Написал: Абитп М. Год. 1. Истамбул, 1335–1919». Кроме того, на обложке мы читаем: «Ariy afseki, alsere zimov yirbeit, yirguerxeut», то есть: «Эту книгу имеющие силу просмотрели и утвердили».

Этот букварь, заслуживающий специального изучения, несомненно, является одним из важнейших памятников культурной жизни наших зарубежных соотечественников, свидетельствующих, в частности, о том, что турецкие абхазы и их дети сохранили свое национальное самосознание и свой родной язык. Опыт создания букваря, пусть и страдающего недо-

¹ ЛО ААН. Ф. 800. Оп. 6, № 277. Л. 1 – 6.

статками, и прохождение по нему грамоты на родном языке в абхазских селах Турции являлись выражением борьбы турецких абхазов за сохранение своей национальной самостоятельности, чтобы окончательно не ассимилироваться. Однако, фактически почти никакого практического применения учебник не имел, и дальнейшего развития дело школьного обучения родной грамоте не получило, как, впрочем, это имело место и в отношении создания азбук на языках других нацменьшинств Турции¹.

Тот же проф. М.Ш. Бутба во время встречи с абхазской интеллигенцией летом 1920 года утверждал, что все двести тысяч абхазов, проживающих в Турции, говорят по-абхазски, никто из них не забыл родной язык. На сходках и собраниях, как и у себя дома, все абхазы пользуются только абхазским языком. Хотя они знают и турецкий язык, но не так хорошо, как родной, причем далеко не все². По свидетельству Н. Агрба, жители таких сел, как Гума и Цгу, возможно, и вовсе не знают турецкий язык, ибо до революции не было там поблизости турок. Даже некоторые турки, живущие среди абхазов, говорят на абхазском языке. В с. Соук-су (Джгерда), вилайет Сакарья, все без исключения говорят по-абхазски³ и т. д.

Около сорока лет французский ученый Ж. Дюмезиль занимался изучением кавказской филологии – языков и фольклора убыхов, черкесов и абхазов, проживающих в Турции, и по этой тематике им написан целый ряд работ. Главными источниками, из которых исследователь черпал необходимые материалы, являлись живые носители названных языков. При этом он опирался главным образом на людей, которые одинаково пользовались не только одним, но двумя и даже тремя родственными языками, как своим родным языком – абхазским,

¹ Например, по инициативе группы турецких грузин в 20-х годах колонией грузинских католиков в Стамбуле был издан учебник родного языка для детей, но дело кончилось тем, что правительство пресекло это мероприятие (см.: статью **Джикия С.** в газ. «Заря Востока» от 29 января 1946 года, № 21).

² Газ. «Апсны». 28 августа 1920 года, № 31.

³ Сообщение выходца из этого села экономиста Эрала Кылыч (Куталиа) (**Дзидзария Г.А.** Указ. соч. С. 503).

убыхским, черкесским. И таких информаторов Ж. Дюмезилю посчастливилось найти несколько человек ¹.

Так он опубликовал убыхские тексты «двуязычников», то есть одинаково хорошо владевших убыхским и черкесским языками. Этими «двуязычниками» являлись два убыха – один по имени Ильяс, а другой – Тевфик Есенч. Последнему особенно много обязан не только французский лингвист, но и другие исследователи языка убыхов (норвежский лингвист Г. Фогт и др.)².

Проверочное редактирование убыхских текстов осуществлялось при помощи двух черкесов, для которых черкесский язык являлся родным. Один из них жил в Турции, потом в Сирии, затем, работал в доме фонда Толстого под Парижем и, наконец, уехал в Нью-Йорк, а другой изучал в Париже статистику. Первого Ж. Дюмезиль посещал в течение 3-х лет два раза в неделю, а второй 4 года был его постоянным сотрудником. Кроме того, к своим последним публикациям текстов на убыхском языке автор приложил черкесские версии – кемиргойские Кубе Шабана и кабардинские Андемира Ашкина. «Благодаря этим версиям, – пишет Дюмезиль, – для сравнения убыхского языка с двумя разновидностями родственного ему языка в настоящее время имеется обильный и разнообразный материал, в котором различия заметны также четко, как и соответствия».

После таких многолетних интенсивных работ по сборанию и изучению текстового и прочего материала по убыхскому и черкесским языкам автор переходит к другому языку этой группы – абхазскому. «Над изучением этого языка, – писал он, – я работаю вместе с Зюлькюфом Хас вот уже около 10 лет»³. Дюмезиль считал, однако, что для сравнения на месте убыхского языка с абхазским обстоятельства не были благоприятными. Он писал, что в двух деревнях – Хаджи Осман

¹ Дюмезиль Ж. Анатолийские документы о языках и традициях Кавказа. 5. Абхазские этюды. – Париж. 1967 (на франц. яз.).

² В настоящее время очень небольшие группы остаточных поселений встречаются в районе Богазкёя, Даганчак и в других местах, причем знающих родной язык осталось, может быть, десятка два-три, основная же масса ассимилировалась главным образом в адыгской, меньшая часть в абхазской, а также турецкой этнических средах.

³ Дюмезиль Ж. Указ. соч. С 2.

Кей и Хаджи Якуб Кей имелось достаточное количество убыхов – около 30 человек, чтобы разговаривать на своем убыхском языке, но и они были двуязычны, так как свободно знали и черкесский язык, как и в других местах. Следовательно, их двуязычие носило такой же характер, как и Тевфика Есенча: убыхский и черкесский. Но, указывает далее ученый, так было не всегда. «Дедушка Тевфика по материнской линии Ибрагим, родом из эмигрантов, говорил по-убыхски и по-абхазски, но не по-черкесски. Но среда в этих двух деревнях была в основном чисто черкесская, и период жизни двух поколений оказался достаточным, чтобы исчез вспомогательный язык, ставший ненужным»¹. Только в 1958 году в другой области, на южном берегу озера Сапанча, где Дюмезиль начинал свои исследования еще в 1930 году, он смог встретить одну женщину, владевшую абхазским и убыхским языками, а также еще двух людей, говорящих одинаково хорошо на трех языках – абхазском, убыхском и на одном из западночеркесских диалектов. Но один из них по имени Чизамыгва Хюсейнбей из Киркпинара, которого Дюмезиль знал с 1930 года, умер. Ханума Хандан из Машукие, знавшая два языка, в 1960 году помогла ему перевести на убыхский язык сотни пословиц из книги Д.И. Гулиа и два абхазских текста из предыдущих публикаций (впрочем, замечает он, ее убыхский язык не был вполне безупречным). Большое содействие французскому лингвисту оказал владевший тремя языками Хаджи Хусейн из Курт-Кёя, входивший в большую деревню Яник у Киркпинара. «Он перевел многие тексты Зюлькюфа на такой убыхский язык, в котором Тевфику, – по словам Дюмезиля, – пришлось мало что изменить»². Дюмезиль работал с ним два летних периода и восхищался им, как и Тевфиком, видя, как из его уст свободно и легко выходили соответствующие убыхские и черкесские эквиваленты времен, превербов, частиц и аффиксов абхазского глагола, или же в обратном порядке – абхазские эквиваленты оборотов и форм, свойственных убыхскому языку. Но смерть Хаджи положила конец этому плодотворному сотрудничеству.

---

¹ Дюмезиль Ж. Указ. соч. С 2.

² Там же. С. 3.

Наконец, в окрестностях Стамбула пожилая женщина, знавшая три языка, по имени Ханума Азиз, убыхка по происхождению, согласилась быть информатором Дюмезиля. Но она говорила не на том диалекте, которым пользовался исследователь, а на другом абхазском диалекте, являвшемся ее основным языком, к тому же, недостаточно хорошо владела она убыхским и черкесским языками. Дюмезиль писал, что «ее абхазский диалект принадлежит к диалектам, различающим две серии шипящих губных звуков. В ее понимании фонемы, которые меня так затрудняли при изучении убыхского языка (s°, z, s°, z°), совершенно идентичны, как это, кажется и мне. Я не надеюсь найти других двуязычных людей»¹.

С 1961 года Дюмезиль работал в Стамбуле. Туда он часто приглашал Зюлькюфа и Тевфика Есенча, причем последний переводил на убыхский язык абхазские тексты, которые предварительно были продиктованы исследователю Зюлькюфом Хасом².

Книга «Абхазские этюды» начинается с общего говора основного информатора автора по абхазскому языку – Зюлькюфа Хаса (по метрике Зюлькюфлю Хаса). Это был 40-летний абхаз, который служил в муниципалитете Стамбула, родом из деревни Юзун-каорман, вилайета Сакариа (район Адапазары). Он сообщил Дюмезилю, что говорит на бзыбском диалекте, что подтверждается и некоторыми чертами фонетического и морфологического характера. «Впрочем, он полагает, – писал автор, – что в абхазском языке, собственно говоря, нет диалектов; по его мнению, есть лишь люди, которые говорят правильно, – это и есть бзыбский язык, а другие говорят на диалекте бозук или каба, то есть на испорченном или народном языке»³.

После предисловия, из которого заимствуются в основном эти сведения, и краткого грамматического очерка абхазского языка, в книге даны 11 текстов на двух, трех или четырех языках – абхазском, убыхском, адыгейском и кабардинском, а также в переводе на французский язык. Только текст № 11 дан на одном абхазском языке, так как он очень близок к ра-

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 4.

нее опубликованному автором рассказу на черкесском и убыхском языках.

Оригиналы этих текстов, за редким исключением, абхазские. К ним приложены версии на убыхском, западно-черкесском и восточно-черкесском языках. А когда оригиналом является убыхский текст (№ 3), то и к нему автор дает абхазский и черкесский варианты. После всех вариантов идут примечания, причем примечания к абхазским текстам более развернутые. Все слова первых пяти текстов и примечания автором подвергнуты анализу по составляющим их элементам с применением принятых им условных знаков. Переводы выполнены по оригиналу и дословно.

Книга кончается описанием поправок к II и III томам «Анатолийских материалов» Ж. Дюмезиля. Поправки эти по поручению автора и при сотрудничестве Тевфика Есенча выполнены другом Дюмезиля – Жоржем Шарашидзе, профессором школы живых восточных языков, который с 1963 года также занимается изучением абхазо-адыгских языков. С этой целью в 1965 – 1966 годах он жил в Турции и работал там с местными абхазами и черкесами. Профессор фольклора Анкарского университета Пертев Н. Баратов снабдил все тексты фольклорными указателями. «Зюлькюф колеблется, – пишет Дюмезиль, – когда у него спрашивают о происхождении этих рассказов. Мне кажется, что за исключением текстов 1, 3, 10 и 11, ни один из них не является чисто кавказским. Это – турецкий фольклор в абхазском переложении»¹.

Как сказано, наряду с широко распространенными у многих народов мотивами и сюжетами, в записанных Ж. Дюмезилем абхазских текстах встречаются и отдельные оригинально-абхазские фольклорные сюжеты. Таков, например, рассказ под названием «Умная девушка» (текст XI), посвященный теме предбрачного испытания, причем существует и близкий к нему убыхский вариант.

Кроме того, в авторских комментариях к этим текстам можно почерпнуть некоторые, правда, не очень значительные, но все же ценные сведения о прошлом и настоящем турецких

---

¹ Там же.

абхазов, в частности, об их этнографическом быте. Некоторые стороны этого быта подверглись все-таки не столь радикальным изменениям, несмотря на столетие со дня выселения и неблагоприятные условия для развития их национальной культуры. В этом смысле характерен следующий эпизод, о котором сообщается Ж. Дюмезилем в его книге. Говоря об условиях фиксации предания «Дагуа-ипа Закарейя (текст III), автор пишет: «Однажды октябрьским вечером 1961 года Тевфик Есенч и я были приглашены к Зюлькюфу Хас, который хотел нас представить своим родителям. Его отец передал этот рассказ по-турецки, но на следующий день он отказался продиктовать его мне по-абхазски, считая, что он неприличен и что, если представители племени Маан, которых много в абхазских деревнях области Хендек, узнают об этом, то это вызовет вражду с их стороны. Тевфик этого не побоялся и, спустя несколько дней, он продиктовал его мне на убыхском языке. Впоследствии Зюлькюф согласился перевести его с убыхского на абхазский под контролем Тевфика, не ручаясь, за точность»¹.

Читая «Абхазские этюды», поражаешься тому, сколь мало изменился и сам родной язык турецких абхазов. Достаточно сказать, что во всех одиннадцати абхазских текстах общим объемом свыше 30 печатных страниц лишь единичные слова и термины могут быть непонятными современному читателю-абхазу из Абхазии. Это свидетельствует о значительности количества говорящего на нем населения, не потерявшего свои национальные особенности, и о необычайной живучести и консервативности языковых форм, которые нелегко поддаются радикальным изменениям даже в неблагоприятных условиях и сохраняются в течение столетий.

Даже в турецких гаремах, где, по словам Ж. Дюмезиля, «повелевали кавказские женщины», была не только слышна абхазская речь, наряду с другими «черкесскими» языками, но ее усваивали и другие обитательницы сераля, как это засвидетельствовано, например, тем же знаменитым исследователем кавказских языков и традиций в Анатолии. Вот что мы у него читаем:

---

¹ Дюмезиль Ж. Указ. соч. С. 74.

«Хандам Ханым имела интересное происхождение. Она не-гритянка. Войдя в гарем еще совсем ребенком, она выросла на службе у кавказских женщин, которые повелевали там. Так она усвоила убыхский и абхазский языки. Она также говорит по-цыгански. В данное время, возможно, ей лет 70. Живет она со своим сыном Ахметом..., невесткой и тремя внуками (Тимур, Тахир и Гюльсель). Я его знаю с 1960 года. В Машукие, он занимался перевозкой прекрасных яблок... Хандам Ханым знакома со мной через посредство Хазизы Ханым, которая знает два языка: убыхский и абхазский. В районе Манияс двуязычность только убыхско-черкесская»¹.

У меня сохранились выписки из одного трогательного письма абхазского мальчика из Турции, датированного 10 мая 1966 года. Он пишет брату своего деда, упомянутому выше старому куланурхвинскому жителю, ныне, покойному Мамету Авидзба. Письмо фактически содержит бесхитростную характеристику состояния абхазского языка в некоторых населенных абхазами областях Турции. В нем мы находим такие слова (оставляю все, как в оригинале): «... Ихсан Дузчи служит. Он очень хорошо живет. В которые мы имеем на селении сельское хозяйство; есть у нас люди, которые они там еснет (?) и собирают урожай. Население там мы имеем дома, одновременно Дузчи то же, имеем дома. Мы, начиная с маленького и взрослого, разговариваем на абхазском языке. Среди нас нет ни одного человека, чтобы он не знал абхазского языка. Везде мы разговариваем на абхазском языке. У вас, оказывается, есть школа на абхазском языке; об этом мы узнали. Из ваших детей кого-нибудь есть или нет окончившие учебное заведение? Об этом Вы напишите нам. Наши Гума переименовали (в) Дируин, т.е. мы раньше называли Гума, а теперь мы называем село Деруин. На этом село проводили электрификация, одновременно, Деруине открыли школа. Когда мы получили Ваше письмо, я пошел Хаджи Изерту, он с руки мне взял и поцеловал письмо. И он заплакал...»².

---

¹ Дюмезиль Ж. Указ. соч. С. 36.

² Из письма Ихсан Озер Орман Текникер Окулунда Лаборант Мамету Авидзба из Дузчи Болу в Турции от 10 мая 1966 года // См.: также ж-л «Амцабз», 6, 1966.

Конечно, не все турецкие абхазы могут сказать, что «среди нас нет ни одного человека, чтобы он не знал абхазского языка», но, что есть населенные пункты с преобладанием живой абхазской речи и, что в целом их не так уж мало, можно считать установленным фактом, как в этом мы сами могли убедиться во время своего путешествия по Турции летом 1968 года. Тем не менее, существование там слишком неблагоприятных условий для развития абхазского языка не нуждается, конечно, в доказательствах, независимо от таких, правда, небольших, но характерных фактов, как указанное мальчиком в приведенном письме упразднение с легкостью необыкновенной абхазского топонимического названия Гума, проникшего туда так же вместе с нашими махаджирами.

Самым характерным в жизни турецких абхазов в языковом отношении является то, что многие из них свободно говорят на двух, трех, а раньше говорили даже и на четырех языках: абхазском, убыхском, черкесском и турецком. Ж. Дюмезиль в своем письме ко мне от 26 января 1964 года сообщал: «В Турции, где я работаю ежегодно, я встречал абхазцев, владеющих несколькими диалектами, но они не знают, как называется диалект, на котором они говорят. Один из этих абхазцев продиктовал мне множество интересных текстов, которые были переведены по моему распоряжению на черкесский и убыхский языки «двуязычниками». Раньше у меня было трое «триязычников», владеющих абхазским, убыхским и черкесским языками, но теперь остался в живых только один, или точнее одна из них. Впрочем, есть и «двуязычица», которая говорит на абхазском и убыхском языке: «двуязычников», владеющих абхазским и черкесским, гораздо больше».

Есть немало сел, где говорят только на одном – абхазском – языке. «В Дюзче только слышна абхазская речь», – говорил И. Григолия. Омар Беигуа преподнес ему свою визитную карточку, на обороте которой он написал с помощью латинского шрифта трогательное четверостишие на чистейшем абхазском языке. Вот фотокопия текста этого стиха:

Аихабацәа рнапы хагәзуеит,
Аитцбацәа рылақәа харгәзуеит.
Ақәлацәаггы хамышныхәа рауат.
Ишәыхьша еицҳахьааит!
Перевод (подстрочный):
Старших руку мы целуем,
Младших глаза мы целуем,
И сверстникам желаем счастливого дня,
И пусть будет с нами то же, что и с Вами!

Все это показывает, что абхазская устная речь звучит еще во многих деревнях и городах Турции в своей, если можно так выразиться, первозданной чистоте – без каких бы то ни было существенных изменений фонетики, морфологии или синтаксиса и, как видно по всему, будет жить долго. А, может быть, «если будет на то господня воля», абхазский язык еще воспрянет и покажет свои силы к новой жизни и развитию, в отличие от ближайшего родственного ему убыхского, звуки которого, не слышимые на его кавказской родине вот уже более ста лет, замолкнут скоро и за морем, не выдержав, по причине малочисленности его носителей, конкуренции с ассимилирующими его языками, прежде всего, турецким.

Проф. В.И. Абаев в личном письме сообщил мне весной 1966 года, по возвращении из поездки в Париж, следующее: «Одновременно со мной в Париже оказался знаменитый убых Тевфик Есенч. Я записал от него на магнитофонную ленту два убыхских сказания и одну черкесскую песню... Насколько могу судить, это будет уникальный в Советском Союзе документ звучащей убыхской речи, которая, увы, исчезнет скоро с лица земли...».

Ж. Дюмезиль в одном из писем 1964 года сообщал мне, что у него имеются значительные записи абхазского фольклора, делавшиеся им во время своих неоднократных посещений Турции, что он на днях снова уезжает в Анатолию «на сбор урожая к последним убыхам», «что этим летом он, «может быть, проживет немного у кавказцев в деревне Адабазар». А через год, в 1965 году он написал в Майкоп адыгейскому фольклористу

Аскеру Гадагатлю, что «...очень хорошо поработал особенно с убыхами и абхазами».

И. Григолия привез из Турции грамзапись нескольких песен и текстов на чистом абхазском языке, сделанную им в 1965 году: «Героическая песнь» в 2-х вариантах, «Песнь Аиргъ» и другие, нартское сказание – «Песнь матери Нартов» («Саҭанеи – Нартаа ран лашәа»), новый вариант легенды об Абрскиле («Абрцкьыл»)¹ и др. Он рассказывал, что Омар Беигуа, познакомившись с изданными в Москве абхазскими нартскими сказаниями, сказал: «Это очень хорошо, но я не совсем согласен с составителями: у абхазов Нартский эпос представлен гораздо шире и богаче».

У турецких абхазов в какой-то степени еще сохраняются старинные национальные песни и танцы, а также отчасти и некоторые народные музыкальные инструменты (двухструнная скрипка «апхьарца», в меньшей степени свирель «ачарпан» и др.), но собиранием и изучением все более исчезающих уникальных материалов музыкального фольклора никто никогда не занимался, не занимается и по сей день, в результате чего, можно сказать, с каждым днем деформируются и уходят в небытие редчайшие страницы духовной культуры абхазского народа.

Зарубежные абхазы проявляют, естественно, огромный интерес к советской Абхазии, к быту и культуре абхазского народа. Характерно в этом отношении письмо, полученное мною весной 1970 года от студента III курса географического факультета Стамбульского университета Бюлента Эшба. Он пишет, в частности, что писать и читать по-абхазски его научил, как и многих других, Омар Беигуа. «Я прочитал Вашу книгу под названием «Из истории абхазской литературы». Она мне премного понравилась. Но вместе с тем, много в книге турецких терминов (тыркушәала ашьтыбыжькуа). Вот только один пример: «атапанча» вместо «акьараху», «абахча» вместо «амзырха». Если подобное мы напишем, и то стыдно, а вы, такое

---

¹ Легенду об Абрскиле знали, по-видимому, и убыхи. Рассказ об «убыхском Прометее» записан в Турции в 1955-1956 годах Ж. Дюмезилем и А. Намитоком со слов одного из лучших знатоков убыхского фольклора.

как могли написать»¹. Дело тут совсем не в том, насколько прав автор письма в своих критических замечаниях, а в том, что он, овладев по своей инициативе родной азбукой, внимательно прочитал до конца большую книгу на абхазском языке и высказал о ней свои отнюдь не пустяковые замечания.

Большое значение для развития языка имеет наметившееся за последние десятилетия некоторое оживление контактов советских абхазов с их зарубежными соотечественниками, в частности, разновременные туристические и другие поездки абхазских ученых, писателей, художников, артистов и др., путевые заметки, которые частично публиковались в прессе, а также приезд к нам представителей турецких абхазов, особенно значительной группы, посетившей по доброй инициативе полуабхаза-полулаза Хасана Языджи нашу республику в 1975 году. Членам делегации, в составе которой был также Омар Беигуа, были преподнесены «Азбука» и другие абхазские книги, которые воодушевили молодежь и помогли ей в овладении родным языком.

Следует обратить особое внимание на то, как представляет себе современное положение абхазского языка в Турции такой ученый и просветитель, как О. Беигуа, который родился в этой стране и живет в ней все свои 90 лет и который, как он говорил нам неоднократно, побывал почти в каждой деревне турецких абхазов и обследовал их. По его словам, количество населенных пунктов в Турции, где живут абхазы, достигает до 200, причем, только 30 из них являются национально смешанными (абхазы, черкесы, грузины, турки). Он уверенно утверждает, что во всех этих селениях все абхазы говорят на родном языке, и только в смешанных деревнях из 100 человек не знают его не более 5².

И всё-таки даже в сельских местностях абхазы обычно двуязычны – в наиболее традиционных семьях говорят на родном языке, а в школах и частично в обществе – на турецком, причем, как правило, хуже знают родную речь представители знатных и привилегированных социальных слоев.

---

¹ Почти все цитируемые или упоминаемые в этой работе письма, адресованные мне, хранятся в моем личном архиве. (К сожалению, часть из них была взята автором в институт и погибла в пожаре здания во время грузино-абхазской войны. Прим. М.К. Хотелашвили)

² Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 493.

Конечно, время идет, и оно вносит свои изменения в жизнь языка, особенно того языка, который в течение многих уже десятилетий находится в неблагоприятных для своего развития условиях. Поэтому вряд ли проф. М.Ш. Бутба мог бы с той же уверенностью повторить сегодня свои слова, сказанные летом 1920 года перед собранием абхазской интеллигенции в Сухуме: «Все турецкие абхазы говорят по-абхазски, никто не забыл родного языка. Как на собраниях, так и дома они говорят только по-абхазски. Знают и турецкий, но не все, лучше говорят, конечно, на абхазском языке». Зато, если в тот период, согласно той же информации, всего только несколько абхазов имели среднее и высшее университетское образование, то к настоящему времени картина в этом отношении в значительной степени изменилась в лучшую сторону, хотя точными сведениями о среднем и высшем образовании среди наших зарубежных соотечественников мы не располагаем.

В клубах и на больших свадебных торжествах поют абхазские песни, танцуют парни и девушки, иногда с участием пожилых, исполняют, по наблюдениям А. Мукба, такие танцы, например, как «Танец цебедьдинцев», ему же удалось встретить одного 60-летнего, замечательного сказителя из рода Багапш, который и исполняет, и записывает народные танцы и песни, например, юмористическую песенку «Ты несчастная, несчастный и я» (Бара рыцха – сара рыцха).

В 1973 и 1975 годах Орхан Шамба и студентка Стамбульского университета Махинур Папба, побывав в Сухуми, передали в Абгосмузей записи некоторых народных песен турецких абхазов – «Песню об Аджгирей-ипа Кучуке», «Песню о Катмаса Халыбее», «Песню об Инджи-Ханым», «Песню о Геч Рашите», песню «Аураашья», а также небольшое количество оригинальных нартских сказаний¹. Этих материалов, к сожалению, не очень много, но они все же помогают составить представление о сохранившемся фольклоре, а также о жанровой специфике и современном творчестве наших заморских соплеменников.

Научный работник Абхазского государственного музея Р. Гожба в настоящее время готовит к печати большой сборник

---

¹ **Гожба Р.** Указ. соч.// «Абхазский университет», 30 сентября 1988 г.

почти всех жанров национального фольклора турецких абхазов, включая ранее им опубликованные: фрагменты Нартского эпоса, сказки, историко-героические песни, предания, пословицы, поговорки и др. Сборник составлен, можно сказать, целиком по любительским записям потомков самих махаджиров, сделанным корреспондентами составителя в послевоенное (после Второй мировой войны) время, объемом свыше 20 печатных листов, сборник неопровержимо свидетельствует о том, что очень многие абхазы, проживающие в Турции, продолжают еще сохранять в чистоте как свой родной язык, так и образцы уникальных произведений устного народного творчества¹, хотя уже и не без некоторого влияния традиций турецкого или другого иноязычного фольклора.

В целом, однако, отсутствие всякого содействия со стороны властей и ассимиляторская политика делают перспективы развития национального языка и культуры турецких и других зарубежных абхазов не радужными. Тем более необходимо предпринять все возможные меры для их сохранения и дальнейшего развития.

8. Религия

В Абхазии и до махаджирства ислам успел пустить значительные корни, причем разжигавшийся турецкими агентами-фанатиками «вопрос веры» (адин ус) был (по крайней мере, для части населения) одной из причин самого выселения. Оказавшись же в самой Турции – цитадели мусульманства – они полностью восприняли учение Магомета, уверовав, что последний действительно является посланником самого Аллаха, причем,

---

¹ Дополнительные оригинальные версии нартских сказаний турецких абхазов, записанные Джамалом Харания и другими, со слов разных современных сказителей – «Нарт Сасрыква» (два варианта), «Выдж и Нарт Сасрыква», «Гунда Прекрасная и Айлахвба Хьгу» и «Нашьбабух». См.: **Гожба Р.** «Сказания турецких абхазов» // «Алашара», №5. 1989. С. 81 и сл., а также замечательные материалы, опубликованные им в «Трудах Абгосмузея» // **Гожба Р.** Фольклорные материалы абхазов Турции // Труды Абгосмузея. Вып. V. – Сухуми. 1980. С. 38 – 64 (на абх. яз.).

по словам М.Ш. Бутба, догматов этой религии особенно придерживаются представители старшего поколения, а также дети.

Некоторые правоверные мусульмане из абхазов совершали паломничество в Мекку, как, например, Албуз и Камлат Мааны, которые, как рассказывают, «три месяца находились на этой священной земле (хацъра ицеит) и умерли там».

Как и турки, от которых абхазы восприняли ислам, все исповедующие ислам абхазы являются мусульманами-суннитами (сунизм, в отличие от шиизма, считается основным, ортодоксально-правоверным направлением в исламе). «Абхазов-христиан в Турции нет, – говорил Мамет Авидзба, – турки заставляли их всех перейти в мусульманство». Масса верующих до сих пор неукоснительно выполняет все предписания ислама, в том числе придерживается запрета в отношении не только свинины, но и вина. По словам того же старика, махаджир, как и все другие абхазы, очень любят вино, но у себя дома пить его не могут, поэтому, если хотят нарушить религиозный запрет, едут в город, где все подобные обычаи вообще соблюдаются гораздо менее строго.

В каждой деревне имеются мечети и муллы, причем многие из последних являются абхазами. Не только христианские, но и значительная часть тех языческих обрядов, которые имели большую силу и широкое распространение в дореволюционной Абхазии, у махаджиров под влиянием ислама были преданы забвению¹. Но все же, некоторые традиционно абхазские религиозные культы и обряды кое-где, по-видимому, сохраняются. Перед Первой мировой войной еще довольно широко устраивались, например, общественные моления для вызывания дождя (ацуныхәа), многолюдные поминки с принесением жертв (аҭсататә) и ритуальными скачками (атарчеи) и др. Хусин Авидзба также подтверждает, что турецкие абхазы устраивали в его время (1907 г.) моление «ацу», но он, будучи сам истым мусульманином, отрицает бытование других языческих

---

¹ Имеются сведения о том, что махаджир, называли одну из турецких вершин Дыдрыпшом, но, как видно, она так и не стала для них «священной горой» (Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1957. С. 42.).

верований, обрядов и молений, которые по его словам, вытеснены исламом. От необычайно развитого некогда у абхазов языческого культа сохранились лишь жалкие остатки и отдельные, передаваемые с насмешливым оттенком, воспоминания.

Пожалуй, больше, хотя и в измененном виде, сохраняются похоронные (например, указанные ритуальные скачки) и поминальные обряды, а из них, прежде всего, поминки по умершим с жертвоприношениями (аҭсхәра).

– Как-то раз, – рассказывал Хусин Авидзба, вспоминая свою поездку к турецким абхазам в 1907 году, – я и мой младший брат шли по селу, и попали на чьи-то поминки.

– Смотри, тут готовятся поминки, но почему режут козу, а не овцу, как это положено у нас в этих случаях? – удивился брат.

– Да, сынок, – ответил один из местных стариков, – в Абхазии скота много, а тут в качестве жертвы душе покойного мы вынуждены довольствоваться часто одной козой.

Как мусульмане турецкие абхазы оставили в прошлом оплакивание умерших в форме битья ладонями по голове (у мужчин) и царапания лица (у женщин), а также ношение траурной одежды.

Зато они хорошо пока сохраняют представления об Анцва (Анцәа) как главного национального бога абхазов, занимающего в их сознании такое же положение, как Аллах, хотя никаких культовых обрядов в его честь не совершают.

Таковы некоторые вопросы этнографии турецких абхазов, которые, как и другие кавказские выходцы, в течение многих десятков лет подвергаются поглощению и ассимиляции, но, несмотря на это, сохраняют еще, особенно представители старшего поколения, родной язык и некоторые другие свои этнические особенности.

9. Национальное самосознание

У зарубежных абхазов, особенно турецких, сохраняются представления о традиционных этнографических группах, об основных подразделениях абхазской этнической общности, таких как садзы (живут в основном между Болу и Измитом),

бзыбцы, абжуйцы и др., а также и о более мелких родоплеменных локальных группах, например, халцисцах (халцыс), ахчипсуйцах (ахчыпсаа), псхувцах (псхэаа), гумцах (гэмаа), дальцах, цебельдинцах (далаа, цабалаа) и др.

Анзор Мукба записал слова одного из глубоких стариков по фамилии Ванача (Уанаѳа), который о своем происхождении сказал так: «Мы и там были ахчипсхувцами, и здесь остаемся ими». Ахчипсхувцы, которые до своего поголовного выселения обитали в районе среднего течения р. Мдзымта, живут сейчас в ряде сел близ Адапазары и Хендека.

Вместе с тем, подавляющее большинство абхазов, проживающих ныне в Турции, даже те из них, которые уже совсем или почти не говорят по-абхазски, сохраняют в неприкосновенности и свое общеабхазское национальное самосознание. Каждое их выступление на встречах, каждое письмо к родственникам и друзьям в Абхазии, проникнуто тоской по родине отцов, любовью к ней, неутоленной надеждой воссоединения на земле предков. Слова «абхазы» (ап̄суа), «абхазский народ» (ап̄суа жәлар), «абхазский язык» (ап̄суа бызшәа), «родной язык» (ахатәы бызшәа), «родина» (ап̄садгьыл) и другие понятия и термины, отражающие собой этническое самосознание – ведущий признак этноса, постоянно слышимы в устах едва ли не у каждого из них. Сохраняются даже некоторые этноцентристские представления,¹ все это поучительный материал для этнопсихологических исследований. «Наши деды, наши отцы, – изливает душу в своем письме Тенгиз Бганба, – умерли, погруженные в грезы об Абхазии и своих братьях в ней. Молюсь, чтобы нам это было не суждено. Да свершится наше единение в пределах Абхазии».

Конечно, не все так мыслят, не все так переживают за судьбу родины своих предков, не у всех такое развитое самосознание, и в этом сказываются не только дистанция времени и пространства, длительные процессы этнической ассимиляции, стремление к приспособлению к условиям страны прожи-

---

¹ «Объехал весь мир, но лучшего народа, чем абхазский, встретить не пришлось», – сказал Анзору Мукба один пожилой абхаз по фамилии Хватъш (Сергегия Л.//«Авангард», 17 марта 1989 года).

вания, не только прямое или косвенное давление властей, но также и узко-классовые и сословные предрассудки, которые еще не совсем изжиты у части абхазского населения Турции. Но таких «космополитов» в целом все же, сравнительно очень мало. И это, несмотря на неприкрытую политику отуречивания. Еще в начале XX века, во время беседы с С.П. Басария, стамбульские студенты-абхазы с горечью в сердце говорили ему: «Мы оставили Абхазию, думая сохранить свои национальные особенности, а эти «тюфяки» совсем хотят отуречить нас; мы теперь настаиваем, чтобы в школах разучивали горское пение, думаем создать свою азбуку, решили не бросать свой национальный костюм»¹.

Развитие национального самосознания, которому содействовало и непосредственное знакомство с жизнью советских абхазов, стремление к этническому выживанию подтверждаются не только горячими словами, недостатка в которых нет, но и определенными конкретными делами.

Так, в г. Адапазары, ставшем теперь побратимом нашего Сухума, в течение ряда лет существует общий абхазо-черкесский клуб, где абхазы, абазины, сохранившиеся убыхи, адыгейцы, кабардино-черкесы, вообще представители кавказских народов из окрестных сел и городов время от времени встречаются, проводят свои праздники, концерты национальных песен и плясок, обсуждают вопросы, связанные с родным языком, вообще развитием национальной духовной культуры. Кроме того, по словам А. Мукба, сейчас там собираются по примеру советских абхазов, построить нечто вроде национального ресторана в виде комплекса традиционного абхазского двора, включая так называемый «большой» деревянный дом «аква-ска». Есть и в Стамбуле Кавказский клуб, где также проводятся праздничные и другие мероприятия с активным участием абхазов. Как говорят, имеется там и второй подобный же клуб, который служит местом собраний в основном одних абхазов.

Итак, все горцы Кавказа, живущие в Турции и других ближневосточных странах, хотя известны под именем черкесов, но каждая из народностей сохраняет сознание своей этнической

---

¹ **Басария С.П.** Избранные сочинения. – Сухуми. 1967. С. 26-27, 82.

индивидуальности и память о своей исторической родине. Этому способствовало и то, что до сравнительно недавнего времени еще были живы старики, которые хорошо помнили свою родину и сохранили острое чувство привязанности к ней (например, еще в 30-х гг. в Турции жил 120-летний Омарбей Инал-ипа, которому во время выселения было не менее 50 лет и он, конечно, прекрасно помнил покинутую «Страну души»)¹.

Такие глубокие старики, по словам М.Ш. Бутба, «постоянно говорили об Абхазии, передавая свою любовь к ней и подрастающему поколению. Все хотят вернуться в Абхазию, но особенно» этого добиваются те из них, которые имеют образование, то есть интеллигенция². Если они увидят кого-нибудь из Абхазии, то прежде всего спрашивают, сохранилась ли самобытность абхазов (Аҭсуара ыҭоума Аҭсны?), а на народных собраниях молятся, чтобы бог благословил Абхазию (Иа, Аҭсны Анцәа иныхәа!). Мамет Авидзба вспоминал слова своей бабушки Фендык Цугба, которая, оказавшись в эмиграции, часто повторяла: «О, дети мои, лучше было умереть тогда, когда нам пришлось уходить от русского».

---

¹ **Басария С.П.** Редкие случаи долголетия в Абхазии //«Труды» АбНИИК. Вып. II – Сухум. 1934. С. 104.

² Газ. «Апсны», 28 августа 1920 года, № 31 (см. выше).

II. В АРАБСКОМ МИРЕ

1. В стране Шам

Абхазские эмигранты, как и многие другие кавказские переселенцы, которым трудно жилось в Турции, стали расселяться в поисках лучшей доли по всему Ближнему Востоку. Почти в каждой арабской стране можно встретить более или менее значительные группы абхазов, а с недавних пор они рассеяны по всему миру – от Европы и США до самой Австралии и Японии¹.

Новые поселенцы – абхазы, адыги и кабардинцы, основавшие здесь свои довольно обширные колонии, называются у арабов одинаково «черкесами» (шаркис) в основном по причине сходства их обычаев и традиций, а не столько из-за количественного преобладания черкесов. К тому же «черкесы» держали себя несколько обособленно от всех других. До сих пор они сохраняют свою спаянность, особенно в сельских местностях, не всякого допускают в свою среду и не всякий осмелится их обидеть. Один египетский геолог, много лет работавший в Сирии и Иордании, рассказывал, – пишет Л.Е. Кучберия, – как жители их с возвышенности обозревали (в подзорную трубу) абхазское село, не осмеливаясь войти туда, и как они видели издали стройных абхазских девушек, в длинных юбках, разгуливавших по двору². Вначале не было смешанных браков, и даже на свои «клубные» собрания арабов не допускали и т.д.

---

¹ Существует одна характерная турецкая поговорка: «Абхаза, хотя бы хромого, найдешь и в Багдаде». Смысл этого выражения состоит в том, что абхазы настолько рассеяны по миру, что их можно встретить чуть ли не всюду.

² **Кучберия Л.Е.** Из этнографии абхазов арабских стран // Ж-л «Алашара», № 5. 1971. С.76 (на абх. яз.).

Но все эти «изоляционистские» строгости с течением времени стали ослабевать, хотя некоторые их пережитки все еще дают о себе знать.

В арабском мире наибольшее количество наших зарубежных соотечественников проживает, пожалуй, в Иордании и Сирии, которую абхазы, как мы уже знаем, называют Шам (Шьям), что выражает собой священную землю, хотя ее «божественность» не избавила кавказских поселенцев от новых тяжких испытаний судьбы.

Везде, в том числе в Сирии, абхазы по силе возможностей старались выбирать для своих поселений удобные для жизни возвышенные места, напоминающие собой по естественно-географическим условиям родную Абхазию. Черкесы, в том числе абхазы, живут в Сирии (точнее, жили до недавнего времени) в основном в двух близ Дамаска находящихся областях – Эль-Кунейтра (сс. Эль-Мадария и др.) и Хахус – четвертая по величине область страны, а также на Голанских высотах (с начала XX в.), где находилась, в частности, абхазская деревня Момсие (Мумсия), оккупированная Израилем. Небольшие группы абхазских переселенцев встречаются в Латакии, Дору и др. Живут они во всех этих местах не одни, а вместе с основной массой населения – сирийскими арабами. В Дамаске их стало значительно больше после разрушения в ходе военных действий Кунейтры и других близлежащих абхазских деревень, откуда многие переселились в столицу и ее окрестности. Немало абхазов и в столице соседней Иордании Аммане (здесь особенно много кабардинцев, которые принимали большое участие в строительстве этого города).

Занимаются сирийские и иорданские «черкесы» в основном земледелием, скотоводством и торговлей, а за последнее время самой престижной трудовой деятельностью для молодых мужчин стала служба в авиации, которую называют «небесной кавалерией».

Вблизи сирийского городка Эль-Кунейтра, в 4-х километрах от него, до израильской агрессии существовала небольшая абхазская деревня под названием Гассания. Жители ее до своего поголовного переселения в Дамаск занимались земледелием и

скотоводством, пасли свой скот на близлежащих лугах, строили дома, предусмотрев в них, по старой кавказской традиции, «женскую половину» жилища. В составе населения деревни был, в частности, неукротимый абхазский род Абаза. Об одном из них – молодом Валиде Хамди-Абаза – напечатан любопытный рассказ в «Комсомольской правде» от 5 июля 1967 года, – о том, как он вступил в Армию народной обороны, а его старший брат стал военным летчиком, как он попал в плен и совершил дерзкий побег от страшных пыток, как его родители, покинув насиженные места, вынуждены были, спасая свою жизнь, перебраться в столицу.¹

До 1958 года в сирийской армии были специальные подразделения «черкесов», куда входили и абхазы. Была у них и своя национальная форма – носили черкеску. Сирийские летчики по традиции набираются в основном из абхазов. Например, в 1958-1960 годах в Советском Союзе учились и проходили практику 12 человек сирийских летчиков, все из абхазов в возрасте до тридцати лет. Имя одного из них Мамдух Хамди Абаза (из абхазского рода Куджба). По его словам, в 20 километрах от Дамаска имеется одно чисто абхазское село, а его предки жили в Абхазии и переселились в Сирию в 1870 году.

Количество абхазов в Сирии невелико, но фамилий, которыми они представлены, сравнительно немало. Это видно из следующего перечня, составленного по полученным Нелли Тарба и другими нашими информаторами данным:

Агрба – переселились сюда из Турции в 1905 году, по одним рассказам, их количество не превышает 40, а по другим достигает 500 человек, во всяком случае, они составляют одну из наиболее многочисленных абхазских фамильных групп в Сирии.

Агъаш – оригинальная фамилия, неизвестная по другим источникам.

Арюта, Арютаа (Арџтаа), некоторые ее представители носят и другое имя – по личному имени деда Джаткъар (Цъаткъар) (например, писатель Фадиль Джаткъар Арютаа).

---

¹ **Агарышев А.** Побег из-под пыток. Рассказ сирийского юноши о том, что он пережил за несколько дней плена // «Комсомольская правда», 5 июля 1967 года.

Акукуба, или Кукуба – встречается, по-видимому, только в г. Латакия (там живет, например, Сумар Абаза-Кукуба).¹

Апса (Ап̄са) – представлена единственной семьей из пяти человек.

Ашлидза (Ашлииза) – тоже редкое фамильное имя.

Багба (Бағба).

Быджа (Быц̄ья).

Вадза (Вадза) (Авидзба).

Вардан (Вардан).²

Джурта (Д̄урта).

Джатк̄яр (Д̄ятк̄яр, Д̄ятк̄яраа).

Иазауа – очень редкая фамилия.

Гечба, Агечба, Агеча (Г̄ечба).

Гуагуа (Гог̄уа, Гог̄уаа).

Куджба, Куджа (Куц̄ба, Куцаа).

Кукуа – редкая, происходящая, может быть, от личного имени (как и в ряде других случаев).

Кушба (Акшба?).

Кабрадж (Қабрац̄ь).

Казан, Казанба (Казанба).

Каркуа (Кызаду) (Қарқәа, Кызаду).

Кушба (К̄шба, Қ̄шба, К̄шба).

Лапан, Лапан-ипа (Лап̄ан, Лап̄ан-ип̄а, Лап̄анаа).

Лейба, Лейа, Лейаа.

Маан, Маана, Маанаа.

Маршан (Марш̄ян, Марш̄янаа). Отмечают три патронимические ветви этой княжеской фамилии – Тапш (Тап̄шь, Тап̄шьаа), Урыч (Урычаа) и Хирыпс (Х̄рып̄с, Х̄рып̄саа), названия которых происходят от имен более или менее даль-

---

¹ **Тарба Н.** Указ. соч. С. 27 (почти все сведения, собранные Н. Тарба по фамилиям, были сообщены ей очень интересным сирийским абхазом средних лет Иза Агрба).

² В газете «Известия» от 15 января 1963 года была опубликована заметка под названием «Он был самым старым человеком в мире» в которой, со ссылкой на сирийские газеты, сообщалось, что в сирийском городке Изаз умер Махмуд Вардан, считавшийся самым старым человеком в Сирии и, возможно, во всем мире, Махмуд Вардан, которому было 163 года, принадлежал, вероятно, к роду абхазских махаджиров Вардан (Юардан).

них предков – Тапша, Урыча и Хьрыпса. Интересно, что и сам «Маршан» тоже иногда становится личным именем (например, им назвали сына Шарафа Абаза Маршан). Переселились Маршановцы из Турции еще в 1887 году¹.

Папба, Папаа.

Тарба (Тарба).²

Трам (Трам, Трамаа).

Уадзыра (Уазыра).

Халбад (Халбад).

Цвацва, Цвацваба (Цэатцэаба, Цэатцэаа).

Цвиджба (Цэыцэба, Цэыцэаа).

Чичба (Чычба, Ччаа)³.

Чиква, Чыкуа (Чықәа, Чқәан)

Чыча (Шьышьа?).

Шагариа (Шьагьариа, Сагариа).

Яган (Иаган, Иаганаа).

В приведенном списке, который, надо полагать, не является исчерпывающим, представлены как собственно абхазские из Большой Абхазии (Агрба, Арютаа, Багба, Куджба, Маан, Маршан, Папба, Халбад, Чичба и др.), так и садзские и абазинские фамилии, причем некоторые из них на их родине полностью уже давно исчезли. Как сказано, за последнее время многие абхазы, спасаясь от израильской агрессии, переселились в Дамаск, где раньше их почти не было. Летом 1969 года Ахмат Куджба в своем письме к автору этих строк сообщал, что следующие шесть абхазских фамилий лишь недавно поселились в сирийской столице: Агрба (Гырбараа), Джаткьар (Цьаткьараа), Яган (Иаганыраа), Лапан (Лапганыраа), Казан (Казаныраа), Куджба (Куцбараа).

¹ **Тарцха Н.** Шьардаамта. Шьамтэылан. – Акуа. 1988. Ад. 108. (**Тарба Нелли.** В стране Шам. Сирийские встречи. – Сухуми. 1988. (Почти все сведения Н. Тарба по фамилиям были сообщены ей очень интересным сирийским абхазом средних лет Изо Агрба).

² Одна из сирийских деревень называется Тарба, если только это не случайное совпадение с широко распространенной в Абхазии фамилией Тарба. (Родин Л.Е. В стране колодцев. – М., 1962. С.77).

³ «Нас, Чичовцев, здесь немало. Живут они и в Иордании» (Ачычбақәа хшьардоуп ара), – сказал Шариф Чичба-Абаза. (Там же. С.91).

Обращает на себя внимание то, что почти все сирийские абхазы используют в качестве своей фамилии, наряду с традиционным родовым именем (или каким-нибудь другим новым арабским прозвищем), и свое не племенное, а общеабхазское этническое название – Абаза, что, несомненно, является одним из ярких показателей их высокого национального самосознания¹. Вместе с тем, к сожалению, некоторые из молодых людей начинают иногда забывать свои древние традиционные родовые наименования².

Среди сирийских абхазов немало замечательных людей, принимающих активное участие в деловой и культурной жизни страны – литераторы, врачи, военачальники (в том числе генералы и полковники), общественные деятели, бизнесмены и др. По сведениям Н. Тарба и А. Аргун, к ним относятся, например, следующие личности: Фадиль Арютаа (Джаткьяр) – известный прогрессивный сирийский писатель, большой друг нашей страны, широко образованный человек, владеющий арабским, абхазским, турецким и английским языками, переводчик 12-томного собрания сочинений Назима Хикмета, произведений Азиза Несина, Эрнеста Хемингуэя и др. (между прочим, женат он на убыхке, которая едва ли не единственная в Сирии представительница своего славного когда-то народа).

Бурхан Трамаа – человек многосторонних способностей, художник и музыкант, травматолог и астроном, довольно прилично говорящий на родном языке, хотя и не так хорошо, как его мать, происходящая из рода Маан, сберегатель традиций отцов и дедов (ему удалось сохранить в неприкосновенности свою фамилию и он хорошо помнит очертания своей родовой тамги, которую запечатлела на страницах тетради Нелли Тарба). Ахмат Куджба (Бакир), или просто «доктор Ахмат». Так называют его и абхазы, и арабы, кардиохирург высшей квалификации, полученной в Москве, где он окончил медицинский факультет и прошел курс аспирантской подготовки, работает

---

¹ В арабских странах, как известно, национальность не отделяется от подданства, но кавказцы хорошо знают свое этническое и родовое происхождение.

² Кучберия Л. Указ. соч. С.77.

в дамасском военном госпитале, поддерживая постоянно тесные дружеские и родственные связи с Абхазией (женат на Ларисе Званба – абхазке из с. Звандрыпш Гудаутского района). Большой популярностью в Сирии пользуются и его отважные родные братья – генерал Мунири (женат на кабардинке), летчик, полковник авиации Саеми и Ануар, который, как и многие другие абхазы, геройски погиб в боях за Кунейтру – «столицу» абхазской колонии в Сирии.

Шараф Маршан-Абаза – врач, «министр» здравоохранения обширного района Кунейтры – «второй родины» сирийских абхазских махаджиров, председатель Кавказского общества в Сирии, общественный и государственный деятель, друг Советского Союза (родом из Дала).

Мамдух Маршан-Абаза – «великий» – известный общественный и военный деятель, генерал-лейтенант, герой войны против израильской агрессии, брат Шарафа (погиб в 1981 году в ожесточенной схватке с врагами).

Уалид Маршан-Абаза – полковник, влиятельный «губернатор» большой области Хама и Хомоса, брат Шарафа (то есть тоже дальний потомок дал-цебельдинских Маршанов).

Рауф Цвижба-Абаза – генерал, командующий войсками на одном из участков ливанской границы (женат на представительнице фамилии Лейба).

Аднан Кукба (Кукуба)-Абаза – генерал авиации, а его брат Сумир (Талат) Кукба-Абаза – капитан морской службы.

Руфет Чичба – полковник танковых войск.

Ауаз Агрба – полковник и др.

Характерно, что несколько человек из перечисленных здесь боевых военачальников дала стране только одна абхазская деревня под названием Гасаниа, которая находится сейчас под оккупацией Израиля, причем на счету только одного из них – Мамдуха Маршан-Абаза – четыре сбитых самолета противника.

Наряду с такими широко известными и уважаемыми в Сирии деятелями абхазского происхождения, как Уалид Абаза, Шараф Абаза, Рауф Абаза, «доктор Ахмат» и др., хочется отметить, быть может, сравнительно более скромного, но, тем не менее, очень интересного человека по имени Адгель Куш-

ба – прекрасного сказителя, знатока абхазских преданий, генеалогий, пословиц и поговорок. Встреча с ним, – пишет Н. Тарба, – явилась для нее «целым открытием».¹

2. Кое-что из бытовой жизни сирийских абхазов

Если говорить о национальной пище, то некоторые продолжают готовить мамалыгу (абыста), фасоль, заправленную солью с красным перцем (аджика), употребляют пироги с сыром (ачашә), свежий сыр (ашәаза), кислое молоко (ахырцәы), пожилые люди ничего алкогольного не пьют, в том числе и вино. Курят очень многие, в том числе и женщины. Национальная одежда в народе, можно сказать, исчезла, за исключением мужской папахи (ахылцарч) и женского головного платка (нередко белого цвета). Еще сравнительно недавно многие мужчины носили черкеску, а голову покрывали башлыком, но это уже отошло в прошлое. Сохраняется пристрастие к оружию и стрельбе в цель (ацәкьара). Дали пострелять из пистолета и нашей Нелли Тарба.

Удивляет живучесть некоторых архаических абхазских традиций и обычаев даже в самых, казалось бы, неблагоприятных для их функционирования условиях. Это имеет место в основном в области брачно-семейных отношений и системы этикетного общения людей между собой, прежде всего, речевого. Сохраняются, например, пережитки похищения невест, традиционные формы древнего обычая избегания и других ограничений между супругами, с одной стороны, и их родственными группами, с другой. 62-летний Рамазан Маршан (из патронимии Хрипсов) рассказывал, что он в течение всех первых 7-ми лет после вступления в брак ни разу не показывался матери вместе со своей женой². Зато совершенно не стало сложнейшей системы абхазских языческих верований, ушедших за каких-нибудь сто с лишним лет в небытие под

---

¹ **Тарцха Н.** Шьардаамта. Шьамтәылан. – Акуа. 1988. Ад.77. (**Тарба Н.** В стране Шам. Сирийские встречи. – Сухуми. 1988 (на абх. яз.).

² **Там же.** С. 108.

сильным духовным влиянием монополюбно господствующей мусульманской религии.

Малочисленные сирийские абхазы в результате непрерывных браков внутри своей группы стали почти все родственниками между собой. Вследствие этого дальнейшие брачные связи оказались почти невозможными «без нарушения обычая т.н. экзогамии¹ и пренебрежения другими родственными узами. Поэтому они вынуждены заключать брачные союзы с представителями черкесской (например, жены Адхама Агрба и Мунира Куджба являются кабардинками), а в сравнительно более редких случаях и арабской или другой этнической среды. Хотя на браки с арабами многие абхазы смотрят все еще резко отрицательно, не особенно поощряют их и сами арабы, но смешанные абхазо-арабские браки все же встречаются. Например, можно сослаться на женитьбу арабского литературоведа, профессора Дамасского университета Низара Юнасуда на сукумской абхазке Л.Г. Бжания. Этнически смешанные браки, если бы они приобрели массовый характер со стороны национального меньшинства, оказывают большое отрицательное влияние на функционирование родного языка, который и в семейной жизни постепенно уступает место черкесскому (кабардинскому) и арабскому языкам, хотя процессы языковой ассимиляции имеют место и в жизни тех же кабардинцев.

Созданию новой семьи сопутствует соответствующая подготовительная работа. Господствуют мирные средства заключения брака. Обе стороны в лице старших представителей договариваются «утвердить» решение молодых. Но если родители невесты не дают согласие, то жених нередко похищает свою избранницу, причем этот экзотический обычай является предметом оживленных дебатов среди арабского окружения. В условиях мирного решения вопроса жених платит т.н. «мехр», на что невеста покупает себе белье и свадебное платье,

---

¹ По материалам, собранным молодыми абхазскими корреспондентами по анкете Л.Е. Кучберия, например, в Иордании, экзогамные ограничения среди абхазов уже почти полностью преданы забвению, но это еще нуждается в дополнительном изучении и уточнении (Кучберия Л.Е. Указ. соч. С. 78).

а сама ничего в дом мужа не доставляет. Сама свадьба проводится без всякого вина, жених и невеста сидят в отведенном салоне. Нередки случаи двоеженства. В отличие от арабов, у абхазов многодетных семей почти не бывает¹. Как и в Турции, традиционный брачный домик «амхара» уже почти нигде не строится, он, говоря точными словами Орхана Шамба, «незаметно забрался в поликамерный общесемейный жилой дом», где для молодоженов выделяется отдельная комната (амхара афны иахцәналт).

Может показаться удивительным, но фактом является то, что арабские, в частности, сирийские абхазы, несмотря на свою малочисленность, сохранили в чистоте и неприкосновенности свое национальное самосознание, любовь к своему языку и культуре. Это относится ко всем слоям населения, не только к представителям старшего, но и молодого поколения. Об этом свидетельствуют личное общение и переписка со многими из них.

Вот, например, отрывок из письма того же юного сирийского абхаза, который, пройдя затем курс московской вузовской и аспирантской подготовки в университете Дружбы народов имени Патриса Лумумбы, стал замечательным ученым-медиком, а теперь является одним из ведущих хирургов в Дамаске: «...Прежде всего, я хочу представиться. Я один из тех абхазцев, которые живут в Сирии. Меня зовут Ахмед Бакир. Я хочу попросить Вас прислать мне несколько книг для изучения абхазского языка. Я могу говорить по-абхазски, но не могу писать или читать. Я изучаю русский язык в Советском культурном центре в г. Дамаске. Как только я выучу абхазский язык с Вашей помощью, я смогу писать Вам по-абхазски.² В заключение дружески жму Вашу руку. Ваш брат Ахмед». Это тот самый Ахмед Бакир из известного абхазского рода Куджба, которого теперь в Абхазии знают очень многие.

Через некоторое время после этого я получил письмо от его брата аналогичного содержания:

---

¹ Кучберия Л.Е. Указ. соч. С. 78.

² В ответ на мое письмо он сообщил: «Здесь много абхазов. Но большинство из них забыло абхазский язык, и они говорят по-кабардински».

«Мой брат! Наилучшие пожелания от сирийского юноши его брату в Абхазии. Как я был рад, когда получил адрес одного из абхазских братьев Советского Союза, а теперь я достиг того, чего хотел и могу переписываться и познакомиться со многими из них. Но, увы! Я не могу написать Вам по-абхазски, потому что я не знаком с этой письменностью, хотя я говорю свободно по-абхазски. И переписка моя не может идти по-абхазски, если не поможете Вы и другие абхазы, а помочь можно, если бы прислали нам книги для начальной школы и выше, какие сможете, чтобы мы научились вашему письму и чтению. Мне 22 года. Мое имя Ануар Бакир, прозвище мое Куджба. Я из абхазов, живущих в Сирии. Я еще учусь на подготовительном курсе Высшего технологического института в Дамаске. Моей мечтой было продолжить учебу в одном из университетов Советского Союза, после того, как окончу среднюю школу. Я ходил с моей просьбой в Советское посольство, но мне не повезло. Так что я продолжаю учебу здесь, в Сирии. И все же не оставляю мечту учиться в СССР, и особенно в абхазском университете, если есть такой».

Агонирующий родной язык сирийских абхазов, который, судя по всему, является одним из исчезнувших или исчезающих на Кавказе диалектов или говоров абхазского (или абазинского) языка, представляет собой большой научный интерес, но изучение его, сопряженное с немалыми трудностями объективного и субъективного характера, еще даже не начиналось.

Ограниченность текстовых материалов, в том числе отсутствие записей, сделанных специалистами фонетически точно, лишает нас возможности для безошибочного определения диалектной принадлежности сирийской абхазской речи, хотя имеющиеся скудные данные позволяют высказать некоторые предположения в указанном отношении. Так, образцы языка сирийских абхазов, приведенные в книге Н. Тарба (отдельные термины, пословицы, предания)¹, в особенности примеры, про-

---

¹ Например, «сахшья» – собств. абх. «сахшья» – моя сестра, «бхарбут» – ср. «бхарбоит» – мы тебе (жен.) покажем, «хафныка хдушт» – ср. «хафныка хдоит» – мы пойдём к нам домой, «арт сара иагыстыыхым» – ср. «арт сара истэым» – эти (вещи) не мне принадлежат, «ихтэуша бжы

диктованные ей замечательным сказителем Адилем Кушба, с которым встречался и А.Х. Аргун в 1979 году, свидетельствуют о том, что информатор, и вообще многие местные абхазы, говорят большей частью на абхазском языке или, возможно, на садзском диалекте абхазского языка, носители которого (садзский субэтнос абхазского народа, обитавший в районе Гагра – Сочи) полностью были выселены в Турцию еще в 1864 году. Вместе с тем следует отметить, что они, то есть сирийские абхазы, сохраняют в неприкосновенности и свое общеабхазское национальное самосознание, выражающееся в едином самоназвании (аҭҭсоу). «Мы, проживающий в Сирии (народ) абхазского корня (хара Суриа аҭҭсоушьаҭа иҭқаәоу), – говорит сам Адил Кушба¹.

Положение абхазского языка в Сирии, определяется поддерживаемой властями и длящейся десятилетиями ассимиляцией абхазов в господствующей арабской, а частично и кабардинской среде. Тем не менее, пока абхазы жили компактно в районе Кунейтры и некоторых других местах, их язык не испытывал опасности исчезновения в ближайшем будущем; он оставался по-прежнему основным средством общения в семье и со своими соплеменниками. Но война, разрушившая полностью «основные области обитания абхазов и разбросавшая оставшихся в живых жителей в разные стороны, нанесла тем самым непоправимый ущерб сравнительно благополучному до того положению и абхазского языка. Теперь уже родным языком владеют практически только люди старшего поколения, да и то уже не все. В некоторых семьях говорят на двух-трех языках (абхазском, кабардинском, арабском). Свободное знание родного языка постепенно становится редкостью. Забыты национальные мужские и женские имена, и только теперь начинают их кое-где возрождать (например, имя Гунда и др.).

илымха игьтысуам» – ср. «ихтәаша бжы илымха итасуам» – кому суждено разорение, тому крик (голос) предупреждения недостатен, «абцар зкым абаза дагьныкәахуам» – ср. «абцар зкым абаза дныкәазом» – абаза, у которого нет в руках оружия, в путь не отправляется, «иацба дызмам – иатцба димам» – «аиҳаб дызмам еитыб димам» – у кого нет старшего, у того нет и младшего и т.д. (Тарба Н. Указ. соч. С. 45, 46, 77, 78, 108 и др.).

¹ Там же. С. 78.

Правда, представители некоторых наиболее многочисленных и традиционных групп, например, рода Куджба, еще хорошо говорят по-абхазски (встретившись в Москве с Г.Д. Гулиа, они немало были удивлены тем, что выдающийся писатель не говорит свободно на своем родном языке).

В 1968 году Ахмат Куджба, тогда еще ученик XI класса, писал мне из Дамаска на безошибочном русском языке: «Здесь живут абхазцы, и некоторые из них, особенно мои родственники, говорят по-абхазски, другие же говорят по-кабардински, вместо того чтобы говорить на своем родном языке» (между прочим, куджбовцы, как говорят, и по внешнему виду довольно резко отличаются от арабов и других окружающих жителей, так как почти все они светлые и голубоглазые).

Укреплению национального самосознания и развитию языка и культуры абхазов содействует обучение сирийской абхазской молодежи в советских вузах, развитие культурных связей между САР и Абхазской АССР, обмен литературой и материалами, активизация личных и других контактов, большие юбилейные вечера, подобные, например, тому, который состоялся в 1986 году в Дамаске в связи с 65-летием Абхазской АССР и который остался в памяти всех сирийских абхазов. Значительным шагом вперед в этом отношении явилась указанная выше поездка советской писательской делегации с участием абхазской поэтессы Н.З. Тарба и другие встречи.

Так, летом 1979 года участники Абхазского государственного ансамбля народной песни и танца во главе с тогдашним министром культуры Абхазской АССР, писателем и ученым, доктором искусствоведения А.Х. Аргун впервые в течение 7-ми дней находились в Сирийской Арабской Республике. Их гастроли в Дамаске прошли с огромным успехом, на спектаклях присутствовал посол СССР в Сирии В.И. Южин. Артисты знакомились с достопримечательностями древней земли, посмотрели руины Кунейтры и Голанские высоты, посетили знаменитый римский амфитеатр I в. до н. э. в Басре, где руководитель ансамбля В. Царгуш, как бы оживляя давно минувшие времена, устроил импровизированный «концерт без зрителя», прозвучавший одновременно и как эхо прошлых веков, и как протест

против насилия и исторической несправедливости. Посланцы Абхазии были приглашены в гости к Арафату Асаду – родному брату президента страны, виднейшему политическому и государственному деятелю Сирии, который, радушно принимая у себя дома сыновей и дочерей далекой Абхазии, «с большим уважением говорил о смелости присутствовавших там же генерал-лейтенанта Мамдуха Абаза и его брата Уалида»¹.

Конечно, было много незабываемых, трогательных встреч с представителями сирийских абхазов. Уже на первом трехчасовом концерте Шариф Абаза, выражая переполнявшие его чувства благодарности, крикнул из зала: «Да здравствует Ленин! Спасибо ему за то, что дал свободу моему народу»².

Вот что рассказал о тяжелой истории своей жизни легендарный генерал сирийской армии Мамдух Абаза (Амаршан): «Я родился в селе Гасания, которое сейчас находится на территории, захваченной Израилем. Это было густонаселенное абхазское село, более ста дворов. Из рассказов моего деда я знал, что в шестидесятые годы прошлого века из разных районов абхазских земель были изгнаны и покинули родину, терзаемую непрекращающимися войнами, много-много абхазов-махаджиров. Попав в Турцию, многие не смогли там прижиться и двинулись в поисках куска хлеба дальше – на Ближний Восток, осели на Голанских высотах. Казалось, жизнь их нормализовалась, и забот стало меньше. Все было неплохо, если не считать жгучей, щемящей боли в сердце, тоски по родным горам и долинам Абхазии. Но старики умирали, а мы, новое поколение, обласканные гостеприимством здешних жителей, стали меньше думать о родине наших предков. Мы учились, трудились, радовались и печалились – в общем жили. Но вот наступил 1967 год, и для нас грянула война. Многие наши села были захвачены, некоторые стерты с лица земли. Кто мог, тот и спасся. Раньше, когда жили все вместе, старались не забывать родной язык, мы и дома строили по абхазскому обычаю, ну, а сейчас, что ж, наши люди разбросаны войной по городам и селам всей Сирии. Хорошо еще, что правительство Сирии

---

¹ Аргун А. Указ. соч. С.60.

² Там же. С. 55, 56.

оказало нам существенную поддержку и за это мы очень благодарны ему».¹

В этом замечательном «документальном» рассказе обращает на себя внимание ряд моментов – о том, например, что многие абхазские махаджиры не «прижились» в Турции, что часть из них, придя в Сирию, осела на Голанских высотах, что абхазское село Гасаниа состояло из более чем ста дворов, что абхазских деревень в стране было много, что многие из них стерты с лица земли, и что сейчас абхазов вновь судьба разбросала по всей Сирии.

В 1989 году в Сирии вышел в переводе на арабский язык исторический роман Б.В. Шинкуба «Последний из ушедших». В связи с этим Советский культурный центр в Дамаске, как сообщил его директор О. Бавыкин, организовал литературно-художественный вечер. Переводчик книги доктор Мохи Эд-Дин Слик прочитал отрывки из романа, поставил свои интермедии о жизни сирийских абхазов. Самодеятельные артисты из ансамбля Кавказского благотворительного общества, председателем которого является главный врач Кунейтры абхаз Шараф Абаза, исполнили абхазские танцы и национальные мелодии. Вечер привлек внимание широкой общественности, на нем присутствовали известные сирийские писатели, члены Общества сирийско-советской дружбы, клуба «Родник», объединяющего проживающих в Сирии соотечественников, и др.²

Как уже неоднократно отмечалось, в Сирии проживает немало черкесов, а точнее кабардинцев, с которыми абхазы находятся в самых тесных взаимоотношениях. Не вдаваясь в подробности их жизни и быта, сошлюсь коротко на сделанное лет тридцать тому назад описание одного советского хорошо информированного автора, тем более, что немало из того, что сказано у него о черкесах, в равной степени относится и к самим абхамам. Вот что пишет Л.Е. Родин в своей интересной книге «В стране глубоких колодцев», посвященной Сирии, которую он извездил вдоль и поперек:

---

¹ Там же. С. 59, 60.

² Бавыкин О. Вечер в Дамаске // «Сов. Абхазия», 1 апреля 1989 г.

«Ханасир – черкесская деревня. И хоть у всех домов плоские крыши, в типе построек есть что-то отличное от обычных арабских жилищ. В черкесских домах есть окна, у стен – каменные скамьи, напоминающие наши завалинки, а также невысокие выступы на углах, похожие на башни кавказских саклей». Повар советской научной экспедиции Азз-ад-Дин тоже был черкес. «Вместе с ним пришли еще три почтенных черкеса в традиционных черных каракулевых папахах побеседовать с русским ученым о пастбищах, скоте, воде, о том, что им делать, как жить дальше». Много десятков лет тому назад они приехали из России. На горах были тогда хорошие пастбища, в низинах – большие пространства сенокосов, много хорошей земли для посевов. И черкесы занялись тем же, что и на Кавказе: разводили лошадей, коров, овец, сеяли пшеницу, косили сено. Когда они пришли сюда, это место было безлюдным. Его выбрали потому, что здесь было много готового строительного камня. «Без него мы бы погибли. И сейчас есть еще много камней, если кто-нибудь захочет сложить дом». В первое время многие умирали, особенно дети, а потом стали жить хорошо. «Но в последние годы все беднее становятся пастбища, и скот на четыре-пять месяцев приходится отгонять за двести пятьдесят километров. В этом году особенно плохо: нет ни корма, ни воды. Пало много лошадей и овец, коров никто не держит. Земля истощена, а навоза мало. После дождей грязевые потоки все чаще заносят посевы илом и камнями...».¹

В деревне Тамм-эс-Суан лет восемьдесят назад текла речка, теперь жителям приходится рыть глубокие колодцы на дне лощины, чтобы достать воду. «Кстати, деревня тоже населена черкесами. Мама отвел душу в разговорах с соплеменниками и даже разыскал местного учителя, дед которого помнит несколько русских слов. Он – сын сподвижника Шамиля, пришедшего сюда с Кавказа в начале второй половины прошлого столетия. Черкесы уже давно усвоили бедуинские традиции, и старик угощает нас кофе, потом чаем. – Алла верды! – напут-

---

¹ **Родин Л.Е.** Указ. соч. С. 132.

ствуем он нас»¹. Удивительно, как в современных условиях все так быстро меняется в жизни народа.

Абхазский поэт и ученый Б.А. Гургулиа, будучи аспирантом, встречался на вечере кабардино-балкарской литературы в Москве в декабре 1965 года с одним сирийским молодым кабардинцем, работавшим в то время в Дамаске. Узнав, что на вечере присутствует группа молодых абхазов, кабардинец из Сирии подошел к ним и, познакомившись, рассказал им много интересного о жизни сирийских абхазов. По его словам, в Сирии свыше 3 000 абхазов, и все они живут в деревне и многие нуждаются. Но они сохранили в чистоте свой язык и свои обычаи. В частности, он рассказал об одной драматической истории, имевшей недавно перед тем место в связи с похищением невесты одного молодого человека, который, мстя за оскорбление, убил похитителя – тоже абхаза. В конце кабардинец попрощался с аспирантами по-абхазски (Шэытцх аабзиахаа-ит!), что свидетельствует о его близком знакомстве с абхазами Сирии, вплоть до того, что прекрасно усвоил отдельные чисто абхазские слова и выражения.

Сегодня, по истечении всего лишь четверти века после этой беседы, мы не могли бы уже сказать, что все сирийские абхазы еще живут в деревнях, что они сохранили в чистоте свой язык и традиции, да и романтического казалось бы обычая умыкания невест с его часто непредсказуемыми трагическими последствиями почти уже не стало и т.д.

Какой-либо большой перспективы этнокультурного развития у сирийских абхазов, по-видимому, нет, о чем один из них с горестью и душевным страданием сказал коротко так: «Мы исчезнем здесь, исчезнут и наши традиции и наши обычаи»². Зная это, а также по причине того, что многие живут бедно, все они, во всяком случае, громадное большинство из них мечтают о возвращении в Абхазию, жаждут воссоединения со своими сородичами на родине предков.

---

¹ Там же. С. 134.

² Тарба Н. Указ. соч. С. 109.

3. На «священной земле»

Как писала арабская газета «Аль-Яум», выходящая в Израиле, на территории этого государства в настоящее время имеются две черкесские (вероятно, смешанные черкесско-абхазские) деревни – Кфар-Кама и Рейхания с населением 1 700 человек, сохраняющих в своем быту «чисто черкесские особенности» (третья деревня вымерла почти полностью от малярии, от нее осталось лишь название – «Черкесские руины»).

Один из корреспондентов газеты осенью 1963 года посетил первую из этих деревень – Кфар-Кама, которая находится в Нижнем Джалиле, и довольно подробно описал ее современное положение.

Согласно этому описанию, первое время для черкесов, прибывших в «священную землю», было очень трудным из-за непонимания местного языка и различия обычаев. Сначала они селились в больших городах, но потом, встретившись с трудностями, решили переселиться в изолированное место, и образовали 3 деревни, одну из которых, как сказано, уничтожила малярия. Остались Кфар-Кама и Рейхания. Можно назвать и разрушенное войной абхазское селение Гасаниа, которое сейчас находится на оккупированной Израилем территории.

Первое, что видит человек, посещающий ныне Кфар-Кама, сообщал корреспондент, «это смесь старого с новым: прекрасные усадьбы рядом с полуразвалившимися хижинами, трактор рядом с плугом, автомобиль модели 1963 г. рядом с чистокровными конями. То же самое можно сказать о жителях: девушки с открытым лицом и рядом женщины под покрывалом, юноши в европейских костюмах или военной форме и старики в традиционной одежде».

В 1950 году здесь было создано первое в арабском мире местное управление, во главе с черкесом (адыгейцем) господином Абд аль-Азиз Шауганом. Местный совет занимается решением таких бытовых вопросов, как вода и электричество, строительство дорог, сельской мечети и начальной школы и др.

По признанию самой газеты, «одна проблема удручает особенно черкесов: это проблема забывания их национального

языка. В школах их дети учат арабский и европейский языки, в то время как черкесский остается языком, на котором говорят лишь дома. Поэтому и обратились представители черкесов в Министерство культуры и просвещения с просьбой включить черкесский язык в программу черкесских школ. Кроме того, группа юношей деревни обратилась к Израильскому радио с просьбой передавать специальные программы на черкесском языке». Автор статьи указывает также, что «черкесские граждане вступили в армию обороны Израиля»¹.

Таковы краткие и, тем не менее, весьма интересные сообщения упомянутой газеты об израильских черкесах. Среди них какой-то процент, несомненно, составляют и абхазы, потому что зарубежные абхазы и черкесы, связанные единством происхождения, общей культурой, родственными отношениями, живут часто смешанно или в смежных деревнях. Ограниченные, правда, материалы «Аль-Яум» убеждают нас в том, что из периодической печати можно почерпнуть очень много важных сведений по истории и этнографии абхазов, черкесов и других потомков кавказских переселенцев, если бы нашелся заинтересованный человек, который, хорошо зная арабский и турецкий языки, взял бы на себя нелегкий труд перелистать сотни и тысячи страниц газет, журналов и других изданий и материалов, хранящихся в архивах и книгохранилищах Турции и стран Ближнего Востока.

4. Абхазы в Мсыре, что на Ниле

Значительной была роль кавказских выходцев, в том числе абхазов, в средневековой истории Египта. Как известно, мамлюки, или мамлюки (от араб. Мамлюк – раб, в частности, белый раб, «приобретенный в пользование»), – личная вооруженная гвардия египетских султанов – набирались из тюркских рабов, а по преимуществу из рабов, вывезенных с Черноморского побережья Кавказа (с XIII в.). В середине XIII в. мамлюки возвели на престол свою собственную династию (впоследствии

---

¹ См.: арабскую «Утреннюю» газету «Аль-Яум» от 1 октября 1963 года (Израиль).

была свергнута). Большую роль в политической жизни Египта, вплоть до уничтожения мамлюков в 1811 году пашой Мухаммедом-Али, играли «черкесские мамлюки».

В течение многих десятков лет они владычествовали над Египтом, выдвигая эмиров и султанов, составивших т.н. «черкесскую династию». Среди египетских пашей и мамлюков также было немало абхазов и черкесов. В XVIII в., например, в Египте стояла мечеть черкесов. Был создан «корпус черкесов», во главе которого стоял ага Али Катхода Йахиа¹.

Мамлюки Бурджи, или мамлюки черкесской династии, правили Египтом непрерывно в течение 135 лет – с конца XIV и по начало XVI века (1382–1517 гг.). За это время на египетском престоле побывало 23 султана «черкесского» происхождения, в том числе один по имени Инал².

Известный средневековый египетский историк Макриз (1364-1442) в своем сочинении «Книга поучений...», говоря о мамлюкском войске, пишет: «И состояло войско тюркского государства в Египте из двух частей: одна находилась при султানে, а другая – в областях и городах страны, включая жителей пустыни – бедуинов и туркмен; и войско их смешанное – из тюрков, черкесов, румийцев, курдов и туркмен. А большая его часть – из купленных мамлюков, и у них разряды, к самому важному из которых относятся эмиры, обладающие сотней всадников и командование тысячей, и из этого разряда выходит большая часть их наместников и некоторые из них иногда имеют на десять или двадцать всадников более положенного»³. Рассказывая об одежде и вооружении эмиров, в частности, об их головных уборах, автор замечает: «... а во время Захира Баркука⁴ стали шапки большими, с кривыми краями, и назывались эти шапки черкесскими; их носят и сейчас»⁵.

¹ **Абд-Ар-Рахман ал-Джабарти**. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798 – 1801) – М., 1962. С.388, 405.

² **Семенова Л.А.** Салах ад-дин и мамлюки в Египте. – М., 1966. С. 189.

³ **Там же**. С. 183.

⁴ **Захир Саиф ад-дин Баркук** – первый из мамлюков черкесской династии **Бурджи**, правившей Египтом в 1382 – 1399 годах, с перерывом в 1389 – 1390 (**Семенова Л.А.** Указ. соч. С.189).

⁵ **Там же**. С.185.

Оригинальные войлочные шапки, описанные Макризи и хорошо защищающие от солнца и дождя, могли действительно называться в Египте «черкесскими», так как под этим обобщающим именем нередко выступает чуть ли не все, что имеет кавказское (особенно западно-кавказское) происхождение, но фактически они являются, по-видимому, принадлежностью собственно абхазской традиционной мужской одежды. Этот головной убор, нехарактерный для адыгских (черкесских) народов, пережиточно сохраняется у абхазов вплоть до нашего времени.

Из Абхазии происходил, например, мамлюкский правитель Египта второй половины XVIII в. Али-бей аль-Кебир, который симпатизировал России и вел непримиримую борьбу с султанской Турцией. В 1770 году он объявил о своей независимости от турок, провозгласил себя суверенным государем, приняв титул «султана Египта и обоих морей»¹.

История сохранила некоторые подробности его биографии, связанные с Абхазией.

Алибей эль-Кебир – вождь мамлюкской феодальной верхушки Египта второй половины XVIII в. Христианское имя его было Иосиф. Родился он в 1728 году в Абхазии². Был единственным сыном грузинского священника Давида³. Младшую из его двух сестер звали Яхут. Схваченный в возрасте 13 лет шайкой пленопродавцев, он был продан торговцу Кюрд Ахмету и доставлен в Египет. Здесь Иосиф попал в руки могущественного Ибрагима-кьайа, давшего ему имя Али. Впоследствии к нему приехал его отец с дочерью Яхут и внуком Росваном. После семимесячного пребывания у сына Давид вернулся на родину, а Яхут и Росван остались в Египте. Некоторые из других выдвинувшихся невольников и видных чинов двора Алибея тоже происходили из Абхазии: Росванбей (племянник Али-бея), Ахметбей, абхаз Отман-селиктор-ага, т.е. сабленосец и др.⁴.

---

¹ Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. – М., 1965. С.23.

² В каком именно месте Абхазии он родился неизвестно.

³ «...un Petre de Georgie», т.е. грузинский жрец или священник.

⁴ Бей-Мамиконян Г. Судьба мамлюка. Краткий исторический очерк. Послесловие к книге Уиараго (К. Татаришвили) «Мамлюк». – Тбилиси. 1960. См. 110, 112, 113, 116, 118, 119 и др.

Вот что писал Фр. Дюбуа в 30-х годах XIX в. в своем «Путешествии вокруг Кавказа»: «Большую часть рабов отвозят в Каир, где они из самого низкого состояния выдвигаются иногда на первые места и становятся первыми вельможами нашего века – султанами, адмиралами и т.д. Зихи в большинстве случаев красивы, и хорошо сложены, и вызывают своей красотой восхищение среди мамлюков Каира. Женщины нисколько не дичатся мужчин»¹.

Имеются сведения о том, что некоторые видные политические и общественные деятели Ливии, члены ее парламента были по происхождению абхазами, потомками переселенцев из Абхазии.

По сообщению проф. М.Ш. Бутба, в его время, то есть в конце XIX – начале XX веков, немало абхазов еще проживало в Египте, как и в других странах арабского Востока. Но эти сведения оказались преувеличенными. К настоящему времени они там полностью подверглись ассимиляции, и только некоторые из них частично еще сохраняют воспоминания о своей былой этнической принадлежности².

Названия некоторых каирских улиц и ресторана «Шаркис» (см. ниже)³ напоминают, что некогда абхазы и черкесы действительно жили здесь.

Об египетских абхазах с далеких времен до наших дней мы должны были получить специальную работу, но, не успев зародиться, этой вполне реальной идее суждено было погаснуть и, по всей видимости, надолго. Дело в том, что молодой талантливый абхазский ученый-этнограф, востоковед по образованию, в совершенстве знавшая сирийский и египетский диалекты арабского языка, пехлевийский язык, а также английский

¹ **Фр. Дюбуа.** Путешествие вокруг Кавказа. – Сухуми. 1937. С. 26, 28.

² По словам вышеупомянутого молодого турецкого экономиста, абхаза по происхождению, Эрала Кылыч (Куталия, его мать происходит из рода Кутарба), побывавшего у нас в Абхазии летом 1976 года в качестве туриста. В Стамбуле живет один журналист и переводчик, знаток арабского и французского языков по имени Шарафетин Терим Инал-ипа, родом из таких египетских абхазов, предки которого попали туда, по мнению информатора, после махаджирского выселения кавказских горцев.

³ **Кучберия Л.Е.** Указ. соч. С.77.

язык, кандидат исторических наук Лариса Ермолаевна Кучберия, еще в годы учебы в МГУ вышедшая замуж за египетского студента, в течение целого ряда лет жила с семьей у родителей мужа в Каире¹ и имела все возможности на должном уровне выполнить мою настоятельную просьбу о написании исследования об истории и этнографии наших соплеменников в Сирии, Иордании и Египте, как отмечает и она сама в ее указанной выше замечательной статье. Л. Кучберия с энтузиазмом приняла это предложение и приступила к собиранию материалов. Уже в первых своих письмах она сообщала о некоторых результатах своих разысканий. О том, например, что одна из центральных каирских улиц называется Абаза. Не менее было интересно и следующее ее «открытие»: «Одно из изысканных блюд, – сказано в ее бегло составленном сообщении, – здесь называется «черкесское» (шаркассийя), и является оно переработкой «сациви», т.е. вместо мамалыги – рис, на него накладывают куски курицы без костей, затем приготовленный соус из грецкого ореха сливается в миску, а потом им заливают рис с курицей. Оно пришло в Сирию, Ливан и Иорданию из Турции. В Египте его делают выходцы из Турции – черкесы и абхазы (абазины), а также подают в ресторане «Ливан»»².

Работа по историко-этнографическому изучению египетских, иорданских и сирийских абхазов была прервана на самой начальной ее стадии. К большому сожалению, в расцвете творческих сил оборвалась жизнь Л.Е. Кучберия, и все ее материалы, наблюдения и записи, которые за короткий срок она успела сделать, тоже оказались потерянными для науки за исключением цитированного выше ее прекрасного научного очерка «Из этнографии абхазов арабских стран», который представляет собой первую содержательную работу по указанной проблематике.

---

¹ Между прочим, там же живет и работает уже давно и ее двоюродная сестра Татьяна Дмитриевна Хагба с семьей. В семидесятых годах в иорданском посольстве в Каире работал еще один специалист – абхаз, и хотя по документам он является сирийцем (или иорданцем), но все вокруг знают о его абхазском происхождении (Кучберия Л.Е. Указ. соч. С.77).

² Кучберия Л.Е. Указ. соч.

Как видно из этой работы, собственно махаджиров в Египте почти нет. Абхазы, которые встречаются там под именем абаза, имеют разное происхождение: одни связаны еще с историей мамлюков, история других не такая древняя – они ведут свой род от проданных турками рабов, а третьи в разное время сами переселились в одиночку или группами из Турции, Трансиордании, Сирии и других стран. Отдельную группу составляют те, которых также называют абаза, то есть абхазами, но, как говорят, только за принадлежность их матерей к абхазской нации.

Как мы уже знаем, Абаза – фамильное имя этнического происхождения – имеет широкое распространение в Сирии, Иордании, Египте, причем в Египте, как пишет Л.Е. Кучберия, оно объединяет теперь свыше 8 000 человек. Основателем этой «большой семьи» был некий шейх-разбойник Хасан из аравийского племени Бани Кактан, живший лет 160-170 тому назад. Оттуда он приехал в Египет и поселился на земле знаменитого Мухаммед-Али, разгромившего мамлюков в 1811 году. За обеспечение вооруженной охраны караванного пути Хасану, который еще не носил имени Абаза, были дарованы большие земли в области Шарки. Потом он решил обзавестись семьей – купил 30 жен, из них 4 – египтянки, 1 – эфиопка и 1 – индианка, а все остальные 24 девушки, полученные им от одного турецкого работоторговца, были абхазами. Эти абхази и перевернули весь образ жизни в доме шейха Хасана. Они родили ему, как в сказке, 18 мальчиков и 18 девочек. Всех детей, включая и тех, которые появились на свет от остальных шести жен, они нарекли своим этническим названием – Абаза. Эта семья так разрослась и стала такой знаменитой, что английская «Тайм» в специальной статье назвала ее «племенем». Из поколения в поколение члены этого могущественного клана хранили в своем домашнем быту многие абхазские национальные традиции и обычаи и даже некоторые предметы домашнего обихода, в том числе своеобразные женские деревянные колотушки, а соседские арабские семьи заимствовали у них образцовое убранство жилищ и пр.

Из их среды вышли многие выдающиеся государственные и политические деятели, юристы, инженеры, военачальники,

бизнесмены, артисты, писатели, кинорежиссеры и др., работавшие или работающие как у себя на родине, так и почти во всех европейских странах. Широкой известностью пользуются, например, поэт Абдель Азиз Абаза, писатель Сарфат Абаза, журналист Фикри Абаза, популярнейший министр Мамдух Абаза и др. «У «племени» Абаза в свое время были две свои футбольные команды, они издавали два журнала, содержали даже театральную труппу. До сих пор одна из улиц Каира носит имя Измаила Абазы, а одна из живописных местностей в пределах города также известна под названием Кафр Абаза и т. д.¹

Среди современных представителей этого легендарного рода выделяется Мухаммед Махер Абаза – министр энергетики Египта, предки которого через Турцию оказались на африканском континенте еще в 1640 году. Абхазским туристам рассказывали, что Махера Абазу в Каире сравнивают с египетскими пирамидами – так он много сделал для своей страны. Это один из самых влиятельных и богатых людей Египта. Не менее был популярен его брат Фикри Абаза – председатель парламента и редактор газеты «Аль-ахрам», после смерти которого, возглавил парламент его сын Сарват. Другой племянник Махера – владелец каирского магазина русской книги, а двоюродный брат Роджи был первым актёром кино в Египте. Сам Махер также один из людей с высокой культурой и широким европейским образованием – в Египте закончил институт и стал инженером-электриком, в ФРГ получил степень магистра, в Швейцарии – кандидата наук и в течение 18 лет занимает должность министра. Абхазского языка не знает, как и почти все 5 тысяч египетских Абаза, но его необычайно интересует абсолютно все, что связано с Абхазией, и он страстно желает ее посетить².

Главный редактор египетского журнала «Альмусаввар», член Каирского муниципалитета Фикри Абаза, сопровождавший президента Насера во время его визита в СССР в мае 1968 года, сказал, выступая на банкете в г. Сочи: «Я говорю и сму-

---

¹ Там же. С. 79-80.

² Цвижба Заира. У одного из семи чудес света. Из зарубежного блокнота //«Советская Абхазия» 26 мая 1989 г.

щаюсь. Я наполовину абхазец, сухумец. Моя бабушка была абхазка. Дедушка был араб и поэтому одна моя половина здесь, другая – там. Во имя моей прекрасной абхазской половины я приветствую гостей во главе с президентом Гамаль Абдель Насером, от имени моей второй половины я приветствую великих людей, которые создали государство – Советский Союз»¹.

Выясняется, что небольшие абхазские колонии или сообщества земляков имеются на Кипре и даже в Судане. По сообщению аспиранта Московского университета им. П. Лумумбы, абхаза по имени Омар Ахмед Осман, приехавшего в Сухуми в 1977 году, в Хартуме сравнительно много абхазов, а также черкесов. У них сохранился свой язык как средство внутрисемейного общения, некоторые частично продолжают еще носить свою национальную одежду, они создали свой «Абхазский клуб», где собираются для проведения праздников и решения возникающих у них вопросов².

Таковы некоторые отрывочные сведения по истории наших соотечественников в Египте, который по-абхазски называется Мсыр и который, по представлениям абхазов, является родиной непревзойденной «мысырской белой бумаги» (амсыр къаадыш).

В конце этой части наших этюдов следует отметить, что 27 февраля 1989 года в Сирии, в Дамаске от имени абхазской, вообще кавказской общины было принято развернутое обращение, основанное на принципах справедливости и гуманности, на имя Генерального Секретаря КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.С. Горбачева о принятии правительственного постановления, предоставляющего потомкам сирийских кавказских выходцев право вернуться на их историческую родину в Советском Союзе, и тем самым помочь осуществить вековую мечту, которую «тысячи добрых людей забрали с собой в могилу» (текст обращения см. в приложении).

---

¹ **Мухаммед Махер Абаза** //«Красное знамя». 8 мая 1968 года.

² **Мархолия И.** Суданский абхаз // «Апсны капшь». 1977, сентябрь 23 (на абх. яз.).

III. НА БАЛКАНАХ

1. «Наши взоры обращены к Абхазии»

После победы кемалистской революции в Турции многие турецкие абхазы, втянутые в борьбу на стороне реакционных сил, оказались вынужденными, опасаясь репрессий, покинуть страну. Часть из них в 1921 году попала в Грецию (в основном в район Салоники, а точнее в местечко Кайлария Козанской области) вместе с отступавшими из Турции греческими войсками, потерпевшими поражение в греко-турецкой войне 1919-1922 годов. Однако, через некоторое время основная масса этих абхазов, получив амнистию, переселилась обратно, но кое-кому удалось обосноваться в пограничных с Турцией местах, где имелись мечети, и можно было отправлять свои религиозные обряды. Какая-то часть из абхазов все же осталась и на севере Греции, стараясь приспособиться к местным условиям жизни.

Таким образом, как отмечал Н.А. Лакоба, в греческой Македонии в 1929 году жили 700 абхазов, попавших туда в результате упомянутой греко-турецкой войны, причем их количество с тех пор должно было, по крайней мере, удвоиться, хотя точных данных об этом не имеется. Весьма небольшие группы полностью или частично ассимилированного абхазского населения встречаются в настоящее время в следующих селениях и областях Северной¹ Греции:

1. Ипирос – селения Амарондос (быв. Изворос), Айя Варвара (быв. Плявали), Стратиани, Асимохори (быв. Лишкаки).

2. Македония – область Номос Козанис, Салоники (город и окрестности), Войос, Пенталофос, Ефтахори.

---

¹ ЦГА Абх. АССР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 62. Ллл. 188 – 189.

3. Фесалия – Агиорос (св. гора). Здесь, в земле, славящейся многочисленными монастырями, проживает много кавказцев.

4. Город Катерини и его окрестности (в 1100 км юго-западнее г. Салоники).

5. Флорина – северо-западная область Греции.

Во всех этих местах сотни домохозяйств кавказцев, в том числе абхазов. Последних насчитывается, по меньшей мере, много десятков дворов, если не больше.

По рассказам, греческие абхазы – профессиональные пастухи. Ездят на мулах. Занимаются и земледелием. Причем друг у друга воруют скот, хорошим человеком считается тот, кто умеет делать набеги и стрелять. Они хорошие лесоводы, заготавливают лесоматериалы. Любят острую пищу, у всех есть красный перец (висит на дверях) и соль с перцем; готовят мамалыгу, кушают козлятину.

Невесты скрываются, с женихом они не разговаривают. Муж и жена друг друга по имени не называют. Невеста моет ноги свекру. В доме стоит длинная тахта, на одной половине сидят только мужчины, на другой – только женщины. Носят башлык, вид черкески и ноговицы. Говорят своим особым языком, часто употребляют, например, какое-то ласкательное слово «гула». По религии теперь все они православные¹.

«Черкесы» встречаются и в некоторых других балканских странах. Например, в Добруже было два черкесских селения, которые в 1912 году выселились обратно в Турцию. Два таких же селения имеются и сейчас в Югославии, на Косовом поле, около города Новый Базар (см. ниже).

В первые годы после установления Советской власти в Абхазии среди абхазов, волею исторических судеб заброшенных в Грецию, возникло движение за возвращение на свою исконную родину, от которой были оторваны по независящим от них обстоятельствам. Страстно мечтая о возвращении на свою

---

¹ Эти сведения получены автором этих строк в сентябре 1961 года от Фотулы Яннакопулу – гречанки из Греции, писательницы, бывшей научной сотрудницы Института истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили АН Груз. ССР и от А. Г. Саплахиди, жителя гор. Салоники в 1965 году. В настоящее время северная часть исторической области Добруджа входит в состав Румынии, а южная – Болгарии.

старую родину, они обратились с соответствующей просьбой к правительству Абхазской АССР. В их коллективном письме от 30 сентября 1925 года говорилось: «Прошло более трех лет со дня отъезда абхазцев из Турции. Три года жизни в Македонии, полной самых тяжелых испытаний, лишений, невыносимой жизни в непривычном для нас климате. Всегда, еще в Турции, все наши взоры, стремления были обращены к родным аулам Абхазии. Но было не время. Был старый строй, не желавший нашего возвращения к родным горам. Теперь Абхазия свободна и живет своей жизнью, и нас, волею судьбы заброшенных в чужие места абхазцев, более чем когда-либо тянет к свободным горам, к родным семьям, к братьям-абхазцам. Все мы, абхазцы, будучи воодушевлены общей идеей и мечтой: служить свободному абхазскому народу, собравшись общим собранием в м. Кайлария 23 сентября 1925 года, единодушно постановили хлопотать и просить Народный Комиссариат Советской Социалистической Республики Абхазия разрешить нам, 700 абхазцам, находящимся в Греции, возвратиться с семьями в родные аулы свободной Абхазии»¹.

Президиум Абхазского обкома КП Грузии рассмотрел вопрос на своем заседании от 23 октября 1928 года и принял Постановление «О македонских абхазах», в котором сказано: «Признать возможным переселение 700 душ в Абхазию»². Но это справедливое постановление из-за негативного отношения со стороны тогдашнего руководства Грузии осталось на бумаге, заветной мечте македонских абхазов осуществиться было не дано. И сам Н. Лакоба в конце концов был вынужден сказать: «...В чудо я не верю»³.

Судя по подписям под указанным обращением, – их было 16 человек, – в Греции в то время проживали представители более 10-ти абхазских фамилий, а именно: Авидзба, Акучаба (вероятно, Куджба), Ардзинба, Аршба, Калгба (Колбая), Когониа, Смыр, Харазиа, Шамба и др.⁴.

¹ Цит. по Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 500 – 501.

² Партархив Абхазского обкома КП Грузии. Ф.1. Оп. 1. Д. 20. Л. 22.

³ Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 501.

⁴ Персонально документ подписали: Джан Когониа, Кадыр Смыр, Харун Шамба, Махмуд Калгба, Хафиз Авидзба, Махты Ачинба, Бекир Ардзинба, Ферхат Аршба, Нох Харазиа, Джамал Акучаба и др. **(Там же)**.

2. «Готовность помочь в беде»

Живут ли в Болгарии и Югославии абхазы? Положительного ответа на этот вопрос я не получил ни в Софии, где, в частности, я встретился с этнографом Татьяной Голевой, ни в других болгарских городах, которые мне удалось посетить в 1973 году, ни в Белграде, Загребе или Опатии, Пуле, Риеке или Любляне, где я побывал осенью 1979 года в порядке двухнедельной научно-туристической поездки.

Зато мне удалось найти работы югославских ученых, которые не оставляют сомнения в том, что кое-где в южной части страны, к сожалению, нашим маршрутом не предусмотренной, жили «черкесы», подвергшиеся, по-видимому, почти полной ассимиляции.

Одна из этих статей, фотокопию которой получить помогла сотрудница Белградского этнографического музея Верослава Хаджи Ристич, опубликована еще в 1928 году доктором Тихомиром Джорджиевичем под названием «Черкесы на нашей земле» (французское резюме носит другое название – «Черкесы на Балканах»)¹. А с очерком Н. Зупанича о косовских черкесах познакомил меня директор Люблянского этнографического музея, замечательный ученый и прекрасный молодой человек, доктор Борис Кухар. Автор очерка (ныне покойный) был директором этого музея, а нынешний директор – его ученик. Статья представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного на международном антропологическом конгрессе в Париже 25 сентября 1931 года. В ней дается довольно подробное этнографическое и антропологическое описание черкесов района «Косово» (около 35 страниц с картой, иллюстрациями и французским резюме), статья также содержит небольшой список черкесских слов, в том числе 14 названий черкесских поселений. Еще не так давно, сказано там, ряд сел района Косово носили названия: Черкеске село, Черкеске Ниве (близ Ниша), Черкеске поле (на Чичавици и у Прокуплу) и др. Мне пришлось быстро пробежать статью, но сведений о собственно абхазах в

---

¹ **Джорджиевич Тих.** Черкесы на нашей земле // Сборник Скопско-го научного общества. Том. III. – Скопле. 1928. С. 143 – 153 (на серб. яз.).

ней я не обнаружил, что, вполне возможно, объясняется моим незнанием сербского языка, на котором она написана¹.

Небольшую заметку на ту же тему еще до поездки в Югославию прислал мне венгерский ученый Мартон Иштванович. Она принадлежит перу Атанасия Урошевича и называется «Пережитки системы рабства у черкесов Косова», а опубликована была совсем недавно – в 1972 году. Для нас эта заметка особенно ценна тем, что в ней, наряду с черкесами и кабардинцами, прямо упоминаются и абхазы, как этнически самостоятельная часть населения Косовской области. Там мы читаем следующее: «Мусульманские переселенцы с Кавказа принадлежат трем родственным народностям: черкесам, абхазам и кабардинцам. На нашей территории кабардинцев не было, а абхазов было очень мало («Абхаза врло мало»)².

Основное же содержание статьи изложено в кратком французском резюме, перевод которого я здесь привожу полностью:

«В своей статье автор рассматривает следующее событие, которое вскрыло существование среди черкесов Косова, переселенных в 1864 году, скрытой системы рабства, которая сохранялась в течение определенного времени после переселения. Они (черкесы) продавали членов семей своих рабов, в особенности девушек, под видом членов собственных семей. После запрещения перевозки рабов в Турцию, собственность на семьи старых («бывших») рабов у черкесов Косова стала чисто фиктивной, но она хранилась в секрете по отношению к окружающим. Открытие фиктивной системы собственности над определенными фамилиями, которое произошло в 1935 году, выяснило, что черкесы, в течение многих лет после приезда в этот район, продавали в действительности не членов своих семей, а членов семей своих рабов. Эта ситуация выявилась, когда одна девушка, принадлежавшая к семье «свободных» черкесов, была похищена против воли ее родителей

---

¹ **Зупанич Н.** Этнографическое описание косовских черкесов // «Этнология» V – VI. – Любляна. 1933 (на серб. яз.).

² **Урошевич Атанасий.** Пережитки системы рабства у черкесов Косова // Бюллетень Института этнографии Сербской Академии наук и искусств. Том. XXI. 1972. С. 111.

молодым человеком, происходившим из семьи старых рабов. Этот человек, не будучи выкупленным у своего хозяина, не мог считаться равным со «свободными» черкесами и потому не мог получить право на брак с членом этого свободного класса.

Истинное состояние вещей об этом секрете (рабстве), который строго хранился в течение длительного времени, вышло наружу благодаря тем активным попыткам, которые предпринимались, чтобы помешать одному из молодых людей вступить в брак»¹. Документ очень интересный, заслуживающий специального анализа.

Приведенные сведения можно дополнить еще одним устным сообщением. Несколько лет тому назад, находясь в Москве, молодой абхазский этнограф В.Л. Бигвава случайно познакомился с югославским ученым-искусствоведом Меодридом Джеорджичем, который с супругой приезжал на отдых в Сочи. Он сообщил, что в Югославии есть одно село, население которого называют абазой. Они, по его мнению, являются по происхождению абхазами. Название села и его местонахождение остаются пока неизвестными.

Детальное изучение всех этих и других материалов о балканских абхазах, которые я еще надеюсь пополнить, – дело будущего. Но уже сейчас можно сделать вывод о том, что в многонациональном составе населения южной части Югославии, особенно района Косово, со второй половины XIX в., а, может быть, и раньше², были представлены довольно значительные адыгские и, в меньшем количестве, абхазские этнические группы. Несмотря на то, что к настоящему времени они, как видно, уже подверглись полной ассимиляции, но не может быть, чтобы остатки этих групп не сохранили бы никаких своих былых этнических признаков, а также исторических преданий, воспоминаний и пр. относительно появления их предков в этих

---

¹ Там же. С. 117 (на франц. яз.).

² Как известно, в 1690 году под предводительством сербского князя Арсения Черноевича произошло большое переселение сербов с юга страны (в основном района Косова) на север, в район Воеводина, а покинутые территории сербов, спасавшихся от турецкого ига, были заняты албанцами и черкесами.

местах. Для выяснения всех этих вопросов было бы весьма желательно командировать в район Косово абхазо-адыгovedов, которые, надо полагать, еще могут собрать там интересные фольклорно-этнографические, языковые и другие материалы.

3. Несколько слов по вопросу об абхазах в Болгарии

В настоящее время абхазов как таковых в Болгарии, по видимому, уже нет, они растворились в окружающей этнической среде, как это имеет место и в других балканских странах. Но, в относительно недавнем историческом прошлом, абхазы жили там, в частности, в районе современного г. Пелево. Болгары их называли «абазами». Было у них и свое село Абашко. Жили с болгарями мирно, вступали с ними в брачные отношения, оказывали друг другу помощь и поддержку и т.д.

Обо всем этом дает представление следующее сообщение капитана теплохода «Батак» И. Иорданова, отражающее собой обстановку семидесятых годов XIX века: «Так же от бабушки я слышал о дружелюбном... отношении абазов к местным болгарам. Достаточно упомянуть, что жители Малахаты бывали гостями в селе абазов. Имели место смешанные абазо-болгарские браки... Дружелюбие проявлялось еще и в том, что абазы, вооружившись, защищали жителей Малахаты от грабителей, в частности, отступающих турок. Старые люди вспоминают, как небольшой конный отряд абазов во главе с их предводителем по имени Чичин охраняли нашу деревню до последнего момента... Проявившим бдительность в охране чего-нибудь, готовность помочь в беде другим, дают прозвище Чичин. Имя предводителя абазов, честно охранявших Малахату в давнем 1878 году, стало символом хорошего защитника»¹.

Характерно, что абхазы, несмотря на свое трудное положение вдали от родины, жили в мире и дружбе с окружающим населением и, как сказано в приведенном документе, проявляли «готовность помочь человеку в беде», и абхазское имя стало символом защиты от произвола и насилия.

¹ Цит. по Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 484, 485.

4. В центре Европы

В историческом прошлом, а именно в период господства султанской Турции, Венгрия также была одной из европейских стран, куда в силу разных обстоятельств попали отдельные представители абхазского народа, в основном военные, проходившие службу в турецкой армии. Так, чуть ли не большинство будайских пашей составляли грузины, черкесы и абхазы (абазы). Список этих лиц открывает, – пишет венгерский историк Лайош Тарди, – абазинец по-национальности, визирь Ипсир Мустафа, который совсем молодым попал в сераль султана, где дослужился до главного шталмейстера, а затем назначался на разные высокие должности – занимал пост бейлербея Венгрии (1639–1640 гг.), был будайским пашой, а также пашой Румелии¹, Вани, Карамани, Анатолии (западная часть М. Азии), Сиваса, Дамаска и Алеппо, а в 1654 году становится великим визирем, женится на дочери султана, но всё же, попадает к нему в немилость и полгода спустя его казнят. Абхазом (абaziном) по происхождению был и визирь Сиявуш-паша. Этот выдающийся деятель был членом дивана, эрзерумским пашой, губернатором Будайского виалета, а также и будайским пашой (1648–1650 гг.), а после своего отзыва он дважды замещал должность великого визиря. Абхазом был и визирь Сари Гуссейн-паша в 1663–1664 годах, затем служивший и дамаским пашой².

Проф. Лайош Тарди в личном письме от 15 января 1991 г. любезно сообщил автору этих строк, что он располагает значительными материалами по истории Абхазии XIV – XV веков, собранными им в разных европейских библиотеках и архивах. Небольшая часть этих материалов им была использована в статье о турецких наместниках в Венгрии в период ее османской оккупации, напечатанной в 1970 году в журнале «Литературная Грузия». В этой публикации, хотя автор в ней «лишь косвенно занимается абхазами и абазинами», все же можно найти упоминания об абхазском происхождении некоторых

¹ Общее название балканских стран, завоеванных в XIV – XVI вв. турками-османами.

² **Лайош Тарди.** Из истории грузино-венгерских связей // Ж-л «Литературная Грузия», № 1, 1970. С. 86, 87.

будайских губернаторов и пашей – визиров Иршира Мустафу (1639–1640), Сиявуша-пашу (1648–1650), Сари Гуссейна (1663–1604) и др.¹.

Вообще турецкие власти широко использовали кавказских выходцев в качестве пушечного мяса на различных театрах военных действий. Известный турецкий ученый Евл. Челеби, в жилах которого также текла абхазская кровь, писал около середины XVII века: «...и сотни наших братьев-мусульман абазинов и черкесов, курдов и туркмен, напали на кяфигов Валахии² и Молдавии, словно голодные волки на стадо баранов, и стали рубить их саблями»³.

Вот на что по злой воле коварных правителей Османской империи тратилась из века в век энергия многих молодых людей. Можно себе представить, сколько же безумно храбрые кавказцы пролили чужой невинной и своей собственной крови в имперских интересах тиранической власти многочисленных султанов и пашей.

Недавно, лет десять тому назад, стало известно, что небольшое количество потомков абхазских поселенцев, из рода Барцыц проживают и в Польше. По словам польского летчика Веслава Барцыц, который по приглашению своих сородичей из абхазского села Блабурхва приезжал с супругой в Абхазию осенью 1978 года, польские Барцыцовцы в количестве 11 семейств, составляющих 32 человека (данные 1978 г.), живут под той же своей фамилией в с. Дымины. Все они происходят от одного предка – деда Антона Барцыц, который по неизвестным нам причинам, прибыл в Польшу в первой половине XIX в., а в 1841 году женился на польской крестьянке и навсегда поселился в Дыминах. Все его потомки считают себя, конечно, не только однофамильцами, но и близкими между собой кровными родственниками⁴.

---

¹ Там же. С. 85 – 89.

² Историческая область на юге Румынии.

³ Челеби Эвлия. Книга путешествия. Вып. 3 – М., 1961. С. 48.

⁴ Пачулиа В., Цушба С. Абхазские поселенцы в Польше – легенда или быль? // «Советская Абхазия», 3 октября 1978 года.

5. У берегов Атлантики

Послевоенный период характеризуется определенной активизацией миграционных процессов среди зарубежных абхазов. В основе этого лежат политико-экономические причины – поиски лучшей, безбедной жизни, хорошего заработка на сезонной или, если удастся, постоянной работе. В этих целях граждане Турции, Сирии и других стран, в основном рабочие, в одиночку и группами, едут в Европу, чаще всего в ФРГ, а также в Англию, Францию, некоторые скандинавские и другие страны, где часть из них остается на постоянное жительство. Так, в настоящее время сотни и тысячи абхазов, если не больше, сделали жителями разных европейских стран. Особенно это касается Западной Германии, где, по неуточнённым данным, насчитывается несколько десятков тысяч абхазов.

На концерте Государственного ансамбля народной песни и танца Абхазии в западногерманском городе Трире – родине Маркса – состоялось несколько интересных встреч и «пресс-конференций». Вот что рассказывает А.Х. Аргун об одной из них: «Первыми подошли к нам братья Цугба, потомки махаджиров. Они приехали из Турции в ФРГ и стали известными спортсменами. Надо сказать, что в Трире живет несколько сот абхазцев, приехавших сюда на заработки из Турции. Все они поражались, слушая наши рассказы о Советской Абхазии. Они не верили нам – западная пропаганда успела дезинформировать их о жизни народов Советского Союза. Позже, когда состоялась встреча со всеми абхазцами и грузинами, приехавшими в поисках работы в ФРГ из многих вилайетов Турции и пожелавшими поговорить с нами, их вопросы вызывали у нас искреннее возмущение. Так, например, рабочий завода «Мерседес-Бенц» Исмаил Куадзба спросил: «Разве малые нации имеют у вас право петь свои старинные народные песни»? Или же вопрос другого рабочего – Есната Отырба: «У вас разве не живут все в общежитиях? Ведь строить свои дома вам запрещают»? А вот вопрос другого абхазца-водителя Ислама Аппицба: «А разве свадьбы у вас не отменили? Чем вы кормите своих гостей, не имея ни земли, ни кола, ни двора»? Тогда мы им напомнили, что совсем недавно Абхазию посетила группа

из двадцати человек во главе с Орханом Шамба, которые побывали в селах республики и увидели своими глазами наше житье-бытье. «Разве вам они ничего не рассказывали»? – удивились мы. На этот вопрос абхазцы ответили так: «Да, да, первые дни они говорили так же, как и вы сейчас, очень хвалили Родину, Апсны, а потом им запретили вообще выступать перед населением. Не знаем почему»¹. Комментарии, как говорится, излишни.

В другом месте своей книги А.Х.Аргун пишет, что на концертах абхазского ансамбля в Западном Берлине «было много абхазцев, приехавших из Турции, Сирии, Ирака на заработки», в том числе там был родившийся в этом же городе 6-летний абхазский мальчик Мурат с отцом, и все они проявляли огромный интерес к жизни советских абхазов, народов СССР вообще². В Кельне с некоторого времени функционирует культурный центр так называемого европейского общества кавказцев, выходцев из Турции и других стран, в котором руководителем абхазской секции является представитель абхазской диаспоры А. Хишба³.

В последнее время относительно значительные группы людей абхазской этнической принадлежности – выходцы из Турции, Сирии и некоторых других ближневосточных стран, подвергшихся израильской агрессии, выезжают на постоянное жительство в США. Как рассказывают участники самодеятельного ансамбля «Рица» при гудаутском Доме культуры, которые летом 1988 года побывали в Америке, немало абхазов проживает и в США. Американские абхазы, представленные такими фамилиями, как Адзинба, Лейба, Маан (Маргания), Куджба, Казанба и др., попавшие туда из разных стран Ближнего Востока не очень давно, живут в основном вблизи Нью-Йорка. Многие из них сохраняют в чистоте свое национальное самосознание и мечтают увидеть свою любимую родину – Абхазию.⁴

В Нью-Джерси живет со своей семьей один очень влиятельный среди американских абхазов человек по имени Яхья Казанба. Он радушно принял и оказывал всяческое содействие

---

¹ Аргун А.Х. Указ. соч. С.72.

² Там же. С. 43.

³ Там же. С. 73.

⁴ Амичба Георгий. Абхазские танцы на американской сцене // «Абхазский университет», 23 сентября 1988.

известному американскому абхазоведу Поле Гарб, работающей в московском издательстве «Прогресс», а также гудайтскому ансамблю «Рица» во время его гастрольной поездки в США летом 1988 года. А недавно члены этой замечательной семьи совершили еще один благородный патриотический поступок. Дело в том, пишет поэт Д. Чачхалиа¹, что в начале 1984 года известный советский литературовед Е.К. Дейч, находясь в Париже, зашла в антикварный магазин «Санкт-Петербург» и неожиданно обнаружила там и отложила на короткий срок акварельный портрет жены русского художника Евреинова, выполненный Александром Чачба (Шервашидзе). Поскольку времени оставалось очень мало, чтобы новая картина абхазского художника не была навсегда потеряна для нашей родины, а официальные переговоры о приобретении работы по бюрократическим каналам грозили затянуться надолго, пришлось в создавшейся ситуации поставить в известность Я. Казанба. Он вместе с сыном Иналом на следующий же день связался по телефону с Парижем и без всяких проволочек приобрел картину. Она передана нашими добрыми зарубежными соотечественниками в дар Министерству культуры Абхазской АССР во время их прошлогоднего приезда на землю предков².

В самом Нью-Йорке проживает одна большая абхазская семья – Платон Харчлаа с женой, тремя сыновьями и тремя дочерьми, тринадцатью внуками и внучками. В марте 1989 года

¹ **Чачхалиа Д.** Новая картина А.Чачба // «Сов. Абхазия», 7 марта 1989.

² В июле 1989 года Яхья Казанба – руководитель абхазо-черкесской общины в Нью-Джерси, с женой кабардинкой Исам и сыном Иналом гостили по приглашению участников ансамбля «Рица» в Абхазии. Они ездили по достопримечательным местам Абхазии, познакомились со многими ее людьми. Кульминационной точкой их пребывания у нас явилась встреча с многочисленными представителями абхазской общности 11 июля в Абхазском драматическом театре, где Яхья Казанба под бурные аплодисменты всех собравшихся передал Абхазии купленный в Париже замечательный акварельный портрет жены Евреинова, принадлежащий кисти известного абхазского художника Александра Константиновича Чачба (Шервашидзе). Последний, как известно, около 60 лет своей жизни провел во Франции (недавно состоялось перезахоронение его останков в центре Сухума (см.: репортажи **Герия Ю.Н.** «Счастье встречи» и «Гость приносит счастье» // «Советская Абхазия» от 5 и 13 июля 1989 года).

этот интересный человек, который, пройдя сквозь страшный огонь фронтовой жизни, сделался известным богословом, приезжал в Абхазию, ездил на родину в Ткварчели, посетил историческую поляну Лыхнашта в Гудаутском районе, читал проповеди в Сухумском молитвенном доме баптистов, цитируя и абхазские традиционные молитвы, оставшиеся у него в памяти от матери, а в Союзе писателей Абхазии имел встречу с представителями абхазской интеллигенции и общественности.

* * *

Зарубежные абхазы внимательно следят за развитием Абхазии. Они гордятся ее достижениями. Их радует, что у нас своя государственность – Абхазская АССР, свои школы, литература, искусство, театр, газеты и журналы, свои научные учреждения и университет, своя большая интеллигенция. И они, имея разное гражданство, тянутся к своей единственной духовной родине, стараются оставаться верными своему происхождению, истории и культуре. Священные слова – «Апсны», «Абхазия» не сходят с их уст, они мечтают жить или хотя бы умереть на земле предков.

В том же штате Нью-Джерси одна глубокая старушка-абхазка, крепко схватив руку Юлии Папба – руководительницы гастрольной поездки Гудаутского ансамбля, на чистом абхазском языке рассказала, как ее – девчонку 12-ти лет, умирающая мать умоляла: «Запомни, ты из рода Лоу, что живет между Сочи и Туапсе»¹. Вот один из небольших, может быть, но ярких примеров неподвластного ни годам, ни расстоянию чувства Родины, неодолимой тяги к ней.

Наконец, еще один пример – без всяких комментариев.

Народный поэт Кабардино-Балкарии Адам Шогенцуков, выступая в с. Члоу Очамчирского района, вспомнил о таком эпизоде из своих зарубежных поездок: «Я был в Турции, встретился с одним очень богатым абхазцем, который жаждал возвращения на Родину. Я спросил его, не боится ли он потерять свои миллионы. Он ответил: «Не нужны мне никакие богатства, мне хватает лизать мокрый камень реки Кодор»².

¹ **Цвижба Заира.** Указ. соч. // «Сов. Абхазия», 26 мая 1989 года.

² Цит. по **Ломиа Константин.** «С надеждой увидиться вновь. Встреча с потомками махаджиров» // «Сов. Абхазия», 24 декабря 1988 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложения включают в себя некоторые извлечения из книг и документов, письма, обращения, краткие сведения о зарубежных деятелях абхазского происхождения, неполный перечень фамилий заморских абхазов и другие историко-этнографические материалы, дополняющие и конкретизирующие основной текст.

Извлечения из книги «Турецкая работоторговля и ее падение в 1840 – 1890 гг.» современного американского историка Е.Р. Толедано о похищениях людей и притязаниях бывших хозяев на права собственности над вновь прибывшими в Турцию абхазскими махаджирами:

«Похищения были обычным явлением в Эфиопии и областях, прилегающих к озеру Чад. То же самое часто происходило на восточных границах Анатолии среди народов Кавказа. Лазы обвинялись в похищении грузинских женщин и детей во время служения их мужей и отцов в Султанской армии. Вице-консул Оттоманской империи в Potide в 1855 году КК был вынужден ходатайствовать перед русскими властями об освобождении оттоманских подданных, которые были захвачены абазами (Abaza) и направлены на русскую территорию».

«В сентябре 1878 г. группа абазов-эмигрантов, прибывших в Kastamolu лет 15-20 до этого, потребовала права собственности над группой других абазов, прибывших недавно из Сухума. Вновь прибывшие утверждали, что русское правительство заключило с ними соглашение и вручило им свидетельство об их свободе. Таким образом, они утверждали, что они свободны и ничего не должны прежним хозяевам. И хотя юридически такое положение можно было оспаривать – немусульманское правительство берет на себя роль

хозяина над рабами мусульман – оно было принято Государственным Советом, отклонившим притязания бывших хозяев, в законе от 24 октября 1878 г. Совет постановил, что «лица, иммигрировавшие в Оттоманскую империю, должны считаться свободными». ...В начале 1879 г. местные власти в вилайете Трабзон в Cubas столкнулись с серьезными требованиями абаза-рабов об освобождении и пришлось обратиться к центральному правительству для помощи в разрешении конфликта. Основываясь на принятом законе, Porte известил руководителей провинций о том, что все иммигранты свободны и поэтому претендовать на них как на рабов – незаконно. Губернаторам было поручено обеспечить, чтобы бывшие хозяева рабов не чинили препятствия, и свобода рабов была обеспечена. Однако, по-видимому, такая политика столкнулась с трудностями, которые в 1882 году вызвали пересмотр позиции правительства.

Оттоманы ожидали, что иммиграция черкесов внесет свой вклад в численный потенциал имперской армии. Им было пожаловано 25-летнее освобождение от военной службы, но вступление в армию в качестве добровольцев поощрялось. Было сформировано несколько кавалерийских единиц, и многие действительно соглашались служить в султанских войсках. Армия предоставляла пищу, кров, обмундирование и образ жизни, который для многих черкесов был предпочтительнее, чем крестьянский. Однако через некоторое время эти военные единицы должны были быть распущены из-за неуправляемости иммигрантов, которые сопротивлялись дисциплине и даже убивали некоторых оттоманских офицеров. Армия пополнилась за счет свободных людей и рабов, которые поступали на военную службу автоматически за свободу. В случае с черкесами правительство скоро убедилось, что такой порядок лишает их большого числа потенциальных солдат»¹.

---

¹ **Толедано Е.Р.** Турецкая работорговля и ее падение в 1840 – 1890 гг. – Нью-Джерси, 1982. С. 17, 173 (на англ. яз.).

ОБРАЩЕНИЕ
К АБХАЗСКОМУ НАРОДУ И КО ВСЕМ ДРУГИМ
НАРОДНОСТЯМ, НАСЕЛЯЮЩИМ АБХАЗИЮ

Граждане, вам известно, что во время Русско-турецкой войны 1877 и 1878 годов большая часть абхазцев выселялась из Абхазии в Турцию, благодаря насилиям со стороны русского самодержавного правительства и влияния турецких пропагандистов. Впоследствии небольшая часть этих выселенцев вернулась обратно, но остальные остались там и поныне живут там, в Турции. Число их, по имеющимся сведениям, превышает численность всего абхазского населения Сухумского округа. Причем они представляют в Турции большую культурную силу: из их среды много интеллигенции и государственных деятелей с западноевропейским образованием.

Не раз мы слышали и знаем хорошо, что эти абхазцы не забывают своей родины и своих братьев и имеют всегда тяготение к ним. Даже недавно их представителями было заявлено Грузинскому правительству, что они желают вернуться на родину в Абхазию.

С другой стороны, находящиеся здесь абхазцы на своих съездах и частых собраниях, уездных и окружных, всегда выражали желание и выносили резолюции в том, чтобы абхазцы – махаджиры вернулись обратно на родину. Точно такое же разрешение получал этот вопрос, когда он возбуждался на крестьянских съездах всего населения Сухумского округа, имеющих место после революции 1917 г., а также и в Абхазии и Народном Совете всех созывов, как когда он был чисто национальным, так и тогда, когда он стал общенародным (последний существующий совет) для всех национальностей, населяющих Абхазию. Правительство и руководящие круги республики Грузия не только не имели что-либо против этого, но и даже приветствовали такого рода желание абхазского народа и давали обещания осуществить его при первой возможности путем дипломатических сношений.

Отношение абхазского народа и правительственных властей к махаджирскому вопросу до сих пор остается неизмен-

ным. Но, тем не менее, вопрос находится до сего времени в стадии первоначального положения. Никем дальше слов ничего не сделано для практического разрешения вопроса. Хотя бы были предприняты какие-нибудь подготовительные меры. Наоборот, мы видим только, что с каждым днем разными обстоятельствами незаметно затрудняется возможность осуществления в будущем справедливого желания абхазцев. И вот для постановки махаджирского вопроса на разрешение надлежащими властями и для ведения необходимых подготовительных работ по сему поводу собранием абхазской интеллигенции от 12 июня с.г., состоявшемся в гор. Сухуме, организован Комитет по делам абхазцев-махаджиров в составе следующих лиц: 1) Гр. Мат. Зухбай, 2) Виан. Тар. Анчабадзе, 3) Андр. Макс. Чочуа, 4) Дм. Иос. Гулиа, 5) Дм. Ив. Алания и 6) Мих. Ив. Тарнава.

По мнению Комитета, а также по ясному смыслу всех резолюций, выносившихся на собраниях, съездах и советах по махаджирскому вопросу, разрешение и осуществление последнего должно пройти безболезненно для населения Абхазии без различия наций, иначе говоря, возвращение и устройство махаджиров в Абхазии не должно ни в каком отношении вредить интересам прочно осевшего элемента населения Абхазии.

Комитет обращается с горячим призывом ко всему населению Абхазии, в особенности же к абхазскому населению, а также ко всем учреждениям и организациям придти на помощь Комитету морально и материально для успешного выполнения возложенных на него великих задач по объединению обиженного русским «царизмом» народа абхазского. Комитет просит всех сочувствующих жертвовать, кто чем может в пользу махаджиров. Комитет считает, что для абхазцев, оказание материальной помощи Комитету в его работе является священной обязанностью.

Пожертвования просим направлять в адрес Комитета в Сухум, а пожертвования из сел и уездов в соответствующие Уездные Земские Управы.

Комитет по делам абхазцев-махаджиров, «Наше слово»,
№ 135 (598), 24 июня 1920 года.

ОБРАЩЕНИЕ В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Генеральному секретарю ЦК КПСС,
Председателю Президиума Верховного
Совета СССР М. С. Горбачеву

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

Происходящие перемены в СССР можно сравнить лишь с теми, что сопровождали взятие Зимнего Дворца русскими революционерами в начале этого века, положив конец одной из самых жестоких и реакционных политических систем – системы царизма, виновного в уничтожении и выселении миллионов людей, в том числе народов Северного и Северо-Западного Кавказа (абхазского, адыгского, дагестанского, кабардинского, осетинского, шапсугского, убыхского, черкесского, чеченского).

В результате этого в настоящее время за пределами Родины живут три четверти этих народов, не забывая и не намереваясь бросать свою историческую Родину. Все их попытки вернуться на Родину не увенчались успехом, как при царизме, так и в периоды сталинизма, застоя и бюрократии, когда наш вопрос не был рассмотрен с такой же гуманностью, как и другие справедливые проблемы народов.

Борьба наших предков при покорении Кавказа носила характер защиты национальной самобытности, о чем указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, приводя в пример самоотверженную борьбу народов Кавказа в защиту своей Родины.

С окончанием Кавказской войны и выселением наших предков, в мире произошли большие изменения, особенно после победы СССР в Великой Отечественной войне. Несмотря на то, что выходцы с Кавказа живут в одной из самых горячих зон мира и антисоветские силы неустанно пытаются привлечь и эксплуатировать их в своей грязной деятельности, они до сих пор не добились желаемых успехов. Ведь именно Советская власть дала оставшимся на Кавказе нашим братьям права, о которых не могли мечтать при царизме.

Были образованы самостоятельные республики – Северокавказская Горная Советская Республика и Советская Соци-

листоческая Республика Абхазия. Однако вскоре после смерти Ленина эти республики были расформированы, и создан ряд «микроскопических» национальных единиц. Далее совершенные репрессии и поправки человеческого достоинства при сталинизме оказались более горькими и болезненными. В связи с малочисленностью оставшихся народов и трагичностью их истории, возмещать тысячи лучших партийных и государственных кадров оказалось задачей непомерно трудной.

Более 50 лет мы стараемся установить прочные связи с СССР, но до сих пор эта наша активная деятельность не дала заметных успехов.

Сотни семей подавали документы для возвращения на Родину и получения советского гражданства, тысячи посещали советские консульские представительства с этой же целью или хотя бы получить разрешение посетить Родину. Однако очень мало кому посчастливилось осуществить эту мечту за эти долгие годы. Тысячи добрых людей забрали с собой эти мечты в могилу.

Мы не хотим ворошить прошлое и охотиться за ошибками. Но болезненные факты вынуждены указать ради восторжествования истины. Нельзя не отметить, что некоторые наши соотечественники чуть не потеряли надежду на возможность возвращения на свою историческую Родину из-за позиции тех бюрократов в СССР на разных уровнях, которые мешали и продолжают мешать нам осуществить наши мечты.

Мы глубоко убеждены в том, что это положение не может продолжаться в условиях происходящих революционных перемен на нашей Родине, возвращающих вопросы справедливости и гуманизма к своим революционным началам, и создали внутреннюю разрядку в СССР, от которых ожидается положительное отражение на судьбу всего человечества. С первого дня своего основания СССР является оплотом и надеждой всех угнетенных народов. Поскольку мы являемся жертвой заговоров колониальных сил, у нас нет сил, на которые можно надеяться для достижения своих прав, кроме Советского Союза, даже если бы этот вопрос не коснулся его. А как же, если он в корне связан с исправлением исторической ошибки царизма, в противоположность которому образовался СССР?

Вместе с тем, нам глубоко импонирует то, что принципы демократии, свободы и справедливости лежат в основе перестройки. Это вдохновляет наши надежды на приближение решения нашей проблемы в рамках прав человека, среди которых естественное и священное право каждого желающего вернуться на Родину и жить на ней мирно в большой семье братских народов СССР.

С укреплением международной разрядки впервые после Второй мировой войны человечество стало чувствовать, что живет на менее взрывоопасной планете. Все это благодаря разумной политике СССР. В рамках этой политики все больше горячие проблемы в мире находят решения. Открываются возможности тратить миллиарды на благо человека вместо милитаризации.

При таком обстоятельстве дел в СССР и на международной арене в конце XX века ничто не оправдывает перенос решения нашего вопроса в XXI век без его разрешения, из-за близорукости некоторых бюрократов, когда он полностью в руках Советского Союза.

Нам представляется честь обратиться к Вам от имени кавказской общины в Сирии со следующим:

1. Рассмотреть наш вопрос на Пленуме ЦК КПСС, посвященном межнациональным отношениям, и принять официальный документ соответствующим государственным органам СССР, признающий и подтверждающий наше право вернуться на Родину в СССР.

2. Указать Советским консульским представительствам, принять документы желающих вернуться на Родину в рамках этого права.

3. Облегчить процедуру возвращения, ликвидировав прежние бюрократические принципы.

4. Упростить процедуры для посещения Родины для каждого желающего. В заключение, примите от нас, представителей большинства кавказской общины в Сирии, сердечные пожелания успехов в революционной перестройке Советского общества.

С уважением

Подписи

Дамаск, 27.02.1989 г.

НЕПОЛНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ АБХАЗСКИХ ФАМИЛИЙ,
ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТУРЦИИ

1. Абгадж (Абґаџь)
2. Абгаджаа (Абґаџьяа)
3. Абухба (Абыхэба)
4. Авидзба (Аѡзба) – св. 150 дворов
5. Авхаа (Аѡхаа)
6. Агрба
7. Агумаа
8. Адарымба
9. Адзба (Азба)
10. Адзинба (Азынба)
11. Акаба
12. Акусба (Акэсба, Кэсаа)
13. Акушба (Ақэшба) – около 7 тыс. в р-не Хендека
14. Акшба
15. Амчба (Амчба)
16. Аргун
17. Арсия
18. Арютаа (Арыѡтаа)
19. Атейба (Атеиба)
20. Аублаа (Аублаа)
21. Ахба
22. Ацвиба, Ацвейба (Ацѡеибақәа)
23. Ачба
24. Ашуба (Ашэба)
25. Ашхараа (Ашьхараа)
26. Багапш (Багапшь)
27. Багателиа (Бақаталиа)
28. Багба (Багба)
29. Барцыц
30. Барчын
31. Бганба
32. Бигуаа
33. Бутба (Бытэба)
34. Быдж (Быџь, Быџьяа)

35. Ванача (Уанаѓа)
36. Габлиа
37. Габиа
38. Габниа, Гыбниа (Гыбниаа)
39. Гечба (Гъач, Гъачба, Гъачаа)
40. Гиндиа (Гындиаа)
41. Гогуа
42. Гонджуа (Гонѓуаа)
43. Губаз
44. Гунба
45. Гыбриа (Гыбриаа)
46. Дбар
47. Джардания (ѓьардания)
48. Джергения (ѓьергьения)
49. Джурт (ѓьурт, ѓьуртаа)
50. Дзымба, Дзымиба (Зымба)
51. Допуа (Дапоуаа)
52. Джапш (ѓьяѓшь)
53. Джакониа (ѓьякониа)
54. Ебжноу (Ебжьноу)
55. Егусба
56. Жиба (Жьйба)
57. Званба (Ажэанба, Жэанаа)
58. Инал-ипа (Инал-ипѓа)
59. Инапха (Инапѓха)
60. Капба (ѓапба) – св. 200 дворов
61. Капш (ѓапшь)
62. Квадзба (Кэазба, Кэазбараа) – очень много
63. Квициниа (Кэытѓниаа)
64. Кобахиа
65. Куджба (Кэѓба, Кэѓаа)
66. Купалба
67. Куруа (Кэруа)
68. Лагулаа
69. Лазба
70. Лакоба (Лакоба, Лакэараа)
71. Лапшба (Лапшььба, Лапшььаа)

72. Ломиа (Ламиаа)
73. Лоу (Лоуаа)
74. Маан, Маргания
75. Маршан (Маршьан)
76. Мканба (Мқанба)
77. Мкуаб (Мқәаб, Мқәабаа)
78. Мукба (Мықәба)
79. Мыд (Мыдраа)
80. Нанба
81. Накопия (Нақәағһиаа)
82. Палба – св. 40 дворов
83. Папба
84. Парчалиа (Парчалиа)
85. Пасания
86. Сабуа
87. Сагариа (Сағариа)
88. Сакания (Сақания)
89. Смыр
90. Тарба (Тарба)
91. Таскуач (Тыскәачаа)
92. Трам (Трам, Трамаа)
93. Тванба (Тғанба)
94. Тыкба (Тықәаа)
95. Хагба (Хағба, Хагаа)
96. Халбад (Халбад)
97. Харания (Харания)
98. Хватыш (Хәатышь)
99. Хециа (Хециа, Хьациаа)
100. Хуазшхуа (Хәазшьхәа)
101. Хьшба
102. Царгуш
103. Цвацва, Цвацваба (Цәатцәаа, Цәатцәаба)
104. Цвижба (Цьыцьба)
105. Цвышба (Цьышба)
106. Цейба
107. Цыгуба (Цгәаа)
108. Чаабал

109. Чанба (Чанба)
110. Чкотуа (Чқотуа)
111. Чкуаниа (Чқәаниаа)
112. Чичба (Чычба, Ччаа, Чычақәа)¹
113. Шакрыл (Шьақрыл)
114. Шамба
115. Шымк, Шамкы (Шьамкы, Шьымкраа)
116. Шарбалиа (Шьарбалыиаа)
117. Шармат (Шармат)
118. Шинкуба (Шьынқәба)
119. Эшба (Ешба, Иашаа)

В данный перечень не вошли, конечно, фамилии патронимического образования: «дети» (потомки) такого-то реального или легендарного предка, например, «потомки (досл., «сыновья») Куаблыху» (Қәаблыхә-иҭәцәа), «сыновья Чыма» (Чым-иҭәцәа) и т.д., хотя такие названия родственных групп по личному имени дальнего или близкого предка сохраняются еще по традиции среди турецких абхазов, так сказать, для внутреннего пользования,

В расселении некоторых фамильно-родственных групп наблюдается определенная компактность. Например, многие потомки выходцев из Дала и Цебельды живут в районе Эскишехир – Биленджик, ахчипсуйцы – в деревнях вокруг Дюздже, много абхазов встречается на Измитском побережье, в местности, которую абхазы называют Котловиной (Агәаџа), а абазин (Ашәны иқәтцыз аҭсуаа), как говорят, больше всего в области Кайсери и Узуниайла и т. д.

Вместе с тем, в составе указанных фамильных имен немало таких, которые в самой Абхазии уже не встречаются или стали чрезвычайной редкостью (например, Аублаа, Акушба, Арютаа, Авхаа, Адарымба, Быдж, Гечба, Дзымба, Джурт, Джапш, Лапшба, Лоу, Мыд, Хуазшхуа, Шарбалиа, Шымк, Цыхьчы, Цвацваба и др).

Экономист Циба Цвижба, которая в феврале 1990 года была приглашена родственниками в Турцию, в течение месяца в г. Адапазаре и близлежащих деревнях собрала большой ономастический материал. Этот материал в виде списка фамилий

¹ Патронимическая ветвь княжеского рода Ачба.

«Абхазов, живущих в Турции» она по возвращении на родину опубликовала в абхазской газете «Апсны капш» от 7 апреля 1990 года в количестве 217 фамилий с указанием мест их проживания. В этом списке мы также находим ряд абхазских фамилий, которые в настоящее время в самой Абхазии уже не встречаются. Например: Абашьяа, Абдлаа, Авпатаа, Адарымба, Адухумаа, Айкусба, Амазахва, Амгьал-ипа, Айныкуаа, Аанаа, Арапаа (Араҭаа), Ариндаа, Асыкутараа, Ауасцаа (Ауасцәа), Атыршба, Аурысаа, Аублаа, Ахылпахцваквa (Ахылҭахцәақәа), Цанба, Ацвимцаа (Ацәымцаа), Ачуаа, Ашваша (Ашәашаа), Ашвейба (Ашәеиба), Ашвымхуаа (Ашәымхәаа), Бажвба (Бажәаа), Бедиаа, Бышныхуаа, Брыскылаа, Генаа, Кадзаа (Каёаа), Кутыблаа, Лапшаа (Лаҭшьаа), Нашаа, Самахуаа, Схваныквaа (Схәаныкәаа), Гентуаа (Гьентуаа) и другие.

Таким образом, как указывалось, в памяти зарубежных абхазов отчетливо сохраняются представления о традиционной фамильно-родовой и племенной принадлежности каждого из них, хотя это и не находит отражения в официальных юридических и прочих документах.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ДЕЯТЕЛЯХ АБХАЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Несмотря на неблагоприятные условия жизни и труда «Под чужим небом», среди турецких и арабских абхазов, как и других кавказских выходцев, в разное время выдвинулось, в силу различных обстоятельств личного и другого характера, немало видных деятелей культуры, политиков, общественных, государственных и военных деятелей, в основном из числа переселенческой верхушки. Об этом имеются сведения в работах С.П. Басария, Г.А. Дзидзария и др. Много интересного в этом отношении рассказывали нам О. Беигуа и другие турецкие абхазы старшего поколения. О. Беигуа даже издал на турецком языке 60 биографий наиболее выдающихся из них. Не имея возможности широко осветить этот вопрос, ограничимся краткими характеристиками лишь некоторых деятелей абхазского происхождения (живших в основном во второй половине XIX – нач. XX вв.).

***

Абаза Гасан-паша, более известный под именем **Абза-паши**, – один из виднейших политических и военных деятелей Турции абхазского княжеского происхождения первой половины XVII века. Он вращался во дворе султана, потом стал высокопоставленным чиновником, ведавшим финансами и сбором податей Диарбекира, правителем Марата и Эрзерума. В 1623 году Абаза Гасан-паша поднял восстание против янычар – представителей деспотического османского правительства и султана Мурада IV. В августе 1634 года он был убит. Армянский историк Симеон Лехацци называет его «некто из племени абазов». Комментируя это, М.О. Дарбинян пишет: «Абаза, родом абхаз, в прошлом участник одного из джалалийских мятежей. Избежал смерти благодаря посредничеству капитан-паши Халила, который, став великим визирем, назначил Абазу правителем Марата. С января 1622 г. Абаза стал правителем Эрзерума. Мятеж, поднятый

Абаза в 1623 г. против центральной власти, был одним из проявлений центробежных устремлений турецкой феодальной знати»¹.

Абаза-паша был образованным человеком, наделенным поэтическим даром. В одном из его четверостиший говорится, что «он восстал с целью отомстить султану Осман-хану», что «мечтает пойти на Стамбул «наладить» престол Османа и быть визиром султана Мурада», «если умру после этого, – говорит он, – нет горя для меня». Другое четверостишие указывает на то, что бог дал ему знамение о необходимости восстания и разгрома янычаров².

Восстание Абаза-паши приняло такие угрожающие размеры, что правительству пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам. «В этих условиях великий визир Халил-паша, прервав персидский поход, со всеми своими войсками двинулся на Абаза-пашу; в этом походе участвовал также один из эмиров Грузии, «диди моурави» – Георгий Саакадзе»³.

Хотя султан Мурад IV (1623-1640) и казнил под давлением знати Абаза-пашу, но похоронил его с великими почестями, воздвигнув ему величественную гробницу в Эрзеруме. «И весь город, и вся страна, – отмечает Гр. Даранагци, – которые увидели и которые услышали изумившись, удивились великим удивлением, ибо никогда не видели и никогда не слыхали от древних мужей и не читали в книгах, чтобы султан соорудил такую гробницу над могилой кого-либо, происходящего не из рода его, а (над могилой) некоего чужого князя из слуг его». «Вся страна не поверила, что Абаза убит, говорили: «Он жив до нынешнего времени».

Этим султан выразил признание заслуг Абазы, спасшего ему жизнь и мстившего янычарам за убийство его брата»⁴.

¹ **Симеон Лехацци.** Путевые заметки. Перевод с армянского, предисловие и комментарии **М.О. Дарбинян.** – М., 1965, с. 297.

² **Мамедов С.А.** Восстание Абаза-паши по армянским источникам // «Историко-филологический журнал», – Ереван, 4, 1977. С. 216.

³ **Рахмани А.** Тадих и алам-арай-и Аббаси как источник по истории Азербайджана. – Баку. 1960. Сс. 120, 127; **Мамедов С.А.** Указ. соч. С. 219.

⁴ **Мамедов С.А.** Указ. соч. С. 225.

Описывая неприступность крепости Каменец Евл. Челеби указывает: «Даже сам Абаза-паша, в бытность свою вали Очакова, семьдесят семь дней осаждал крепость, но, не достигнув успеха, бесславно возвратился в Силистру»¹.

А вот что еще пишет Евл. Челеби: «В эти дни Мелек Ахмед-паша затмил (своей щедростью) Хатима Тайн и Джафара Бермеки. Весь народ стал говорить о Мелеке Ахмед-паше: «Пожалуй, у племени абазин (прежде) не видно было такой щедрости». Между тем Мелек Ахмед-паша вовсе не происходил из страны абазин. Он родился в Стамбуле, в Топхане. Его отец и мать (действительно) были абазины и шестилетнего Мелека с матерью и кормилицей отправили в абазинскую землю, чтобы он усвоил обычаи абазинского племени. Там он и достиг четырнадцатилетнего возраста. В то время моя родительница, которая была дочерью его (Мелека) тетки, прибыла в обитель благоденствия (Стамбул), и Мелек вместе с нашей родительницей был представлен султану Ахмеду; Султан Ахмед-хан, увидев Мелека, сказал: «Всеведущий Аллах, сей юноша – (воистину) Мелек»², – и он пожаловал этого Мелека евноху Бююк Мустафа-аге, а нашу родительницу – нашему отцу, старшине цеха золотых дел мастеров Порога Счастья Дервишу Мехмеду Зилли-аге. От него и появился на свет я, ничтожный. Вот основание нашего с Мелеком родства»³.

Словом, Евл. Челеби был сыном абхазки – дочери тетки Мелек Ахмед-паши (отец его был турок).

Ачба Михри – художница, произведения которой, по С.П. Басария, были известны не только в Турции, но и в Америке, Греции и других местах, где с успехом проходили выставки ее работ.

Барциц – его С.П. Басария характеризует как «европейски образованного знатока парламентского дела». Барциц был родом из бзыбских абхазов.

Бутба Мустафа Шаханович – первый абхазский профессор, родом из Цебельды, вел большую просветительную работу

---

¹ **Челеби Евл.** Книга путешествий. Вып. I. – М., 1961. С. 54.

² Здесь игра слов: мелек означает «ангел».

³ **Челеби Евл.** Указ. соч. С. 99.

среди абхазских махаджиров, в 1919 году создал для них азбуку (не получившую, правда, практического применения), а в следующем году, как мы уже знаем, приезжал в Абхазию, побывал и в других местах Кавказа по махаджирским делам, встречался с представителями абхазской общественности, в том числе с Д.И. Гулиа, который посвятил его приезду специальную статью в газете «Апсны».

Мкер-ипа (Мекер-ипа, Мекер) Азизбей – по происхождению абазин, до 1919 года был профессором сельскохозяйственного института в Стамбуле, затем представитель Анкарского правительства в Москве, автор научных трудов по истории Кавказа и махаджирства.

Кобаш Рушты (Бганба) – один из активных участников антиимпериалистической борьбы турецкого народа. В 1921 году решительно выступал против переселения части абхазских махаджиров в Грецию¹.

Тосунбей Хусейн – европейски образованный политический деятель, один из инициаторов турецкой революции, выходец из Очамчиры. Был президентом абхазо-черкесского парламента (меджлиса), созданного для противодействия грубой ассимиляторской политике турецких властей, члены которого были Абдул Гамидом частью перевешаны, а частью сосланы в Триполитанскую пустынь (в том числе и Хусейн, проведенный там 11 лет); такой парламент вновь был открыт после Турецкой революции, но тоже вскоре фактически прекратил свое существование.

Абук Ахмед-паша – по характеристике С.П. Басария, «знаменитый генерал-кавалерист».

Басарь Назим-паша (1882-1913) – командующий турецкой армией в период Балканской войны 1911-1912 гг., одновременно был также военным министром, губернатором города Багдада и т.д.

Гогуа-паша – по словам С.П. Басария, «одно время он был турецким посланником в Петербурге» (родом из Абжуйской Абхазии)².

---

¹ Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 497.

² Басария С.П. Избранные сочинения. – Сухуми. 1967. С. 26.

Мухамед-паша – предводитель морского совета, сенатор, по фамилии Ашхаруа, предки которого были выходцами из района Гагры.

Осман-паша – по словам С.П. Басария, «возносимый европейскими специалистами наравне с Наполеоном... абхазского происхождения».

Рауфбей Хусейн (Ашхаруа), или Рауф Орбай – сын сенатора Мухамед-паши, родившийся в 1881 году, один из самых ближайших соратников Ататюрка, в одно время (1922-1923) занимал пост главы турецкого правительства, исполнял также обязанности министра иностранных дел, недолго состоял министром по морским делам (морское образование получил в Англии). 30 октября 1918 года подписал Мадрасское перемирие, был послом Турции в Лондоне, впоследствии (с 1924 г.) стал одним из лидеров антикемалистской оппозиции.

Сабахаддин Мехмед – его называли «принцем» – политический деятель, мыслитель, публицист, оратор и крупный социолог Турции конца XIX – нач. XX вв., по происхождению из фамилии Квацба (р. 1877).

Сулеиман-паша (Чачба) (1838–1881) – генерал, командующий Дунайской армией, состоял также профессором литературы и директором военной школы в Стамбуле.

Февзи-паша (Чакмак, род. 1858) – начальник штаба Ангорской (Анкарской) армии, был также военным министром, после победы над греками произведен в маршалы, а затем – бессменный начальник генерального штаба.

Хаираддин ат-Туниси (1825-1890) – был главой правительства и реформатором Туниса, а в конце 70-х годов Османской империи (великим визиром), автором первой тунисской конституции и трактата о политическом устройстве ряда европейских стран (родом из Бзыбской Абхазии).

Хуршит-паша – морской министр.¹

Хюсрев-паша Махмед – видный турецкий государственный деятель происходил из абхазских рабов, воспитывался в

---

¹ Более подробные сведения о зарубежных абхазских деятелях см.: Басария С.П. Указ. соч. С. 26 и др.;

Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 493 – 497 и др.

султанском дворе, с 1792 года – дворецкий (кяхья) капудан-паши Кючюк Хусейна; в 1800 г. сопровождал турецкий флот в Египет под командой Кючюк Хусейна, который назначил его сначала комендантом Александрии, а затем и пашой Египта; в 1804 г. выслан из Египта Мехмедом Али-пашой, после этого занимал ряд губернаторских постов в различных провинциях Турции; дважды (в 1812-1817 и в 1822-1827) был капудан-пашой; в 1827-1836 гг. – военным министром, в 1838-1840 гг. – великий визир; на последнем посту руководил военными действиями против своего старого противника, египетского паши Мехмеда Али, добивавшегося независимости. Умер в 1854 году¹.

---

¹ Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар. М.-Л., 1947. С. 199, 239.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абд-Ар-Рахман ал-Джабарти**. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798 – 1801) – М., 1962.
2. **Авалишвили З.** Независимость Грузии в международной политике 1911 – 1921 годов. Воспоминания. Очерки. – Париж. 1924. (Перевод на груз. яз. и предисловие **Ш. Элиава**. – Тбилиси. 1925).
3. **Авалишвили З.** Независимость Грузии в 1918 – 1921 гг.
4. **Авидзба В.** Вопросы ликвидации княжества и махаджирство // «Алашара», 1967, № 9.
5. **Авидзба В.Д.** Д.И. Гулиа и заморские абхазы // «Алашара», № 6, 1974 (на абх. яз.).
6. **Агарышев А.** Побег из-под пыток // «Комсомольская правда», 5 июля 1967.
7. **Аджиева Л.** Связи традиций абхазов и абазин // Ж-л «Алашара», 1987, № 11.
8. **Алания Д.** «Два слова о проблемах махаджиров» и «Еще раз о делах махаджиров» // газ. «Апсны».
9. **Алпенидзе Вл.** Абхазия в немецкой энциклопедической литературе / «Алашара», 1960, № 5 (на абх.яз.).
10. «**Аль-Яум**» («Утренняя газета»), 1 октября 1963 года (араб. газ. Израиль).
11. **Амичба Г.А.** Абхазские танцы на американской сцене // «Абхазский университет», 23 сентября 1988.
12. «**Амцабз**», ж-л. № 6, 1966.
13. **Аралов С.И.** Воспоминания советского дипломата. – М., 1960.
14. **Аргун Алексей.** Неугасающий огонь. – Сухуми. 1982.
15. **Ачугба Т.А.** Из этноязыкового развития абхазов Аджарии (рукопись).
16. **Бавыкин О.** Вечер в Дамаске // «Сов. Абхазия», 1 апреля 1989 г.
17. **Басария С.П.** Редкие случаи долголетия в Абхазии // «Труды» АБНИИКа. Вып. II. – Сухум. 1934.
18. **Басария С.П.** Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум-Кале. 1923.

19. **Басария С.П.** Горцы Кавказа в Турции // Избранные сочинения. – Сухуми. 1967.
20. **Бегуаа Омар.** Абхазские знамена // «Кафкасиа», ж-л. № 14, 1967 (Турция).
21. **Бегуаа О.** «Варада» // Стихотворение Г.М. Шервашидзе «Варада», в переводе на тур. яз., а также стихотворение его самого – «Апсны» // Журнал «**Кавкасиа**», издаваемый «Кавказским культурным обществом» (выходит раз в три месяца).
22. **Бегуаа О.** «Апсны» // Перевод с абхазского **Д. Чачхалиа** // «Сов. Абхазия», 28 октября, 1975 года.
24. **Бейгуаа О.** Стихи // «Алашара», 1967, № 9.
25. **Бейгуаа О.** Стихи. // «Алашара», 1968, № 7.
26. **Бей-Мамиконян Г.** Судьба мамлюка. Краткий исторический очерк // Послесловие к книге Уиараго (**К. Татаршвили**) «Мамлюк». – Тбилиси. 1960.
27. **Брокгауз и Ефрон.** Энциклопедический словарь. Том XXXIV. – СПб., 1902.
28. Большая советская энциклопедия (СЭ). Том I. 1950 (1949).
29. **Вольненский Л.В.** История Батумского края // «Батумское Побережье». – Батум. 1911.
30. Всеобщая перепись населения (Турции) 1955 года. – Анкара. 1956 (на тур. яз.).
31. **Герия Ю.Н.** «Счастье встречи» // «Советская Абхазия» от 5 июля 1956.
32. **Герия Ю.Н.** «Гость приносит счастье» // «Советская Абхазия» 13 июля 1989.
33. **Гожба Р.** «Сказания турецких абхазов» // «Алашара», №5, 1989.
34. **Гожба Р.Х.** (Агуажба). Фольклорные материалы абхазов Турции // «Труды Абгосмузея». Вып.V. – Сухуми. 1980.
35. **Гожба Р.Х.** Махаджирство: трагедия длиною в сто десять лет. Страницы истории // Газ. «Абхазский университет», 23 и 30 сентября 1988.
36. **Гулиа Д.И.** Стихи. – М., 1964.
37. **Гулиа Д.** «Комитет по делам махаджиров» // Газ. «Апсны» 13 марта, №8 (46) 1920.

38. **Гулиа Д.** Мустафа Бутба // Газ. «Апсны», 21 августа. № 30 (58) 1920.
39. **Гулиа Д.** «Об абхазских махаджирах в Турции // Газ. «Апсны», 6 июля 1920.
40. **Гулиа Д.** «Об абхазских махаджирах // «Апсны», 28 августа 1920 года, № 23 (51) (на абх. яз.).
41. **Джикия С.** «Заря Востока», 29 января 1946 года, № 21.
42. **Джорджиевич Тих.** Черкесы на нашей земле // Сборник Скоплского научного общества. Том. III. – Скопле. 1928. (на серб. яз.).
43. **Дзидзария Г.А.** Человек удивительной судьбы // «Сов. Абхазия», 19 октября 1978.
44. **Дзидзария Г.А.** «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX века» – Сухуми. 1975.
45. **Дзидзария Г.А.** Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. – Сухуми. 1958.
46. **Дзидзария Г.А.** Очерки истории Абхазии. – Тбилиси. 1963.
47. **Дзидзария Г.А.** Видный деятель абхазской культуры. К 80-летию со дня рождения С.П. Басария // «Советская Абхазия», 4 апреля 1965.
48. **Дюбуа де Монпере Фр.** Путешествие вокруг Кавказа. – Сухуми. 1937.
49. **Дюмезиль Ж.** Анатолийские документы о языках и традициях Кавказа. III – Париж. 1965, табл. IV (на фр.яз.).
50. **Зупанич Н.** Этнографическое описание косовских черкесов // «Этнология». V – VI. – Любляна. 1933 (на серб. яз.).
51. **Еремеев Д.** Изучение этнографии современной Турции //СЭ, 1960, № 2.
52. **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. – Сухуми. 1965 и др.
53. **Инал-ипа Ш.Д.** Пути развития абхазской письменности // «Советская Абхазия», 28 ноября 1965 г.
54. **История дипломатии.** Т. II. – М. – Л., 1945.
55. «Кавказ» Газ., № 5. 1869.
56. **Карлайль Мак Коан.** Наш новый протектор. Описание географических, этнографических и экономических свойств Турецкой Азии. Т. I. – М., 1884. (перевод с англ.).
57. **Кольфоглу И.И.** Древние известия о Батуме // ИКОИРГО. Т. XXVIII. № 1. 1905.

58. **Корниенко Р.П.** Рабочее движение в Турции. 1918 –1963 гг. – М., 1935.
59. **Кучберия Л.Е.** Из этнографии абхазов арабских стран // Ж-л «Алашара», №5. 1971 (на абх. яз.).
60. **Лавров Л.И.** Абазины // «Кавказский этнографический сборник». – М., 1953.
61. **Ленин В.И.** ПСС. 4-е издание. Том 15.
62. **Ленин В.И.** ПСС. Том 3.
63. **ЛЮ ААН.** Ф. 800. Оп. 6, № 277. Лл. 1–5 и 6.
64. **Ломиа Константин.** С надеждой увидиться вновь. Встреча с потомками махаджиров // «Сов. Абхазия», 24 декабря 1988.
65. **Луцкий В.Б.** Новая история арабских стран. – М., 1965.
66. **Мамедов С.А.** Восстание Абаза-паши по армянским источникам // «Историко-филологический журнал». – Ереван. № 4, 1977.
67. **Марр Н.Я.** О языке и истории абхазов. – М. – Л., 1938.
68. **Мархолия И.** Суданский абхаз // «Апсны капшь», 1977, сентябрь 23 (на абх. яз.).
69. **Миллер А.Ф.** Мустафа паша Байрактар. – М.-Л., 1947.
70. **Мухаммед Махер Абаза** // «Красное знамя», 8 мая 1968.
71. **Народы мира.** Историко-географический справочник. – М., 1988.
72. **Образцов С.И.** Из отголосков прошлого (Воспоминания абхазского крестьянина) // «Сотрудник Закавказской миссии». № 1, 1 января 1914 года.
73. Он был самым старым человеком // «Известия», 15 января 1963.
74. Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия / Под редакцией **Толстова С.П., Левина М.Г. и Чебоксарова Н.Н.** – М., 1959.
75. Партархив Абхазского обкома КП Грузии. Ф.1ю Оп. 1. Д. 20. Л. 22.
76. **Пачулиа В., Цушба С.** Абхазские поселенцы в Польше – легенда или быль? // «Советская Абхазия», 3 октября 1978.

77. **Рахмани А.** Тадих и алам-арай-и Аббаси как источник по истории Азербайджана. – Баку. 1960.
78. **Родин Л.Е.** В стране колодцев. – М., 1962.
79. **Сахокия Т.** Путешествия. Гурия, Аджара, Самурзакано, Абхазия. – Тбилиси. 1950 (на груз. яз.).
80. **Семенова Л.А.** Салах ад-дин и мамлюки в Египте. – М., 1966.
81. **Сергегия Людмила** «Моя родина... Апсны... Мой брат» // Гагрская газета «Авангард», 17 марта 1989 (на абх. яз.).
82. **Симеон Лехацци.** Путевые заметки // Перевод с армянского, предисловие и комментарии М.О. Дарбинян. – М., 1965.
83. «Слово» от 9 ноября 1920 года (газ. меньшевиков).
84. Советская историческая энциклопедия. Том 7. 1965.
85. Съезды Советов Абхазии. Сборник документов и материалов (1922-1923). – Сухуми. 1959.
86. **Тар-п̄ха Н.** Шьардаамта. Шьамтэылан. – Акәа. 1988. (Тарба Нелли. В стране Шам. Сирийские встречи. – Сухуми. 1988.
87. **Тарди Лайош.** Из истории грузино-венгерских связей // Ж-л «Литературная Грузия», № 1, 1970.
88. **Толедано Эхуд Р.** Оттоманская работоторговля и ее упадок. 1840 –1890 // Принстонский университет. – Нью-Джерси. 1982.
89. **Торнау Ф.Ф.** Воспоминания кавказского офицера. – М., 1864.
90. **Урошевич Атанасий.** Пережитки системы рабства у черкесов Косова // Бюллетень Института этнографии Сербской Академии наук и искусств. Том. XXI. 1972.
91. **Фадеев А.В.** Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. № 4. – Л-д., 1935.
92. **Фадеев А.В.** Кавказ в системе международных отношений 20 – 50-х гг. XIX в. – М., 1956.
93. **Фадеев А.В.** Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе в XIX в. // «Вопросы истории», № 9, 1951.
94. **Халидэ-Эдиб-Ханум:** «Огненная рубашка» // На русском языке издан «Заккнигой» в 1927 г.
95. **Хашба А.К.** Избранные работы // Составление, редакция, предисловие **Бгажба Х.С.** – Сухуми. 1972.

96. **Цвижба Заира.** Соединить два берега. Из зарубежного блокнота // «Советская Абхазия», 24 мая 1989 г.
97. **Цвижба Заира.** У одного из семи чудес света. Из зарубежного блокнота // «Советская Абхазия», 26 мая 1989 г.
98. **ЦГИА** Абхазской АССР. Ф. VIII. Оп. 1. Д. 237. Л. 18 об., 121, 122 и др. (Материалы об Арсене Хашба.)
99. **ЦГА** Абх. АССР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 62. Лл. 188 – 189; Ф. 3. Л. 83 и Л. 6.
100. **Чачхалиа Д.** .....// газ. «Сов. Абхазия», 28 октября, 1975 года. Перевод с абхазского.
101. **Чачхалиа Д.** Новая картина А.Чачба // «Сов. Абхазия», 7 марта 1989.
102. **Челеби Эвлия.** Книга путешествия. Вып. 3. – М., 1961.
103. Численность и расселение народов мира. – М., 1962.
104. **Чурсин Г.Ф.** Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1957.
105. **Шакрыл В.** «Сухумская красавица: впереди финал» // Комментарий **З. Цвижба** «Советская Абхазия», 23 июня 1989 года.

СТУПЕНИ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Рецензент: доктор исторических наук, проф.
Ю.Д. Анчабадзе

В работе на основе многочисленных источников затрагиваются вопросы социально-экономического и политического развития Абхазии. В ней обосновывается научная несостоятельность версии о переселении абхазов из Северного Кавказа на территорию современной Абхазии лишь в позднесредневековое время, а также показаны изменения этнической ситуации, особенно с середины XIX века. Книга рассчитана на историков, этнографов и всех, кто интересуется прошлым Абхазии.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не имеет смысла доказывать важность изучения этнической истории народа, в частности, изменений этнических территорий и этнических рубежей¹. Эти, недостаточно разработанные проблемы, требуют дальнейшего пристального внимания со стороны специалистов и по истории и по этнографии Абхазии. Сделанного в этой области, к сожалению, все еще очень мало (см. ниже).

Этногенез и этническая история абхазов по-прежнему остаются одной из главнейших исследовательских проблем всего абхазоведения, особенно в условиях новых массивированных атак некоторых грузинских авторов, в целях научного обоснования своих далеко идущих националистических и политических программ и лозунгов пытающихся доказать недоказуемое – захват абхазами занимаемой ими ныне территории всего лишь «пару веков тому назад».

Настоящие очерки, написанные в связи и с учетом такой непростой ситуации, имеют своей основной целью показать полную научную несостоятельность «теорий» переселения абхазов с Северного Кавказа в XVII и даже, смешно, но факт, «лишь в начале XX века»² и вместе с тем вносят определенную лепту в изучение сложных этнодемографических процессов, протекавших в течение последних столетий на территории Абхазии, главным образом в ее юго-восточной части. Данные очерки основаны на новом прочтении и анализе наиболее значимых исторических источников и литературы, а также на многолетних полевых разысканиях автора.

Работа состоит из нескольких частей: изложение взглядов некоторых представителей «теорий» «горной стихии» (в ос-

---

¹ См.: **Кушнер П.И.** Этнические территории и этнические границы//Труды Института этнографии. Том 15. – М., 1951.

² Газ. «Свободная Грузия», 12 ноября 1991.

новном касательно абхазов), а также свидетельств, главным образом позднесредневековых ученых и путешественников об Абхазии и абхазах (включая вопросы этнических границ), об уровне социально-экономического и культурного развития абхазов XVII – XVIII вв., спорные проблемы населения между-речья Кодор-Ингур и изменение этнической ситуации в Абхазии в XIX – начале XX вв. (последняя часть, почти целиком была мною опубликована)¹.

Автор предлагаемой читателю книги в новой ее редакции далек от мысли, что только его прочтение исторических источников является верным, его материалы – являются исчерпывающими, а все наблюдения, выводы и заключения абсолютно бесспорными. Этническая ситуация в Абхазии и вообще на Черноморском побережье Кавказа, особенно последних трех-четырёх бурных столетий сложная, все еще малоизученная проблема. Требуется дальнейшая скрупулезная собирательская и объективная исследовательская работа специалистов разных областей знания. Только такие совместные коллегиальные усилия помогут установлению объективной истины, которая так редко сразу дается в руки, особенно в пылу полемики. Хотелось, однако, чтобы в этих непростых условиях настоящий скромный труд явился бы пусть небольшим, но положительным вкладом в разрешение судьбоносных научных задач в области этнической истории абхазского народа.

---

¹ **Инал-ипа Ш.Д.** Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX – начале XX вв. //СЭ 1990, № 1.

І. СТИХИЯ «ГОРНОЙ СТИХИИ»

Представления об агрессивном «натиске» отсталых северокавказских горцев и вытеснении или покорении ими носителей более развитой местной, то есть западно-грузинской культуры в Абхазии, имеют свою историю. Зачинателем этой версии, в период нового времени, является грузинский историк XIX в. Дмитрий Бакрадзе¹. Впоследствии усиленно ее развивали П. Ингороква и некоторые другие грузинские ученые. Однако я на всем этом здесь подробно останавливаться не буду, ограничусь лишь краткими обобщенными характеристиками соответствующих точек зрения, отсылая интересующихся, в частности, к одной из своих предыдущих работ². В данном случае меня больше занимают новые варианты «теории» «горной стихии» в грузинской историографии последнего времени, сторонники которой утверждают, что современные абхазы, называющие себя «апсуа» (**აქსუა**), не коренные жители страны, а являются недавними пришельцами из-за гор, «гостя-

---

¹ Задолго до П. Ингороква, отвечая на вопрос о том, кто жил в нынешней Абхазии до X–XI вв., Дм. З. Бакрадзе писал: «Мы думаем, что абхазы после их переселения из-за гор, как более сильные, потеснили мегрелов, и эти последние, в силу своей слабости, уступили им свою землю... Если, – продолжает он, – после XVII в. абхазский язык так сильно потеснил мегрельский – согласно Ламберти, от Кодора до Ингури, – то становится ясным, что абхазский язык исстари мало-помалу внедрялся в коренные земли распространения мегрельского языка и ... вся Цебельда и Абхазия, если не целиком, то все-таки большая часть была еще занята мегрельским племенем». (Дм. Бакрадзе. История Грузии. – Тифлис. 1889. С. 272–273). Однако несколько десятилетий назад и он писал по-иному, считая абхазов весьма древними жителями, известными древним эллинам под именем авазгов// Газ. «Кавказ». 1860, № 48.

² **Инал-ипа Ш.Д.** Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми. 1976. С. 43, 45 и др.

ми» в своем родном доме или даже «оккупантами» на данной территории. Правда, мало кто из специалистов по вопросам этнографии и истории Абхазии позднего Средневековья разделяет эту точку зрения. Ее придерживаются в основном только некомпетентные в области абхазоведения авторы, писания которых не заслуживают особого внимания. Тем не менее среди прозелитов указанного направления встречаются и имена отдельных видных ученых – историков, археологов и других, воззрения которых, если не подвергнуть их научному критическому анализу, могут ввести в заблуждение неосведомленного читателя, потому что иногда, как оказалось, приходится доказывать, что ты – не верблюд, а ложные идеи нередко бывают не только вредными, но и заразительными.

Грубейшие искажения истории абхазского народа античного и средневекового времени допущены литератором П. Ингороква. Впервые вопроса об абхазах П. Ингороква коснулся в своей статье, опубликованной в 1941 году, где писал об абхазах, как о негрузинском этносе, сыгравшем большую роль в средневековой истории Грузии¹. Однако к 50-м годам у Ингороква взгляды на эту проблему кардинально изменились, что нашло свое отражение в его статье, помещенной в трех номерах журнала «Мнатоби» 1950 года. Затем в развернутом плане они были поданы в выпущенной им в 1954 году объемистой книге². Безмерно многословный автор посвятил 181 странице (почти 10 печатных листов) краткому сообщению Георгия Мерчуле об Абхазии, всего несколько строк, не дающих никакого основания для построения далеко идущей «ингороквовской концепции».

Основной тезис этой концепции состоит в том, что между современным абхазским народом и населением Абхазии античного и всего средневекового периода нет никакой преемственной связи – ни этнической, ни культурно-исторической.

---

¹ **Павле Ингороква.** Леонтий Мровели – грузинский историк VIII века // Известия ИЯИМК. Том X. – Тбилиси. 1941. С. 127.

² **Его же.** Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века. Очерк по истории литературы, культуры и государственной жизни древней Грузии. – Тбилиси. 1954.

В полном противоречии с давно установленными неопровержимыми данными науки, в том числе с работами известных грузинских ученых (академики И.А. Джавахишвили, С.Н. Джанашиа, А.С. Чикобава и др.), П. Ингороква силился «доказать», что древние абхазы (абазги) по своему происхождению и языку представляют собой одно из «чисто грузинских племен», а современные абхазы – пришлый элемент, не игравший никакой роли в исторической жизни не только Грузии, но и самой Абхазии, поскольку, по его утверждению, «племя апсуа» (иначе он не называет современных абхазов) появилось в Абхазии из-за каких-то диких гор не ранее XVII века!

Уже и в более ранней своей публикации 1950 г. П. Ингороква прямо пишет, что население в Абхазии переменялось только в XVII веке, когда этот район «заняли кавказские горцы, и древние коренные насельники – грузины – выселились или смешались с поселившимися здесь кавказскими горцами». При этом он утверждает, что если бы средневековые абхазы не были грузинами, то два разных народа – грузины и предки современных абхазов – не могли бы совместно создать единое государство и пр.

Ни историческое обоснование этой «концепции», ни тем более ингороквовский «специальный экскурс» – этимологический анализ географических названий в «абхазских краях» с целью установления этнического состава населения, не могут выдержать научной критики.

Автор, не находя в Абхазии буквально ни одного абхазского названия местности, для подтверждения своей тенденциозной точки зрения, в частности, относительно якобы чисто грузинского этнического состава населения Абхазии (и всего Черноморского побережья до Геленджика), «с самого начала» и до XVII века, пытается анализировать старые географические названия края, причем везде и во всем видит связь только с «грузинским языковым миром». Даже названия с элементом «пс» (ქს) он объявил картвельскими, несмотря на то, что в Восточной Грузии не встречается ни одна река с этим элементом. Вместе с тем, он проявил полное непонимание огромного количества слов в абхазском языке с элементом «пс», связан-

ных не только с водной стихией (в абхазском языке можно выявить несколько сот словарных единиц с этим элементом, и в адыгских около ста). При этом он пишет, что «мы не найдем ни одного названия, которое объяснялось бы языком черкесской группы [следовательно, и абхазским языком. – Ш. И.]. Таким образом, географические названия дают совершенно определенные показания о том, кто [по Ингороква!] были коренными оседлыми жителями краев Абхазии: «Население краев Абхазии, как выясняется [?!], с самого начала принадлежало к грузинской этнической группе...»¹. Читая подобное, не знаешь чему удивляться – предельной ли субъективности автора или его столь же предельной неосведомленности.

Не лучше обстоит у него и с толкованиями исторических источников. Он или искусственно подгоняет их, или замалчивает материалы, говорящие против его предвзятого тезиса. Вот характерный пример его недобросовестного обращения с источниками. Для доказательства своего положения о том, что даже в XVII веке в Абхазии все еще отсутствует абхазский язык, он, как ни смешно, ссылается на турецкого путешественника Евлия Челеби, побывавшего здесь в 1641 году. Однако у Челеби ничего подобного нет. Напротив, он сообщает весьма ценные сведения, в частности, приводит примеры абхазских и убыхских слов и выражений.

Вопреки субъективному, принижающему историю абхазского народа «исследованию», П. Ингороква, несмотря на то, что всем хорошо известно, что «агъсуа» (самоназвание абхазов) – это и есть те же «абхазы» (в прошлом апсилы, абазги, саниги и другие), испокон веков населявшие современную Абхазию, являясь ее аборигенами – объявлены им принадлежащими к картвельскому этническому миру.

20 июля 1955 г. в Грузию, в ЦК КП было послано письмо от Абхазского Обкома КП Грузии, Совмина и Верховного Совета, за подписью А.М. Чочуа, А.М. Лабахуа и И.К. Тарба с просьбой осудить порочную книгу, но ответа с реагированием, не последовало.

---

¹ **Его же.** Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века // Ж-л «Мнатоби», № 1, 2, 3. – Тбилиси. 1950.

Антинаучная концепция П. Ингороква по кардинальным вопросам исторического прошлого абхазского народа, к сожалению, нашла поддержку и у некоторых других авторов. В 1955 г. 9 июля в газете «Заря Востока» была напечатана рецензия акад. Г.С. Ахвледиани «Ценнейший труд по истории грузинской культуры»¹. Рецензент, целиком разделяя вышеизложенную точку зрения П. Ингороква и идеализируя его книгу, поднял на щит автора «новой концепции», не сделав ему по существу ни единого критического замечания по поводу каких-либо положений такого «капитального труда (свыше тысячи страниц)».

Однако, как совершенно справедливо отметил первым из ученых, выступивших с критикой работы П. Ингороква, грузинский проф. Г.К. Соселия в статье, опубликованной 18 декабря в том же 1955 году (чем вызвал бурю негодования, угрозы и т.п.), оказалось, что оба основных претенциозных «открытия» П. Ингороква, сделанные им, как он любил выражаться, путем «прецизного анализа» и «лингвистического экскурса» («по методу редукции и законам фонетики»!), не выдерживают критики. А именно, во-первых, то, что еще с античной эпохи существовало «единое цельное» национальное грузинское государство (с насильственным перерывом в VI – VII вв.). Оно развивалось не только без классовой борьбы, но и без борьбы грузинских феодалов между собой, имело и общую территорию, и общий язык (грузинский) и общую культуру. Во-вторых, что те, которые назывались в Средние века абхазами, на самом деле являются «грузинами по своему происхождению и языку», ибо генетически восходят к грузинскому племени мосхов, или месхов (абазги, абаски – мосхи, месхи), занимавших будто бы в древности всю «основную территорию современной Абхазии». Обе эти «теории» не столько оригинальны и «прецизны», сколько беспочвенны, ошибочны и претенциозны. «Теория П. Ингороква о происхождении абхазов от грузинского племени мосхов, – заключает Г.К. Соселия, – явно антинаучна»².

---

¹ **Ахвледиани Г.С.** Ценнейший труд по истории грузинской культуры // Газ. «Заря Востока», 9 июля 1955.

² **Соселия Г.К.** Вопреки исторической правде // Газ. «Сов. Абхазия», 18 декабря 1955 года.

19 января 1956 года на XVII съезде Компартии Грузии, несмотря на то, что эта книга была обоснованно раскритикована делегатом от Абхазии, Председателем Совета Министров Абхазской АССР Архимом Мироновичем Лабахуа, в отчетном докладе съезду В.П. Мжаванадзе дал «весьма либеральную оценку книге», а «концепцию автора» свел к тому, что лишь «отдельные положения Ингороква являются спорными». Бюро же ЦК КП Грузии вместо серьезного обсуждения и резкого осуждения книги, вопрос об этнической принадлежности абхазского народа и его автохтонности на территории исторической Абхазии, объявило дискуссионным, что вызвало волну ожесточенного возмущения по всей Абхазии.

В ответ на многочисленные обращения и письма, направлявшиеся в Москву в ЦК КПСС с просьбой среагировать на сложившуюся тяжелую ситуацию, было принято строгое Постановление Президиума ЦК КПСС от 10 июля 1956 г. под названием «Об ошибках и недостатках в работе ЦК КП Грузии». Оно обязало решительно и до конца исправить извращения национальной политики в Грузии, в частности по абхазскому вопросу, что впрочем, не помешало журналу «Мнатоби» поместить в том же году в 10-м номере статью ярого националиста С.Г. Каухчишвили: «По поводу Георгия Мерчуле» (так называемое «Письмо первое»)¹.

Вскоре в печати в конце того же 1956 года появились статьи с серьезной научной критикой работы П. Ингороква. Выступили такие известные ученые, как К.В. Ломтатидзе, З.В. Анчабадзе и Х.С. Бгажба². Однако не посчитавшись со всем происшедшим, журнал «Мнатоби» взял на себя смелость провести дискуссию по вопросам происхождения абхазов и их автохтонности в Абхазии, проигнорировав Постановление ЦК КПСС.

¹ **Каухчишвили С.Г.** По поводу «Георгия Мерчуле» // «Мнатоби». 1956, № 10. С. 109 – 119.

² **Ломтатидзе К.В.** О некоторых вопросах этнической принадлежности и расселения абхазов // «Мнатоби». 1956, № 12 (на груз. яз.); **Анчабадзе З.В.** Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингороква «Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века» // Труды АбНИИ. XXVII. 1956. С. 261 – 278; **Бгажба Х.С.** Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии // Труды АбНИИ. Том XXVII. – Сухуми. 1956. С. 279 – 303.

Несмотря ни на что, уже в феврале 1957 года во втором номере журнала были опубликованы статьи махровых националистов: академика Г.С. Ахвледиани, профессора С.Г. Каухчишвили и Д. Кобидзе¹. Помимо этих статей возмущение общественности вызвала и статья секретаря ЦК КП Грузии по идеологии и пропаганде Д.В. Мчедлишвили, которой открывался номер журнала. Эта статья фактически задавала тон всему последующему его содержанию². В ней ни слова не было сказано об автономиях, а в то же время нашлось место для писателей, защитников П. Ингороква, которые названы им «барометром, глазом, ухом и сердцем...страны и чувств народа, трибуном своей эпохи». В то же время в ней прозвучали и нотки угрозы: «Но мы никак не потерпим и того, чтобы некоторые исследователи именем науки посягали на историческую истину, единство нашей нации и бросали тень на историю нашего народа». Всем было понятно кому адресована эта угроза. Не стоит удивляться взрыву негодования абхазской общественности.

Обеспокоенное сложившейся ситуацией в Абхазии, Бюро ЦК КП Грузии вынуждено было специально рассмотреть вопрос правомерности развернутой журналом «Мнатоби» дискуссии. В срочном порядке 12 апреля 1957 года было принято постановление «Об ошибочной дискуссии, организованной журналом «Мнатоби» по книге П. Ингороква «Георгий Мерчуле». Дискуссия была оценена как ошибочная и вредная.

Вслед за этим, по инициативе Председателя Совета Министров Абхазской АССР А.М. Лабахуа, 19 апреля 1957 г. в Москву, секретарю ЦК ВКП(б) тов. А.А. Кузнецову было послано обращение, подписанное самим А.М. Лабахуа и одним из Секретарей Абхазского обкома КП Грузии И.К. Тарба. В этом обращении кратко были приведены как все вышеизложенные

¹ **Ахвледиани Г.С.** О некоторых вопросах исторической топонимики Абхазии // Ж-л «Мнатоби». 1957. № 2. С. 107 – 114; **Каухчишвили С.Г.** По поводу «Георгия Мерчуле» // Ж-л «Мнатоби». 1957. № 2. С. 115 – 125; **Кобидзе Д.** Значение термина абхаз по персидским источникам // «Мнатоби». 1957, № 2. С. 126 – 128.

² **Мчедлишвили Д.В.** Новая Советская Социалистическая Грузия (36-летию ГССР) // «Мнатоби». 1957. №2. С. 3 –106.

материалы, так и наболевшие проблемы, стоявшие перед Автономной республикой.

2-го июня того же 1957 г. и в редакционной статье газеты «Комунисти», органа ЦК КП Грузии, подчеркивалось, что в книге П. Ингороква «неверно трактуются коренные вопросы исторического прошлого абхазского народа»¹.

Все это, однако, не помешало появлению ряда последователей «прецизного» исследователя. В частности, мнение П. Ингороква, считающего, как мы видели, не только абазгов, но и апсилов грузинским племенем, полностью по существу разделяет и искусствовед И. Адамия. Его книга «Грузинское народное зодчество», вышедшая на грузинском языке в издательстве «Литература да хеловнеба», посвященная целиком, как ни странно, народному зодчеству Абхазии, содержит разнообразный фактический материал и прекрасно иллюстрирована. Но вместе с тем этот труд страдает целым рядом существенных недостатков. В работе множество недочетов, ошибок, бездоказательных утверждений и неточностей разного рода. Однако главным пороком книги является то, что в Абхазии, как он пишет, «одном из красивейших уголков исторической Колхети (Западной Грузии)»², автор не видит, можно сказать, ничего национально-абхазского. Все местные сооружения – от дольменов и иных архитектурных памятников до современных жилищ и разнообразных построек, орнаментальных мотивов и топонимических названий (например, Пицунда, Лыхны, Ачандара) и многое другое, И. Адамия объявляет принадлежащими только «колхидскому», грузинскому культурному миру.

Все описываемые им материалы и объекты находились или находятся в Абхазии, нет здесь только самих абхазов как самобытного народа и коренных жителей Абхазии, как самостоятельной этнокультурной единицы. В этой объемистой книге абхазы оторваны от культуры своей страны, об их вкладе в культурное развитие Абхазии ничего не сказано на всем про-

---

¹ За марксистско-ленинскую разработку истории (О книге П. Ингороква) // Газ. «Комунисти», 2 июня 1957.

² Адамия И. Грузинское народное зодчество. Книга вторая. (На грузинском языке с русским и английским резюме) – Тбилиси. 1968. С. 125.

тяжении обширной монографии. Такое умалчивание фактически является отрицанием аборигенности абхазов на их исторической родине и отрицанием их участия в создании своей народной культуры. Это есть вольное или невольное ограбление истории культуры целого народа, осуществленное в наукообразной форме. Книга И. Адамия об абхазских памятниках называется – «Грузинское народное зодчество», а не «Народное зодчество абхазов», что полностью соответствовало бы содержанию книги. Кое-где в этой работе абхазы упоминаются, например, на стр. 13, где сообщается, что «в Абхазии живут абхазы, мегрелы, сваны, рачинцы, имеры, русские, украинцы, армяне, греки и др.».

Но автор нигде ни словом не обмолвился об абхазах, как об этнически самостоятельном народе, аборигене своей страны, создателе многих оригинальных памятников материальной и духовной культуры. У неосведомленного читателя складывается мнение, что абхазы точно такое же картвельское племя, как карталинцы, имеретинцы, рачинцы и др. Вопреки принятому значительным большинством ученых мнению о том, что непосредственными предками абхазов являются апсилы и абазги, последние в книге И. Адамия объявлены грузинскими племенами¹ и т. д. и т. п. Мною тогда же была написана критическая рецензия на эту книгу и послана в редакцию газеты «Заря Востока», однако она опубликована не была. Спустя некоторое время в этой газете появилась рецензия, к сожалению, без указания автора. Как мне показалось, кое-что было взято из моей статьи, но с досадными добавлениями не принадлежащих мне положений.

Анонимный автор написал, что в книге «исследуются и описываются архитектурные сооружения и памятники Абхазии», но «...К сожалению, в этой книге неправильно толкуется происхождение абхазского народа, который, как известно, является этнически самостоятельной единицей... автор на многих страницах своего труда называет диалектом абхазский язык, который, как известно, принадлежит к абхазско-адыгской группе иберийско-кавказской семьи языков». «Разумеется, –

---

¹ Там же. С. 13.

пишет он далее, – такая небрежность недопустима в серьезном научном исследовании». В работе, как считает автор, «содержится ряд ошибок и упущений... Это замечание в равной степени касается и редактора монографии – доктора искусствоведения проф. И. Цицишвили, и руководства издательства, выпустившего книгу».

В целом статья написана с уважением как к абхазскому народу, так и к его вкладу в культуру народов Кавказа. К сожалению, как отмечено, подписи под статьей нет, но при этом она вызывает у непредвзятого читателя чувство благодарности автору за смелость и благородство, проявленные им в то тревожное время обострения абхазо-грузинских отношений¹.

По мнению М.П. Инадзе, все или почти все племена Восточного Причерноморья, упоминаемые в «Перипле» Флавия Арриана и смешавшиеся с колхами гениохи, лазы, апсилы, абазги и саниги – принадлежали к колхскому этническому конгломерату, то есть являлись картвельскими (главным образом, лазско-чанскими) племенами. Автор утверждает, в частности, что не только апсилы, но и абазги «происходят из центральных районов Колхиды» и связаны по своему происхождению с проживавшими здесь грузинскими племенами, и что «княжества апсиров и абазгов возникли на территории Колхидского царства в результате распада последнего на отдельные княжества»².

Академику Г.А. Меликишвили страницы этнической истории Кавказского Причерноморья представляются более сложными. В разных работах, особенно в своей обширной монографии «К истории древней Грузии», он немало внимания уделяет апсилам, абазгам и другим племенам исторической Абхазии. К сожалению, не всегда этническая характеристика этих племен отличается у автора необходимой ясностью и четкостью, но в целом академик склоняется к тому, что апсилы, как и абазги, принадлежали к абхазо-адыгскому этническому миру и что

---

¹ С чувством ответственности перед историей. (О книге И. Адамия «Грузинское народное зодчество») // «Заря Востока», 1969, 4 апреля. С. 8.

² **Инадзе М.П.** К истории Грузии античного периода (Фл. Арриан и его сведения о Грузии). – Тбилиси. 1953. С. 18 – 20.

с первых веков н.э. эти племена жили на территории современной Абхазии. Племенное название «апсилы» (апшилы), встречающееся у античных авторов, Г.А. Меликишвили непосредственно связывает с самоназванием абхазов абсуа¹ (но непонятно, почему не апсуа, как в действительности называют себя абхазы).

Точки зрения абхазской этнической принадлежности апсилов придерживается большинство ведущих исследователей-кавказоведов (З.В. Анчабадзе, Г.А. Дзидзария, М.М. Трапш, Х.С. Бгажба, Л.А. Шервашидзе, Л.Н. Соловьев, Г.К. Шамба, М.М. Гумба, Г.А. Амичба, Н.Я. Марр, С.Н. Джанашиа, Г.А. Меликишвили, А.С. Чикобава, К.В. Ломтатидзе, Г.К. Соселия, И.М. Дьяконов, Л.И. Лавров, Я.С. Смирнова и мн. др.), а картвельское происхождение приписывает им другая часть грузинских авторов. Так, С.Г. Каухчишвили не только апсилов, но и абазгов, и санигов, и мисимиян считал западно-грузинскими племенами, так же как и П. Ингороква, И. Адамия, М.П. Инадзе, К.И. Бердзнишвили и многие другие грузинские ученые.

Обширная статья группы (17 человек) грузинских ученых, написанная по инициативе М.Д. Лордкипанидзе в ответ авторам известного «Абхазского письма», начинается с утверждения о том, что «Абхазская АССР является тем историческим регионом, где издревле протекала жизнь двух народов – грузин и абхазов»². Это далеко не бесспорное, но все-таки научное положение «академической» статьи, начисто отвергает антинаучные домыслы о недавнем – в XVII веке – приходе абхазов из-за гор. Тем не менее, сам «Ответ» отнюдь не свободен от искажений истории абхазо-грузинских взаимоотношений, в частности, по вопросам этногенеза и этнической истории абхазского народа.

¹ Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. – Тбилиси. 1959. С. 168 и др.

² По поводу искажения истории грузино-абхазских взаимоотношений (Ответ авторам «Абхазского письма») // «Заря Востока». 1989. 28–30 июля. (Известный документ, называемый «Абхазским письмом», содержащий подробный исторический анализ абхазо-грузинских взаимоотношений, был 10 декабря 1977 г. направлен в разные вышестоящие органы).

Этнические группы отличаются, как известно, значительной мобильностью, а исторические источники далеко не всегда отражают истинные пределы распространения тех или иных древних племен и народностей. Допустим, мы согласимся с теми, кто считает, что с VI – V вв. до н.э. Колхидское царство (если оно существовало в действительности), с его западно-грузинским населением простиралось, как сказано в «Ответе», на северо-запад вплоть до самой Диоскуриады (совр. Сухум). Отсюда, якобы, начинался другой «племенной мир» – абхазо-адыгский, «а также и некоторых грузинских (картвельских), в том числе сванских» племен. Но как согласовать одно с другим: с одной стороны, севернее Диоскуриады налицо «другой», т.е. некартвельский, а абхазо-адыгский «племенной мир», а с другой стороны – в состав этого мира всё же вклиниваются некоторые не только сванские, но и другие «грузинские племена». На основании каких источников можно так уверенно утверждать о существовании две с половиной тысячи лет назад такого абхазо-адыго-картвельского этнически смешанного населения на территории северо-западнее современного Сухума? Неизвестно и то, как могла образоваться такая этническая чересполосица и пестрота на землях, населенных в то время многочисленными племенами, в основном одного этнического конгломерата – гениохов, которых многие ученые считают предками абхазов.

Или еще такой пример: М.Д. Лордкипанидзе, не решаясь полностью отрицать присутствие абхазского этнического элемента в Абхазии, все же подчеркивает, что в этой стране как до советизации, так и после нее, а, следовательно, всегда, «большинство населения составляли грузины». Но подтверждающих данных у нее, конечно, нет, а вот по Эвлия Челеби, представителей племен абаза было «многие сотни тысяч» (см. ниже).

В том же ключе написана и брошюра М.Д. Лордкипанидзе «Абхазы и Абхазия», изданная в 1990 году на трех языках – грузинском, русском и английском. Следовательно, она адресована не только советскому, но и «всемирному» читателю, как особое, надо полагать, достижение в развитии абхазоведения. Приведу, однако, здесь одну цитату из другой ее статьи, харак-

теризующую уровень этих работ и позицию автора: «Грузины и абхазы (апсуа) являются коренным населением Грузии... Грузины живут здесь с древнейших времен, абхазы – или с древнейшего времени, или с XVI – XVII вв., или и с древнейшего времени и с XVI – XVII вв. До XVI – XVII вв. абхазы, независимо от их происхождения, в культурно-историческом отношении являлись грузинами»¹. Не вдаваясь, в анализ этого, так сказать, «плетения словес» и, если оставить в покое, трехкратное «или», выходит, что вплоть до XVII в. включительно абхазы никогда не имели не только никакой государственности, но и никакой самобытной культуры, в том числе и самостоятельного языка?!

Проф. Н.Ю. Ломоури, отвечая на мою статью², написанную по поводу его статьи, опубликованной в газете «Литературули Сакартвело»³, пишет: «И, наконец, коснемся новой волны переселения [а когда в таком случае была «старая волна?】 абхазских племен на территорию Абхазии. Несмотря на то, что я провозглашаю об абхазо-адыгском происхождении апсилабазгов и тем самым проживание испокон веков предков современных абхазов на территории современной Абхазии, я тоже считаю, что здесь в XVI – XVII вв. осложнилась и в определенной степени изменилась этническая картина в связи с переселением горских племен... В Абхазии... как и в остальной Грузии, население поредело, что способствовало переселению горских племен в низменность и, повторяю, этот процесс был общим...».

Дело не в том, восклицает он, что во времена Ламберти и Челеби здесь, в Абхазии, проживали абхазы, а в том, как описывается культура и быт этих (т.е. уже других!) абхазов: **«вот, где зарыта собака»**. Затем автор, следуя Ламберти и Челеби,

¹ Лордкипанидзе М.Д. Абхазия – неотъемлемая часть Грузии // Газ. «Ахалгазрда ивериели», 1990. 30 августа (на груз. яз.); **Ее же**. «Абхазы и Абхазия». – Тбилиси. 1990. С. 59.

² **Инал-ипа Ш.Д.** По поводу одной статьи и не только о ней // Газ. «Советская Абхазия», 1989. 16 сентября. (Статья проходит под редакционной рубрикой: «О моем народе, его истории и отечестве». Н.Ю. Ломоури почему-то очень захотелось приписать ее мне).

³ **Ломоури Н.Ю.** Как мы должны понимать этноним «абхаз» / Газ. «Литературули Сакартвело», 1989. 7 апреля.

перечисляет некоторые черты быта абхазов (не живут в городах, «занимаются скотоводством, чем резко отличаются от мегрелов», образом жизни и религией сходны с горцами, не молятся в церквях и вообще здесь царство язычества). И в конце вопрошает: «Что же случилось, чем же был вызван подобный упадок» некогда столь развитого края? *«Засилие – переселение горских племен – вот единственный научный ответ»*¹, – заключает он в другой своей статье, ссылаясь и на меня как автора,

¹ **Ломоури Н.Ю.** Некоторые вопросы ранней истории Абхазии. Ответ проф. Ш.Д. Инал-ипа // «Мацне» 1990, № 3. Читатели, вероятно, помнят, что в моей статье нет ни единого некорректного выражения или даже слова, задевающего честь и достоинство оппонента. Напротив, я отметил в ней его вклад в грузинскую историографию. Н.Ю. Ломоури же полемизирует со мной высокомерно и поучительно, грубо и дерзко, тоном, не допускающим возражений, смакуя и повторяя многократно с иронией редакционную ремарку обо мне, как об «известном абхазоведе», обвиняет в сознательном сокрытии фактов, в фальсификации мнения грузинских специалистов и т.п. Можно было бы закрыть на все это глаза, если бы речь шла только о недостатке простого такта, а не о преднамеренном стремлении представить меня читателям чуть ли не фанатиком, некомпетентным к тому же в вопросах исторической и современной этнографии и истории абхазского народа, в которых он сам, мягко говоря, разбирается далеко не должным образом. Более того, свою пространную статью он завершает угрозой: «видимо, разбор и оценка его (т.е. Ш. Инал-ипа) «деятельности» дело будущего». По существу, это призыв к судилищу. Я мог бы, между прочим, явиться на столь желанный его душе ареопаг и спросить: «А судьи кто!?!». Уверен, к тому же, что он, как наверное и многие другие грузинские ученые, прочел присланное из Москвы в ЦК Грузии заключение авторитетнейшей академической комиссии – рецензии, где было дано высокое и положительное заключение, составленное после изучения моей книги «Вопросы этнокультурной истории абхазов» семью выдающимися учеными нескольких ведущих институтов АН СССР. Что Ломоури читал ее чувствуется по его страшному раздражению и желанию как можно сильнее опорочить известных ученых. Как видно, дело было не только во мне. (Полный текст реагирования **Ш.Д. Инал-ипа** на эту статью Н.Ю. Ломоури, помещенную и в сухумскую газету военного времени «Демократическая Абхазия» 31 июля 1993 г. под названием «Без гнева и пристрастия», опубликован в трудах: «Абхазоведение. Археология. История. Этнология». Вып. V-VI. – Сухум. 2011. С. 73 – 88). (Примеч. М.К. Хотелашвили-Инал-ипа).

будто бы «невольно иллюстрирующего приход горского населения на территорию Абхазии» теми преданиями, которые приводятся в моей книге «Абхазы».

Однако ни одно из этих положений и утверждений Н.Ю. Ломоури, за исключением признания аборигенности древних абхазов [но каких абхазов? По-видимому он втайне считает их все-таки картвелами] не является убедительным и не подкрепляется никакими доказательствами.

Так, согласно его концепции, вплоть до XVII в. абхазы, живя дислокально – часть в Абхазии, а остальные за хребтом, – не имели, оказывается, своей общей этнической территории. Если же «испокон веков», в том числе во времена Ламберти, абхазы жили на территории современной Абхазии, то какое они имеют отношение к так называемому «засилию» здесь северокавказских горцев? Ведь мы хорошо знаем, что все известные мировой истории абхазские племена – апсилы, абазги, саниги и другие – это смежно живущие закавказские племена, локализовавшиеся во всех известных источниках только в Западном Закавказье, а конкретнее у Кавказского побережья Черного моря и отчасти в его предгорьях. А на Северном Кавказе до периода позднего Средневековья не было ни одной собственно абхазской этнической группы. Только в позднее время на север (а не на юг) устремилась часть абхазов – будущие абазины.

Оппонент пишет о «новой волне переселения абхазских племен в XVI – XVII вв. на территорию Абхазии». Но, когда, в таком случае, была «старая волна»? Какие же абхазские племена, откуда конкретно и куда переселялись? Ответа на эти закономерно возникающие вопросы у Н. Ломоури, как впрочем, и у других сторонников «горной стихии», не найдется. Вообще ни одно из племен, сумевших «изменить этническую картину» края, не названо. «Новая волна» переселения только декларируется. К тому же, выходит, были и более ранние миграционные волны, но и о них конкретно ничего не сообщается. В качестве причины, побудившей горцев к переселению, приводится поредение населения Абхазии, как и всей Грузии.

Но было ли в действительности такое значительное сокращение населения, особенно в Абхазии, и под влиянием каких

причин оно здесь происходило, также остается непонятным. Не об обратном ли говорит полное этническое освоение абхазскими племенами местных земель, а также продолжавшееся (из-за тесноты мест обитания и пр.) переселение абхазских групп на богатые кормами северокавказские равнины? Можно вспомнить и распространенное абхазское историческое предание, согласно которому Абхазия в прошлом была населена так густо, что кошки по крышам строений могли, не сходя на землю, добираться от морского побережья до высоких гор.

Что же касается того, «*где зарыта собака*», то в гегуэзский период и, особенно, в период агрессии султанской Турции, упадок, не связанный с мифической стихией переселения, был общим явлением в жизни народов всех регионов, в том числе и западных грузин, и гурийцев, и особенно мегрелов, которые и скотоводством прекрасно занимались и в тех же источниках наделяются чертами не меньшей степени отсталости и приверженности к язычеству. Чтобы в этом убедиться, нужно просто до конца и внимательно перечитать беспристрастные описания тех же авторов Галонифонтибуса, Ламберти, Челеби, Главани, российских послов дьяка Елчина и священника Захарьева, Смоленского и других, а из более поздних – Мачавариани, Бартоломея, Бардавелидзе и многих других.

Если же говорить о моей будто бы «невольной иллюстрации прихода горского населения на территорию Абхазии», то, во-первых, я никогда не отрицал постоянно происходившего процесса инфильтрации населения и переселения малых и более значительных групп людей в обе стороны Кавказского хребта, а во-вторых, общий вывод, к которому я пришел в результате анализа материалов и который Н.Ю. Ломоури умышленно обошел полным молчанием, как нежелательный для него факт, гласит: «таким образом, этногенетические предания абхазов и адыгов, каково бы ни было их реальное историческое содержание, ведут происхождение этих народов на юг, в Малую Азию»¹.

Проф. Э. Мамиствалишвили со своей стороны пишет, что в XIV – XV вв. на территории нынешней Абхазской АССР не существовало политической единицы, независимой от Мегрель-

---

¹ **Инал-ипа Ш.Д.** Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 106.

ского (Одишского) княжества, в которое входила «вся Абхазия». Основную часть населения края, особенно Сухума (Цхуми), «полным хозяином» которого якобы был мегрельский князь Бедиани, составляли местные православные грузины (однако насколько я знаю, о грузинах в Сухуме того времени никто не писал), а также латиняне (генуэзцы-католики), мусульмане (какой национальной принадлежности они были, он тоже не отмечает), евреи и др. Абхазы же «в то время не жили там»¹, а «упоминающиеся в грузинской исторической литературе «абхазы» [в кавычках] ничем «по этносу, языку, культуре, религии не отличались от грузин»². Этим же «абхазам» были родственны и расположенные к северо-западу от них джикки³, и под авогазами, по его мнению, следует подразумевать тех же джиков⁴.

Автор вводит читателя в заблуждение, потому что никто не знает, сколько было грузин в Сухуме в XIV – XV вв. Скорее всего, если они здесь действительно и присутствовали, то, несомненно, составляли мизерное количество. Допустим даже, что их было много. Но, если верить автору статьи, в городе Каффе тоже «жило много грузин», что, однако, не дает основания для причисления их к «местным», то есть к коренным крымским жителям.

Нет также никаких оснований как для противопоставления авогазов и абхазов, так и для полного отождествления «грузинизированных» им авогазов с джиками, если в последних видеть не садзов, а какое-то адыгское племя. В письме сухумский консул Герардо Пинелли сообщает: «Я принял консульство Севастополиса... Пробыл там недолго... Неожиданно на него напали авогазы, и все население бежало. Я поступил подобно им...».

В аннотации к этому письму его издатель А. Виниа отмечает разграбление Севастопольской генуэзской «колонии абхазами»⁵. Итак, становится ясным, что, упоминаемые в этих

---

¹ Мамиствалишвили Э. Из истории Черноморского побережья Грузии // Газ. «Народное образование». – Тбилиси. 22 октября 1989. С. 11

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

документах авогазы и абхазы, суть один народ – абхазский, населявший окрестности города, а частично, по-видимому, живший и в нем самом, отчасти в составе, так называемого, «жирного народа», т.е. его верхушки. Притом, вполне возможно, что они были привлекаемы и как опытные моряки и др. (см. ниже). Так это понимает и большинство исследователей, тем более, что в документах упоминается и некий «авазг Оторогиус», совершавший торговые сделки, а он был не единственным абазгом, проходящим в источниках того времени (А. Виния, М. Волков, Ф. Брун, З. Анчабадзе, С. Карпов и др.).

Этнокультурные изменения, прослеживаемые в Абхазии с XVII в., по мнению Мамиствалишвили, нашли «хорошее отображение в сведениях иностранцев»¹ – в описаниях итальянских миссионеров Дж. да Лукка, Арк. Ламберти и турецкого путешественника Эвлия Челеби, однако, при этом он не предпринимает никакой попытки критического анализа их сообщений.

О чем же они пишут? В частности, о том, что у абхазов нет писаных законов, пшеница у них якобы не растет, и будто бы они даже соли не употребляют (Лукка), что не проживают в городах и крепостях и грабят друг друга (Ламберти), что живут общинами, продают мальчиков и девочек, хозяйство и быт у них примитивные (Челеби), что угасает христианство, процветает язычество и идолопоклонство и т.д. и т.п.

Путем такого тенденциозного подбора и выхватывания цитат, без должного учета всего контекста исторических источников, читателю внушается мысль о резком культурном отставании абхазов – этих диких горцев и «лесных людей» – от своих соседей. Но, если идти таким путем, то мы должны будем причислить и население самой Грузии, например, мегрелов, сванов и других горных, да и не только горных, грузинских племен, к числу столь же отсталых народов (вспомним К. Главани, назвавшего мегрелов и даже имеретинцев идолопоклонниками)², потому что и они в источниках часто характеризуются не менее «варварскими» чертами (см. ниже).

---

¹ Там же.

² Ксаверию Главани. Описание Черкесии. 1724 г.//АБКН. С. 165.

Но разве такой подход называется научным изучением культурного развития народов? Конечно, все на свете относительно, и развитие общества зависит от конкретно-исторических условий его существования. В каких-то областях абхазы отставали (например, у них, как и у подавляющего большинства кавказских народов, не было письменности), но в некоторых других отношениях они пошли далеко вперед, например, в судостроении и мореходстве, в создании великой мифологии, фольклора вообще, в том числе и музыкального и т.д. Да и в позднесредневековый период они в целом не стояли на дальних задворках кавказской цивилизации.

В частности, наличие самостоятельного Абхазского княжества во главе с представителями традиционно-местной владетельской фамилии Чачба (Шервашидзе), развитие феодальных отношений (с пережитками, как и везде, патриархальных форм), феодализированный во многом этикет, вообще замечательная народная бытовая культура поведения, как и близкородственная ей культура Кабарды, обращали на себя внимание многих наблюдателей, например сельского доктора Мосткова, много лет прожившего среди абхазского населения и др.

Есть и иные факты, которые не дают оснований для утверждения о какой-то сугубо первобытной отсталости и дикости абхазов. А что касается грабежей и пиратства, торговли людьми, ослабления позиций христианской религии в период агрессии султанской Турции, многочисленных остатков языческих верований и т.п., то все это было тогда, можно сказать, общим явлением в жизни всех кавказских народов, не исключая и грузинского.

Антиохийский патриарх Макарий, прибывший в Грузию в 1666 году, так описывает религиозное состояние абхазов его времени: «Абхазцы, услышав о нашем прибытии... явились к нам и приняли от нас крещение. Их было двадцать пять человек и между ними два предводителя, которые попросили нас поехать к ним и окрестить всех абхазцев, ибо они давно жаждут иметь у себя людей, которые бы их окрестили и научили христианской вере.

Эти абхазцы составляют в наше время большую нацию и называются Абазами. До недавнего времени все они считались христианами и у них же находился католикосский престол, который теперь находится в Имеретии. Да и до сих пор еще величественная церковь апостола Андрея, через которого они приняли христианство, находится в их стране *и весьма почитается ими*. В наше время лишь немногие из них умеют перекреститься и делать земные поклоны... так как и у них нет священников, и никто вообще о них не заботится и не учит их. Ввиду этого я посвятил для них нового мокожского епископа, представил его вышеупомянутым предводителям абхазского племени и велел ему отправиться к ним для обучения их [христианской вере] и крещения их».

Это описание очевидца свидетельствует не только о печальном положении христианства в Абхазии около середины XVII в. (которое, впрочем, согласно тому же источнику, ничем особенным не отличалось от положения вещей и в соседней Мегрелии), но и о том, насколько живучи были еще, несмотря ни на что, многовековые христианские традиции среди абхазского населения, в частности, они сохраняли благоговейное отношение ко всем божьим храмам (Пицундскому, Драндскому да и всем другим, даже находившимся в разрушенном состоянии), и которые «весьма почитались ими»¹, держали пост перед Пасхой, красили яйца, широко отмечали день Успения Божьей Матери и т.д.

Мамиставлишвили подчеркивает черты отсталости абхазов, в том числе мнимые, но кто, например, поверит, что в XVII в. они довольствовались только вином из меда. Здесь автор забывает о том, что тот же Лукка выше пишет об изготовлении абхазами вина в большом количестве, полностью игнорируя и несколько более ранние показания И. Галонифонтибуса о том, что у абхазов много «прекрасного вина».

Мамиставлишвили пишет, что абхазы довольствуются только дикими животными и лесными плодами, не зная не только соли (?), но и пшеницы. Пшеницу же абхазы сеяли всегда, хотя

---

¹ Жузе П. Грузия в XVII столетии по изображению патриарха Макария. – Казань. 1905. С. 43.

и в небольшом количестве, но в вполне «достаточном для собственного употребления», как об этом пишут бар. И. Аш и Д. Зубарев. Об этом же сообщает целый ряд авторов – Э. Челеби, Вахушти, Я. Рейнеггс, С. Броневский, Ф. Скирневский, Э. Энгсольм, Г. Новицкий и др.¹

Совсем не возделывать пшеницу абхазы не могли в силу древних традиций – испекать священные хлеба и другие ритуальные мучные изделия, в основном из пшеничной муки, для использования их во время проведения главнейших молений. Само слово «ача» – род мягкой пшеницы, является не только названием пшеницы и пшеничного зерна, но и зерна вообще. Последнее свидетельствует о том, что когда-то в глубочайшей древности пшеница являлась главным хлебным продуктом абхазов, о чем говорят данные этнографии, фольклора и языка – целый ряд коренных слов и выражений, связанных с земледелием, а точнее с полеводством, с производством любых мучных изделий, с продовольствием, с пищей и т.д., образован при помощи термина «ача», в том числе и выражение «хлеб-соль» – «ачеиджика»², то есть пшеничный хлеб и соль.

Но у Э. Мамиствалишвили в исторических источниках полностью игнорируется все то, что не согласуется или противоречит его концепции «перекочевания» «диких горцев» с гор на побережье в 30-х и 40-х годах указанного столетия (какая точность!). Его несколько не беспокоит единогласное молчание всех источников и всех авторов XVII в. по поводу переселения абхазов на побережье со стороны каких-то, непонятно где находившихся гор. А ведь должен же был хотя бы один из них сообщить что-нибудь о таком важном историческом событии, если оно в действительности имело место.

Э. Мамиствалишвили указывает также на то, что итальянец Дж. да Лукка, оставивший «весьма интересные сведения об этом крае»³, путешествовал по Абхазии «весной и летом 1630 года». Получается какая-то несуразность: переселение абха-

---

¹ **Чанба Р.К.** Земледелие и сельскохозяйственные отношения в дореволюционной Абхазии. – Тбилиси. 1977. С. 31 и др.

² **Инал-ипа Ш.Д.** Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 236 и сл.

³ **Мамиствалишвили Э.** Указ. соч. С. 11.

зов в Абхазию с Северного Кавказа как будто только предстоит в будущем – «в 30 – 40-х годах XVII века», а Дж. да Лукка черным по белому пишет, что «абхазы рассеяны по побережью Черного моря», ни слова, конечно, не говоря о какой-либо их миграции.

В данном случае итальянец зафиксировал истинное положение вещей: испокон веков абхазы обитали на восточном берегу Черного моря, с чем и были неразрывно связаны столь развитые у них и широко известные в литературе судостроение, строительство стоянок, каналов и верфей¹, мореходство (и не только каботажное) и связанное с ним, пиратство; оригинальные названия разнообразных морских судов, их частей, морских рыб, пословицы и поговорки, вообще богатый фольклор, широко связанный с морем. У того же итальянского автора мы читаем, что «вера у них (абхазов. – **Ш. И.**) христианская», а по Эвлия Челеби, «они не признают Корана», но и эти, да и другие «мелочи» остаются незамеченными.

Не случайно в том же номере газеты «Народное образование», непосредственно под статьей Э. Мамиствалишвили напечатана заметка и Н. Бартая под многозначительным названием «Айрг, ты лишь грабишь побережье моря». Это своего рода «пиитическое» приложение к предыдущей публикации, символическое выражение концепции необузданной «горной стихии», олицетворением которой является Аерг, приведшей якобы к деградации народа грузинской культуры, проживавшего на территории Абхазии.

В грузинском переводе текста абхазской песни об Аерге, автор заметки, дав волю своей фантазии, изображает мифического героя стражем высокогорных вершин, где и находится его родина. В низины он спускается только для грабежей побережья. И это выдается как «мнение самого абхазского народа». Н. Бартая в конце своей заметки говорит: выходит, что «исторически, Черноморское побережье, где проживали гру-

---

¹ **Инал-ипа Ш.Д.** Новые данные по истории мореходства в Абхазии (Открытие следов древней судостроительной верфи и судоходного канала на территории с. Тамыш // **Инал-ипа. Ш.Д.** Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми. 1971.

зинские племена, были местом разбоя и грабежа Айрга»¹, то есть абхазов.

Айрг (Аерг), как известно, персонаж абхазской мифологии, который, напротив, защищает людей от опасностей на войне, на охоте, в пути. Часто он отождествляется с божеством зверей и охоты Ажвейпшаа. Фактически же Аерг – это абхазское имя св. Георгия, собственно говоря, такое же, каким называют его и все понтийские греки «у самого синего моря»², приписывающие ему практически все те функции, какие он исполнял у абхазов³. Вместе с тем Н. Бартая не мешало бы прочесть работу известного фольклориста Грузии, уважаемой Елены Баграатовны Вирсаладзе⁴, чтоб не брать на себя смелость рассуждать на эту тему.

Другой же автор – Т. Мибчуани в своей статье «Кто были суано-колхи» утверждает, что в древности сваны являлись чуть ли не самым многочисленным кавказским народом, занимавшим значительную часть и современного абхазского побережья, где в VII в. населяли верховья Кодора, а также район современного г. Гагра. Население Абхазского царства состояло, по его мнению, главным образом из сванов. Под этническими названиями «абазги», «обезы», «обез» также подразумеваются

---

¹ **Бартая Н.** Айрг, ты лишь грабишь побережье моря // Газ. «Народное образование». 1989, 22 октября. В газете «Советская Абхазия» был помещен на эту статью достойный ответ абхазского фольклориста Сергея Ладовича Зухба.

² **Зайковская Т.В.** Традиционные верования и представления греков Аджарии (Античные истоки образов Св. Ильи и Св. Георгия) // СЭ 1989, № 2. С. 110 – 113.

³ **Хотелашвили-Инал-ипа М.К.** О культе божества Аерг у абхазов (Рукопись).

⁴ Е.Б. Вирсаладзе пришла к выводу, что: «...христианскому культу Георгия в Грузии и на Кавказе предшествовал культ хозяина зверей...и местами [св. Георгий] полностью приобрел черты охотничьего божества. Наконец, в результате астрализации он стал носить имена Горги, Джграга, Джаграга, Джгере и Гау...Значительное место в его культе занимали элементы культа скал и гор, столь характерные для переднеазиатских божеств зверей и природы – Артемиды и Кибелы». (**Вирсаладзе Е.Б.** Грузинский охотничий миф и поэзия. – М., 1976. С. 145).

сваны, вообще грузины¹. Доказывается все это не только сообщениями древних авторов, но по преимуществу якобы сванскими названиями, отложившимися в составе топонимики не только южной, но и северной части Абхазии.

Автор проявляет явную тенденциозность и вопиющее дилетантство, незнание и игнорирование абхазского языкового материала, пытаясь обосновать сванское происхождение целого ряда абхазских названий местностей, таких, например, как Гагра, Мюссера (Мысра), Бармыш (Бармышь), Бабушера (Бабышьра), Тхубун (Тхэыбын), Лабра, Тамыш (Тамшь), Ачирха (Аеырха), Бача (Баеа), Жабна (Жьабна), Мерхеул (Мархьаул) и др.

Этимологии Т. Мибчуани подвергнуты обоснованной критике топонимистом В.Е. Кварчия, хотя и не все толкования последнего в равной степени убедительны². В рвении к своему роду «пансванизму» Т. Мибчуани, находясь во власти примитивной народной интерпретации и обходя молчанием данные абхазского языка, доходит до того, что объявляет сванскими и наименования, встречающиеся почти на окраине северо-западной части Абхазии и имеющие совершенно прозрачную абхазскую этимологию, например, Жьабна – название одного из поселков Отхарского сельсовета, которое представляет собой типичный композит из двух абхазских корневых слов: ажьа – «заяц» и абна – «лес», а в целом выражает понятие «заячий лес», или Лечкоп – название, появившееся в 30-е годы – «Лечебный кооператив» и др. При всем том он обходит молчанием вопрос о значении этнонима Эбзе, которым называют сванов их северокавказские соседи – балкарцы и карачаевцы³. Этот термин, несомненно, был перенесен на них после ассимиляции древних насельников этих мест, носивших название эбзе⁴.

¹ **Мибчуани Т.** Кто были суано-колхи // Газ. «Народное образование», 10 декабря 1989.

² **Кварчия В.Е.** Тенденциозность или дилетантство? // Газ. «Бзыбь». – Гудаута. 1990, 14 апреля.

³ **Волкова Н.Г.** Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., 1973. С. 92.

⁴ Русско-карачаево-балкарский словарь, под ред. **Х.И. Суюнчева** и **И.Х. Урусбиева**. – М., 1965. С. 562.

Во время беседы с корреспондентом газеты «Заря Востока» известный археолог Малхаз Барамидзе, отвечая на вопрос об этническом составе древнего населения современного Гальского района, сказал: «По нашему мнению, в изученный экспедицией период, в конце III – начале II тысячелетия до н.э., в Пичори обитало сваноязычное население, а с середины II тысячелетия – мегрельско-занский этнос. Древние абхазские племена исповедовали христианство, а мусульмане-абсуйцы пришли сюда в XVII – XVIII веках. Это были адыгские горские племена, которые смешались с местным населением и стали называть себя абхазами.

Очевидно, что «абсуйцы» этнически никак не связываются автором с древними абхазами»¹. Что же получается? Северокавказские дикие адыгские племена апсуйцев в XVII – XVIII вв. переселились на территорию современного абхазского побережья и вдруг заговорили по-абхазски?! Трудно поверить, что это говорит серьезный ученый. В самом деле, где доказательства столь фантастических этнических превращений и метаморфоз? Их просто нет. В частности, этноним «а-пс-уа», а не «абсуа», как пишет и М. Барамидзе (так упорно пишут и некоторые другие и даже авторитетные авторы, видимо, неспроста заменяя фонему «п» на «б»), состоит из основы «пс» и окончания «уа» с прозрачной этимологией: *уа* в абхазском выражает «человек», а множественное *уаа* – «люди», что отразилось и в оформлении названий родов и фамилий. Почему же тогда племя «апсуа», если оно было из диких адыгов, называло себя абхазским, а не адыгским² словом?

Вообще же, как известно, самоназвание народа в основном не совпадает с теми, зачастую разными названиями, под которыми он известен у соседних и других народов. Например, грузины себя называют «картвели» (отсюда мегр. «**корту**»,

---

¹ Археологи едут в Абхазию (беседа с руководителем археологической экспедиции **Малхазом Барамидзе**, Беседу вела Эка Ахалкаци) // «Заря Востока». 1990, № 107, 6 мая. С. 4.

² **Пайчадзе Г.Г.** Название «Грузия» в русских письменных исторических источниках // Вопросы истории народов Кавказа. – Тбилиси. 1988. С. 167, 182 – 183.

абх. «ақыртҭа»), а персидско-арабское их название «гурджи» получило широкое распространение в восточных странах, в том числе и в Турции, с ним же, по-видимому, связаны русское «грузин», восходящее к XV в., а также названия грузин в кабардинском – «курджи», а в западноевропейских языках – французском «жоржиан», немецком «георгиер», английском «джорджи»¹.

Если верить некоторым грузинским авторам, то окажется, что все основные картвельязычные племена – и мегрельские, и сванские, и грузинские – одновременно оказываются «коренными жителями Абхазии»², то есть как бы и у себя «дома», но и достаточно далеко за его пределами.

Не пытаясь исчерпать все высказывания подобного рода – их множество, так как в Грузии не менее тысячи историков (а с таким баснословно великим их количеством невозможно противостоять на равных) и далеко не всегда эти высказывания отличаются хотя бы оригинальностью, – обратимся к статье профессора М.В. Цинцадзе³. В ней, в частности говорится, что адыгские племена жили и развивались «в соседстве с населением картвельского происхождения».

Но кого автор имеет в виду под «соседями» многочисленных адыгских племен? Надо полагать, прежде всего – жителей средневековой Абхазии, которые этнически характеризуются им как «население картвельского происхождения», но это всего лишь завуалированная форма отрицания абхазской этнической принадлежности того населения, которое проживало на территории Абхазии того времени. Далее он пишет, что через Марухский перевал «абазинские племена непрерывным потоком переселялись в Абхазию».

В кавказоведческой научной литературе давно установлено, что абазинские племена в позднесредневековый период

¹ Там же.

² См., например, **Бадридзе Ш.А.** Некоторые вопросы политического и социально-экономического строя Абхазского царства // Вопросы истории народов Кавказа. – Тбилиси. 1988. С. 136 – 137.

³ **Цинцадзе М.В.** Некоторые вопросы грузино-адыгских экономических и культурных взаимосвязей // Вопросы истории народов Кавказа. – Тбилиси. 1988. С. 225.

действительно переселялись, но не в Абхазию, как утверждает М.В. Цинцадзе, а, наоборот, из исторической Абхазии на северную сторону Главного Кавказского хребта. Это, между прочим, находит свое отражение также в языке и преданиях самих абазин. Обратного движения абазин история не знает.

Эта теория «непрерывного потока» абхазских и других переселений в Абхазию, которой придерживаются, как мы видели, и другие исследователи, понадобилась М.В. Цинцадзе, очевидно, для подтверждения ничем не обоснованного положения о том, что хлынувшие на юг по абхазским перевальным путям массы отсталых и диких воинственных северокавказских адыгских горцев – имеются в виду абхазские и другие племена – обосновались на побережье, а затем и ассимилировали местное коренное грузинское население Абхазии, которая будто бы исторически никогда не являлась этнической территорией абхазского народа. Да и вся статья вопиюще антиабхазская и грубо националистическая.

В брошюре, изданной «Библиотекой общества Руставели» (1990), напечатаны две также бездоказательные статьи на абхазскую тематику, содержащие ошибочные и явно тенденциозные утверждения, неоправданные преувеличения и обобщения, без всякого сравнительного анализа положения вещей в Абхазии и сопредельных областях. В одной из них, принадлежащей Д.Л. Мухелишвили, читаем: «В средневековый период вплоть до XVII в. граница между Абхазией и Мегрелией, в том числе этническая, проходила по р. Келасур, а вся территория южнее этой реки... была населена, как и ранее, грузинами (мегрелами)». К этому времени (нач. XVII в.), в Абхазии «происходят существенные изменения: абхазское население предстает перед нами не в качестве земледельческого, а скотоводческого, не христианского, а «языческого». «Очевидна явная не только экономическая, но и социальная деградация»¹.

Этим же сюжетам посвящена и другая статья сборника, написанная И.П. Антелава, составленная также без единой ссылки на источники или литературу. С одной стороны, он при-

---

¹ Мухелишвили Д.Л. Грузия – «малая империя»?//«Библиотека общества Руставели». Изд-во «Саранги». 1990. С. 10.

знает «абазгов и апшилов аборигенным населением» Абхазии и их «этническое родство с сегодняшними апсуйцами», а с другой, – прошу у читателей прощения за длинные цитаты, – вещает как вечную истину: «Абхазская сторона под Абхазией подразумевает всю Абхазскую АССР до реки Ингури и, исходя из этого, картвельский этнический элемент объявляется пришедшим. Это заведомо ложный пропагандистский постулат, так как этническая Абхазия никогда не совпадала с нынешней Абхазской АССР... В этом отношении между Апсуйцами и Абазго-Апшилами наблюдается большая культурно-историческая разница, большая лакуна преемственности развития, к сожалению, в сторону деградации соответствующих традиций...».

«Отречение от христианства» высококультурной христианской области объясняется наплывом этнически родственного, но культурно-исторически отсталого горского элемента. Горские родичи абхазов принесли с собой примитивные общественные отношения, языческие религиозные культы. Интенсивному феодальному хозяйству было противопоставлено экстенсивное горское хозяйство, культуре Евангелия и «Витязя в тигровой шкуре» – культура «заимствованного у Осетии» Нартского эпоса.

Абхазское эривство, в условиях распада и слабости страны, не смогло приобщить горских сородичей к высокой культуре. Произошло обратное. Началась деградация общегрузинской культуры и христианства Абхазии. Абхазия вернулась к давно пройденному этапу примитивных общественных отношений».

Дальше еще лучше: «Непрерывные войны мегрельских владетелей и абхазов на протяжении XVII века не были обычными внутри-феодальными усобицами. Это была борьба между грузинской социально-политической системой и горской примитивной общественной системой. Появился также новый важнейший фактор – Османская агрессия и пропаганда ислама в горном Кавказе в Абхазии. Ислам здесь приобрел больше сторонников, чем христианство, которое требовало определенного высокого культурного уровня». Начинаются агрессивные действия абхазов, которые «вышли из собственных этнических границ [имеется в виду современный Гудаутский

район (?)].... Абхазская автономия может быть создана на историко-абхазской земле – Гудаутском регионе, где была и есть настоящая Абхазия»¹.

Трудно полемизировать с автором, который так плохо разбирается в вопросах исторической этнографии абхазов, а «настоящую Абхазию» в прошлом и настоящем видит только в Гудаутском районе. Его самого сильно тянет к постулированию: принимать в качестве исходного материала те или иные положения без всяких доказательств. В частности, занимался ли он когда-нибудь хоть в малой степени определением в научном плане этнических границ Абхазии? Провозглашая вечное несовпадение этнической Абхазии с нынешней автономией, ведет ли он, что не только совпадала, ибо на юге, как увидим ниже, она достигала непосредственно р. Ингури, а на северо-западе выходила и за ее пределы, так как территория садзов (джигеты) – этнически неразрывной части абхазского народа – заканчивалась не на р. Псоу, где сейчас проходит государственная граница республики, а на р. Сочи и даже далее.

Несуразицей выглядит утверждение о том, что между апсуйцами и абазго-апшилами наблюдается будто бы большая культурно-историческая разница, поскольку, как считает и сам И.П. Антелава, все они являются аборигенными и почти идентичными этническими группами Абхазии, а, следовательно, никакой такой «большой разницы» между ними и не могло быть.

От христианства абхазы никогда не отрекались (кстати, непонятно, почему именно христианство требовало более высокого уровня развития и разве абазги, принимая его в первых веках новой эры, находились на более высоком культурном уровне, чем в XVII веке?). Но если речь идет об ослаблении позиций христианства в период Османской агрессии, то разве не такую же картину мы наблюдаем, скажем, в Аджарии и даже отчасти в Мегрелии и Сванетии в позднесредневековое время, с чем была связана, в частности, активнейшая деятельность целого ряда иностранных миссионеров, прилагавших разносторонние усилия для восстановления сильно пошат-

---

¹ Антелава И.П. К некоторым вопросам «абхазской проблемы» // «Библиотека общества Ш. Руставели». 1990. С. 19 – 23, 25, 27 и др.

нувшихся и здесь устоев христианства и христианских нравов и воспользовавшись таким положением обратить эти народы в католицизм. Позже, но, восстановлением теперь православия, занимались уже грузинские духовные представители, а затем и русские.

После всего, что сказано выше о «горной стихии», я не буду здесь особо останавливаться на слишком дорогом сердцу и этого автора «наплыве отсталого горского элемента», потому что, как уже говорилось, не было не только пресловутого «наплыва» горцев, но и их какой-то особой отсталости. А если история не знает никакого сокрушительного «наплыва» горцев, а к тому же абхазов никак нельзя всецело относить к последним, то нельзя говорить и о связываемой с ним хозяйственной и идеологической деградации, возврате Абхазии «к давно пройденному этапу примитивных общественных отношений». Такого нигде не было. Не было этого явления и в Абхазии, которая развивалась не вспять к пройденному этапу. И здесь все более расширялись и укреплялись институты феодальной социально-экономической формации: княжество во главе с владетелем, сложная социальная структура общества, своеобразные формы феодальной зависимости, идеологии, тончайшего этикета и т.д.

А о Нартском эпосе И.П. Антелава лучше было бы хранить молчание, ибо он, как говорится, «слышал звон, да не знает, где он». Чего стоят, например, его, по существу неумный и злобный выпад против одного из шедевров мирового фольклора, и его же негодящее мнение о заимствовании абхазами этих сказаний у других народов.

Но, пожалуй, едва ли не экстраординарным в антелавовских «смелых построениях» является его стремление представить обычные феодальные противоречия и кровавые усобицы между абхазскими и мегрельскими владетелями как «борьбу между грузинской социально-политической системой и горской примитивной общественной системой». Автор не договаривает, но смысл тирады ясен: речь идет о превосходстве одних народов над другими, в данном случае о якобы непримиримой борьбе между высшей грузинской системой

ценностей и низшей – горской. Это образчик антинаучного и оскорбительного деления близких между собой народов на своего рода «высшие» и «низшие» категории¹. Не стану, однако, слишком распространяться об этом. Можно ограничиться иронической улыбкой в адрес претенциозного и высокомерного автора, с привычной бездоказательностью сообщающего, что «большинство населения Сухуми всегда было и остается грузинским» и рассуждающего об абхазских проблемах в тисках предвзятых железных кавычек.

Следует вместе с тем отметить, что необоснованные исторические концепции и утверждения отдельных ученых нередко с готовностью подхватываются и приобретают гипертрофированный характер в разного рода выступлениях иных ретивых литераторов, журналистов и художников. Выше я старался обходить такие бредни, как не заслуживающие внимания в силу их кричащей некомпетентности и несообразности. И все же не могу обойти одни из ярчайших фактов подобного рода.

В статье писателей М. Кахидзе, Р. Мишвелидзе, Т. Мебуришвили и Г. Джулухидзе читаем: «Наши соседние нации себя спасли, а на нас с открытой пастью взирает чудовище истории, покоряя нас мирно и бескровно, и мы оказались выброшенными на сушу издыхать, как рыбы. Используя нашу тысячелетнюю доброту и с нашего вежливого согласия, с Северного Кавказа пару веков тому назад пришли к нам адыгские племена (апсилы и абазги) и мы их временно приютили на нашей грузинской земле, и это обернулось для нас проклятием и беспардонностью. Пора называть вещи своими именами. Племена, пришедшие в гости, назвались именем древнейшего грузинского племени – абхазов и, обнаглевшие от нашего простодушия, даже навязали адыгский язык грузинскому абхазу, тому абхазу, который в течение тысячелетий, кроме родного

---

¹ Такое же положение, если не хуже, учитывая моральный облик феодалов, существовало на протяжении веков в соседних – Мегрелии, Имеретии, Гурии и Восточной Грузии. Для ознакомления с этим явлением достаточно прочитать книгу царевича **Вахушти** – «История царства Грузинского», изданную в Тбилиси в 1976 году или более ранние ее издания.

грузинского, на другом языке и звука не издавал. Теперь пришел из-за гор, плющом окутавший наше национальное тело, оспаривает нашу землю»¹.

Продолжением изложенного могут быть слова, вынесенные на обложку журнала Союза писателей Грузии «Критика» (1989, № 4) его редактором Р. Мишвелидзе: «Грузия привыкла к измене со стороны тех, кого пригрела у себя на груди, но предупреждаем всех: пусть никто злостно не испытывает наше терпение! Не принуждайте нас к тому, чтобы однажды и мы вооружились и, раз нет правды для вас, возьмем и укажем гостю дорогу, откуда он спустился пару веков назад».

А чего стоят слова широко известного грузинского писателя Чабуа Амераджиби: «Абхазы – грузинское племя. А те, кто пришел к ним с Северного Кавказа, – всякая шваль, адыги, убийцы, полудикие племена...»². Верится с трудом, но написано все именно так.

Бисмарк – по Фридриху Энгельсу, не только «...человек большого практического ума и огромной изворотливости»³, сказал примерно так: вы только дайте Германии территорию, а мои ученые и журналисты легко докажут, что она всегда принадлежала нам. Слава Богу, однако, что и запрещения, и искажения истины не вечны, и что история не является приватной собственностью безответственных графоманов и циников с неумными имперскими амбициями.

Таким образом, как видно из приведенных здесь высказываний, в современной грузинской историографии, по существу, представлены три основные точки зрения по вопросу об этнической (соответственно и культурной) ситуации в Абхазии:

1. Абхазская АССР в целом являлась тем историческим регионом, где издревле протекала жизнь двух народов – грузин и абхазов, причем из этих двух автохтонных этносов именно

---

¹ Кахидзе М., Мишвелидзе Р., Мебуришвили Т., Джулухидзе Г. Это ли забота о стране и справедливости // Газ. «Ахалгазрда коммунисти», 1989, № 53, 6 мая.

² Из интервью, данного Ч. Амераджиби журналистам П. Акопову и А. Колесникову // «Российские вести». 1992, 22 октября.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2. Том 21. С. 442.

первый, то есть грузины, всегда являлись здесь преобладающим населением. Однако провозглашенная грузинскими учеными теория двуаборигенности в Абхазии, ярким представителем которой является М.Д. Лордкипанидзе, оказалась совершенно несостоятельной, когда дело коснулось Южной Осетии. Профессора А. Силагадзе и Ш. Беридзе по последнему поводу писали «...как можно, чтобы в одном и том же регионе было более одной коренной нации, это ведь абсурд! Коренной народ именно тот, кто создал этногосударственную систему региона. Все остальные позже пришедшие»¹.

2. Абхазы, наряду с грузинами, испокон веков жили в Абхазии, но в XVI – XVII вв. здесь произошло осложнение и резкое изменение этнокультурной ситуации в связи с массовым вторжением (или «перекочеванием») отсталых, диких и воинственных адыгских горцев с Северного Кавказа.

3. Адыгские горские племена апсуйцев (апсуа) пришли сюда в XVII – XVIII веках и, смешавшись с местным (картвельским) населением, навязав им свой язык, стали называть себя абхазами, не имея, однако, с последними ничего общего в этническом и прочих отношениях.

Мнение об отсутствии абхазского этнического элемента на территории средневековой Абхазии является грубым искажением истории абхазского народа, научно несостоятельно и находится в вопиющем противоречии с хорошо известными специалистам историческими источниками, существующими, начиная с античных времен, а фактически и гораздо ранее.

---

1 Силагадзе А., Беридзе Ш. Доколе Катилина // «Народное образование», 29 октября, 1989. С. 13.

II. О ЧЕМ ГОВОРЯТ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, И О ЧЕМ ОНИ МОЛЧАТ

А теперь обратимся непосредственно к самим историческим источникам: о чем они говорят и о чем молчат.

В соответствии с заданной темой, нас здесь интересуют в первую очередь сообщения авторов, писавших об Абхазии и абхазах, в основном начиная с XIV и до начала XIX века. При этом, однако, как указывалось выше, наша задача заключается не столько в том, чтобы исчерпать все исторические источники указанного времени, сколько проанализировать главные из них с точки зрения в основном этнической ситуации и ее изменений на территории Абхазии.

Анализ привлекаемых мною письменных источников ведется по возможности в хронологической последовательности.

XIV – XVI века

Испанский Аноним. Иоанн де Галонифонтибус.

Иоанн Шильтбергер. Товма Мецопеци.

Письма восточных владык.

Джорджио Интериано. Матвей Меховский

- **Испанский Аноним.** В национальной библиотеке Мадрида хранится рукописная «Книга знаний обо всех королевствах...», написанная в 1350-х годах¹. Эта рукопись, хотя и несколько путаный, но, в общем, ценный исторический ис-

---

¹ **Испанский Аноним.** Книга знаний о всех королевствах, странах и владениях, имеющих в мире, гербах и эмблемах каждой страны и владения или же королей и владетелей, правящих ими, написанная испанским францисканцем в середине XIV века. (Впервые опубликована в 1877 г., а в Лондоне в 1912 г. и на англ. языке. Использованный отрывок текста на русский язык переведен Татьяной Эдуардовной Васильевой).

точник, в частности, касательно средневековой Абхазии. Ее анонимный автор – испанский миссионер-францисканец, направлявшийся через Крымскую Готию и Азов, а затем по восточному берегу Черного моря в страну Ауэгазию и затем в Горганию, страну царя Давида империи «Великого хана» Узклето (Узбека) и потом до Трапезунта¹.

В 1350 г., пройдя по берегу моря мимо области Аногазии (Anogazia/Anegazia), Арузаксии (Aruasaxia), затем Песонты (Pesonta Пицунда), он попадает в «королевство» Сант Эстрополи (Сухум). Ему надо было пройти через всю эту страну Ауэгазию (Auegazia), чтобы попасть в Горганию – страну «короля» Давида (грузинский царь Давид IX, 1346 – 1360 гг.).

Из этого сообщения можно сделать вывод, что в эти края он попал, по крайней мере, еще при жизни царя Давида IX, то есть не позже конца 1350-х гг. Горганию (Грузия) он называет, «обширной» областью, входящей в земли империи Узклето (хана Узбека). И в другом месте также пишет, что, покинув Сант-Эстрополи, он направился в Горганию. Таким образом, становится ясным, что «королевство» Сант-Эстрополи находилось на территории страны Ауэгазии, то есть Абхазии. И вряд ли у кого это отождествление вызовет сомнение.

Знаменитый и крупнейший историк-медиевист Сергей Павлович Карпов так писал о демографической ситуации времени Анонима: «Население Себастополя было...этнически пестрым. Наряду с греками и абхазами там было много евреев...»². И действительно, Аноним среди основного населения «королевства» Сант-Эстрополи называет многочисленных евреев, христианского вероисповедания и того же вероисповедания христиан-команов³. Трудно сказать, кого он имел в виду под команнами. Возможно это были куманы, однако, скорее всего в них

¹ Указ. соч. С. 45, 56, 57.

² Цитата взята из газетной статьи **Ю.Н. Воронова**, данная, к сожалению, без сноски // Газ. «Абхазия», 16 июля 1991 г.

³ О команнах см.: **Пономарев А.** Куманы-половцы//ВДИ 1940, № 3 – 4. С. 366 – 370, а также см.: **Новосельцев А.П.** Половцы, кыпчаки, куманы //«Советская энциклопедия». Том 11. – М., 1968. С. 284. Возможно это небольшая часть разбитых татаро-монголами половцев, бежавшая от них, среди других мест обосновалась и в Абхазии.

можно видеть гумских абхазов, жителей Гума – исторической центральной области Абхазии, включая Сухум и его окрестности¹». В источниках упоминается и задействованный в торговых сделках некий абхаз по имени Оторогиус и другие абхазы.

В этот период времени Сухум был главным торговым центром гегуэзцев на всем Восточном побережье Черного моря и здесь, уже в 1318 году функционировала католическая епископия. Видимо, Аноним поэтому и делает оговорку, что местные христиане совершают обряд жертвоприношения «более по образцу греческой, нежели латинской церкви». Далее Аноним говорит о флаге «короля» Сант-Эстрополи с изображением вертикально расположенной ладони левой руки серебристого цвета на геральдическом красном фоне полотнища знамени.

Следует отметить, что флаги Себастополита и в XV, и XVI вв. нередко имели на своем красном полотнище все то же изображение ладони в основном левой руки. Об этом пишет абхазский ученый, проживающий в Стамбуле, Омар Бегуаа², опираясь на исследование турецкого историка И.Х. Кониалы³, опубликовавшего труд под названием «Старинные кожаные карты из архива Топкапы», изданный в Стамбуле в 1936 г. на турецком языке.

2. Иоанн де Галонифонтибус. И. де Галонифонтибус, итальянский миссионер, был епископом Нахичевана, а затем архиепископом персидского города Султани, однако был главой не только христиан Персии, но и «всего Востока», куда входила и католическая епархия Себастополита. Он длительное время служил в этих краях, много путешествовал по разным европейским и азиатским странам, знал несколько восточных языков.

---

¹ **Алборов Б.А.** Осетинские нартские сказания о Созрыко и Гумском человеке // Уч. Записки СОГПИ. Том XXIII. Вып. 3. – Орджоникидзе. 1957. С. 99 – 103; См.: и **Кузнецов В.А.** Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. – Орджоникидзе. 1980. С. 112 – 114.

² **Омар Бегуаа.** Абхазские знамена // Ж-л «Кафкасия», № 14, 1967; **Его же.** Абхазский атарчей // Ж-л «Апсны аказара», 1990, № 2 (на абх. яз). См. и **Чачибая Ц.Д.** Сан-Себастополита 1350 г. // Газ. «Аидгылара», на русском яз. «Единение» 1991, апрель. С. 7.

³ **Кониалы И.Х.** Топкапы асарай и тоу ажэцэа иану ажэгытэ хсаалакэа. – Истанпыл. 1936 // Ажурнал «Апсны аказара», 1990, № 2. Ад. 3.

В самом конце XIV века, после 3-го похода Тимура, он побывал и на Кавказе, посетил, в частности, Черкесию, Абхазию, Мегрелию и Грузию. В главе «Черкесия» он прямо пишет: «Я путешествовал по этим землям и вокруг них»¹. Относительно Мегрелии он сообщает даже, что «жил в этой стране долгое время»², видимо в последней четверти XIV века. На основе личных наблюдений он написал книгу под названием «Кавказские народы и их соседи (1404 г.)», состоящую из нескольких коротеньких глав («Черкесия», «Абхазия», «Мингрелия», «Грузия», «Дагестан» и др.), имеющих большое значение для изучения истории и этнографии народов Кавказа того периода.

Неизвестно, сколько времени пришлось И. Галонифонтибусу прожить в Абхазии, но факт его пребывания здесь по пути из Черкесии в Мегрелию не подлежит никакому сомнению. Краткие, но очень интересные и важные сведения, которые он сообщает об этих странах, могли быть получены только в результате непосредственного общения с местным населением.

Прежде всего, автор точно определяет географическое положение Абхазии, как края, расположенного на побережье моря, между Черкесией и Мегрелией. «За (Черкесией), – пишет он, – находится Абхазия»³, а «к востоку от них (т.е. абхазов – **Ш. И.**), по направлению к Грузии, лежит страна, называемая «Мингрелией», горы которой «граничат с горами Абхазии».

Абхазы, читаем мы у него, *«имеют свой собственный язык. Они «искусны в выделке сукна, холста и шелка», вместо хлеба употребляют в пищу «вареное перемолотое просо», «у них прекрасное вино», «много животных», «а в вере следуют грузинам»*⁴, то есть являются христианами.

Итак, согласно Иоанну де Галонифонтибусу, абхазы во второй половине XIV в. компактно населяли, как коренные жители, территорию современной Абхазии, между черноморскими

¹ Tardy L. The Caucasian Peoples and their Neighbours In 1404. – Budapest. Acta Orient Hung XXXII.1978, p. 93, 94. (**Иоанн де Галонифонтибус**. Сведения о народах Кавказа (1404). Из сочинения «Книга познания мира» /Перевод с английского акад. **З.М. Буниатова**. – Баку. 1980. С. 18).

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 19.

черкесами и мегрелами, представляя собой этнически самостоятельный народ со своим особым языком, не смешиваемый ни с адыгами (черкесами), ни с мегрелами, ни с грузинами, при полном отсутствии каких бы то ни было указаний, которые говорили бы против их автохтонности на данной прибрежной территории, на их миграцию откуда-нибудь с юга или с севера.

Отмечу мимоходом, что тому же автору принадлежит весьма любопытное и единственное в своем роде сообщение о слепке ступни императорской ноги, который абхазы носили будто бы на своей голове. «Не очень миролюбивый римский император, – пишет Галонифонтибус, – поработил их и послал им слепок ступни своей ноги для того, чтобы они носили его на голове как символ покорения, и с того дня они носят этот слепок на своей голове»¹. В связи с этим следует иметь в виду, что у абхазов, до самого последнего времени, отмечаются пережитки древнего загадочного культа поклонения «золотой стопе бога»². Выражением этого является, надо полагать, такой оригинальный абхазский фразеологизм: «Ухъышьаргэца сакэыхшоуп», то есть: «Да буду я принесен (досл.: «обведен вокруг») в жертву золотой стопе твоей (муж.) ноги». Или: «Упату схы икэуп», то есть: «Твое уважение лежит на моей голове» (или «Ношу на своей голове» в том же значении) и др.

Параллели и сопоставления, описанные в источнике шестисотлетней давности, с абхазскими языковыми и этнографическими материалами, заслуживающие специального изучения, лишней раз свидетельствуют об этнической идентичности средневековых абхазов с нынешними, поскольку в быту последних, как мы видели, до сих пор сохраняются отголоски воспоминаний, связанные, вероятно, с указанным загадочным слепком, якобы императорской, а, скорее всего, божьей ноги, так как, согласно абхазским поверьям, у Верховного Бога Анца были золотые ступни ног³.

---

¹ Там же.

² Аншба А.А. Вопросы поэтики абхазского Нартского эпоса. – Тбилиси. 1970. С. 73.

³ Золотые подошвы или ступни ног имела и героиня Нартского эпоса Сатаней-Гуаша.

В работе И. Галонифонтибуса говорится еще и о том, что черкесы имеют не только свой язык, но и свою письменность¹. Эти сведения перекликаются с аналогичным и почти синхронным сообщением немецкого (баварского) автора Иоанна Шильтбергера.

3. Иоанн Шильтбергер. Немец И. Шильтбергер на рубеже XIV – XV вв. тоже посетил Абхазию, Черкесию и другие уголки Кавказа. По данным и этого автора, в его время в числе языков, на которых велось христианское богослужение, были черкесский (зихский), абхазский, грузинский и мингрельский языки².

Вот еще одна выписка из «Путешествия...» И. Шильтбергера: «далее – королевство Грузия, жители которой исповедуют греческую веру, говорят на особом языке и весьма храбры. Есть еще страна Абхазия, с главным городом Сухумом. Страна эта имеет весьма нездоровый климат, поэтому и женщины, и мужчины носят там четырехугольные плоские шапки. Есть также небольшая страна Мингрелия со столицей Батум. Жители исповедуют греческую веру»³.

Прямые упоминания собственно Абхазии и ее главного города Сухума, а также о некоторых бытовых особенностях населения не оставляют сомнения в том, что автор побывал в нашем крае, но его сообщения о нездоровом климате этой страны и связанных с этим оригинальных головных уборах жителей не находят пока, насколько мне известно, подтверждения в других исторических источниках (ср. однако, со стопой на голове абхазов у И. де Галонифонтибуса).

Некоторое сомнение вызывает свидетельство И. де Галонифонтибуса о местной письменности, а Шильтбергера – о богослужении на черкесском, абхазском и мегрельском языках, а также помещение Мегрелии где-то на юго-западе со столицей в г. Батум.

Как понимать эти сообщения о черкесском, абхазском и мегрельском языках? Или оба автора, которые почти одно-

---

¹ **Иоанн де Галонифонтибус.** Указ. соч. С. 17.

² **Шильтбергер И.** Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Издание, редакция, перевод со старонемецкого и примечания акад. АН Аз. ССР З.М. Буниятова. – Баку. 1984. С. 65.

³ **Там же.** С. 40.

временно лично побывали на Западном Кавказе и писали независимо друг от друга, грубо ошибались, или же, напротив, в указанное время у черкесов существовала какая-то местная, утраченная впоследствии форма письменности, приспособленная для церковного богослужения, хотя в этом пока нет уверенности. Что же касается службы на языках, то в данном случае приобретает особое значение сообщение Товма Мецопеци.

4. Товма Мецопеци. К самому концу того же XIV века относится важное свидетельство известного армянского историка Товма Мецопеци. В 1386 году начались походы Тимура (Тамерлана) на Закавказье. За 17 лет (1386 – 1403 гг.) было совершено 7 походов. Именно к этому периоду (90-е годы) относится сведение Мецопеци. От него мы узнаем, что грузинский царь Баграт, обращенный Ленгтимуром в мусульманство, обманул его, сказав: «Дай мне большое войско, я поеду в Грузию, займу всю страну и обращу в вашу веру, поскольку народ тот восьми языков, всех покорю и обращу в вашу религию. Вот эти языки: дральский, осетинский, имеретинский, мегрельский, абхазский, сонский, грузинский, месхский»¹. А раз есть язык, значит, есть и народ!

5. Письма восточных владык. Интересным источником для истории края середины XV в. являются письма восточных владык к папе Римскому Пию II, одному из главных поборников идеи крестовых походов на Восток, герцогу Бургундскому Филиппу III Доброму (1419 – 1467 гг.) и дожу Венеции. Доставили письма послы, приехавшие в Европу с посланцем папы на Востоке, большим авантюристом, но в то же время ученым – духовным деятелем монахом Людовико де Болонья (в 1458 г. папской буллой он был назначен главой всех западных христиан в Персии и Грузии). Людовико и ранее засылался Ватиканом на Восток, где занимался организацией антиосманской коалиции. Там он, видимо, и встречался с Кваркваре, самцхийским

---

¹ **Товма Мецопеци.** История Ленгтимура (Тамерлана) и его преемников. На древнеарм. яз. – Париж. 1860. С. 20. (Цит. по кн.: **Налбандян В.С.** Тбилиси в армянских литературных памятниках древних и средних веков. – Ереван. 1961. С. 115.

атабагом, пославшим еще тогда первое письмо, в котором назвал будущих членов коалиции¹.

Теперь же Людовико, в качестве главы всех католиков Персии и Грузии, после двухлетнего пребывания на Востоке в 1459 г. вместе с делегацией «послов» восточных владык возвратился в Рим. «Посольство оказалось сборищем авантюристов и вымогателей, а ловкий шарлатан Людовико, получив свой куш, бежал от папского гнева».² Письма были привезены от Трапезундского императора Давида и Грузинского царя Георгия VIII к Филиппу, а от Кваркваре папе и дожу Венеции. В посланиях перечислялись будущие участники похода, цари и владельцы и среди них некий Рабиа³. Царь Георгий называет его князем Анакозии, а Кваркваре – владельцем Анакопии. Последнее говорит о том, что Анакозия – это Анакопия. А абхазы у Кваркваре дважды названы авогазами⁴. Вместе с тем, в тех письмах, где фигурирует владелец Анакопии Рабиа, ничего не говорится об авогазах, а где говорится об авогазах, согласных выступить в поход, не упоминается Рабиа. Но обобщая данные всех писем можно прийти к выводу, что авогазы – это подданные Рабиа, независимого правителя страны Авогазии (Абхазии) с центром в Анакопии. Вместе с тем, в первом письме Кваркваре авогазы объявляются подданными царя Георгия (?) и поэтому, якобы, будут выступать с ним, а Бендиа пойдет в поход с царем Багратом (имеретинским). В позднем письме Кваркваре Бен-

---

¹ **Пайчадзе Д.Г.** Антиосманская коалиция европейских стран и Грузии в 60-х годах XV века. – Тбилиси. 1989. С. 95 (на груз. яз.).

² **Карпов С.П.** Указ. соч. С. 143.

³ Достаточно подробное описание событий изложено в книге Карпова С.П. К сожалению, автор почему-то нигде не упоминает имени *Рабиа Абхазского*, ни когда приводит численность выставляемых войск другими восточными владыками, называя при этом их имена, ни из сведения епископа Жана Жермена, ни из фальшивого письма бургундскому герцогу, якобы от трапезундского императора, составленного Микьелем Алигиери, членом «посольства» Людовико де Болонья 1459 г. (**Карпов С.П.** Трапезундская империя и западно-европейские государства в XIII – XV вв. – М., 1981. С. 158 – 162.

⁴ Ср. с названием Сухумской бухты на итальянской карте 1519 г. – *Abogaxia prov.* А оно говорит о том, что письмо писалось итальянцем.

диа назван «царем» Мегрелии и Абхазии. Получается какая-то неувязка. Если абхазы подчинялись Бендиа, то должны были бы выступить вместе с ним. Обращает на себя внимание и то, что в письмах и Георгия, и Давида ничего не говорится о совместном выступлении первого с авогазами во главе с Рабиа, о чем писал Кваркваре. В них Рабиа представлен как самостоятельный владыка, дающий такие же обещания, как и остальные и выставляя даже более многочисленное войско, чем Давид, Кваркваре, армянские и некоторые другие владетели – 30 тысяч человек.

О том, что переговоры велись с Рабиа непосредственно, говорит следующий факт. После провала авантюры Людовико, связанной со сколачиванием антиосманской коалиции (разоблачения подлогов писем, его лихоимстве и др.) и приказа папы Пия II о его аресте прошло 15 лет. Теперь уже когда «Венеция с папского благословения пыталась блокироваться с Узун Хасаном» для содействия его новому крестовому походу против турецкой агрессии, на политической арене опять появился, сбежавший в свое время и избежавший ареста Людовико де Болонья. Прощенный новым папой, он вновь получает поручение организовать антиосманскую коалицию восточных владык. Именно тогда он появляется в Абхазии.

Однако, по свидетельству Амброджо Контарини его вместе с послом Узун Хасана, ставшего уже шахом, полностью разграбили, что, как видно, отрицательно повлияло на дальнейший ход переговоров о создании новой коалиции, вероятнее всего так и не состоявшейся.

В связи с указанным инцидентом представляет интерес и сообщение немецкого путешественника С. Герберштейна, свидетельствовавшего о том, что в XVI веке «афгазы обитали даже в низовьях Кубани, а соседние с ними адыги занимали ближайшие горные районы»¹, что говорит о многочисленности абхазов того времени.

Материалы, связанные с попытками организовать антитурецкую коалицию, показывают, что в середине XV века на Черноморском побережье существовало особое довольно крупное

---

¹ Герберштейн С. Записки о Московских делах. – СПб., 1908. С. 159.

княжество – Авогазия с центром в Анакозии, то есть в Анакопии, простиравшееся, как видно, далеко на север.

Таким образом, владетель указанного княжества в середине XV века выступал как самостоятельный правитель, способный выставить значительное количество воинов, для предполагавшегося «крестового похода». Та же Абхазия, которая названа «под рукой» царя Бендиа, в тот период, видимо должна была, скорее всего, обозначать южную Абхазию – возможно от р. Кодор и до реки Ингур, включавшую тем самым в свой состав Абжуа (то есть срединная страна), находившуюся между реками Кодор и Галидзга.

6. Джорджио Интериано. Сведения Дж. Интериано относятся ко второй половине XV в. У него мы находим некоторые указания, относящиеся к зихам, к которым, очевидно, у него могут быть отнесены и абхазы. Зихи, сказано у него, «не имеют письменности и не пользуются никаким алфавитом – ни собственным, ни иностранным. Священники у них служат по-своему, употребляя греческие слова и начертания, не понимая их смысла. Когда же случается им писать кому-нибудь, хотя это бывает очень редко, то большею частью пользуются услугами евреев и еврейскими письменами»¹. Все это видимо соответствует действительности, поскольку есть сведения, что в то время и в Сухуме жило еще немало евреев (может быть, это были потомки иудеев-хазар?), а среди них встречались и ученые люди. Известно, например, что один еврей в городе Гагре еще в XIII веке занимался даже грамматическими исследованиями².

Джорджио Интериано – путешественник, географ и этнограф эпохи итальянского Возрождения, автор первого в средневековой литературе монографического описания Черкесии второй половины XV века. Он длительное время провел в этой стране, о чем свидетельствуют его слова: «Я много лет тому на-

¹ **Интериано Джорджио.** Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование. // АБКИЕА. – Нальчик. 1974. С. 46, 47.

² **Зисман М.Н.** Восточная школа еврейских грамматиков в X – XIII вв. // Материалы Первой конференции по семитическим языкам 26 – 28, X. 1864. Семитические языки. Том II (вып. 2) – М., 1965. С. 768. (Выражаю благодарность В.А. Чирикба, обратившему мое внимание на этот источник).

зад исследовал и наблюдал природу и условия страны и быта черкесов... в Сарматии». Свои наблюдения он издал в Венеции в 1502 году отдельной книгой, в которой написано, что адыги или зихи живут от реки Таны (р. Дон) по всему побережью до Боспора Киммерийского (Керченский пролив), «а далее за проливом по берегу моря вплоть до мыса Бусси и реки Фази-са, и здесь граничат с Абхазией, то есть частью Колхиды»¹. Как видно из этого пассажа, Дж. Интериано понимал этнонимы «зихи» и «черкесы» в широком смысле, обнимая ими не только собственно черкесов, но и собственно абхазов, юго-восточную границу которых он так же, как и Челеби, проводил по Фази-су (Риони). Границей же между черкесами и абхазами был, как видно, мыс Бусси (Туапсе?).

Что же можно сказать об абхазах по этим источникам и об их так называемой миграции? Если, как мы видели, собственно абхазы (апсуа), «имеющие свой собственный язык», в XIV – начале XV вв. вне всякого сомнения, жили на своей земле в Абхазии, то могли ли они вдруг почему-то перебраться «всем миром» куда-то в горы с тем, чтобы через какие-нибудь две сотни лет, в XVII веке, вновь переселиться на свою старую родину? Но – таких сказочных миграционных прогулок целого народа история не знает.

7. Матвей Меховский. Польский ученый начала XVI века Матвей Меховский тоже сообщает о народе «газаров». В своем «Трактате о двух Сарматиях»², изданном в 1571 году, он пишет о них как о «воинственных людях, имеющих связи по всей Азии и в Египте», и что у них заволжские татары приобретают оружие. В настоящее время, пишет он, «греки называют эти племена абгазарами или абгазели, а по соседству с ними находятся племена черкесов и мингрелов»

Под «газарами», «абгазарами» и «абгазелами» он имел в виду несомненно абхазов, а эти термины представляют собой разные искаженные формы одного и того же названия, два из которых относятся к грузинскому обозначению абхазов (абха-зеби). Их локализация, указанная М. Меховским, также соот-

---

¹ **Интериано Дж.** Указ. соч. С. 46, 47.

² **Меховский М.** Трактат о двух Сарматиях. М. – Л., 1936. С. 62, 63.

ветствует сообщениям предыдущих и последующих писателей по данному вопросу.

Первая половина XVII века

**Джиованни да Лукка. Эмиддио Дортелли д'Асколи.
Арканджело Ламберти. Джузеппе Джудиче Меланезе.
Христофоро Каstellи. Эвлия Челеби.**

8. Джиованни да Лукка. Перейдем теперь к сообщениям итальянского монаха XVII в. Джиованни да Лукка (Жан де Лукка), относящимся к 1625 – 1634 гг. Автор, являясь представителем доминиканской миссии в Крыму (в Каффе), неоднократно выезжал вглубь татарских, ногайских и черкесских земель для ознакомления с образом жизни обитавших там народов. Побывал де Лукка и у абхазов. В предисловии к своей работе он подчеркивает: «В этом описании я изложу только то, что видел своими глазами»¹.

Не останавливаясь подробно на его описании черкесов, в котором, в частности в их быту, мы находим любопытные этнографические параллели с абхазами (последние «одеваются подобно черкесам, но волосы стригут иначе, чем те»², мальчики и девушки «прислуживают гостю с открытым лицом и моют ему ноги»³; родственники, оплакивая покойника «бичуют себя, а жены царапают себе лицо»⁴ и т.д.), отметим только то, что он рассказывает конкретно об абхазах, включая и определение географического положения страны их обитания.

Дж. Лукка пишет об абхазах, как о самостоятельной этнической единице, наравне с татарами, черкесами, мегрелами, грузинами и другими как об особом народе, *со своим особым языком, «резко отличающимся от языков их соседей»*⁵ и живущим в своей стране в пределах Западного Закавказья. Черкесы, го-

---

¹ **Жан да Лукка.** Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. 1625 г.// ЗООИД. Том II. – Одесса. 1879. С. 474.

² **Там же.** С. 488 – 492.

³ **Его же**//АБКНЕС. С. 71.

⁴ **Там же.** С. 72.

⁵ **Его же**//ЗООИД. С. 492.

ворит он, соседят с ногайскими татарами и занимают «лесные места» от Тамани до Дербента, так что «страна черкесов тянется на 26 дней пути», а к «югу живут абхазы» (выделено мной. – Ш. И.) Или еще раз: «К югу от них (черкесов) живут абхазы». У него же в другом месте читаем: «Абхазы населяют горы, простирающиеся до страны черкесов, на запад от них лежит Черное море, на востоке – Мингрелия»¹. Это можно понимать только в том смысле, что абхазы в первой четверти XVII в. проживали примерно в тех же местах, где они живут и поныне..

Уточняя географическое положение Абхазии, Жан да Лукка пишет: «От Кудесчио (вероятно, Кодош. – Ш. И.) до Абхазии 140 миль»². В другом месте сказано: «Абхазию от Мингрелии отделяет р. Аус [видимо, Исгаур], расположенная к востоку от Сухума». Как видно, эта река являлась политической границей того времени, так как Скурчу он считает первым пунктом Мегрелии.

По его словам, абхазы «обладают очень хорошей гаванью», которая называется Эски-Сумуни» (тур. «Старый Сухум»), куда «ежегодно приходят суда из страны Лазов, Трапезунта, Константинополя и Каффы» и иногда зимуют там. Пишет он и о том, что их «страна очень приятная и воздух в ней очень здоров», а сами они «рассеяны по всему берегу» и «выбрав себе пребывание в одном месте, не покидают его». Отмечает он и то, что абхазы «выделяют много вина» (выделено мной. – Ш. И.), а также хмельной напиток из меда, названный переводчиком также вином, абхазы же называют его «восковой водой».

Очень важные сведения содержатся в описании Жана да Лукка о политическом и религиозном состоянии Абхазии того времени. Согласно его непосредственным наблюдениям, в Абхазии было два, как видно, удельных (?) князя: одного из них он называет не по имени, а по прозвищу – Карабей, что в тюркских языках означает «Северный князь», а в Сухуме встречался с Путо Шервашидзе или Пузо в переводе П.О. Юрченко (вероятно, звучавшее как *Алыза*, что в абхазском означает военного предводителя). В 1625 г. Лукка посетил князя

---

¹ Там же. С. 492

² Там же. С. 489.

Путо в сухумской резиденции, где лечил его больную жену. Во время этого визита он, в частности, узнал, что князь – христианин. Он показал гостю носимый им нательный крест и *сказал, что весь его народ – христиане*¹. Сообщает Лукка и о том, что абхазы имели каких-то духовников, носивших бороды, под названием «папари», которые, по полученным им сведениям, «погребали мертвых и молились богу об их душах».

Несомненный интерес представляет и описанный им уникальный обряд «воздушного захоронения», который ему удалось зафиксировать в Пицунде. Абхазы, пишет он, «покойников кладут в выдолбленные стволы деревьев, служащих для них гробом, и потом, привязав к четырем столбам, для предохранения от шакалов, держат их как бы висящими в воздухе», но иногда и просто подвешивали на деревьях². Этот обряд засвидетельствован у колхов и абхазов многими авторами, начиная с античного времени Аполлонием Родосским, Нимфодором Сиракузским, Николаем Дамасским, Силием Италиком, Клавдием Элианом и другими поздними авторами. Он имеет исключительно важное значение с точки зрения автохтонности абхазского этноса и преемственности его культуры на занимаемой территории, что подтверждается и археологическими данными.

Менгрельский же князь, замечает он, пребывает в местности Тадиане и сам называется Тадианом (Tadian), т.е. Дадианом.

9. Эмиддио Дортелли д'Асколи. Доминиканец д'Асколи, префект Каффы, Татарии и других соседних областей писал, что несколько лет назад отправил своего «товарища, отца Дживованни да Лукка (Gio. da Lucca)», к восточному берегу Черного моря, «чтобы узнать о положении христианской церкви» на побережье. От него он узнал, что «местная знать оказала ему почетный, радушный прием и выразила полную готовность принять нашу миссию». Здесь он явно имеет в виду группу миссионеров с Арканджелло Ламберти, прибывшую к правому побережью реки Ингур.

---

¹ **Тамарати М.** История католичества в Грузии. – Тифлис. 1902. С. 144 – 145 (на груз. яз.).

² **Там же.** С. 144. См.: и в ЗООИД. Том X. С. 492, 493.

Сам д'Асколи, по его словам, совершил плавание вокруг берегов моря, но по всему видно, что объездил он только восточную часть Причерноморья. В своем труде, изданном в 1634 г.¹, он перечислил восемь языков², на которых говорят народы, живущие вокруг Черного моря: греческий, турецкий, татарский, чиркасский, аббазский, мегрельский и армянский. Среди них, как мы видим, он называет и абхазский (аббазский) язык, причем помещает его между черкесским и мегрельским языками в полном соответствии с исторически сложившимся географическим ареалом абхазского языка. При этом он заметил, что аббазский язык хоть и имеет сходство с «чиркасским», но, каждые из них, говоря на родном языке, друг друга не понимают.

Упоминает он стоянку и приморский город в Чиркассии (?) под названием Аббаза, который «стоит на самой границе Мингрелии» (?), благодаря чему, считает он, «под названием Аббазы посещаются и [другие] мингрельские стоянки» (в Чиркассию здесь включена и вся Абхазия, что было не редкостью в то время, а впрочем, и позже). Название же Аббаза (Авваса), надо полагать, когда-то являлось старым обозначением не только пункта в «Черкесии», но и стоянки Скаври/Скаури (Scauri), в 10 милях от которой автором отмечен и мыс Скуртия (Scurtia) и других, расположенных юго-восточнее. Мегрельский же князь, замечает он, пребывает в местности Тадиане и сам называется Тадианом (Tadian), а население страны, начиная от Фашии (Риони), обитающее на узкой прибрежной полосе – воинственные жители, на знаменах которых изображен святой Георгий. Не может быть сомнений в том, что эти знамена были повторением знамени владетеля всей Мегрелии – князя Дадияни.

Дальнейший путь д'Асколи лежал на северо-запад в сторону города Эски-Согуна (явно Согума), находившегося на рассто-

---

¹ **Эмидио Дортелли д'Асколи.** Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмидио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и пр. (1634) / Перевод Н. Пименова //ЗООИД. XXIV. – Одесса. 1902. С. 100 – 105.

² Лазов он не упоминает, но отмечает страну Азо (Aso). В примечании 40-м, приведено объяснение, что здесь у автора имеются в виду лазы и Лазика. Между прочим Азами назвали приморские адыгейцы абхазов.

янии 20-ти миль от Скуртии. Eschi-Sogum, это современный Сухум, где слово «эски» в турецком означает «старый». Затем проплыв 40 миль, он отмечает пункт Дервен (Derven), видимо Дербент С. Броневского и других авторов – одно из старинных названий современного города Гагра и, наконец, проплыв еще 50 миль достиг Аббаса, второй крупный торговый пункт на востоке Черноморского побережья, носящий это название.

Эта, другая Аббаса (на венецианской карте XIII в., порт Abcazia) по определению д'Асколи, находилась между Гаграми и Мамай-кале (Mamatala) недалеко от Сочи, может быть в устье р. Псоу. Об этом говорит его последующее сообщение: «Отплыв далее на расстояние в 50 миль» д'Асколи отметил местность под названием Маматалы (видимо, это Мамай-кале, расположенный чуть далее Сочи) и, пройдя еще 150 миль, добрался до Геленджика).

Говоря о северной стоянке Аббаса, он пишет, что там еженедельно происходит нечто вроде ярмарки. По его словам, торговцы из Константинополя, Татари и других мест Черного моря «богатели и богатеют» в [этих] морских стоянках. Купцы вывозят оттуда «отличный мед», воск, «прекрасные нитки для выделки полотна», видимо, льняные и много рабов, поставлявшихся ими на Константинопольские рынки. Каждый купец, говорит д'Асколи, затративший 100 реалов выручает 300, совершая торг «на судах и... на них же сбывая свой товар: на берегу он подвергся бы грабежу, ибо местные жители – одна шайка воров». «Если же кому из крупных купцов приходится идти по торговым делам» из южной Абазы в город [какой? неизвестно, очевидно, имеется в виду Дранда], «то он предварительно требует на судно одного из жителей в качестве заложника».

10. Арканджело Ламберти. Итальянский католический священник XVII века Арканджело Ламберти со своей группой духовников, появился в Мегрелии ко времени завершения пребывания там префекта миссии Конгрегации театинцев Пиетро Авитабиле, находившегося на этой должности с 1626 года¹.

---

¹ К сожалению, материалы последнего до сих пор, кажется, не изданы и не переведены с итальянского на другие языки.

Ламберти состоял миссионером этой же Конгрегации во время правления Левана II Дадиани (1611–1657 гг.). В течение почти восемнадцати лет он служил при Циппурийском (Джипурийском) монастыре, располагавшемся на правом берегу Ингура. Монастырь находился в «руках» миссионеров, создавших там свое хозяйство (в том числе культурный сад). Вернувшись в Италию, он в 1654 году издал в Неаполе свое «Описание Колхиды...»¹. Это большое и в основном достоверное описание «только верных фактов» из жизни и быта мегрельского народа. Оно было переведено с итальянского оригинала на русский язык частично П.О. Юрченко (1876 г.), а полностью – К.Ф. Ганом (1913 г.). Ценность работы «Описание Колхиды...» состоит, прежде всего, в том, что оно основано, главным образом, на продолжительных личных наблюдениях автора, который сам в предисловии указывает, что прожил в Мегрелии «почти восемнадцать лет и изъездил весь этот край» в 1635 – 1653 гг. Неизвестно только, когда и сколько времени он находился в Черкесии, и действительно ли это была Черкесия или же скорее Садзен/Джигетия, которую большей частью относили к Черкесии, поскольку она зачастую не входила в состав абхазского владения. Сведения же о ней, как видно, составлены со слов других людей, скорее всего от самого владельца Левана. Таким образом, хотя Ламберти свое сочинение посвятил Мегрелии, где, по поручению папы Урбана VIII, вел свою миссионерскую службу, но попутно собирал кое-какие сведения и о соседних с Мегрелией народах: абхазах, черкесах, сванах, карачаевцах и других².

При всей важности его сообщений остается все же не совсем понятным, почему любознательный миссионер, посетив Черкесию и живя так долго в непосредственной близости от Абхазии, ни разу не посетил ее внутренние области и то, что его

---

¹ **Ламберти Арканджело.** Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией, в котором говорится о происхождении, обычаях и природе этих стран с картою 1654 года / Перевод с итальянского **К.Ф. Гана.** // СМОМПК. Вып. 43. – Тифлис. 1913. С. 128, 129, 176 и др.

² **Гарданов В.К.** Арканджело Ламберти //АБКИЕА. – Нальчик. 1974. С. 56 – 58.

сведения об этой стране и ее жителях, разбросанные по книге, занимают в обширном сочинении, к сожалению, довольно скромное место.

Когда-то «прежде», пишет Ламберти, грузинские цари были настолько могущественны, что власть их распространялась далеко – до Тавриза и Эрзерума, а со стороны Колхиды – до Каффы (Феодосия). «Под владычеством грузинских царей, – читаем мы у него, – находились абхазы или абаски, черкесы и джики или цики». Он сообщает, что «за Колхидой, в странах абхазов и джиков стоят прекрасные храмы, выстроенные в грузинском стиле»¹. Как видим, Ламберти говорит не о каком-то переселении абхазов, а, наоборот, о том, что непосредственно за Мегрелией находятся «страны абхазов и джиков», которые представляются автору коренными жителями своей прибрежной страны и постоянными непосредственными северо-западными соседями мегрелов. Это он отмечает в целом ряде мест своей работы.

Не раз сказано им и о том, в частности, что современный автору мегрельский владетельный князь Леван женился на красивой и образованной дочери владетельного абхазского князя Шервашидзе (Шарапшиа – Sciarapscia)², которая была, якобы за измену (чему никто не верил), жестоко им наказана. Ей отрезали часть носа и ушей, после чего Леван, собрав войско, «отправился, взяв и ее, во владения ее отца, который, застигнутый врасплох, удалился в горы со всем своим народом. Дадияни же опустошил страну, уничтожил все огнем и мечом»³.

Избавившись от жены и вернувшись, он женился на находившейся с ним в интимной связи, жене своего родного дяди. Через некоторое время были убиты и два его малолетних сына от бывшей жены, которых, со слов Ламберти, даже не похоронили в дадиановском склепе. Там же мы находим сведения и об ответных нападениях, мстивших ему абхазов, сначала на приграничные районы княжества Дадияни⁴, а затем и вглубь

---

¹ Арканджело Ламберти. Указ. соч. С. 9.

² Там же. С. 18.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 24.

нее. В то же время Ламберти характеризует князя Левана как «великодушного и благородного», «добрейшего» человека¹, забыв о том, что сказано чуть выше им же самим о его безнравственности и вероломстве. И это, несмотря на заверения о том, что в «рассказе читатель найдет только верные факты и беспристрастное описание»².

Говоря об окружающих Колхиду, то есть Мегрелию, «варварских народах», Ламберти указывает, что «ближайшими [соседями] являются абхазы, аланы, сваны, карачаевцы, джикки и черкесы. Все они именуются христианами, но живут без законов и занимаются охотой и грабежами. Разнообразие их наречий и языков удивительное». Примерно, то же самое он говорит и в другом месте, но называя здесь джиков зихами: «...ближайшие соседи Колхиды: сваны, абхазы, аланы, черкесы, зихи, карачаевцы. Все они, хотя и величают себя именем христиан, но, ни по вере, ни по набожности ничего христианского у них совершенно незаметно»³ (однако, он же пишет и «о склонности мегрелов принимать магометанство» (с. 158).

По его словам, и «с северной стороны ближе всех (к мегрелам) живут те же кавказцы, которых турки называют абхазами или абкассами»⁴ (абаза), (но, как называли их мегрелы, он почему-то не пишет). Это важное сообщение первой половины XVII века говорит о проживании абхазов и в предгорьях современного Очамчирского и Гальского районов. Крайне сомнительно, чтобы в первой половине XVII в. у перечисленных народов, особенно абхазов и сванов, было бы «совершенно незаметно ничего христианского». Но бесспорно то, что автор, пишущий о «происхождении» этих народов, не мог бы умолчать о таком событии, как современное ему переселение абхазов с севера, из-за хребта – этих «ближайших соседей Колхиды».

Одним словом, описание Арк. Ламберти и весь подтекст его сочинения не оставляют никакого сомнения в том, что именно

---

¹ Там же. С. 31, 81.

² Там же. С. 15.

³ АБКИЕА. С. 59.

⁴ Ламберти Арк. Описание Колхиды... //ЗООИД Х. – Одесса. 1877. С. 216.

собственно абхазы, ниоткуда не приходившие и отличающиеся своей этнической самобытностью, являлись обитателями своей «страны Абхазии», как коренные ее жители. Он считает само собой разумеющимся фактом традиционное проживание по соседству, и в непосредственной смежности друг с другом, абхазского и мегрельского народов. О границах Колхиды или Мегрелии Ламберти пишет в разных местах своего труда и почти всегда аналогичным образом. Так, в авторском предисловии сказано: «В этом моем описании, под именем Колхиды подразумевается та страна, которая лежит между рекой Кораксом (Кодором) и Фазисом, и которая называется Мингрелией, как это принято называть в наше время, а со стороны абхазцев или абасков границей служит река, называемая туземцами Кодором (Coddors), а, по моему мнению, она и есть древний Коракс»¹. Перечисление ближайших к Мегрелии народов он начинает, как мы видели, с абхазов². Укажем еще на одно место, где сказано, что у Мегрелии две границы: Коракс (Кодор) и Фазис (Риони)³. Говоря о Драндском (Dranda) храме, автор отмечает, что эта епископская церковь находится «на реке Кодор, на границе с Абхазией»⁴.

Завершая свой рассказ о реках Колхиды, он снова обращает наше внимание на Кодор, но уже как на этнически пограничную реку. «Последняя из всех рек Коддорс (Кодор), это должно быть Коракс, потому что вся Колхида расположена между Фазисом, отделяющим Мингрелию от Гурии, и Кораксом, отделяющим ее от Абхазии, и как за Фазисом мингрельской язык сразу сменяется грузинским, так за Кораксом сменяется абхазским. Отсюда ясно, что Коддорс мингрельцев есть древний Коракс потому, что сейчас после переправы через Коддорс живут абхазы (*Abcasi*) со своим особенным языком»⁵.

По Ламберти, сами жители Мегрелии называют свою страну Одиши, а другие – Мингрелией. Страна лежит между Имере-

---

¹ Там же. С. 2.

² Там же. С. 2, 9.

³ Там же. С. 88.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ Там же. С. 200, 201.

тием с юго-восточной и Абхазией с северо-западной стороны, изобилует водой, реками, лесами и недоступными болотами на побережье, «заменяющими, так сказать, стены и рвы» от вторжения врагов с моря. Таким образом, не только политическая, но как будто бы и этническая граница между двумя народами и княжествами во времена Ламберти проходила по Кодору.

Несмотря на все эти как будто бы ясные указания автора, вряд ли все же можно считать, что он избежал некоторые неточности в отношении этнической границы между абхазами и мегрелами к середине XVII в., тем более, что он был не совсем прав в определении юго-восточной границы Мегрелии, ибо, как отметил комментатор, «Мегрелию от Имеретии отделяет не Риони, а Цхенис-цкали»¹.

Можно предполагать, что в результате ряда военно-политических акций одишских владетелей (начиная с образования Сабедиано), мегрелами стало заселяться морское побережье на левой стороне от нижнего течения Кодора, но выше в основном продолжали жить абхазы. Полное отрицание присутствия абхазов на всем пространстве между Кодором и Ингуром трудно согласуется со многими существенными моментами этнокультурной истории этой части Абхазии, в том числе с описаниями самого Ламберти.

Так, например, говоря об одном животном (серне), Ламберти отмечает, что он его сам «видел...и в Черкесии»². Такого прямого указания о пребывании в Абхазии мы у него нигде не найдем. Однако описание местоположения и некоторых особенностей Илорского, Бедийского и Моквского («лежит на широкой равнине среди двух рек») храмов, склоняет к мысли, что автор, по всей вероятности, эти места, посещал, так как они по его словам, в то время входили в состав Мегрелии. Но что до самого Кодора ему не приходилось добираться, видно из его сетования, о том, что переправа через Рион и Кодор «без помощи лодки невозможна, потому что они очень широки и глубоки»³. Как известно, «очень широкой и глубокой» река Ко-

---

¹ Там же. С. 2.

² Там же. С. 216.

³ Там же. С. 88.

дор не является. В обычное время ее легко переходили не только верхом на лошадях, но и вброд, да и лодками и галерами для преодоления этой быстротекущей даже в низовьях горной реки пользовались, по-видимому, очень мало и редко, в отличие от Риони¹. Риони (Фазис) Ламберти подробно описал, ибо «видел своими собственными глазами»², чего нигде не сказано в отношении Кодора. Основные сведения об Абхазии и абхазах он, как видно, получал все же от Левана и его окружения.

Ламберти нигде прямо не указывает, что он был в Абхазии, но сведения о ней и ее жителях, рассыпаны во многих местах его книги: описание природных особенностей края, внешнего вида и быта абхазов, их занятий и, особенно, уникального, по его же словам, древнеабхазского обычая подвешивать покойников на деревьях с принесением в жертву их коней, о чем мы читаем в главе XXVII его книги³, а это заставляет думать, что автор, по-видимому, путешествовал и среди абхазов, но скорее всего в самой Самурзакани и в Абжуа, в тех местах, где они продолжали обитать. Он хранит полное молчание о каких-либо привлеченных информаторах или других источниках информации по абхазам, населявшим области, расположенные северо-западнее Мегрелии.

Ясно, что во время своих обследований Ламберти, как уже отмечено, не доходил даже до самого Кодора (не говоря уже о внутренних частях страны), ничего не сообщает он и о Сухуме. Лишь в одном только месте упоминает Драндский храм, но не описывает его. Хранит молчание о Лыхненском, Пицундском, Цандрипшском и других христианских храмах, которыми миссионер так живо интересовался. Не указывает он и ни на какие литературные или прочие источники по вопросам этнографии

---

¹ Там же. С. 193 – 195.

² Там же. С. 189 – 190.

³ Там же. «У абхазов есть удивительный обычай, являющийся их особенностью. Они не погребают и не сжигают тела своих покойников, но помещают их в выдолбленные деревянные колоды, служащие гробом и привязывают их с помощью виноградной лозы к верхушкам деревьев. Тут же помещают его оружие и одежду, а чтобы отправить вслед за хозяином его лошадь, гоняют ее вокруг дерева до тех пор, пока она не околеет». С. 193.

абхазского народа. Откуда же он тогда мог черпать свои конкретные и порой весьма редкие сведения не только о специфических условиях жизни и быта абхазов, но и об их внешнем виде и их красоте. Остается только предположить, что он и в данном случае опирался главным образом на свои собственные полевые наблюдения и материалы, которые мог собирать в основном на территории современного Гальского и лишь частично Очамчирского районов, где, наряду с мегрелами, продолжали жить и коренные абхазы – носители отмеченных самим Ламберти абхазских этнокультурных особенностей.

Арк. Ламберти, как видно, посещал Илорскую церковь св. Георгия, что вытекает из данного им подробного ее описания. Например, все иконы, указывает он, сделаны из серебра и золота «и украшены драгоценными камнями. Даже двери обшиты толстыми серебряными плитами... Этого святого боятся не только здешние жители, но и сами абхазы, очень искусные воры по природе, и турки (скорее всего здесь имеются в виду абхазы-мусульмане), которые совершенно лишены света христианской религии: все они поклоняются этой святыне и боятся ее»¹. Ниже, говоря о знаменитом илорском «празднике быка», он отмечает, что «не только одишцы, но даже и абхазцы и сваны в большом числе приходят на этот праздник»².

Но могли ли местные абхазы за кратчайший срок сделаться столь ревностными почитателями этой церкви, если бы никто из них и их предков никогда не проживал в непосредственной близости от нее. Есть даже основание предполагать, что она была возведена, как почти повсюду в Абхазии, на месте древнеабхазского языческого святилища Ельыр-ныха. Абхазы ее так и называют до сих пор Илорским святилищем, которое к тому же неразрывно связано, согласно преданиям и с некоторыми другими абхазскими коренными святилищами, как «брат с сестрой» (например, с Кьач-ныха в с. Джгерде, Дыдрыпшь-ныха в с. Ачандаре и др.).

Большое значение в исторической жизни Мегрелии Ламберти придает морю и горам, которые были ее «природной за-

---

¹ Там же. С. 153.

² Там же.

щитой от нападений врагов». По его описанию, на побережье была «масса лесов и болот». Только «в некоторых местах» со стороны моря не было «ни лесов, ни болот, и оттуда враг легко мог бы проникнуть вглубь страны», и поэтому «искусством и старанием владельцев» «здесь, для защиты этого прохода выстроили несколько деревянных крепостей, в которых стоит стража, вооруженная ружьями».

Такую же защиту они устроили и со стороны гор, так как там в одном месте, где есть проход и которое называется Олуше (Olusce), горы открыты, и враг легко может проникнуть через него и опустошить землю. Там, с весьма большими расходами тоже вывели стену, длиною в шестьдесят тысяч шагов и на известном расстоянии друг от друга соорудили башни, занимаемые значительной стражей стрелков. Чтобы в них не было недостатка, одишские епископы, князья и знатные вельможи разделили между собой очередь помесечно, так что каждый помесечно охраняет это место своими людьми»¹.

На карте, приложенной автором к своему «Описанию», Олуше локализовано где-то в верховьях р. Галидзга, а сама стена тянется по подгорью примерно от верховьев р. Дваб (правого притока р. Моква) до верховьев р. Окум, то есть западный конец ее прерывается на значительном расстоянии от Кодора, а восточный – от Ингура. Общая же протяженность по прямой достигает всего около 20 – 25 км. Что же касается неизвестного по другим источникам названия О-луш-е, то не является ли этот термин, с мегрельским оформлением локативным префиксом «О» слова Луше/Луша (ср. О-кум-и, о-цхен-е «место лошадей», «конюшня», О-хурей, О-диши и др.), редкого уже абхазского (бзыбского) фамильного имени Лушба (Лушэаа, Лышэба). Возможно, что фамилия эта представляет собой остаток некогда значительного родоплеменного объединения, проживавшего в предгорной части современных Очамчирского и Гальского районов. Интересно, что еще один не очень точно локализуемый топоним в верховьях Бзыби также связан с этой фамилией и в переводе означает «Ворота Лушба» (Лышэгэшэ). Однако, некоторые исследователи топоним Олуше связывают с

---

¹ Там же. С. 185, 186.

мегрельским словом «проход». Но зачем нужно было, в таком случае, возводить стену с башнями на протяжении 25 км для защиты только одного прохода?

Следовательно, если судить по указанной карте, дадиановская стена защищала Мегрелию от абхазов, живущих за Кодором, и от северокавказцев, вторгавшихся сюда главным образом по Клухорской дороге, а в основном только закрывала выход из ущелья р. Галидзга. Однако галидзгинское ущелье, из-за отсутствия в этом районе подходящих перевальных путей, подобных клухорскому, не представляло собой большой опасности. Может быть, строители оборонительной линии заботились о защите «предгорной дороги» (Ахэца) или о спасении равнинных жителей, которые, в случае вражеского вторжения со стороны моря, могли бы временно укрываться за стеной, питаясь дичью, водившейся в изобилии в этих ущельях, тем более, что башни стены обращены на юг. Но это всё же лишь одни из недостаточно убедительных вариантов объяснения довольно загадочной стены. Может быть, она служила защитой от проживавших за ней абхазов?

Не будем, однако, вдаваться в подробности сложной историографии и географии этого вопроса. Несомненно, на мой взгляд, только одно: нет ни логических, ни достаточных фактических данных для отождествления Дадиановской стены с Келасурской. Если это участок Великой Абхазской стены, то мегрельский князь, видимо, лишь частично восстановил относительно небольшой ее отрезок. Эти оборонительные линии совершенно разные сооружения, как по времени, так и по размерам, материалу, мощности и архитектуре. Келасурская, а вернее, Великая Абхазская стена, в основе своей – сооружение раннесредневекового времени и представляет собой не ламбертиевские «деревянные крепости», построенные «в одном месте», именуемом Олуше, а мощные и исключительно каменные сооружения длиной не в 60 тысяч шагов, а свыше ста километров, протянувшиеся по всему предгорью от устья р. Келасур до Ингура. К тому же, по Ламберти, Мегрелия в то время простиралась только до Кодора, а как же в таком случае тогдашние мегрельские правители (если даже допустить, что

они были в состоянии осилить такое гигантское строительство), могли возвести важнейшую часть этой стены – от устья Келасура до Кодора – на чужой земле, то есть на территории того княжества, с которым Дадиани находились в состоянии постоянной конфронтации, и откуда всегда ожидалось нападение. Короче говоря, кто возводит свои оборонительные сооружения, так сказать, во дворе неприятеля, и какой такой «добрый» сосед разрешит это сделать? Таких чудес история не знает¹.

Приведем здесь и несколько слов о социально-экономической жизни позднесредневековой Мегрелии и Абхазии по данным Арк. Ламберти. Он неоднократно подчеркивает необычайную подвижность мегрельского населения. Например, он утверждает: «Чтобы наслаждаться различными местностями, мингрельцы постоянно переходят с одного места на другое»², а вот и еще одна подобная цитата: «Мингрельцы...избегают постоянного места жительства... Они желают каждый день переменять место жительства»³ и, наконец, уверенно заявляет: «Вся жизнь мингрельца непрерывная кочевка»⁴.

Если даже в этих словах есть элемент преувеличения, то все же совсем не верить автору у нас нет оснований. Но, в чем же тогда причина склонности населения тогдашней Мегрелии к перемене мест? Вряд ли можно удовлетвориться объяснением, предлагаемым самим автором, – «чтобы наслаждаться различными местностями» и верить в то, что оно является серьезным, во всяком случае, достаточно убедительным, тем более, что «во всей стране непроходимые леса и болота»⁵. Бежали, однако, не только от болот и безземелья. Существовали, конечно, более глубокие социально-экономические и политические причины, вынуждавшие крестьян часто переходить с места на место и даже покидать родной край в поисках лучшей доли. Эти причины были связаны, в первую очередь, с феодальным

---

¹ См.: по этому вопросу статьи И. Адзинба, Т. Берадзе, Ю. Воронова, О. Бгажба, М. Гунба, Д. Бганба, Л. Соловьева и Л. Шервашидзе и др.

² Ламберти Арк. Указ. соч. С. 219.

³ Там же. С. 114.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же.

строим, с его жестокостью и беззаконием, постоянным унижением человеческого достоинства, спасаясь от которых многие убегали из Мегрелии, куда глаза глядят, особенно в Абхазию.

Бежали от крепостного гнета и своеволия князей и дворян, которые, по Ламберти, за воровство, а по его словам «воровали все», за святотатство и другие преступления подвергали правонарушителей различного рода беспощадным наказаниям – отрубали головы, ноги, руки, отрезали носы и уши, ослепляли с помощью огня, подвешивали одной рукой к дереву, изжаривали у костра, закапывали живых младенцев, продавали невольников и своих крепостных в рабство туркам, надевали на их шеи железные ошейники, заковывали в цепи, сажали в тюрьму вместе со злыми собаками и т.д. А владетель, по Ламберти, в эти истязания и «в убийства не вмешивался и говорил, что рабы – их [то есть князей и дворян] собственность, и они могут с ними поступать как хотят»¹.

Да и сам Леван, как уже говорилось, ложно обвинив свою жену в измене, изуродовав и избавившись от нее, женился на своей тетке, жене воспитавшего его родного дяди. По требованию последней, он будто бы лично убил двух своих малолетних сыновей от первой жены, чтобы им не досталась в будущем власть. По сведениям же, полученным от Авитабиле, он, как и другие, не верил в измену княгини и предполагал, что детей отравила сама новая жена.

Ламберти, наряду со многими кавказскими народами, характеризует и абхазов как дикий, немиролюбивый народ, занимающийся скотокрадством и другими формами присвоения чужой собственности и «не имеющий ни денег, ни товаров»². Но деньги, правда в очень ограниченном количестве, все же имели в то время и абхазы, и мегрелы и другие народы региона. Так, Ламберти сам констатировал, что «деньги употребляются лишь тогда, когда один товар другому по цене не равняется»³. Турецкие купцы, по его словам «привозят в большом количестве деньги и одежду, в которой нуждаются

---

¹ Там же. С. 83.

² Там же. С. 24, 182.

³ Там же. СМОМПК. Вып. 43. – С. 82, 185, 186.

местные народы, за что турки исключительно требуют невольников. Поэтому грузины, колхи и абхазы продают туркам похищенных людей». Работоторговля в те века была широко распространена и далеко не только у абхазов.

Он также сообщает, что «абхазские невольники высоко ценятся у турок: женщины из-за редкой красоты, а мальчики потому что, после обращения их в свою веру и обучения военному искусству выходят из этих невольников очень хорошие гражданские чиновники и офицеры». Отмечал он, что вообще абхазы «народ прекрасной крови, имеет красивые черты лица, белую кожу и благородное телосложение; они храбры, подвижны и ловки, во всех трудах выносливы и поворотливы»¹. Но где он мог видеть их в таком количестве, чтобы придти к такому заключению? Думаю, что и в тех местах, где он жил.

Автор в своем «Описании» немало внимания уделяет работоторговле, а ею в значительных масштабах занимались мегрелы, абхазы, грузины, черкесы, аланы (имеются в виду осетины), джики и другие, продававшие свой «товар» туркам². «Много раз, – пишет Ламберти, – я был очевидцем того, как муж продавал туркам свою жену только из-за того, что он заподозрил ее в колдовстве». Вспоминает он и такой факт: в 1633 году, во время нашествия персов, один карталинский дворянин продал в рабство какому-то турку свою мать за одну красивую лошадь³. У него же в другом месте читаем, что «один из первейших вельмож одишских»... заманил 12 священников в церковь, велел затворить двери, заковал несчастных священнослужителей в цепи, остриг и отправил всех прямо на корабль к туркам в рабство, обменяв их на разные товары⁴.

Можно ли, имея перед собой такую картину, всерьез говорить о каких-то особых преимуществах в отношении религиозного, социально-экономического и культурного развития одного из рассматриваемых народов перед другими. «Все воровали» – не ближе ли к истине эти слова Ламберти, чем ут-

---

¹ Там же. С. 82, 199, 198.

² Там же. С. 180 – 181.

³ Там же. С. 179.

⁴ Там же.

верждения иных современных авторов, которые, не считаясь с историческими условиями места и времени, чернят чужое прошлое, чтобы приукрасить свое.

И является ли вместе с тем объективной известная ламбертиевская характеристика: «В городах и крепостях абхазцы не живут, но обыкновенно собираются десять или двадцать семейств одной фамилии, выбирают какое-нибудь возвышенное место, строят здесь из соломы [вероятно в подлиннике говорится о плетях] несколько шалашей и обводят все крепким забором и глубоким рвом»¹. О том же писал несколько позднее и О. Даппер. Если даже это стопроцентная правда, но учитывая постоянные нападения и кражу людей для продажи в рабство, – является ли это показателем такой уж дремучей отсталости народа для той эпохи, как это стараются представить иные любители цитирования итальянского миссионера?

Считаю нужным дать для сравнения описание бедного мегрельского жилища, приведенное Мари Броссе, и сведения Ламберти о том, что и мегрелы не жили в городах, и, что вся жизнь мегрельца бесконечная кочевка. При этом Ламберти приводит такое описание жизни мегрельского населения того времени: «Знатным вельможам крепостные каждый день носят все необходимые съестные припасы. Что касается среднего сословия или низшего, то среди них нет таких, которые бы ремеслом приобретали необходимое для жизни. Они устраиваются так, что все необходимое имеется дома... Все имеют без покупки то, что им нужно... Часто годы проходят так, что мингрел ни для себя, ни для своего семейства ничего не истратит и содержит себя тем, что получает из своего хозяйства»².

Здесь мы видим яркое описание натурального хозяйства Мегрелии. О каком социально-экономическом развитии могла идти речь в то время и в Абхазии, когда вся жизнь абхаза была подчинена постоянной боевой готовности. По свидетельству Арк. Ламберти, «абхазы в ожидании нападения обыкновенно спят одетые в броню с пикой в руках, щит кладут под голову, а оседланную лошадь привязывают у своего ложа».

---

¹ Там же. С. 189.

² Там же. С. 184 – 186.

Их молодежь «никогда не сидит без дела, а проводит время, то обучаясь владению пикой, то подбрасывая в воздух тяжелые вещи с целью накопления сил, то, перескакивая через канавы, чтобы приучить себя к ловкости»¹. Весь быт абхаза того беспокойного времени был заполнен заботой об отражении внезапного нападения, которое можно было ожидать в любое время дня и ночи.

11. Джузеппе Джудиче Меланезе. Помимо книги Ламберти, сохранились записи и итальянцев-миссионеров, одновременно с ним находившихся в Мегрелии – Джузеппе Джудиче Меланезе (Миланского), художника и врача Христофора Кастелли и других членов миссии. Прибыв на Черноморское побережье (возможно на Скурчу) 19 ноября 1633 года и посетив Илорскую церковь, они отправились оттуда к мегрельскому князю Левану Дадиани. Он предоставил в их распоряжение несколько человек обслуги, в том числе двух абхазок, жилье и церковь, где Джузеппе Миланский проработал десять лет. После этого он был послан князем в Рим для вербовки новых миссионеров, однако, возвращаясь обратно в Колхиду, Джузеппе по приказу турецкого султана был арестован и заточен в константинопольскую тюрьму, где и умер в 1646 году.

Его статьи (письма) о Мегрелии (Колхиде), изданные на грузинском языке отдельной книгой с приложением части рисунков Христофора Кастелли, содержат также некоторые сведения и об Абхазии, и об абхазах. Например, рисунок ярмарки у Илорской церкви (находилась в то время в ведении Бедийского епископа), во время ежегодного празднования дня св. Георгия, когда в храме оказывался священный бык. На эту ярмарку, приуроченную ко дню 21 ноября, собиралось, если верить автору, до 20 тысяч человек. В основном, по его словам, это были мегрелы и абхазы.

Джузеппе характеризует абхазов как храбрый народ, живущий к западу от Мегрелии и занимающийся грабежами и продажей людей туркам.

Он тоже касается семейной трагедии Танурии/Дарундии (Танурии по русскому источнику и Дарджа по-абхазски), доче-

---

¹ Там же. С. 199, 198.

ри абхазского владетеля Шервашидзе Сетемана (Абедзана по П. Авитабиле). Не веря наветам князя, и он был уверен в том, что детей Левана отравила вторая его жена¹.

12. Христофоро Каstellи. Коллекция рисунков Каstellи в 4-х томах хранится в Коммунальной библиотеке города Палермо. Существует ли полное издание его работ – мне неизвестно. М. Тамаратти (Тамарашвили) в свое время сфотографировал 137 рисунков, негативы которых и альбом с их отпечатками хранятся в Музее искусств Грузии. А А. Аллен в своей книге издал ряд рисунков², не сфотографированных М.Тамаратти.

Материалы Каstellи действительно имеют неоценимое значение. В его коллекции портретов и зарисовок, с надписями и приписками к ним, имеется целый ряд рисунков, посвященных абхазам и Абхазии. Среди них известные абхазские храмы Пицундский и Илорский, как ни странно, с выступающей апсидой (или апсидами?) и куполом, бытовые сцены (ярмарка в Илори), батальные сцены, абхазский полководец – видимо князь в полном вооружении на коне, абхазский дворянин, вооруженный луком и стрелами, портрет, отличавшейся в свое время красотой, изуродованной Дарундии (Танурии), дочери абхазского владетеля, ее отца князя Сетемана, главного абхазского владетеля Беслаквы (Антония) Шервашидзе с указанием о том, что последний встречал в кавказских горах иерусалимского архимандрита Никифора, Николо Ирбаха (грузина Николоза Ирубакидзе Чолокашвили, бывшего до того послом грузинского царя Теймураза у папы римского) и рисунок, где в предгорьях, недалеко от моря абхазский князь со всей своей семьей, принимает от Ирбаха благословение.

Среди иллюстраций мы находим составленную художником карту Мегрелии в пределах между реками Кодор и Фазис (Рион), на которой дается такая же локализация упомянутой выше стены, как и на его же карте в книге Ламберти (это одна и та же карта, но с разным оформлением ее окантовки с рисунками).

---

¹ Джузеппе Джудиче из Милана. Письма о Грузии. XVII век / Перевел с итальянского на груз. яз., предисловием и примечаниями снабдил **Бежан Гиорградзе**. – Тбилиси. 1964. С. 80 – 83, 96, 97.

² **Allen A.** History of Georgia. – London. 1932.

От него мы узнаем, что главный владетель Беслаква (Безалус) Чарасина (Чарасия, Чачба) живет в Пицунде, что именно он передал католикам малую церковь, стоящую позади престольного храма. Сообщает он и о том, что этот «дон Беслакус» имел братьев Соломона и Сетемана, что начальником Анакопийской крепости и пристани был Даут Чичадзе, которого крестил сам Каstellи, что в их миссии прислуживала абхазка Орада (абх. Рада). Упоминает он и другую прислужницу, тоже абхазку по имени Гиметия¹. Как видно, обе они происходили из абхазского населения того же района.

13. Эвлия Челеби. Известный турецкий географ и путешественник XVII века Эвлия Челеби – автор десяти томных путевых записок под названием «Книга путешествия» – дважды побывал в Закавказье: в 1640 – 1641 и 1646 – 1648 годах. Он объездил с востока на запад всю Грузию (Борджистан), Лазистан и Мегрелию (Мингрелистан). Описание «прекрасной страны Абаза» (иногда он ее называет «Абазастаном»)² относится ко времени его первого путешествия (1640 – 1641 гг.)³.

Конечно, Челеби – выразитель идей своей эпохи, сын своей социальной среды, апологет ислама, идеолог суннизма, сторонник агрессивной политики Османского государства, принимавший и сам активное участие в некоторых военно-дипломатических⁴ акциях султанского правительства. В силу этого, книга Челеби, как всякий исторический источник, не свободна

---

¹ **Каstellи Христофор.** Альбом зарисовок и реляции /Перевод с итальянского на груз. яз. и комментарии **Б. Гиоргадзе.** – Тбилиси. 1977. С. 15, 17; **Чачхалия Д.** Абхазия в зарисовках Каstellи//Ж-л «Апсны Аказара», 1991, № 5. С. 3 – 5.

² **Челеби Эвлия.** Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана /Перевод и примечания по существу излагаемых Эвлией Челеби событий и фактов глав II, III, VIII и X осуществил **Г.В. Путуридзе.** Выпуск 3. – М., 1983. С. 4, 32, 47.

³ В 1666 году он путешествовал и по закубанской части Северо-Западного Кавказа вплоть до Зеленчуков, а затем и далее до Дербента.

⁴ **Алиев Ф.М., Желтяков А.Д., Зулаяна М.К., Путуридзе Г.В.** «Книга путешествия» как источник по истории Закавказья, сопредельных областей Малой Азии и Ирана в середине XVII в. Предисловие к соч. Э. Челеби - «Книга путешествия». Вып. 3. - М., 1983.

от недостатков, упущений, субъективизма, ошибок (в частности, в отношении точной локализации границ отдельных родоплеменных групп и вообще пространственной ориентации автора) и требует к себе критического отношения. Тем не менее, в целом его книга, безусловно, «является важным историко-культурным документом, который вносит много нового в освещение прошлого народов нашей страны, а также народов Турции и Ирана»¹. Значение ее тем более велико, что источников подобного рода, особенно по истории и этнографии Абхазии, очень мало. Эвлия Челеби считал, в частности, что только морское побережье Абхазии было покорено Турцией, в горные же области османское влияние не проникало, и жители их, называемые «непокорным и мятежным народом», налогов не платили.

Автор, как правило, всегда отмечает этнический состав населения, довольно подробно описывает города и укрепления, торговые и другие хозяйственные занятия людей. Указывает, например, что в Абхазии все разводят коз, овец и свиней («имеют очень много свиней», – пишет он об общине Арт)², сеют пшеницу и гоми, получая большие урожаи.

Осмотрев 70 мегрельских селений, путешественник со своими спутниками вернулся в крепость Гонию на р. Чорохи³, где ему «было велено... идти в поход на Азов» во главе трехсот вооруженных ружьями янычар с пятью невольниками-грузинами на десяти лазских судах⁴. Так, в 1641 году начался неудачный поход турок на крепость Азов, в 1637 году занятую казаками. Отряд плыл вдоль морского берега, от причала к причалу. За сутки, пройдя пять причалов – Сукара, Хандыр, Сиври, Явесе и Рабче, – они достигли реки Фаша (Фазис, Риони). «Все эти пять гаваней, – пишет, как ни странно, автор, – находятся в пределах Мегрелистана»⁵.

Далее идет описание реки Риони. По его словам, она широка, как Дунай – от полумили до мили, а глубина ее около

---

¹ Там же. С. 24.

² Эвлия Челеби. Указ. соч. С. 50.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 47.

восьми-десяти кулачей¹. Суда проходят по ней вверх около ста миль. От Стамбула до ее устья тысяча триста миль. «В нее входят корабли, идущие в Мегрелистан и в страну Абаза» (?).

Вот что он пишет о границе между мегрелами и абхазами: «На Восточном ее [Риони] берегу расположены сплошь мятежные деревни мегрелов. Западный берег является страной племени абаза – Чач². Так как оба берега покрыты зарослями колючих кустарников и дремучими лесами, абаза похищают мегрелов, мегрелы – абаза и продают купцам».

Приступая к описанию племен Абаза, он вновь подчеркивает, что началом их является берег реки Фаша, а конечный предел – гавань Анапы³. Вместе с тем он же пишет, что, миновав р. Фаша, они «направились к западу, весь день плыли вдоль [*абазского берега по подлиннику*] берега Черного моря и достигли страны Абаза»⁴, которая по его словам «расположена целиком на северном (?) берегу Черного моря» (Выделено мной – Ш. И.)⁵.

Таким образом, у Челеби имеется определенное противоречие с самим собой по вопросу о том, где в его время фактически проходила этническая граница между мегрелами и абхазами. Он пишет, с одной стороны, что в р. Фаша «входят корабли, идущие в Мегрелистан и в страну Абаза», что на восточном ее берегу расположены сплошь мегрельские деревни, на западном – живут абаза племени Чач, а с другой стороны, наоборот, указывает, что от устья Фаша целый день плыли по абазскому берегу, чтобы достигнуть страны Абаза, которую, к тому же, он помещает не на восточном, а «целиком» на северном берегу Черного моря.

Чем объяснить такие противоречия? Может быть, действительно челебиевская Фаша – это не Риони, а какая-то другая

¹ Кулач – мера длины (около 1,95 м).

² Народ или общество Челеби обычно называет племенем и по имени господствующей фамилии, например: племя Чач по имени Чачба (Шервашидзе), Чанда/Цанда по Цандба, Кечи от князей Гечь/Кячь, Арт по Арыдба в Абхазии, а в Лазистане Чхетия и Чичуа и т.д.

³ **Эвлия Челеби.** Указ. соч. С. 47, 48.

⁴ **Там же.** С. 46.

⁵ **Там же.** С. 47.

река, например, Кодор, как предлагает Г.В. Путуридзе, переводчик и комментатор труда турецкого путешественника?

Исходя из описания Челеби, трудно и даже невозможно сомневаться в том, что Фа́ша – это река Риони. Вся совокупность особенностей Фа́ша, отраженная в характеристике Челеби, – начиная от названия (Фа́ша–Фаза) и кончая размерами – в том, что ни одна другая река, кроме Риони, не может подразумеваться под челебиевской Фа́шой, делает его сообщение вполне достоверным. Его сведение о том, что Фа́ша «течет к югу», в общем и целом соответствует действительности, потому что только в нижнем течении она протекает с востока на запад.

В том же общем контексте следует, очевидно, понимать и то место источника, где говорится о восточном (мегрельском) и западном (абхазском) берегах Фаши. Иными словами, если следовать самому Челеби, не требуя от него точных современных географических представлений, то нет большого отступления от истины, когда он говорит, что Фа́ша течет на юг. Не учитывая особенностей челебиевских познаний, некоторые его нынешние комментаторы ссылаются на то, что у Риони в нижнем течении «нет восточного и западного берегов, есть северный и южный», что автор «мог ошибиться» и что «не исключено, что р. Фа́ша – это Кодори»⁶. Следует иметь в виду и то, что со времен Челеби, а с тех пор прошло ровно 350 лет, река могла в значительной степени изменить направление течения, особенно в нижней, равнинной своей части.

Конечно, от ошибок никто не застрахован, но в самом главном Челеби неуязвим – в том, что река, о которой идет речь, называется Фа́шой, а это – разновидность названия «Фазис», как именовалась в древности р. Риони. Челеби лично был на Фа́ше, обошел ее берега, частично плыл по ней и даже пил ее «сладкую воду». Поэтому он не мог ошибиться, говоря, например, что «от Стамбула до этого места тысяча триста миль», что Фа́ша «широка, как река Дунай» – местами вплоть «до одной мили» и судоходна на 100 миль вверх⁷, чего при всем желании не скажешь о Кодоре.

---

⁶ Там же. С. 301. Примечание 7.

⁷ Там же. С. 47.

Гораздо труднее ответить на другой вопрос – насколько соответствует действительности этническая граница между абхазами и мегрелами по р. Фаше (Риони), на что несколько раз и без колебаний указывает Челеби в своем труде? В Абхазии он побывал, правда, только однажды, останавливаясь на прибрежных стоянках во время Азовского похода, но в жилах его, как сына абхазки, текла абхазская кровь.

Он знал предание об арабском происхождении абхазов и лазов, а Мегрелию Челеби посетил даже два раза, объездив не только побережье, но и осмотрев еще 70 деревень в глубине этой страны, как ни странно, расположенной, по его словам, к югу от реки Фаша, т.е. Риони. Следовательно, он хорошо знал обе страны, и у нас нет оснований для сомнения в том, что автор неплохо разобрался в этнической и политической ситуации всего этого края.

Тем более, что он сообщает любопытные сведения о захвате пленных друг у друга, используя при похищении дремучие леса и кустарники, росшие на обоих берегах тогдашнего Риони. При всем том требуется специальный анализ сведений Эвлия Челеби с точки зрения их достоверности, сопоставление их с указаниями других источников об этнической границе между Абхазией и Мегрелией около середины XVII века. Можно, конечно, спорить о достоверности свидетельств Челеби, тем более, что сообщения самого автора не лишены противоречий, указанных выше.

В этом отношении большой интерес представляют исследования широко известного лингвиста В.А. Никонова. Его статья «География фамилий – источник этнической истории грузин» и глава книги «География фамилий» посвящены в основном географическому распределению фамилий по окончаниям и их процентности. Рассматриваются фактически абхазские по происхождению, судя по блестящей статье К.В. Ломтатидзе 1943 года¹, окончания мегрельских фамилий -уа, -ава и -аа и их частотность в Мегрелии.

---

¹ **Ломтатидзе К.В.** Абхазское слово ауауы – человек» //«Моамбе» Т. 14. № 7. 1943 (на груз. яз. с русск. резюме).

Для нашей темы наиболее интересны данные, о чем автор, к сожалению, умалчивает, но ясно вытекающие из его вычисления частот. Как видно, нарастание процентности этих окончаний наблюдается с юго-востока на северо-запад и особенно от р. Риони в сторону Абхазии. Сухая статистика, как видно, содержит ответ на «непонятные» или «неожиданные» свидетельства авторов, отмечавших присутствие абхазского этнического элемента в прибрежной полосе, начиная от р. Риони/Фазиса до р. Ингури.

Вместе с тем обращает на себя внимание, во-первых, то, что в сочинении Эвлия Челеби не содержится, как и у Арк. Ламберти, Жана Шардена и других авторов (см. ниже), ровным счетом никаких указаний о переселении абхазов, откуда бы то ни было. Исключается, чтобы он не обмолвился бы ни единым словом о таком событии, как переселение из-за гор описываемого им народа, если бы таковое действительно имело место, тем более в XVII в., что называется, непосредственно у него на глазах.

«Книга путешествия» Эвлия Челеби, лично побывавшего в ряде пунктов абхазского побережья и давшего конкретное описание двадцати пяти «племен» народа абазы, в том числе названия десяти горских обществ (хотя «в горы он не ходил»), неоспоримо свидетельствует о том, что вся территория «страны Абаза» – от «Мегрелистана» и абазского горного общества пушерхи (вблизи мегрелов) до «Черкестана» – сплошь была населена многоплеменными абазами, то есть собственно абхазами, джигетами (садзами), абазинами, а вероятно, и убыхами, при отсутствии среди них сколько-нибудь заметных иноэтнических элементов, начиная от «племени Чач» на границе с Мегрелией (которые, кстати, «говорят также и по-мегрельски»)¹ и кончая племенем Кутаси, недалеко от Анапы, помимо абхазского «знающим и черкесский язык»².

И все-таки, как отмечалось выше, вызывает большое недоумение противоречивое сообщение Челеби о границе между абхазами и мегрелами. В его описании содержатся четкие указания о том, что такой границей, по крайней мере, по по-

---

¹ Там же. С. 49.

² Там же. С. 53.

бережью, является р. Риони. Челеби фактически утверждает о частичном абхазо-мегрельском двуязычии приморского племени Чач. По его словам, на восточной стороне Риони лежат уже полностью мегрельские деревни, на западной – абхазские.

Переpravившись через р. Фаша (Риони), путешественники держали путь к западу и шли, целый день по абхазскому берегу – от Фазиса до замка Анапского¹.

Это сообщение, хотя оно и противоречит одновременным описаниям Арк. Ламберти и других авторов о распространении мегрельского элемента на запад до р. Кодор, мне кажется, сбрасывать со счетов, как пустую случайность, или выдумку самого автора, который, казалось бы, не должен был допускать такую грубую ошибку. Здесь есть, над чем задуматься², ведь и Интериано 100 лет назад, и другие авторы писали о том же.

По-видимому, Челеби отразил то положение, при котором какая-то (возможно, господствующая) часть населения узкой прибрежной полосы была уже двуязычной, но сохраняла сознание своей этнической принадлежности к абхазам. Этническое название «Чач», бесспорно, связано с Чачба – древней абхазской формой фамильного имени владельцев Абхазии, несомненно, распространявших временами свое влияние и далеко за пределы своего княжества.

Хотя у Челеби действительно встречаются отдельные противоречивые утверждения, однако, только одно из них существенно, если не принимать во внимание политические границы. Несоответствие это проявляется в следующем: Эвлия пишет, что путешественники весь день плыли по абхазскому

---

¹ **Челеби Эвлия.** Путешествие турецкого туриста по восточному берегу Черного моря. // ЗООИД. Т. 13. – Одесса. 1875. С. 168 – 169 (Сведения специально дается не по переводу **Г.В. Путуридзе**, у которого слова «по абхазскому берегу» неспроста заменены словами «вдоль берега Черного моря». С. 47).

² Следует, думаю, учитывать и другие места его повествования как, например, «Началом... страны Абаза является река Фаша», а левая сторона Фазиса, то есть «вся противоположная сторона реки Фаши является Мегрелистаном» (**Эвлия Челеби.** Указ. соч. С. 47, 49).

берегу от Фаша до страны Абаза¹. Он сам, как видно, не сомневался в предлагаемой им локализации «Абхазистана» в целом – от Фаша до Анапы и, что «Началом... страны Абаза является река Фаша, а конечный предел – гавань Анапы». Причем исключается смешивание различных этнических групп – автор, как правило, безошибочно отличает мегрелов от абхазов, а этих последних – от черкесов и т. д.

Одним словом, несмотря на, как будто, ошибочность неоднократного и однозначного утверждения Челеби об абхазо-мегрельской этнической границе по Риони к середине XVII века, как-то трудно поддается пониманию – почему хорошо осведомленный автор, лично наблюдавший обстановку на месте, именно таким образом настойчиво и определенно локализует эту границу, что, кстати, повторяется и некоторыми другими авторами? Вероятно, на самом деле в то время вдоль побережья еще продолжали жить древние насельники этих мест – абхазы, подвергаясь постепенной мегрелизации. Таким образом, создается впечатление, что Челеби зафиксировал сложное положение побережья, начиная с р. Риони – с одной стороны это этническая граница, а с другой – политическая.

Во второй «Книге путешествий» Эвлия Челеби, обобщая свои впечатления о поездке по абхазскому побережью, вновь пишет, что «страна абхазов пролегает от Фазиса (Риони) вдоль по морскому берегу, на протяжении сорока дней в длину, при ширине от пяти дней до одного».

Все абхазское население подразделяется им на две большие группы – приморских и горных жителей. К приморским жите-

---

¹ Может быть, челебиевские слова «весь день плыли... и достигли страны Абаза», следует понимать в том смысле, что путешественники, миновав Риони, за день доплыли до политической границы чачбовых владений, где отмечены следующие пристани: у чачбовцев – Лакба, Арлан – Лачига, у племени цанда – Гагра, у больших цандов – гавань Цанда, у племени гечь – гавань и большая река Липо, в которую заходят корабли, Ливш, у племени арт пристань Араклар, гавань у хамышевцев и пристань у сочинцев. Далее указаны: гавань у племени джамба, гавань у племени бузудук, пристань-крепость Усувиш у племени усuviш, затем пристань Ашга у ашагылы, прекрасная гавань и пристань Харуна у племени соукусы и пристань последнего по Челеби абазского племени кутаси.

лям он относит: Чач, Арлан, Чанда, Большие Чанда, Кечи, Арт, Садз, Камыш, Соча, Джамба, Бузудук, Усувиш, Ашагылы, Соуксу и Кутаси, а к «горным» относит: Пушерхи, Ах-чепси, Беслеб, Меклис, Вайпига, Багрис, Алакурейш, Чимакуре, Маджар, Яйхарш. Эти «племена, – пишет автор, – никогда не смешиваются с прибрежными абхазами, из которых, по Челеби, «самые лучшие и храбрые суть Садзы» – общество на северо-западе страны, жители которого одинаково «хорошо говорят как абхазским, так и черкесским языками».

Итак, по Эвл. Челеби, на Черноморском побережье в середине XVII века насчитывалось 25 приморских и горских «племен», главным из которых, как видно, являлось абхазское племя Чач, основная часть которого обитала вдоль берега моря. У них было сильное войско и целый ряд гаваней. Главная из них большая пристань Лакба, в имени которой угадывается старинное общенациональное название столицы Абхазии – Аква (Ақәа), (Л-акба/Л-аква).

«Непокорный и мятежный это народ *числом многие сотни тысяч*», – пишет Челеби, имея в виду все племена Абаза. (Выделено мной, – Ш.И.). Все они разводили коз, овец и свиней, сеяли пшеницу и гоми, вместе с мегрелами занимались захватом пленных друг у друга. И все это, – подчеркнем еще раз, – при абсолютном отсутствии указаний о каких-либо реальных или хотя бы мифических переселениях.

Вместе с тем вызывает недоумение, что один из переводчиков и комментаторов Челеби Г.В. Путуридзе почему-то в предисловии счел нужным дать следующее разъяснение по поводу этнической ситуации в области от Трапезунта до Анапы. Этот автор пишет, что во время первой поездки (1640 – 1641) Э. Челеби «описал области, которые в I тысячелетии н.э. были колыбелью западногрузинских раннефеодальных Лазского и Абхазского царств, и в которых грузинские народности оставались коренным населением и во времена Эвлия Челеби»¹. Ясно, что подобные заявления комментариев, не требуют.

---

¹ **Эвлия Челеби.** Указ. соч. Предисловие. С. 6. Примечание 155.

Вторая половина XVII века
Иосиф Цампи. Жан Шарден. Ольферт Даппер.
Николай Витсен. Энгельберт Кемпфер.

Важное значение для изучения истории народов Закавказья, особенно Мегрелии, а отчасти и Абхазии, имеют материалы Иосифа Цампи и француза Жана Шардена.

14. Иосиф Цампи. Итальянский монах Иосиф Цампи провел в Мегрелии миссионером 23 года (как видно, всю третью четверть века). Благодаря знанию местных языков, он имел возможность собрать важные сведения не только о состоянии христианской религии у мегрелов, но помимо того, ему стали «отлично известны и местные обряды и верования». Он написал довольно большую работу, почти в 60 страниц рукописного текста, состоявшую из 24 глав. Однако рукопись эта не была опубликована под его именем, так как он подарил ее коммерсанту Жану Шардену во время пребывания последнего у него в гостях в Мегрелии, о чем пишет и сам Шарден.

15. Жан Шарден. Известный французский путешественник, коммерсант Жан Шарден в 1672 году посетил черноморские берега и остановился в Мегрелии в гостях у Иосифа Цампи. В результате этого путешествия мы имеем его превосходную книгу¹. Однако не вся она, как мы уже знаем, принадлежит ему. По его словам, он включил в нее «в дословном переводе» всю неопубликованную рукопись Иосифа Цампи².

Путешествие Шардена в целом длилось два года (1672–1673), а из них в Мегрелии он провел около трех или даже пяти месяцев³. Само путешествие проходило по маршруту: Париж – Константинополь – Каффа (Крым) – Дузда (Солеварни) – близлежащее татарское селение со «множеством круглых и квадратных палаток» – снова Каффа – Меотийский пролив (Меотийские болота) – мыс Куодос (Корокондама) – затем путь

---

¹ **Шарден Ж.** Путешествие Шардена по Закавказью в 1672 – 1673 гг. – Тифлис. 1902.

² **Там же.** С. 39.

³ **Там же.** С. 156, 159.

шел вдоль черкесских¹ и абхазских берегов вплоть до Изгаура, названного им Мегрельским рейдом (как видно, именно его обозначил д'Асколи старым названием – Аббаза). Туда Шарден прибыл 10 сентября 1672 года. «Это, – писал он, – пустынная местность, где нет ни одного дома»². Таким образом, как мы видим, Шарден только проплывал мимо черкесских и абхазских гаваней и стоянок, ни разу, как видно, не сходя на берег. Вот почему, не располагая достоверными сведениями, он не стал, как пишет, «обозначать большое число мест» на составленной им карте Черноморского бассейна.

Автор описания, несомненно, был эрудированным и наблюдательным человеком (недаром он вез с собой «книги, бумаги и математические инструменты»)³, но в ряде случаев, в частности, когда речь идет об абхазо-черкесских этнографических группах, ему явно недостает не только полноты и точности информации, но и объективности. Например, он пишет, имея в виду черкесов, что «эти народы совсем дики»⁴, но вряд ли можно судить о степени цивилизованности народа, не имея с ним почти никакого соприкосновения. Тем не менее, несмотря на недостатки и ограниченность конкретных материалов по абхазам, его сведения, несомненно, представляют собой важный источник по истории и этнографии Абхазии второй половины XVII века, тем более, что он, по его словам, «избегал всего сомнительного, о чем не был бы хорошо осведомлен»⁵.

«Абхазы, – пишет Шарден, – граничат с черкесами. Они занимают сто миль по морскому берегу, между Черкесией и Мегрелией. Они не так дики, как черкесы, но имеют ту же склонность к кражам и разбойничеству. С ними ведут торговлю с теми же предосторожностями, о которых я упоминал. Они имеют потребность в тех же предметах, что и соседи их, и, как и те, обменивают их на невольников обоюбого пола, меха, ланьи,

---

¹ В том числе несколько гаваней, куда стекались к прибытию судов «полуголые и жадные варвары», причем «торговлю с черкесами вели с оружием в руках» и с «заложниками». (Там же. С. 19).

² Шарден Ж. Указ. соч. С. 20 – 21.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Там же. С. 21.

тигровые (на самом деле леопардовые¹) шкуры, льняную пряжу, самшит, воск и мед. Прокопий, в своей истории войны с персами, называет этот народ абазгами»².

Как мы видим, Шарден характеризует абхазов как жителей абхазского побережья, генетически связанных с абазгами византийского автора VI в. Прокопия Кесарийского.

Важно то, что он, как и его ближайший предшественник Ламберти, не только хранит полное молчание на всем протяжении своего повествования о каком-либо переселении и вселении абхазов на занимаемое ими побережье, но, напротив, отмечает их бесменное непрерывное проживание на этих местах в течение веков и даже тысячелетия.

Их страна, пишет он, занимала в XVII в. территорию, протянувшуюся по морскому берегу на сто миль (а это около 160 – 190 км), находясь между черкесами на северо-западе и мегрелами на юго-востоке, то есть, примерно от какого-то пункта современного Большого Сочи и до Кодора (или Ингура).

Сведения Шардена о границе, которая отделяла в его время Абхазию от Мегрелии, можно сказать, в точности совпадают со свидетельством Ламберти. Относительно географического положения Мегрелии, он пишет: «Коракс (Corax) и Фазис (Phasis) – реки, прославленные древними историками, называемые теперь Кодур и Рион, составляют ее границы. Первая отделяет ее от Абхазии, вторая – от Имеретии»³.

По Шардену, от моря к горам граница простиралась на 110 миль, а от Абхазии к Имеретинскому царству – на 60. О составе населения к востоку от Кодора автор конкретно ничего не сообщает, хотя и указывает, что проехал Мингрелию «из конца в конец»⁴ (но какую ее часть?) (См. ниже). А что касается Изгаура – гавани у левого приустья р. Кодор, то, как сказано выше, в шарденовские времена это была пустынная безлюд-

---

¹ В одном фрагменте старинной абхазской колыбельной песни поется: «У тебя шапка обшита золотом, твоя шуба из шкуры леопарда» (Иоакимов А. Абхазцы // Газ. «Кавказ», 1874, № 47).

² Шарден Ж. Указ. соч. С. 20.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же.

ная местность без «единого дома», если не считать «шалашей из ветвей», которые ставились там только на случай прибытия купеческих кораблей с разными товарами¹.

Совпадают шарденовские сведения о западной границе Мегрелии со сведениями его современника, упомянутого выше монаха И. Цампи, рукопись которого французский путешественник включил в свою книгу. Так, и Цампи, сообщая, что в то время имеретинский католикос, управляющий Мингрелией, Гурией, Абхазией и Сванетией, пишет: «Его метрополия находится в Пичиоте², близ границы Абхазии и называется храмом Святого Андрея или Пресвятой девы Марии»³. Свое определение северо-западной границы – «находится в Пицунде, близ границы Абхазии» – автор дополняет в следующей главе, где говорит о Дранде («дандрелисском епископе»), как местности, находящейся тоже «у границы абхазов»⁴. В главе «О мингрельских (?) церквах» сказано, что из них «самая красивая церковь – Мокаурийская», вероятно Моквская⁵.

По Цампи, «абхазы населяют часть Колхиды», а «общим названием колхов обозначается несколько племен, почти не имеющих отличия одно от другого в отношении священных обрядов, а именно: абхазы, черкесы, аланы, сваны и другие... которые, в сущности, составляют одну народность»⁶.

Очень мало, к сожалению, рассказывает Шарден о крепостной стене. Колхида, читаем мы у него, «была некогда защищена от абхазов с северной стороны стеною в шестьдесят миль длины, которая давно уже разрушилась; леса ее служат ей теперь защитой и главнейшей охраной», ибо страна «почти вся покрыта лесом»⁷. Слова «некогда» и «давно уже разрушилась», а также полное молчание автора о строительстве стены кем-либо из местных князей заставляет думать, что Шарден имел в виду именно древнюю каменную линию обороны под на-

---

¹ Там же.

² Так итальянский монах называет Пицунду.

³ Шарден Ж. Указ. соч. С. 45.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Там же. С. 53.

⁶ Там же. С. 41.

⁷ Там же. С. 21, 22.

званием Келасурской стены. По-видимому, это больше соответствует действительности, хотя он и говорит о длине стены в 60 тысяч шагов. В других же местах своей книги он не упускает случая отметить связь местных правителей с теми или иными фортификационными сооружениями на территории их страны. Вот, например, что он пишет: «В Мингрелии нет ни городов, ни посадов, и всего лишь два селения на берегу моря; дома разбросаны по всей стране... Есть там девять или десять замков, из коих главный, называемый Рукс¹, служит местопребыванием князя мингрельского. Замок окружен каменной стеной, но так плохо построенной и такой тонкой, что ее пробили бы самые малые полевые орудия»².

Каким представляется, по данным Шардена и его современников, этнический состав населения междуречья Кодор-Ингури? Как мы уже знаем, Шарден пишет о Кодоре, как о пограничной реке между Абхазией и Мегрелией. Но дальнейшее изложение, во всяком случае, некоторые места его описания, создают впечатление, что речь идет об этой реке не как об этническом рубеже, а как о политической границе между двумя княжествами, что собственно Мегрелия начиналась на Ингуре («Лангур, по его терминологии) и простиралась далее на восток и что, наконец, абхазы, о которых он упоминает многократно, являлись не только закодорскими жителями, но и составляли, если не все население, то коренную часть народа междуречья Кодор-Ингури, хотя у самого побережья местные люди почти не селились из-за его заболоченности, а также опасаясь нападений с моря.

Об этом свидетельствует и удручающая обстановка, которую Шарден наблюдал в Исфаурской гавани, где в день прибытия он видел семь купеческих кораблей, но не заметил ни одного дома на берегу. По его описанию, Исфаур представлял собой отлогий морской берег, сплошь покрытый лесами³. Там

---

¹ Рукс – это Рухи, но, согласно сочинениям XV в., Мегрелия тогда, как ни странно, представляла собой почему-то «небольшую страну со столицей Батум». Независимо от него об этом писал и Иоанн Шильтбергер.

² **Ж. Шарден.** Указ. соч. С.26.

³ **Там же.** С. 102.

находилась площадь в 250 на 50 шагов с улицей и 20-ю маленькими плетеными хижинами для купцов по обеим сторонам дороги. Ничего другого на этом «главном рынке Мингрелии» не было. Не было там и «ни одного крестьянского дома»¹, и никого кроме большого количества скованных и привязанных друг к другу рабов разного возраста и пола «и с дюжину голых крикунов с луками и стрелами, нагоняющими страх»².

Шарден пишет, что мегрельский князь пригласил абхазов на помощь против турок, а они «разоряют и жгут все, увозя людей и скот», но что они находятся «далеко от гавани» Исфаур (скорее всего, князь пригласил их для совершения этих преступлений в его пользу и по его указанию, так как не применял никаких действий для их пресечения). Вечером же, пишет Шарден, «мы увидели весь базар в огне»³. «Война и набеги абхазцев сделали дорогу настолько опасной, что он не осмелился двинуться в путь», – рассказывал монах Цампи, вызванный Шарденом в Исфаур на помощь⁴. А сам Шарден писал: «Война в Мингрелии доставляла нашим купцам выгоду, так как абхазцы приносили продавать им свою добычу»⁵.

Кто же такие все эти «абхазцы», где более точно они жили? Текст шарденовского описания не дает нам прямого ответа на этот вопрос. Однако не исключается, что они не какие-то «зарубежные» пришельцы, а из числа местных абжуйских жителей, тем более, что нигде не говорится об их приходе из-за Кодора. За Кодором же абхазы имели свой главный невольничий рынок в Сухуме, и им незачем было пользоваться Исфаурским.

Из контекста разговора Цампи, предостерегающего Шардена от поездки «в злую и дикую страну»⁶, вытекает, что *Мегрелия, по-существу, начинается не там, где ведется беседа, то есть в Исфауре, находившемся на левом приустье Кодора, а дальше, на Ингуре, где служил и сам итальянский миссионер,*

---

¹ Ж. Шарден. Указ. соч. С.102.

² Там же. С. 103.

³ Там же. С. 104.

⁴ Там же. С. 106.

⁵ Там же. С. 108.

⁶ Там же. С. 105.

пригласивший к себе французского путешественника и знакомивший его с местными условиями.

Мне представляется, что в это указание вложен смысл о том, что «чисто этническая» Мингрелия начиналась не на Кодоре, а на Ингуре. Только так можно понимать следующие фразы и рассуждения самого Шардена, которые он произносил в беседах со своими спутниками на исаурийском рейде: «... несчастья, которые могут встретиться нам в Мингрелии...»¹; «...С утра до вечера *приходит множество абхазцев и мингрельцев*»²; *Следуя же в Мингрелию*, «мы рискуем подвергаться опасностям только *в течение четырех дней*, в каковой срок достигнем безопасного места»³; «...направляясь из Исаура в Анарги (Анаклия), близ устья Ингури, называемой туземцами Лангур»⁴, «мы сели в лодку со всем багажом нашим и товарами, закупленными на сто экю по моей просьбе отцом Цампи, как *человеком, знающим, что имеет сбыт в Мингрелии*»⁵. Эти высказывания достаточно ясны!

Мог ли Шарден, находясь в Исауре, если бы этот пункт являлся чисто мегрельским, говорить о поездке в Мегрелию? Иными словами, как можно отправляться в Мегрелию, пребывая в той же Мегрелии? Если путешественник пишет о «несчастьях, которые могут встретиться ему в Мингрелии», значит, он знает, что еще не добрался до этой страны. К этой же мысли склоняет и такая фраза: «Следуя же в Мегрелию [имеется в виду их нахождение в Исауре у Кодора], мы рискуем подвергаться опасностям только в течение четырех дней». Выходит, что им нужны были еще четыре дня (по тем временам), чтобы доехать с грузом из Исаура до настоящей Мегрелии.

А замечание Шардена о том, что «с утра до вечера *приходит множество абхазцев и мингрельцев*», свидетельствует о том, что на левобережных окрестностях Кодора находились в то время не только мегрельские, но и абхазские селения, а, следовательно

---

¹ Там же. С. 106 – 107.

² Там же. С. 107.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 110.

⁵ Там же. С. 107.

но, население было смешанным – абхазо-мегрельским. К такому предположению склоняет внимательное прочтение и анализ всего текста шарденовских описаний и повествования¹.

У Шардена мы находим мало конкретных материалов о других кавказских народах, а то, что он рассказывает о них, также нередко отличается или свойственным вообще ему пренебрежительным отношением к ним, как к «варварам», или страдает противоречивостью. Вот один пример. Из древней истории видно, пишет Шарден, что «аланы назывались аланами, сваны – тцанами, жиги – зихами, карачеркесы – карачиолами», причем последних он характеризует как «северную отрасль» кавказских народов и «самый красивый народ в мире», представители которого «некогда были христианами»². А теперь, продолжает он с возмущением, «ходят почти голыми, отъявленные убийцы и самые дерзкие воровы на свете» и «кроме дара слова, нет в них почти ничего человеческого»³. Комментарии здесь также излишни.

16. Ольферт Даппер. К началу третьей четверти XVII в. относится работа голландского путешественника, врача О. Даппера⁴. Он пишет о стране Абогастес, Боказии или Абоказии (хотя сам считает, более правильным названием являлось бы Афгазия). По его словам, это часть Мегрелии (в смысле Колхиды), но она «отделена от нее, поскольку над ней стоит особый князь (правитель)» [один!]. Граничит же она с юга с Мегрелией по какой-то реке Куа. Вместе с тем, как это ни странно, он так же как и Интериано и Челеби указывает границей Абхазии

---

¹ Путь Шардена из Мегрелии пролегал по линии: Сипиас (резиденция театинцев на Ингури) – Анаргия (Анаклия) – Фазис (Риони) – Гонио – Ахалцих – Сурам – Гори – Тифлис – Тегеран.

² **Шарден Ж.** Указ. соч. С. 21.

³ **Там же.** С. 22.

⁴ **Даппер Ольферт.** Азия или подробное описание Великих Моголов, Персидского королевства, а также Грузии, Мингрелии, Черкесии и других соседних стран, из различных старых и новых материалов, путевых заметок, собранных Ольфертом Даппером / Перевод с нидерландского языка на немецкий осуществил **Йохан Кристоф Берн.** – Нюрнберг. 1681./ Перевод с немецкого на русский **Т.Э. Васильевой.** С. 160 – 161.

реку Фасо (Фазис, Риони). Ее города – «великолепная Прецунда» (Пицунда) и Эчисумуни с прекрасной гаванью, куда ежегодно приходят корабли из разных городов.

Он пишет, что абхазцы торгуют всех видов мехами, кожами, пушниной, воском, рабами и многочисленными соколами, которыми снабжают Константинополь, Грузию и Персию, однако денег не употребляют. Занимаются скотоводством и охотой.

Описывает он и обряд «воздушного» погребения и посвящение коня покойному, а также пишет и о том, что абхазы «... селятся по 15 – 20 хозяйств, с частоколом и рвами для надежной защиты и водружают на том или ином холме свой опознавательный символ». По его словам, Абхазия страна «превосходная для здоровья», а сами «абказы» или абаса (по-турецки) «прекрасно сложены, красивы, с замечательным цветом кожи, сильные и способные исполнять все виды работ», и что «турки очень высоко ценят рабов-абхазов из-за их красоты». О красоте абхазов в своей работе он пишет дважды, а о переселении у него нет ни одного слова.

17. Николай Витсен. Сообщения о черкесах и некоторых соседних с ними народах содержатся в изданном в 1692 году очерке известного голландского государственного деятеля XVII – начала XVIII вв. Николая Витсена¹. Правда, он не был ни в Абхазии, ни в других местах Черноморского побережья, ни на Северном Кавказе, но посланный в течение года работать в московском посольстве Нидерландов, имел широкие возможности для собирания большого литературного и прочего материала о соседних с Россией областях и странах, в том числе и абхазов.

«Земля черкесов, – читаем мы у него, – лежит у самых гор; с правой стороны Черного моря, где живет народ, называемый абаса, абхазы или абассы, страна которых находится под властью двух государей. Там нет городов, но много селений»... «На Черном море у них есть хорошая гавань Эшизумуни».

«Их внешность и образ жизни те же, что и у черкесов... одеваются как черкесы... *Говорят они на особом языке...* Они христиане по имени, но почти совсем не соблюдают христианских

---

¹ **Витсен Николай.** Северная и Восточная Татария или сжатый очерк нескольких стран и народов (Черкесия) // АБКН. С. 90.

обрядов», но, что «в этой стране можно встретить много водруженных крестов». «Большие воры и обманщики». Пишет он и о том, что «Денег у них нет, но они ведут меновую торговлю рабами, воском и мехами...». В противовес черкесам, кроме стрел и луков употребляют и огнестрельное оружие. Воюют иногда с черкесами и с мегрелами¹.

Пишет он и о том, что абхазы «очень ленивы: не ловят рыбу в море, хотя она там в изобилии». В то же время признает, что они «смелые мореплаватели и иногда из-за них бывает опасно плавание из Каффы в Константинополь». Далее он пишет, что недалеко от них, живет еще народ «лезов» [лазов], граничащих с Грузией и с Трапезундом. Живут они в очень высоких горах, простирающихся вдоль берега моря. «Это племя, – сообщает он, – обитает в лесах; и ничем не занимаются, только пасут скот да гоняют его»².

Одним словом, согласно Витсену, абхазы – это народ мореплавателей Черноморского побережья Кавказа, живущий в окружении черкесских племен, с одной стороны, и мегрелов и лазов, с другой.

18. Энгельберт Кемпфер. В том же плане, но более точно определяется географическое положение абхазов в книге крупного немецкого путешественника и ученого конца XVII – начала XVIII вв. Энгельберта Кемпфера, тезисно писавшего о том, что «с черкесами граничат абхазы, на расстоянии 100 французских миль до Мингрелии»³.

«Они не такие дикари как черкесы, – пишет он, – но, конечно, хорошо смыслят в грабежах и воровстве и имеют, как и черкесы, нужду во всем, что необходимо для жизни» и тоже ни слова об их переселении с севера из-за хребта⁴.

---

¹ Там же.

² Там же.

³ **Кемпфер Энгельберт.** Новейшие государства Казань, Астрахань, Грузия и многие другие, царю, султану и шаху платившие дань и подвластные //АБКИЕА. С.118.

⁴ Представляет интерес свидетельство Э. Кемпфера о том, что в персидской столице Исфагани «черкесы почему-то одеваются подобно грузинам» (С. 116), а последнее говорит о том, что грузины черкеску в то время еще не носили.

Материалы XVIII века
Ксаверио Главани. Вахушти Багратиони.
Карл Пейсонелль. Яков Рейнеггс.

19. Ксаверио Главани. Об этом авторе ничего не известно, кроме того, что он был французским консулом в Крымском ханстве и одновременно исполнял обязанности первого врача самого хана. Его рукопись о Черкесии была им составлена в начале января 1724 года в Бахчисарае. Как сообщает В.К. Гарданов, «интересующие К. Главани данные о народах Кавказа он получал во время встреч и бесед с людьми самого различного этнического происхождения, приезжавшими в столицу Крымского ханства из Черкесии или смежных с ней областей.

Эти встречи широко практиковались им и служили постоянным источником информации, хотя, как видно, он и сам бывал в Черкесии и «поддерживал контакты с представителями черкесской знати, нередко посещавшими Бахчисарай»¹. Рукопись К. Главани была случайно обнаружена Е.Г. Вейденбаумом у букиниста². Приобретя этот труд, он опубликовал его «с русским переводом в Тифлисе»³.

Для истории Абхазии представляет интерес сообщение Главани об абазинах: за округом Бесленей «находится округ, называемый Бесскесек-Абаза; жители его, – пишет он, – *переселились из Абазы* и отдались под покровительство черкесов. Они управляются черкесским беем, *но по языку и происхождению они абазы.*

Название Бесскесек-Абаза значит пять поселений, а именно: первое называется Дударух и имеет 200 жилищ; второе – Лоуказе, с 200 жилищ; третье – Биберди, 120 жилищ; четвертое – Кимлик, 60 жилищ; пятое – Трам, 40 жилищ»⁴. За горами, по его сведению, а вернее «по ту сторону гор, находится *Мингрелия. Жители ее идолопоклонники* и управляются ханом. За ними живут ачикбаши [то есть с обнаженной, как видно бритой голо-

---

¹ **Гарданов В.К.** Ксаверио Главани // АБКИЕА. С. 156.

² **Там же.**

³ **Главани К.** Описании Черкесии // СМОМПК. Вып. XVII. 1893.

⁴ **Его же.** С. 160.

вой. Так называли *имеретин*], тоже *идолопоклонники*. Они очень многочисленны... Далее обитают кадаки... За кадаками *находятся 24 независимых абазских бея*. Владения их простираются от Большого моря [Черное море] до залива Гелинджик-лиман в Черкесской земле... Гелинджик-лиман находится между Абазою и Черкесиею и удален на 50 миль от Кафского пролива».

Отметим, что, говоря о Черкесии, он упоминает и большие деревья, называемые черкесами словом *пенекассан*, перед которыми совершаются моления. «Такое дерево, – пишет Главани, – есть в каждом округе, ему умирающие мужчины оставляют свою саблю, ружье и одежду». Трупы же людей и животных, убитых громом, называют *кодос*¹.

Как видим, у *этого автора* говорится только о переселении абхазов с берегов Черного моря и абхазских гор на Северный Кавказ и ни одного слова об обратном их переселении в пределы современной Абхазии.

К этому месту в своем примечании Е.Г. Вейденбаум пишет следующее: «Под именем Абаза, или по-нашему абазинцев, известны в Закубанском крае абхазцы, отделившиеся от своих родичей в Абхазии и перешедшие на северный склон Кавказского хребта. Бесскесек, правильнее беш-кесек происходит от турецко-татарских слов: беш – пять, и кесек...часть, доля...

Действительно, наш автор подразделяет племя Абаза на пять родов: Дударух (Дударуковцы), Лауказе (Лоу или Лоовцы), Биберди (Бибердь или Бибердовцы), Кимлик (Клычь?) и Трам (Там). В конце прошедшего столетия абхазское племя в Черкесии подразделялось уже не на пять, а на шесть частей, почему и называлось Алты-кесек (алты по-турецки – шесть), или у русских Малая Абаза или Шестиродная. По академику Палласу подразделения эти назывались: Джантемир, Клычь, Кеша, Лоу, Биберт и Дударук»². И у этого автора нет ни слова об обратном движении абазин в Абхазию.

20. Вахушти Багратиони. Перу известного грузинского ученого первой половины XVIII века, сына царя Вахтанга VI, Вахушти Багратиони (1696– 1757) принадлежит большая рабо-

¹ Там же. С. 162.

² Там же. С. 166.

та под названием «История Грузии», в которой освещаются вопросы географии и исторического прошлого Грузии и Абхазии с древних времен и почти до середины XVIII столетия. Из всего многообразия содержания этого труда меня в данном случае, по понятным причинам, больше интересовали сведения, связанные с Абхазией, ее населением, социально-экономическим развитием и ее этнополитическими границами в XVII–XVIII вв., причем я пользовался в основном соответствующими разделами сборника Г.А. Амичба¹.

Согласно описаниям Вахушти, на побережье Черного моря, к северо-западу от грузинских земель лежит страна под названием Абхазия – Апхазети, населенная абхазами, причем он рассматривает Абхазию и ее народ в определенном этнокультурном и политическом единстве с непосредственно примыкающей к ней с западной стороны Джигетией и джигетами. На это указывает, в частности, то, что Абхазия и Джигетия, а также абхазы и джигеты, как правило, всегда упоминаются вместе, рядом друг с другом, как нечто единое целое. Например: «Вахтанг... взял у греков Джикети вместе с Абхазией»; в Абхазию «некоторые включают пределы Джикети до моря»; «*сия страна во всем (подобна) Абхазии*», в том числе «обычаями и нравами»; «Дадиани получил Одиши, Гуриели – Гурию, Шарвашидзе – абхазо-джиков»; «Георгий Дадиани заполучил наемные войска абхазов, джиков и черкесов и прибыл [из Абхазии] в Одиши. Обращает на себя внимание и само двуединое словосочетание «абхазо-джики»² и т.д. По этим выдержкам и некоторым другим материалам можно заключить, что при турках Джигетия входила во владельческую Абхазию.

Опираясь на грузинские летописи, и лишь кое-где дополняя и уточняя их, Вахушти пересказывает содержание известных ему источников по истории Абхазии. Пишет о ее правителях Леоне I и Леоне II. В частности, о последнем сообщает, что он «сел эриставом (?) в Анакопии», овладел всей Эгриси и «на-

---

¹ Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников/ Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и комментариями снабдил Г.А. Амичба. – Тбилиси. 1988.

² Там же. С. 128, 136, 144, 151, 154, 158, 163.

звался царем абхазов, распространил название своего эриставства на Эгриси, построил Кутатиси и сделал его «подобно Анакопии», своим «вторым стольным городом»¹. Он не пишет, что Леон перенес столицу, а всего лишь сделал Кутатиси «вторым стольным городом».

Заслуживают внимания сообщения Вахушти о старинных абхазских привилегированных фамилиях. Среди таких фамилий, «которые пишутся эриставами», он упоминает Качибадзе, Шарвашидзе, Анчапидзе (Анчабадзе, по-абхазски Ачба). О последних Вахушти пишет следующее: «Мачабели говорят [что они] Анчапидзе, пришедшие из Абхазии».

Владельцами абхазов называет князей Шервашидзе, «ниже (него стоят) Анчипадзе», а гурийские Шервашидзе, по Вахушти, все «выходцы из Абхазии»². Вахушти также упоминает владельца Абхазии Шервашидзе, который со своими «абхазцами» в начале XV века (1414 год) отразил поход одишского князя Мамаи Дадиани³. Он называет и другого владельца из того же рода Шервашидзе, правившего страной и в первой половине XVI века.

Судя по материалам Вахушти, нельзя сказать, чтобы Абхазия сколько-нибудь существенно отставала в своем социально-экономическом развитии от соседних стран и народов. Вспомним, например, его характеристику Лыхны – резиденции абхазских владельцев: «Зупу вроде маленького города, с дворцом – местопребыванием Шервашидзе, который владычествует над абхазами и не зависит ни от кого»⁴, а всю Абхазию как страну характеризует следующими словами: «изобилует всевозможными плодами», «всякими зерновыми (злаками), фруктами, виноградниками». Говорит и о том, что земля Абхазии дает обильные урожаи.

Широко известно его красочное описание рослой, лучшей на Западном Кавказе тонкорунной породы абхазской козы. Не мешает вспомнить и его свидетельство о пристрастии абхазов

---

¹ Там же. С. 129.

² Там же. С. 135 – 137.

³ Там же. С. 138.

⁴ Там же. С. 151.

бороздить моря на своих знаменитых военных судах, носивших имя собачьего божества абхазов (по мегрельски – Олечкандари) Алышкинтр (так же назывался и леопард), вмещавших от ста до трехсот человек, об их «могуществе» на море и о храбрости во время морских сражений.

Описан Вахушти и уникальный обряд «воздушного погребения», бытовавший в древности на Черноморском побережье у колхов. Впервые о нем стало известно, как уже отмечено выше, из описаний античных авторов с III в. до н.э., а затем и другими, более поздними авторами. Этот обычай, наиболее сохранившийся у абхазов, а отчасти и адыгов вплоть до позднего Средневековья, зафиксированный и многими описанный, в том числе Луккой, Челеби, Ламберти, Даппером, самим Вахушти, а позже и Альбовым в Самурзакани, является одним из неопровержимых доказательств аборигенности абхазов на занимаемой ими территории и этнокультурной преемственности, по крайней мере, на абхазском побережье. Пишет он и о том, что абхазы, хотя и «причисляются к идолопоклонникам», но *«весьма чтут священников», поклоняются и глубоко почитают христианские храмы, почитают гостей, «имеют свой собственный язык, но знатные люди владеют также грузинским»*¹ и т.д.

Касается он и вопроса границ, так о западной границе с Одиши (Мегрелия) Вахушти сообщает в разных местах своего сочинения. «Границами Одиши являются... – пишет он, – с запада – Черное море и Малая Анакопийская гора», хотя и прекрасно знает о том, что это давным-давно не соответствует действительности, так как с конца 70-х годов XVII в. абхазские правители вернули юго-восточные пределы своего владения до р. Ингури², куда и перешла граница.

Он говорит, что некогда эта граница проходила у «превосходного», но ныне «опустевшего» города Анакопии³, а «Запад от Анакопии есть Абхазия»⁴. К Анакопии он обращается и в

---

¹ Там же. С. 152 – 154.

² Там же. С. 146.

³ Там же. С. 150. Однако это свидетельство опровергается данными Я. Рейнеггса.

⁴ Там же.

других местах своего труда¹. В то же время историк указывает: «В настоящее же время [территорию] до реки Эгриси занимают абхазы». Рассказывая о расширении юго-восточных границ Абхазии до р. Эгриси к концу 70-х годов XVII века, Вахушти вспоминает: «Однако в Одиши было горе большое, как описано нами, [исходившее] в основном от абхазов; ибо приходили [они] на судах и по суше, и полонили [одишцев], овладели [страной] вплоть до реки Эгриси и заселились сами же абхазы...»². Здесь явно имеется в виду река Ингури.

Таким образом, все основные сообщения Вахушти – о хозяйственных занятиях жителей Абхазии, о том, что князь Шервашидзе «владеет абхазцами, не подчиняясь никому», о мореходстве абхазов и их военных судах, вмещавших до 300 человек, об их обычае класть или подвешивать гробы с знатными мертвецами на деревья, о Джикетии как «стране за Абхазией, к западу от Каппетис-цкали» [Бзыпь] и, что она «всецело подобна Абхазии» и многое другое являются очень ценными.

Особняком стоят, однако, его сведения о том, что в его время Абхазия находилась только «к западу от Анакопии», а от этого места «простиралась до реки Каппети», то есть до Бзыпи. Это противоречит всем источникам, о которых говорилось выше, и вообще не соответствует действительности, если только автор под Абхазией не подразумевал лишь ее часть – историческую Абазгию (современную Бзыпскую Абхазию), но важно то, что и этот автор ничего не знает о переселении абхазов с северной стороны гор к побережью Абхазии.

21. Карл Пейсонель. К. Пейсонель помимо его деятельности в области дипломатии и политики был в то же время большим ученым. Находясь в Бахчисарае в качестве консула Франции с 1753 до 1757 года, он вел наблюдения не только над татарским населением Крымского ханства, но интересовался и населением Северо-Восточного и Восточного берега Черного моря. Свое исследование он начинает такими словами: «я посвятил большую часть своей жизни изучению мореплавания и торговли по берегам Черного моря... сознавая важное значе-

---

¹ Там же. С. 156.

² Там же. С. 168.

ние и выгоды, которые могла бы извлечь для себя Франция». За время пребывания в Крыму, а консулом в Крымском Ханстве Пейсонель стал в возрасте 26 лет, он собрал исключительно ценный материал, дополненный затем наблюдениями, сделанными им во время службы в различных частях Причерноморья (Крым, Смирна, Константинополь и др.), благодаря чему ему удалось в 1787 году издать большой труд в двух томах «Трактат о торговле на Черном море»¹, выборки из которого изданы до революции Е. Фелицыным в «Кубанском сборнике», причем в переводе на русский язык в своем пересказе. В 1927 г. они были переизданы в Краснодаре².

По словам Е. Фелицына в своей работе К. Пейсонель «... привел массу интереснейших сведений, не встречающихся у других писателей». Не имея возможности самому посетить интересовавшие его страны, Пейсонель скрупулезно собирал сведения о них всеми доступными ему методами, проводя опросы торговцев, купцов, их посредников, моряков и других лиц, имевших соприкосновение с народами Северо-Западного Кавказа и Северо-Западного Закавказья. В результате проделанной им собирательской работы мы имеем важные данные «о размерах ввозной и отпускной торговли», о социальном строе проживавших там народов и многое другое.

К сожалению, сведений об Абхазии и абхазах в издании намного меньше, чем о татарах, ногайцах и особенно черкесах, но и в издании 1927 г. то, что предлагается нам, в итоге имеет большое значение для прояснения некоторых сторон жизни страны середины XVIII столетия³.

Непосредственно границы Абхазии он не называет, отмечая лишь в общем ее территорию, как лежащую между Черкесией и Грузией, правда, южная граница у него обозначена – «до Анакрии» (Анаклия), но включает ли он последнюю в

¹ **Peisonel K.** Traite sur le commerce de la mer Noir. – Paris. 1787.

² **Пейсонель К.** Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750 – 1762 годах. – Краснодар. 1927.

³ Полный перевод текста с дополнениями из других работ К. Пейсонеля, где проскальзывали сведения о Черкесии и черкесах был осуществлен В.К. Гардановым, но данные об абхазах очень скудны. (АБКИ-ЕА. С. 180)

состав Абхазии или нет непонятно. Территория земли абазов или абазинцев, как он называет всех абхазов, к северо-западу неясна. Он касается этого вопроса лишь в одном месте, но крайне неопределенно: «Суджук¹ – небольшая крепость на берегу Черного моря в направлении к границам Абазии», а далее приводит лишь перечень бухт, начиная от Суджука. В эти бухты, как сказано там, пристают большие суда для торговли с абазинцами.

Удивительно, что абхазов он фактически помещает на территории, начиная от Геленджика. Вот перечень этих бухт: «Геленджик – лиман, Баскало, Dziebo, Дуба, Субаши, Варвире, Мамай, Джуджи, Хош, Эрделер, Кетшилер, Везюиле, Бетшевенд, Севре, Арджи, Тангир и др.». Часть этих названий узнаваема, но, к сожалению, далеко не все. При этом он отмечает, что Черкесская Татария тянется от пролива Эникале (Керченский пролив) до Кабарды, а на юге граничит с абазами, однако географически границу не указывает².

Для управления абазинцами, по данным указанного автора, турецкое правительство назначает бея, резиденция которого находится в Сухуме. Хотя К. Пейсонель и называет его «беем абазинцев», но никакой власти он не имеет, пользуясь лишь почетным титулом. Главным же на Черноморском побережье является турецкий паша, «но, – как пишет К. Пейсонель, – абазинцы не повинуются ни ему, ни турецкому бею и лишь одна сила может привести их к покорности». Гарнизон Сухумской крепости, по его информации, «состоит из янычар под командою двухбунчужного паши». Как сообщает позже Семен Броневский, для поддержания своей власти Кубанский сераскир, которого назначал сам султан, видимо для устрашения абхазов, «делал иногда на них набеги, отбирая мелкий рогатый скот, лошадей и рабов», но, как видно, и эти действия не оказывали ожидаемого результата.

Согласно К. Пейсонелю, в стране всего два главнейших порта, это Сухум и Кодош. В работе автора в Абазии, как он на-

---

¹ Суджук-кале – небольшая крепость, располагавшаяся на территории современного Новороссийска.

² АБКН. С. 200.

зывает Абхазию, упоминается как город только Сухум. По его данным, это небольшой городок с малочисленным населением – в нем насчитывается всего около 3000 человек. В городе функционируют две мечети и одна баня. Для сообщения по берегу и осуществления внутреннего обмена горожане имеют небольшие суда, но их не более 20-ти.

Как он сообщает, Сухум один из двух наиболее важных портов Абазии. В его бухту могут приставать разного размера корабли, но зимовать там не могут. Другое портовое место Абазии – Кодош, находящийся вблизи реки Кодор (видимо бывшая Скурча, а еще ранее Аббаза). Там, по Пейсонелю, на 3 – 4 мили в окружности рассеяно «множество отдельных домов». Это второй наиболее оживленный и большой рынок абазов, не уступающий Сухуму. Его открытая бухта довольно опасна для больших кораблей, что, однако, не мешает торговле.

Подробнее остановимся на сообщении Пейсонеля, что именно там «находится знаменитое дерево, называемое Кодош, которое абазинцы чтут так же, как черкесы почитают дерево *rangiassan*». Этимология слова Кодош происходит, как он считает, от еврейского слова Кадош, что значит «святой». Священное дерево находилось и на северо-востоке от этой местности в центре Причерноморской Черкесии, о котором упоминает и К. Главани. Его названием, по Пейсонелю, было *Rangiassan* (Пангиассан), что происходит, по его мнению, от греческого слова *Panaghia* (Панагия означает «пречистая», «пресвятая»), а это имя греки давали Святой Деве.

В более же широком смысле оно придавалось, по его словам, «некоторым часовням и другим местам молитвы». В связи с последним большой интерес представляет сообщение С.М. Броневского. Через сравнительно небольшой промежуток времени он зафиксировал на побережье пункт с «множеством абхазских усадеб, рассеянных вокруг Кодозского залива под именем Кодос, или Кодох», указав его между Геленчукским заливом и деревней Вулан, за которой следует замок Субаши.

«На сем заливе, – пишет он, – были прежде два города Бовуджиаль и Абказы. Тут производится знатнейший торг с абхазами, хотя суда должны стоять на открытом рейде». Пейсонель

упоминает о славном дереве, называемом также «Кодох, которое абхазы почитают за святое». Нетрудно понять, что это те же деревья, наванные Пейсонелем в одном месте под именем Пангиасан, а в другом у Кодора – Кодошем (у С.М. Броневского – Кодос). Вероятнее всего и тут и там поклонение шло грабовому дереву, считавшемуся у абхазов деревом Богородицы.

Здесь у абхазов ярко проявилось сплетение идолопоклонства с остатками христианского поклонения деве Марии, хотя *сами абхазы*, по свидетельству К. Пейсонеля, «считают себя благочестивыми христианами», но, продолжает он, «в действительности их религия – это смесь христианства и пантеизма».

При том, что они считали себя «благочестивыми христианами», им это не мешало заниматься работорговлей, чему очень благоприятствовала социально-политическая и экономическая обстановка края.

Само население, как пишет К. Пейсонель, так же как и у адыгов разделяется на ряд племен, а вернее обществ, возглавляемых беями, то есть князьями, которые непрестанно ведут между собой войны, втягивая в них все население своих владений.

Эти нескончаемые войны то между собой, то с соседними народами, кончались грабежом побежденных и уводом плененных людей, что видимо и было главной целью набегов и войн. Во избежание бегства пленных, их головы покрывали козьей шкурой, чтобы они не видели дороги, по которой их уводили. Как пишет Пейсонель, абхазы заставляют пленных стечь и пасти свиней, которых очень много в их стране. Однако, как он узнал, избавиться из абхазского плена совсем нетрудно, так как «сами абхазы стараются получить выкуп... и охотно предлагают их купцам... Поэтому легко можно получить свободу за какую-нибудь сотню пиастров в товарах»¹.

Автор констатирует, что торговля рабами в Абхазии чрезвычайно выгодна, так как там на них крайне низкие цены. Помимо Абхазии крымские купцы едут в Черкесию, в Калмыкию и в Грузию для покупки рабов на свой товар, затем отвозят их в Каффу и перепродают. Из Каффы невольников «развозят по всем городам Крыма», а купцы из Константинополя и других

---

¹ Пейсонель К. Исследование торговли... С. 31.

мест Анатолии и Румелии сами приезжают за ними в Каффу и вывозят их на крупнейшие работорговые рынки.

Как сообщает К. Пейсонель, «торговля рабами в Крыму очень значительна: продают рабов четырех народностей – черкесов, грузин, калмыков и абазов... Абхазы чрезвычайно похожи на грузин», – пишет он¹. Интересно в данном случае как часто описания разных авторов не совпадают. Так, например, спустя каких-нибудь 15 – 20 лет И.А. Гюльденштедт писал, что «видом и нравом черкесы имеют сходство с абхазами»².

Помимо рабов чрезвычайно прибыльной была торговля самшитом. Его вывозили в огромных количествах, выменивая на соль, причем вес на вес. К сожалению, в предлагаемом переводе К. Пейсонеля нет тех многочисленных данных о вывозимых товарах, как это сделано им в отношении татар и ногайцев и особенно черкесов. Перечень дается кратко и без цифровых данных. Пишет он, что абазы выносят на обмен различные меха – «рыси, называемой вашак, куницы, каменной куницы, белки и других животных». Пишет он и о воске, который вывозился тоже «в громадном количестве» и по крайне низкой цене, *а вино продавалось не на вес, а на особых условиях*. Очень занятно его рассуждение о возможном производстве продуктов из свинины. Как он считает, чрезвычайно выгодным был бы вывоз свиного сала, соленой свинины и ветчины, так как в Абазии очень много свиней и ценятся они поразительно дешево, но для этого «необходимо отправить туда сведущих мастеров, умеющих солить и готовить свиное мясо», сало и ветчину.

Как замечает К. Пейсонель, «едва ли существует в целом мире страна, где торговля была бы настолько прибыльна, как в Абазии». Большие корабли приплывали сюда только раз в году, с самого начала навигации, а она начиналась в апреле, и возвращались оттуда только в конце лета».

Корабли должны были быть очень большими, так как перевозили огромные тяжести из древесных стволов. В то же время они должны были быть с надежным, как он пишет, многочис-

---

¹ АБКИЕА. С. 187 – 188.

² Там же. С. 205.

ленным и хорошо вооруженным экипажем, а чтобы обезопасить себя, непременно надо было наладить хорошие отношения с беим местности, где шел торг. Ему необходимо было преподнести какой-нибудь подарок, независимо от ценности, чтобы заручиться его покровительством. Однако соседних беев надо было остерегаться. Так, после завершения торговых операций, команда выжидала хорошего попутного ветра, чтобы на рассвете быстро выйти в открытое море миль на 10, 15.

Эта предосторожность была крайне необходимой, так как соседние беи находились настороже и вооружали свои плавсредства, чтобы «захватить судно на абордаж, ограбить его, а всех находящихся на нем людей обратить в рабство»¹. Нужно отметить, что на крайнем северо-западе Причерноморья за каждый ввоз товаров, согласно Пейсонелю, «определенная сумма денег выплачивалась и мирзе данной местности», которому тоже полагалось «известное отчисление». Как видно, нечто подобное имело место и на абхазском побережье, но он, как видно, гораздо хуже был осведомлен о положении дел в Абхазии по сравнению с другими странами, гораздо ближе расположенными к Крымскому ханству.

Что касается вопроса переселения абхазов, то у него ему посвящена только одна строка: *«Шесть племен абазов уже давно поселились в Черкесии»*, но об обратном их движении и у него тоже нет ни слова.

22. Яков Рейнеггс. В 1797 году, то есть в самом конце XVIII века, немецкий ученый доктор Яков Рейнеггс издал свое «Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа». Автор объездил Кавказ, побывал и в Абхазии, в частности, посетил Пицунду (Безонта), Лыхны (Супу), Анакопию (Анакуфа), Сухум (Сагхум), Анаклию (Анаклея) и некоторые другие места. Встречался он и с местными жителями, собирал сведения об их языке и хозяйственных занятиях: земледелии, скотоводстве, пчеловодстве, обработке железа, «из которого выделывают прекрасную сталь», о добыче серебра в рудниках, о высококачественной обработке хлопчатобумажной нити, вывозившейся в Смирну и Салоники, о борьбе абхазского народа с турками

---

¹ Пейсонель К. Исследование торговли...С. 31.

(«возмущение 1771 года», окончившееся возвращением к христианству, взамен навязываемому исламу), о религии абхазов, их преданиях, и т.д.

Для нашей темы особое значение, однако, имеет свидетельство Рейнеггса о северо-западных и юго-восточных пределах распространения абхазов на рубеже XVIII – XIX веков, в период его путешествия по Абхазии. Он называет почти все народы и этнические группы, в непосредственном окружении которых истари находились абхазы – шапсугов, абазин, сванов и мегрелов.

Свое описание абхазов, их страны, истории и обычаев Рейнеггс начинает с указания на то, что «Безонта и вся юго-западная полоса гордийских гор *принадлежит сильному, боевому древнему народу, который называет себя Абхаз (Абгаз), а свою страну «Аваза»*. Она граничит, сообщает он, – «на северо-западе с племенем Шапсик, на северо-востоке с Соани, на юго-востоке с рекой Энгури и владениями «Мингрелии». Он отмечает на правом берегу и «большую абхазскую деревню, лежащую...у реки Энгури под названием Куг». Рейнеггс указывает также на «город, а около него крепость Анаклею у правого берега реки Энгури и ее слияния с морем. Это резиденция абхазского князя Левана Сервазитсе»,¹ – пишет он.

Таким образом, исходя из рейнеггсовского описания и других достоверных источников, можно заключить то, что в конце XVIII века юго-восточная этническая граница абхазов (впрочем, как и политическая граница Абхазского княжества) проходила непосредственно по р. Ингури вплоть до ее впадения в море, на приустье которой был расположен город-крепость Акра, Анакрия (Анаклея). И у него мы не найдем ни одного слова о миграции абхазов откуда бы то ни было. Напротив, абхазы характеризуются и Рейнеггсом как *коренной «древний народ»* своей страны проживания.

¹ **Reineggs J.** Allgemeine Historich – topograpfische Beschreibung oles Kaukasus. jh II. – Hildesheim und St.-Petersburg. 1797. S. 4. (**Рейнеггс Яков.** Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа. Вторая часть. – Хильдесхайм и Санкт-Петербург. 1797. С. 4 – 113 /Перевод **Данкевич-Пушиной Н.А.** Крепость Анакрия/Анаклия указана им на правом берегу Ингура так же как и на карте Хр. Каstellи, приложенной к труду Арк. Ламберти.

III. О ТОМ, ГДЕ «ЗАРЫТА СОБАКА»¹

Выше нам уже приходилось отмечать, что существует мнение о какой-то глубокой, чуть ли не прирожденной отсталости абхазов в эпоху позднего Средневековья, о резком упадке их хозяйства и культуры в результате «засилия горских племен». Вот где, по Н. Ломоури, «зарыта собака». Опирается это мнение в основном на описания некоторых миссионеров и путешественников, которые, как известно, нередко были склонны изображать местных жителей «варварами». Отдельные из их современных комментаторов, пишущие об экономическом и культурном положении Абхазии того времени преимущественно со знаком минус, также порою слишком сгущают краски, проявляя односторонность и далеко не всегда учитывая противоречивые свидетельства тех же источников, на которые они ссылаются.

В частности, когда пишут о «полном и безраздельном господстве в крае натурального хозяйства», об отсутствии здесь городов, денег и товаров у населения², о том, что жители не знали христианской религии, почти не занимались даже земледелием, предаваясь воровству и грабежам и т.д., нельзя обходить молчанием сведения другого характера, содержащиеся в тех или иных описаниях, которые позволяют нарисовать отнюдь не варварскую картину жизни абхазов. Например, как мы могли убедиться из вышеизложенного, воровство или отсутствие городов и пр. было особенностью не одних абхазов. По словам Ламберти, в то время «воровали все» и «вся жизнь

¹ В приложении дается более полный обзор всех дополнительных материалов по экономическому развитию и формам хозяйственной жизни абхазов, собранных Ш.Д. Инал-ипа для данной главы уже после первого издания книги «Ступени к исторической действительности». В связи с тем, что автор не успел окончательно добрать и доработать материал, я собрала, что нашла, и он помещен в приложении (Прим. Хотелашвили-Инал-ипа)

² Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI – XVII вв.). – Сухуми, 1959. С. 281 – 282.

мингрельцев непрерывная кочевка», а Шарден отмечает, что в Мингрелии тоже «нет ни городов, ни посадов».

Совершенно неправильно утверждение, что абхазы не занимались или почти не занимались земледелием. Вспоминаются в этой связи слова Челеби /и не только его/, что в Абхазии сеют пшеницу и гоми и получают большой урожай, все разводят овец, коз и свиней, а Шарден указывал, что они даже «продавали льняную пряжу». Выше мы уже ссылались на сообщение Вахушти о Зупу /Лыхны/ как «маленьком городе» и резиденции владетельных князей Шервашидзе, а также на сведения Челеби о том, что страна абазы «имеет сильное войско» и «большую пристань Лакба в трехстах милях от Трапезунта». По Витсену, абхазы «смелые мореплаватели и иногда из-за них бывает опасно плавание из Каффы в Константинополь».

Рейнеггс писал, что «земледелие с избытком удовлетворяет потребности абхазов» и что они занимаются и скотоводством, и пчеловодством, и обработкой железа («из которого выделывают прекрасную сталь» и оружие), выделкой хлопчатобумажной нити, вывозившейся в Смирну (Измил) и Салоники, а своими рудниками («заводы золотые и серебряные», сказано в договоре абхазского владетеля Сафарбея с русским правительством 1809 г.) так дорожили, что доступ к ним, особенно иностранцев, был строго запрещен. Знали абхазы в какой-то степени и деньги, в частности, те немногие из них, которые все же проживали в Сухуме – сравнительно крупном порте и единственном городе края (например, в 1350 году, как об этом говорит вышеупомянутый Аноним, позже – Пейсонель и др.).

Конечно, отставание абхазов в ряде областей социально-экономического и культурного развития нельзя отрицать. При этом можно привести в пример древнюю Армению. Как пишет Г.Х. Саркисян «Сложение в III – II вв. до н.э. армянского государства и возникновение в этот же период армянских городов, их дальнейшее развитие в течение следующих веков, наконец, падение как государства, так и городов в конце IV в. н.э. с последовавшим длительным упадком государственности и городской жизни, ясно указывают на то, что время с III в. до н.э. по IV в. н.э. является для Армении историческим периодом, в течение которого возник, сложился, развился и распался опре-

деленный общественно-экономический строй»¹. Нечто подобное происходило и с Абхазией.

Однако приходится повторить лишний раз о том, что такая же отсталость была присуща не им одним, она была характерна и для ближайших соседних народов. Необходимо учитывать и всеобщий закон неравномерного развития.

Например, если фактом является вековое отставание абхазов в отношении создания своей письменности, как, впрочем, и громадного большинства других кавказских народов, то они же продвинулись далеко вперед в развитии, скажем, военного дела, производства вооружения (в том числе замечательных кремневок, кольчуг и пр.), судостроения и мореплавания, земледелия, скотоводства, ткачества и других форм хозяйственной жизни. Особо следует отметить и высокий уровень абхазской духовной культуры с ее богатейшим фольклором, народным музыкальным наследием, тончайшим этикетным кодексом, уникальной бытовой культурой и другими формами духовной жизни.

Имея все это в виду, надо быть очень осторожным при характеристике уровня культурного развития абхазского народа даже с учетом агрессии султанской Турции, ослабления позиций христианства, влияние которого окончательно подорвано здесь никогда не было (вспомним вахуштиевские слова о том, что абхазы «весьма чтут священников» и свидетельства многих других авторов о том, что нигде так не чтут христианские храмы, как у абхазов и грузин). А что касается языческих религиозных верований, то они во многом до сих пор сохраняют силу почти на всем Кавказе, в том числе в Грузии, особенно среди горцев.

Так, если говорить в самых кратких словах, обстоит дело с главным тезисом нашего оппонента и его единомышленников по поводу того, где «зарыта собака», то есть катастрофического будто бы упадка хозяйства и культуры абхазов в XVII веке².

---

¹ Саркисян Г.Х. Рецензия на книгу Я.А. Манандяна «О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей с древних времен (V–XV н.э.). Изд. второе. 1954. //ВДИ, 1957, № 4. С. 145.

² В этой связи о многом говорит, в частности, характерное челебиевское сообщение о том, что абхазы, жившие в Стамбуле, отправляли своих детей в Абхазию для воспитания, согласно обычаю предков, и приобщения к национальной культуре и традициям.

IV. О ЧЕМ ГОВОРЯТ СПЕЦИАЛИСТЫ

Ни в одном из специальных исследований по истории Абхазии XVII – XIX вв., – проф. И.Г. Антелава, проф. З.В. Анчабадзе, проф. Г.А. Дзидзария и других авторов, опиравшихся в своих трудах на всесторонний анализ широкого круга разнообразных источников, нельзя найти даже отдаленного намека на первоначальное пребывание абхазов на Северном Кавказе, а следовательно, и на их миграционное движение через хребет на юг, к побережью.

Возьмем «Очерки по истории Абхазии XVII – XVIII веков» И.Г. Антелава. В них исследуются такие вопросы, как закрепление самостоятельности Абхазского княжества, борьба абхазов против агрессии султанской Турции, экономическое состояние Абхазии и ее общественно-политический строй в XVII – XVIII веках и пр. Автор констатирует в частности, распад Абхазии в конце XVII века на три феодальных владения.

Если верить в достоверность и подлинность приводимого им источника начала XIX века, то «в царствование Тамары в Абхазии княжил Дотаго Шервашидзе, потомки его в XVII веке, братья Ростом, Джикешия и Квапу, сыновья Зегнака, поделили страну между собою. Старший из них – Ростом – занял первое место в Абхазии от р. Бзыпи до Кодора; средний – Джикешия – область от Кодора до Галидзги, что на абхазском языке называется Абжуа, «срединная» область (дословно переводится словом «между», т.е. означает область, находящуюся между двумя другими областями). Третьему младшему брату досталась область, расположенная между реками Галидзгой и Ингуром.

Это последнее место, благодаря болотам и сильнейшему облесенению всей равнины и даже предгорной части, а также и смутному времени, было относительно безлюдно, поэтому Квапу из Бзыпской Абхазии, т.е. из владения старшего брата,

переселил в свою область «несколько семейств (выделено мной. – Ш. И.) княжеских и дворянских фамилий, как-то: Анчабадзе, Эмухвари, Иналишвили, Маргания, Званбая, Лакербая и Акиртава»¹. Но это только внутренние эпизодические передвижения населения от одного конца страны в другой, от побережья к побережью, и такие в целом незначительные «переманивания» людей, имевшие место и ранее, как сказано у самого И.Г. Антелава, вряд ли могли существенно изменить в крае этнодемографическую и языковую ситуацию.

Сошлемся также на З.В. Анчабадзе – одного из наиболее авторитетных ученых в области исторического абхазоведения. Признавая изменение этнических границ под воздействием разных причин, он в то же время всегда подчеркивал автохтонность абхазов на ныне занимаемой ими территории (исключая, быть может, по его мнению, только самый юго-восточный сектор страны). Если же говорить конкретно об интересующем нас здесь периоде, то положение Абхазии в то время представлялось ему следующим образом: в XVI в. Абхазия, *не на долгий срок*, временами попадала в зависимость от Мегрельского княжества (иногда вплоть до района Пицунды включительно), политическая гегемония которого в Западной Грузии, а в Абхазии на крайнем юго-востоке, сохранялась временами и в течение первой половины XVII века.

Однако, по крайней мере с начала этого столетия, Абхазское княжество, выступает как полностью самостоятельная политическая сила. В условиях непрерывной феодальной междоусобицы, какой-то отрезок времени владетель Абхазии как

---

¹ Антелава И.Г. Очерки по истории Абхазии XVII – XVIII веков. – Сухуми. 1949. С. 37 – 38. Однако источник этого сообщения должен был относиться ко времени близком к описываемым событиям, а тогда вряд ли фамилии князей и дворян имели бы уже грузинское или мегрельское оформление, река Бзып была бы названа как Капетис-цкали и др. Можно предположить, что в свое время словом Абжуа называлась вся область, охватывавшая нынешние Очамчирский и Гальский районы, а если это источник действительно начала XIX в., то почему, назвав территорию Джикешии как Абжуа, автор не обозначил название территории Квапу? Поэтому подлинность источника вызывает серьезные и обоснованные сомнения.

будто бы (это дано по Вахушти и вряд ли соответствует действительности) признавал себя вассалом картлийского царя Шах-Наваза (Вахтанг V, 1658–1675 гг.).

О временном же и эфемерном характере этой зависимости, если она и существовала, говорит и то, что именно во второй половине XVII в. учащаются вторжения в Мегрелию, особенно абхазских феодалов, в результате чего, по свидетельству миссионера Цампи, Мегрелия «впала в состояние крайней разрухи... и постоянного страха». К концу 70-х годов XVII в. абхазские феодалы отвоевали и вернули свои земли вплоть до р. Ингури.

Совершая военные вторжения и на заингурийские земли, «им удалось прочно утвердиться на приморской территории, расположенной между Кодори и Ингури», а в другом месте у З.В. Анчабадзе сказано так: «Южная этническая и политическая граница Абхазии в течение большей части XVII в. (до конца 70-х годов) проходила в основном по р. Кодор (в нижней его части)»¹. «Абхазы овладели территорией до р. Эгриси и сами обосновались там», – писал Вахушти², и ни слова о приходе абхазов из-за гор.

Говоря об абхазском обычае воздушного захоронения, практиковавшемся и самурзаканским населением³, З.В. Анчабадзе пишет: «Этот обряд является одним из красноречивых свидетельств автохтонности абхазов на занимаемой ими территории»⁴.

З.В. Анчабадзе отвергает как ошибочное утверждение Эвлия Челеби о том, что граница между абхазами и мегрелами проходила в его время по Риони, считая, что оно «выражает пережиточное представление об «Абхазии» как о политическом объединении, охватывавшем некогда всю Западную Грузию – Черноморское побережье Кавказа вплоть до Ана-

¹ **Анчабадзе З.В.** Указ. соч. С. 295.

² **Вахушти.** Указ. соч. С. 257.

³ **Хорасани Х.** (Корреспонденция из Сухума) // Газ. «Кавказ». 1873, № 150; **Альбов Н.М.** Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 г.//ЗКОРГО, кн. XVI. – Тифлис. 1894. С. 115–158. **Его же.** Живая старина//ИКОИРГО. Вып. III. Санкт-Петербург. 1893. С. 323, 324.

⁴ **Анчабадзе З.В.** Указ. соч. С. 302.

пы и далее¹ (хотя, неужели Э. Челеби мог знать о положении 600-летней давности?). Вместе с тем, опираясь на карту Арк. Ламберти, З.В. Анчабадзе отмечает, что северная граница Мегрелии XVII в. проходила не целиком на всем протяжении реки Кодор, а только после выхода ее на равнину и что за пределами Келасурской «стены, в горах проживали абхазы»². Несмотря на это, он в целом склоняется все же к тому, что в южной части современной Абхазии особенно на территории, получившей впоследствии название Мурзакан, а затем Самурзакан, происходил к концу периода позднего Средневековья «процесс абхазизации» живших там мегрелов.

И этот процесс он связывает с сознательной политической деятельностью тогдашних абхазских владетелей, которые, чтоб утвердиться на занятой территории, «стали переселять сюда абхазов дворян и крестьян» (но почему сказано «стали переселять»? Мы ведь знаем только один факт переселения, да и тот происходит от весьма сомнительного документа, что уже отмечено выше).

Таким образом, только «с конца XVII в. – включает он, – здесь появилось постоянное абхазское население»³. При этом закономерно возникает вопрос, а как ранее, до названия Самурзакан/Мурзакан, назывался этот район? Ведь не мог же он быть безымянным?! Присутствие в этом регионе какой-то части мегрельского населения никто не отрицает, но в каком соотношении находились эти этнические группы – абхазы и мегрелы? Вместе с тем не исключается, что в своем большинстве это было мегрелизированное древнее абхазское население края, крайне сократившееся в результате работорговли, которую именно в этом районе чрезвычайно широко развернули мегрельские владетели Дадиани, о чем красочно рассказывается в описаниях путешественников и духовных лиц.

Мы еще вернёмся к некоторым положениям и выводам З.В. Анчабадзе, которые вызывают большие сомнения, а здесь подчеркнем еще раз самое главное – абсолютную несовместим-

---

¹ Там же. С. 293 – 294.

² Там же. С. 296.

³ Там же. С. 297.

мость его концепции с представлениями о таком позднем появлении абхазского этнического элемента на территории южного региона современной Абхазии.

Обращает на себя внимание мнение, которого придерживается и акад. К.В. Ломтатидзе – крупнейший авторитет в области абхазо-абазиноведения. Она ничего не говорит о переселении абхазов с севера на юг, а, напротив, утверждает, что абазины, в частности, ашхарская субэтническая группа, обитала в северо-западных районах исторической Абхазии (эти микрорайоны автор называет конкретно). По ее мнению, абхазы (ашхарцы) только в XIX в. переселились (как задолго до этого их соплеменники тапантовцы) на северную сторону гор. «Сложная природа ашхарского диалекта, – указывает автор, – объясняется историческим прошлым народа, говорящего на нем. На место, где ашхарцы сейчас проживают – к берегам Инджика, они переселились в XIX в. с южных склонов Кавказского хребта. До этого они жили в Ахчипсуском, Псхуском и других районах Абхазии. Однако не подлежит сомнению, что среди этих переселенцев встречались представители разных абхазских племен. В этом отношении обращают на себя внимание предания стариков. Ашхарские старики рассказывали нам, что кувинсовцы являются пришельцами из Ахчипсоу и Псху, а апсуйцы (чегереевцы) – из Наху, то есть из более южной Абхазии»¹.

Обобщая, можно сказать, что все авторы XIV – XIX вв., писавшие об Абхазии и абхазах, – от испанского Анонима и Галонифонтибуса до Вахушти и Рейнеггса, – помещают «земли абхазов у Черного моря»², между мегрелами и черкесами, и ни один из них не говорит ни слова об их приходе сюда с Северного Кавказа или из других мест. Такого же единого мнения придерживаются и фактически все наиболее компетентные специалисты по истории Абхазии рассматриваемого времени – И.Г. Антелава, З.В. Анчабадзе, К.В. Ломтатидзе и др.

---

¹ **Ломтатидзе К.В.** Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. – Тбилиси. 1954. С. 232 (на груз. яз.).

² **Клапрот Генрих-Юлиус.** Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 –1808 гг.//АБКНКА. С. 266.

Среди неопровержимых доказательств аборигенности и неменяемости абхазов на занимаемой ими территории особое значение имеет, как указывалось и выше, их традиционная неразрывная связь с морем. Это нашло свое яркое отражение в морской, судоходной и судостроительной лексике, широко представленной в абхазском языке. Однако на все эти факты сторонники «горной стихии» не по незнанию, а по нежеланию знать их, не обращают никакого внимания, потому, что все это им абсолютно не устраивает¹. А между тем, хорошо известно, что развивавшееся в течение длинного ряда веков морское дело – судостроение, мореходство, да и пиратство (см. выше) было характерно для приморских народов кавказского побережья – черкесов, абхазов и лазов, но у абхазов, как подчеркивают специалисты, оно достигло наибольшего развития.

Как об этом частично говорилось и выше, абхазская речь и предания полны воспоминаний о неразрывном, непосредственном, с глубокой древности общении абхазов с морем. Абхазы, как мореходы, передавали соседям свои морские термины, в частности, абхазское слово *апра* – «парус» было заимствовано грузинским языком². Есть заимствования этого плана, по устному сообщению лингвиста В.А. Чирикба и в убыхском языке. Фактов множество, но я ограничусь здесь лишь одним характерным свидетельством. Генерал русской армии XIX в. И. Ф. Бларамберг в своем «Описании Кавказа» говорит в частности, следующее: «Убыхи, чепсуи и гусие, занимающие устья рек

---

¹ См. об этом подробнее статьи: **Инал-ипа Ш.Д.** «О мореплавании в Абхазии в античный период и в феодальную эпоху» // Доклад прочитан в конце 1957 г. в АбНИИ, и затем на московской сессии Ученого Совета Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, посвященном итогам экспедиционных исследований 1957 г. // Труды АбНИИЯЛИ. 1959, с. 73 – 92; **Его же.** Абхазы. – Сухуми. 1965. 281- 295; **Его же.** Новые данные по истории мореходства в Абхазии (Открытие следов древней судостроительной верфи и судоходного канала на территории с. Тамыш. // Сб. Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми. 1971. С. 189 – 211; **Дзидзария Г.А.** Из истории мореходства Абхазии // Труды СГПИ, 1959; **Дзидзария О.П. (Дзария).** Морская лексика в абхазском языке. – Сухуми. 1989. 97 с.

² **Марр Н.Я.** О языке и истории абхазов. – М., – Л. 1938. С. 87, 143.

Пейсва, Шиаке и Зуазе, впадающих в Черное море, научились у своих соседей абхазцев заниматься пиратством»¹ (Выделено мной. – Ш. И.). Как могли абхазы, живя вдали от моря, где-то на Северном Кавказе, сделаться такими профессионалами в области судостроения, мореплавания и пиратства, столь широкое развитие которых немислимо без соответствующей многовековой традиции? Из древней литературы известно, что в IV веке до н.э. гениохи и ахеи были грозной опасностью для мореходов и торговцев в акватории Черного моря (а вероятнее всего и гораздо ранее), что заставило боспорского царя Эвмела в конце IV века вступить в борьбу с ними.

Вспомним здесь и такой интересный факт, как строительство военного корабля «о 74-х пушках», говоря словами Семена Броневского, сооруженного на абхазской корабельной верфи. Этот корабль был подарен Келеш-беем турецкому султану². Знаменательны и слова лингвиста Г.А. Климова, сказанные им об абхазском языке: «Очевидную специфику состава отраслевой лексики, заметно обособляющую абхазский язык от других абхазско-адыгских, образует богатый пласт терминов мореходства и морского промысла, свидетельствующий о давности тесного общения абхазов с морем»³ (Выделено мной. – Ш.И.). Об этом же говорит масса названий морских рыб и животных, а также и материалы абхазского фольклора и религии (бог побережья Аг и бог моря Эт/Хайт)⁴.

Эвлия Челеби о «стране Абаза», которая, по его словам, кончалась в районе Анапы (гавань Кутаси), писал: «Все племена, у которых мы побывали и (земли которых) осмотрели от этой местности вплоть до реки Фаша, живут на берегу моря... Непокорный и мятежный это народ числом многие сотни тысяч»⁵ (Выделено мной. – Ш.И.).

¹ **Бларамберг И.Ф.** Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа//АБКНКА. С. 404.

² **Броневский Семен.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М., 1823; **Зубарев Д.** Абхазия//«Русский вестник» 1842, № 6. С. 94 и др.

³ **Климов Г.А.** Введение в кавказское языковедение.–М., 1986. С. 52, 53.

⁴ См. об этом в работе **Дзидзария О.П. (Дзария).** Морская лексика в абхазском языке. – Сухуми. 1989.

⁵ **Челеби Эвлия.** Указ. соч. С. 53, 54.

Абхазы – свободолюбивый народ, обитавший истари как на побережье, так и в нагорной части современной Абхазии, обладал всеми отличительными чертами, которые характеризуют любую самостоятельную этническую общность: своей территорией, своим особым языком, включающим несколько диалектов (абжуйский, бзыбский, садзский, который представлен ныне только в Турции); своей неповторимой духовной и материальной культурой, развивавшейся в продолжение веков и тысячелетий в тесном взаимодействии с культурами, окружавших его генетически родственных и неродственных народов.

У. ОБ АБХАЗСКОМ НАСЕЛЕНИИ МЕЖДУРЕЧЬЯ КОДОР-ИНГУР

Междуречье Кодор-Ингури едва ли не основная часть этнической территории крупного древнеабхазского племени апсилов, было той пограничной полосой, где в течение длительного времени происходило продолжающееся и до наших дней активное взаимодействие абхазского «племенного мира» в основном с мегрельским. Абхазский «племенной мир» и его культура были представлены здесь в течение веков и тысячелетий, как об этом свидетельствуют многие исторические источники, начиная от археологии и кончая топонимией, фольклором, абжуйским диалектом абхазского языка и его самурзаканским говором¹, а также самурзакано-зугдидским диалектом (или говором?) мегрельского языка, испытавшим влияние абжуйского диалекта абхазского².

В этой связи нельзя обойти молчанием самобытную «апсильскую» археологическую культуру, которую называют также цебельдинской по месту ее первоначального обнаружения. Эту позднеантичную культуру изучали известные абхазские и грузинские археологи, начиная с И.Г. Гзелишвили³, К.И. Бердзнишвили, М.М. Трапш, Г.К. Шамба, М.М. Гунба, Ю.Н. Воронова, О.Х. Бгажба, Л.Г.Хрушковой и др. Их раскопками в Цебельде и других местах района выявлено большое количество оригина-

¹ **Циколия М.** Абхазская речь Гальского района (Основные особенности) // Труды АБНИИЯЛИ ХХХ. – Сухуми. 1959. С.193.

² **Циколия М.** Фонетический обзор самурзакано-зугдидского говора мегрельского языка// Труды АБНИИЯЛИ. Том ХХV. 1954; **Его же.** Абхазо-картвельские синтаксические параллели // Резюме докладов симпозиума «Вопросы истории и культуры картвельских языков». – Тбилиси. 1987. С. 27 – 58.

³ **Гзелишвили И.Г.** Остатки кремации, погребенные в глиняных сосудах в Абхазии//САНГ VIII, 1 – 2. – Тбилиси. 1947.

нальных материалов, что позволило исследователям единодушно выделить ее в своеобразную археологическую культуру, датируемую II – VI вв. н.э.

Центром ее считается Цебельда и прилегающие к ней территории. Главнейшим специфическим признаком, отличающим цебельдинскую культуру от других культур, являются часто орнаментированные одноручные и двуручные глиняные кувшины самых разных размеров, амфоры и корчаги тоже орнаментированные, при этом, почти все сосуды с чашеобразным венчиком.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что и на левобережье Кодора, в селе Атаре, археологом М.М. Гунба в 1970-х годах раскопаны могильники, в изобилии содержавшие предметы, как по составу, так и по формам керамики и других вещей, относящиеся к той же цебельдинской культуре¹.

Об этих материалах из селения Атара было известно уже с начала 1950-х годов. Местный житель, учитель-краевед В.И. Воротников доставлял в Абхазский госмузей предметы из разрушающихся могильников и монеты, в основном, римские, находимые там же. Обломки кувшинов цебельдинского типа были обнаружены и в селении Адзюбжа, а при раскопках в г. Очамчира 1935 г. был выявлен почти целый кувшин. Совершенно целый довольно большой одноручный кувшин был доставлен в 40-х годах в Абгосмузей из окрестностей Гали. Много предметов этой культуры обнаруживали и в верховьях кодорского бассейна на территории исторической Мисиминии. Накладная головка то ли козла, то ли барана, какие налеплялись на тулово цебельдинских кувшинов, попалась и во время раскопок Анакопийской цитадели.

Полные комплексы ранних погребений этой культуры были вскрыты в с. Нижняя Эшера, там же в инвентарь погребения входили и римские монеты. Погребение датируется IV веком н.э. Этим же веком датируется погребение, обнаруженное в с. Цкыбын в Верхней Дранде (быв. Шаумяновка). Самым ранним

---

¹ **Гунба М.М.** Некоторые новые вопросы абхазской этнографии //«Алашара». 1971, № 4. С. 95, 96 (на абх. яз.); **Его же.** Новые памятники цебельдинской культуры. – Тбилиси. 1978.

датируемым III веком погребением, найденным на территории, не относящейся к основному региону цебельдинской культуры, оказалось то, которое было обнаружено в с. Ачандаре¹.

Хотя все предметы и погребения цебельдинской культуры были обнаружены на территории Абхазии, тем не менее, не всеми грузинскими исследователями она была признана абхазской.

Как можно судить на основании проведенных к настоящему времени исследований, границы этой культуры простирались примерно от р. Келасур, вернее несколько северо-западнее, а на юго-востоке ни могильники, ни поселения этого времени в Абхазии пока не обнаружены. Известны в основном лишь случайные находки обломков, исключая лишь, что было уже отмечено, один целый кувшин из окрестностей Гали и еще один почти целый из раскопок на территории Очамчирского порта.

Позднеантичная цебельдинская керамика, впервые была обнаружена Г.И. Гзелишвили в бывшем селе Ольгинское (абх. Бариал) Гульрипшского района. Изучая ее, археолог К.И. Бердзенишвили пришла к выводу, что большая часть этой керамики «стоит совершенно изолированно от синхронной глиняной посуды, распространенной на территории Грузии»².

Подчеркивая уникальность этой керамики, как неотъемлемой части древнеабхазской (точнее апсильской) культуры, я в данном случае оставляю в стороне более чем сомнительные попытки названного автора увязать ее с «общегрузинским» религиозным культом, а самих апсильцев, следуя П. Ингорквва, соответственно причислить к древнегрузинским племенам³. Отмечаю только два момента.

Во-первых, автор противоречит сама себе: с одной стороны, правильно отмечая «совершенно изолированное» положение указанной керамики по отношению к синхронной грузинской

---

¹ **Гунба М.М.** Указ. соч. С. 52 – 63, табл. XLVIII (Дранда), XLIX (Нижняя Эшера), (Ачандара).

² **Бердзенишвили К.И.** Позднеантичная керамика из Цебельды // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. II. – Тбилиси. 1959. С. 108. (на груз. яз. с русским резюме).

³ **Там же.**

керамической посуде того времени, с другой – пытается, вопреки фактам и логике, увязать ее с религиозными верованиями грузин.

Во-вторых, на ольгинских глиняных предметах она видит изображение головы свиньи, тогда как, по всей вероятности, это неясное и стертое налепное украшение в виде головы барана или козла, что в огромной массе встречается на цебельдинской керамике. Там в погребениях были встречены и цельные скульптуры, но это ритуальные глиняные сосуды в виде оленя и быка с отверстиями на голове. Изображение же свиньи не было встречено ни разу ни в виде отдельной скульптуры, ни в виде налета ее головы.

Апсилы – один из основных этнических компонентов абхазского народа, в самоназвании которого (апсуа) звучит их племенное имя. Они в течение веков занимали территорию юго-восточной части современной Абхазии, а некогда, как видно и смежные районы Западной Грузии, хотя некоторые исследователи помещают их, как ни странно, только «у устья Кодора»¹.

Здесь, очевидно, уместно вспомнить геродотовские локализации населения Причерноморья: «От Меотийского [Азов] озера до реки Фазис [здесь подразумевается р. Чорохи] до колхов тридцать дней пути», и еще – «колхи и их соседи до Кавказских гор»². Из этих непредвзятых сведений следует, что между рекой Фазис (не Рион, а Чорох) и Кавказскими горами в V в. до н.э. еще обитали племена некартвельского корня.

В связи с вышеуказанным, привлекает внимание и рассказ гораздо более позднего времени, Диона Кассия о походе римлян из Восточного Закавказья через Лихский хребет к Причерноморью для захвата в плен Митридата Евпатора, после поражения сбежавшего в Диоскуриаду. По словам этого автора, преследовавший его Помпей «прошел через земли колхов и их соседей», и, дошедши до Фазиса, двигаться дальше не ре-

¹ См., например, **Чичуров И.С.** Византийские исторические сочинения. – М., 1980. С. 136. Прим. 388.

² **Геродот.** Истории. Книга IV, гл. 37, 38.; См. и **Микеладзе Т.К.** К вопросу о периодизации истории древней Колхиды // Вопросы древней истории (Кавказско-ближневосточный сборник, IV). – Тбилиси. 1973. С. 149 – 151 и 138 (со ссылкой на Геродота, VI, 84 и на «Аргонавтику»).

шился, узнав, что «путь по материку идет через земли многих неизвестных (в то время неизвестных пока для римлян) и воинственных племен»¹.

Академик И.А. Джавахишвили, сопоставив данные Арриана (начало II века н.э.) с другими источниками, пришел к выводу, что Апсилия лежала в Европе, «севернее Риона»². Относительно локализации апсильев свое мнение высказал и акад. С.Н. Джанашия. Предполагая, что южные этнографические границы апсильев доходили приблизительно до р. Хоби, далее которой простиралась земля лазов, он при этом, для обоснования своего мнения, считал необходимым собрать дополнительные материалы³, какие и были найдены в могильнике, обнаруженном на восточной окраине г. Зугдиди, исследованном Н.В. Хоштария⁴.

Исследовательница считала, что чхороцкусские кремационные захоронения I – III вв. н.э. принадлежали апсилам⁵. Подтверждением и напоминанием об их былом присутствии в этом районе служат не только предметы археологии, сходные с цебельдинскими, но и топонимика и другие материалы, приводимые самой Н.В. Хоштария.

В исторических источниках апсильев в основном всегда упоминаются как насельники Черноморского побережья Кавказа, непосредственно рядом с абазгами и всегда между последними и лазами, или мегрелами. Самые крайние пределы территориального распространения апсильев, встречающиеся в греко-римских и византийских описаниях, – это неуточненная «область апсильев» Прокопия, где-то к юго-востоку от левого берега устья Ингура в сторону р. Риони, а на северо-западе, как считал акад. С.Н. Джанашия, их граница доходила до Себасто-

¹ **Кассий Коккеиан Дион.** Римская история. Походы Помпея в 66, 65 гг. до н.э. //ВДИ, 1948, № 2. С. 268–277.

² **Джавахишвили И.А.** История грузинского народа. Книга 1. – Тбилиси. 1913. С. 54. (на груз. яз.).

³ **Джанашия С.Н.** Труды. Том III. – Тбилиси. 1959. С. 23 (на груз. яз.)/ Перевод на русск. яз. **В.М. Бганба.**

⁴ **Хоштария Н.В.** Чхороцкский могильник с трупосожжением... и остатки поселений // МИГК. Вып. II. – Тбилиси. 1941.

⁵ **Ее же.** Цихисдзири. – Тбилиси. 1962. С. 22.

полиса («Город Абазгии и Апсилии Цхум» грузинской летописи). Южнее или севернее этих пунктов, апсилы ни в каких источниках не упоминаются.

Иначе говоря, современные южно-абхазские земли составляли когда-то центральную и северо-западную часть апсильской племенной территории, но под натиском лазов и других причин в продолжение длительного времени происходило ее сокращение, соответственно менялись и этнические границы. Апсилы частично были ассимилированы, а частично отодвинуты к северу до самого Ингура, подвергаясь там процессам ассимиляции с параллельно идущим этническим освоением пришельцами значительной части территории, населенной в прошлом племенем апсилон¹.

Топонимика². В течение XX столетия произошла почти полная ассимиляция абхазского населения современного Гальского (бывшего Самурзаканского, а вероятно, правильнее – Мурзаканского) района. На смену абхазскому языку пришел мегрельский. С этим связано и постепенное изменение в регионе географической номенклатуры – исчезновение следов коренной топонимики и появление относительно молодой.

Несмотря на это, путем изучения картографического материала, литературы, полевых разысканий и других источников, удается частично выявить, не всеми еще забытые старые абхазские названия здешних рек и местностей³.

¹ Согласно турецким источникам в 1571 г. границей между Абхазией и Мегрелией вновь на какое-то время стала р. Ингур. (**Чачибая Ц.** Сан-Себастиан. 1350 г. // Газ. «Единение» (абх. «Аидгылар»). 1991, апрель, № 4. С. 7.) К сожалению, Вахушти в соответствующем периоде его исторического повествования ничего об Абхазии того времени не пишет. (**Вахушти.** История царства Грузинского. – Тбилиси. 1976. С. 236 – 238).

² Ш.Д.Инал-ипа готовил данную книгу к переизданию во время грузино-абхазской войны и в первый послевоенный год-полтора, внося определенные коррективы в топонимику. Однако в то время большинство сел еще не были возвращены исконные абхазские названия, поэтому в данном параграфе, да и в других главах нового издания сохранены те названия, которые были официально приняты в довоенное время (прим. М.К. Хотелашвили-Инал-ипа).

³ Большая работа, проводившаяся мною в 1947, 1952, 1959, 60-х и прочих годах по топонимике и микротопонимике Гальского района, с

В той или иной степени они сохранились на всей территории района, но особенно в окумском секторе и выше, вплоть до зоны альпийских лугов, служивших исстари местами летнего выпаса скота для жителей низин.

При этом следует помнить, что названия «населенных пунктов в массе более позднии, чем названия природных объектов»¹.

Приведем здесь некоторые факты абхазской топонимики – названия местностей и речек указанного района. Начнем с гидронимов, включая названия и тех местных мелких речушек, которых, по разным причинам фактически уже нет (их не найдешь теперь даже на самой подробной крупномасштабной топографической карте).

Среди десятков абхазских наименований речек и водоемов региона преобладают названия на:

I. «куара» (акәара), что в абхазском языке означает речку, ручеек:

1). Абзакуара, 2) Акуара-Тбаа (т.е. «широкая речка») – на территории села Пирвели Гали, 3). Ахуацкуара, 4). Маршанкуара – приток р. Окум, 5). Акураейква (Акәраеикәа), то есть «Темная река» – приток р. Цхенцкар, а также речка Аквариквара и поселок Аквариква в с. Земо-Баргеби, 6). Арасаракуара, т. е. «Ореховая» в с. Мзиури, 7). Амракуара (или, может быть. Ашракуара) – приток р. Анария, 8). Бацкуара в с. Мухури, 9). Бужкуара в с. Гумуриши, 10). Джихикуара, 11). Дзагакуара, 12). Шанцакуара в с. Чхуартал, 13, 14). Большая и Малая Еркуара (в верховьях – Тхирам). По устному сообщению этнографа Г.В. Смыр одна

приложением карт сгорела вместе с другими рукописями во время поджога архива и библиотеки Института еще в ночь на 1 октября 1980 года. Сгорел и третий экземпляр машинописи большой книги по абхазской топонимике Западной Грузии во время поджога института во время грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. Первые два экземпляра были ранее посланы на рецензирование в Москву В.А. Никонову и в Тбилиси Ш.В. Дзидзигури, но из фонда архива Никонова экземпляр таинственно исчез. Судьба другого мне неизвестна.

¹ **Никонов В.А.** Этнография Украины и ономастика. //Тезисы докладов на заседании, посвященном итогам полевых исследований 1969. – М., 1970. С. 53.

из этих речек носила название Аиергъдзы, т.е., источник бога Айерг, 15). Там же недалеко есть и речка Аергъдзиа), на современных картах – Эрцкали (быв. Дад), одна из них называется еще Юардзы (Фарзы) – приток р. Кохора, 16). Мунцкуара (Мынзкэара, теперь там Гальское море), Мыхкуара (Мухкуара) – приток р. Речхкуара, 17). Мышвкуара (Мышэкэара) – на территории Нового Гала, 18). Шашикуара (т. е., ручей бога Шашвы) – приток¹ р. Большой Эрисцкали, 19). Ходжкуара (Хэажэкэара), 20). В селении Царча на 5-м км севернее с. Ачигвара есть речушка Маджикуара, 21). Недалеко от нее Акуара цхели (Горячий источник). Там жили Кварацхелия, фамилия которых происходит, как считают сами ее представители, от Куара и цхели (цхели по груз. означает – горячий). На самом деле они являются ответвлением носителей фамилии Гемуа².

II. В ряде названий гидронимов присутствует абхазское слово:

адзы (азы) и адзыхь (азыхь) – вода, река, родник, источник). К этим гидронимам относятся: 1) Адзыхь (Азыхь) – приток р. Шашикуара, 2) Адзывры (Азыфры), второе ее название Гудаа – вытекает из озера Бебесыр, 3) Аергидзышра (Аергызышра) – озеро и местность. Название, связано с именем божества Аергъ, 4) Апсха-идзыхь (Апсха-изыхь) – «Царский источник» в СС. Ачигвара и Кутоле, 5) Анцва идзыхь – «Божий источник»? (здесь явно просвечивает мегрелизированное слово от Анцва – Верховного бога абхазов). Эта речка протекает западнее с. Ачигвара, недалеко от храма Джгерян-абаа.

В списке оронимов, составленном мною на основе полевых материалов и других источников, насчитывается свыше 50 названий абхазского происхождения, и очень редко встречаются слова иноэтнической принадлежности. В их числе немало названий, оформленных вместе со словом на:

III. шьха, что в абхазском языке означает «гора». В Гальском районе это 1) Жыпшха, Жыпишха (Жыпшъха, Шыпишъха) – гора Жипа (Жепа). Как видно, происходит от имени божества

---

¹ Записано мною от **Тытыша Мусаевича Булускерия** во время экспедиции 1959 года.

² **Трапш М.М.** Труды. Т. 4. – Сухуми. С. 195.

охоты Ажвейпш – (Ажџеип̄шь), 2) Речишха (Речашьха) – гора вымершего рода Речь или гора речевцев и др. Немало топонимов и на:

IV. тып (тып̄) – на абхазском языке означает «место, стоянка»: 1) Гуджтып (Гуц̄тып̄) – стоянка (пастуха) Гуджа, 2) Тенгизитып (Тенг̄ыз итып̄) – стоянка Тенгиза, 3) Шардентып¹ (Шардентып̄) – стоянка Шардена, 4) Пашв итып (Паш̄е итып̄) – стоянка Пашва и другие. Много названий с локативным суффиксом:

V. та (та): 1) Арюта (Ар̄џта) в Гальском районе, 2) Дадал ичарта (Дадал ичар̄та или Дадал ич̄ыр̄та), 3) Апста Сабериа – ущелье Сабериевцев, 4) Алдзгепста (местность ущелье у речки близ с. Члоу)², 5) Алкопста (Алкуапста) в северной части хребта Ходжал, 6) Апста – минеральный источник в лесу, в 15-ти км от с. Окум, 7) Абр̄нджлацарта (место сеяния риса, от абры̄нц̄ь – рис, алацара – сеять и та), – низменная часть в с. Гуп Очамч. р-на, Ашта. Далее идут слова с окончанием на:

VI. рха – слово означает «равнину, низину, долину»: 1) Могуц-ирха (долина Могуца) – озеро и местность между горами Сванетии и Самурзакана, 2) Кац-ирха – долина Каца (хребет на горе Ахахча), 3) Амцарха (огненная долина) – местность и приток р. Охуреи Окумрха и др.

Есть топонимы и с элементом:

VII. «ху» или «хуа» – означающие холм, возвышенность, владение: 1) Речхо/Речхуа – (холм или владения рода Речь), 2) Хуада, 3) Ачамчахарху (Ачам̄хахарх̄э) – кленовая вершина, 4) Андырхуа – местность в верховьях р. Сакиан, 5) Мгуашьирхуа – на правом берегу верховьев р. Ингур³.

Много слов с абхазским показателем собирательности, обобщения:

VIII. «ра» – 1) Соуипсара – на правом берегу верховьев Ингура, 2) Акармара (А̄кармара) – на р. Окум, 3) Ачмаара (А̄џмаара)–

¹ **Сахокия Тедо.** Путешествия. Гурия, Аджара, Самурзакано, Абхазия. – Батуми. 1950. С. 278.

² **Чурсин Г.Ф.** Указ. соч. С. 79. Ср. с названием Аалдзга (Галидзга).

³ **Бжания Ц.Н.** Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми. 1973. С. 15, 16.

между Гумуриши и Очаке, 4) Алашара, 5) Анаара, 6) Апшара (Ап̄шьара),¹ 7) Айсырра в Окумском ущелье, 8) Гуандра – речка и местность в северо-восточной части Абхазии, 9) Накра – правый приток р. Ингур, 10) Ачигвара, приток р. Гагида, 11) Амзара, 12) Абгара, 13) Ачырасра в тех же пределах, 14) Ачгылара, 15) Ачамхары-ахы, 16) Аергьдзашира – озеро в верховьях Галидзги, с которым связана известная абхазская легенда,² 17) Шашиквара – селение в Гальском районе, 18) Башкапсара – в горах того же Гальского района и др.

Ряд названий местностей образован путем сочетания личного мужского (иногда фамильного) имени со староабхазским словом:

IX. «аабтра» (аабтра, аап̄тра), означающим принадлежащую кому-то зимнюю стоянку мелкого рогатого скота в ущелье: например, 1) Маз-иаабтра – «Стоянка Маза», 2) Иуана иаабтра – «Стоянка Иуана», 3) Хватыш (Хэатышь) иаабтра – «Стоянка (представителей рода) Хватыш», 4) Кик иаабтра – «Стоянка Кика» и много других мест³.

Немало названий интересующего нас типа можно найти и в работе Тедо Сахокия: Акуахача (Акэахьча), Ахуашьта (Ахэашьта), Абакул (Абакэыл), Эрге-ашва («Песня Аерг»), как видно это было место, где пелась ритуальная песня охотников, исполнявшаяся в знак благодарности за удачу, Ашышкьат (Ашэышкьат), Апшдза (Ап̄шдза), что значит «Прекрасная» и горы: Анариа (Анаара), Ачгилара (Аегылара), Акибо (Акьыба), Аици, Харва (Харуа), Башкапсари, Анаку (Анаку «ледник» по абх.) и др.⁴.

В полевых материалах Б.В. Шинкуба, записанных им со слов старых бедийских пастухов Гажва Чкадуа и Гусара Аджинджал мы также находим достаточно много названий горных местностей Самурзакана: Акьыба, Амырчча (Амырчча),

¹ Шервашидзе М.Л. Карта Абхазии 1912 года (на абх. яз.).

² Чачхалия Д.К. Древности твои, Ткварчал // Газ. «Ткварчельский горняк». 1991.

³ Тхайцухов М.С. Указ. соч. С. 7.

⁴ Сахокия Тедо. Путешествия, Гурия, Аджара, Самурзакано, Абхазети. – Тбилиси. 1950. С. 278, 279, 289 (на груз. яз.). В той же статье, но изданной ранее в Батуми в 1935 г., см. сс. 369, 370, 375, 376.

Анаара, Ар-рымюа хуч (Ар-рымџа хэыц), Ар-рымюа ду (Ар-рымџа ду), Ахапквац (Ахапкџацџ), Ацвгылара (Ацџгылара), Ачажвпа (Ачажџпа), Башкапсара (Башкапџсара), Быквын-этоу (Быкџвын-этоу), Едзаашра (Езаашџра, быв. Ергџдзаашџра), Отыр (Оџтыр), Панав (Панаџ), Хуаджал (Хџаџџал), Цакџа-этоу (Цаџџа-этоу), Джагуар-дзга (џаџаџар – зга), Худзга (Хџџызга)¹, Хинчкута (Хџынџкџџыта),² Чамхара-ахы (Чамџхара-ахы),³ и другие.⁴

Много записей в Гальском районе было сделано и М.М. Трапшем. Его информаторами были Валико и Ардаван Кварандзия, 10 лет работавшие колхозными пастухами. Они рассказали ему, что большой перевальный путь, идущий от них на высокогорные пастбища, перекрывала крепость Речабаа, и именно «отсюда они шли со скотом к горе Аррымџа (означает «Военный путь») через пункты (в последовательном порядке): Ахапаларахучы, Ахапалараду, Ахвасара (Альчовая роща), Ачызкуа (туловище коня), Дадалидзых, Шибижхара (место обеденного доения скота), Тарааруасасарта (место стрижки овец Тарбовых), Алашарахучы (маленький свет), Барганджиа икуара, Алашараду, Жепишха (гора), Какур ипарта (место, где прыгнул Какур), Анаара (крутое место), Баталидзых, урочище Апшира. Далее Берзух ихапы (Безух ихапы), Ахапыкџац, Ачба икуара, Акиба (лестница), Авичикџа, Апшаксырта, Бахфинджара, Ахахду (Большой камень), Башкапсарахучы, Башкапсараду, озеро Эргџдзаашра или Аергџидзашра. Далее Хапыџцивера; Чамхара ахы, Акаламра (Бамбуковая роща), Аасыбџжара, Адџыхведа, Джоурым и Беслан икуара, где дорога разветвляется – одна идет в Нижнюю, а другая в Верхнюю Сванетию»⁵.

И М.М. Циколия в своей статье «Абхазская речь Гальского района», выделяя Окумско-Чхортольский подговор абжуй-

¹ Ср. с Аалдзга (**Аалзга**) – абхазское название реки Абжуйской Абхазии – Галидзги.

² По словам тех же сказителей, так по-абхазски называются верховья р. Ингур.

³ Информаторы сообщили, что это второе название известной в Самурзакани горы Очаке (Очаџа).

⁴ **Шинкуба Б.В.** Золотые россыпи. – Сухуми. 1990. С. 470 (на абх. яз.).

⁵ **Трапш М.М.** Раннефеодальные замки, храмы и поселения Абхазии // Труды. Т. 4. 1975. С. 188.

ского диалекта, отмечает характерные для него основные фонетические, морфологические, лексические и интонационные особенности, приводит также целый список абхазских названий здешних местностей. «Топонимика северной горной части Окум-Чхортольского подрайона и подступов к нему в основном абхазская», – пишет он. В его перечне мы находим как известные уже нам, так и новые абхазские топонимы, на которые мы сошлемся без комментариев. Вот его список:

Апапкуара, Абзакуара, Апста (Ап̄ста), Жраб-гып (Жэраб-гып), Аудра, Ачашвкуара (Ачашэкэара), Ачадара (Аеадара), Анаара, Ах-ихапы (Ах-ихапы), Пеп-ихапы (Пеп-ихапы), Берзыхв-ихапы (Берзыхэ-ихапы), Ачбеикуара (Аебеикэара), Авжчикуа (Ажьчикэа), Боквшвинджара (Бо̄кэшэинц̄ара), Куачкей-куара (Кэачкеикэара), Башкапсара (Башкап̄сара), Пашв-итып (Пашэ-итып̄), Тенгиз-итып (Тенгэыз-итып̄), Ар-рымюа (Аррымюа), Аусара, Алашара, Ачамхара (Ачамхара), Какури-ипарта (Какури-ип̄арта) и др.

Автор далее сообщает: «В пределах самого Окуми и его окрестностей, где ныне распространена только мегрельская речь, мы встречаем такие топонимические термины, как: Анчагуарта (Анчагэарта)¹, Матейтахарта (Матейтахарта), Ныхыц (Ныхыц), Капшкыт (Кап̄шькыт), Аггавара (Аггэагара), Акыдра (Акыдра), Агвнаркела (Аггнаркэла), Ауардынцвра (Ауардынцэра), Акампырра (Акампырра), Акармара (Акармара), Ашврыхв (Ашэрыхэ), Атваду (Атэаду), Апгара, Шанцаквара (Шьанцакэара), Араду, Ачапара (Ачап̄ара), Мыхкуара и другие». «С другой стороны, следует отметить, – заключает автор, – что топонимика равнинной части этих же селений является в основном картвельской»².

В 1968 году и я, находясь на горе Анаара, записал у пастухов следующие абхазские названия самурзаканских «гор с ацанг-

---

¹ В этом названии без сомнения угадывается искаженное имя абхазского Верховного Бога *Анцва*.

² **Циколия М.М.** Абхазская речь Гальского района. (Основные особенности) // Труды АБИЯЛИ ХХХ. – Сухуми. 1959. С. 193 и сл. (на груз. яз. с русск. резюме).

варами»: Анаара-адзмах (Анаара-азмах), Ачачба, Ах-ихапы (Ах-ихаҭы), Апшыра (Аҭшыра), Ачажвпа (Ачажэпа), Дадал-ичырта, выходящая прямо к Ингуру (означает «место, где опух Дадал»), гора Ашта и др.

Большое количество названий из этих двух районов приведено и в обстоятельной статье сотрудника Сухумского Ботанического сада З.И. Адзинба¹. Представляют интерес и такие названия, как, например, Азро (вероятно, Азра). Так обозначено левобережье верхнего течения р. Окум на карте 1930-х гг. С.Ф. Луневского «АССР Абхазия». Аруаш (Арџаш) – на горе Чамхарх, Аслангирей и Ачигвара – притоки р. Гагида, Бзана – приток р. Чхоуши (устье Ингура), Гуандра – речка и местность в северо-восточной части Абхазии. Общая, как видно, основа у гидронимов Окум (Оқәум) и Гум (Гумыста) и Гумуриши (бывшее Гумрипш), Гудава, (бывшая Гудаква), ср. и с Гудаута. Накра и Хаиа² – правые притоки р. Ингур. Словом же Хаиа/Аиа в старину абхазы называли плодородные солнечные южные покатые склоны холмов и гор³.

Могли ли быть внесенными, все эти и другие, не выявленные пока названия, пришедшими сюда откуда-то абхазскими пастухами, а не местным абхазским населением? Но это искусственное, если можно так выразиться, «сложносочиненное» объяснение, нуждающееся в серьезном научном доказательстве. А главное состоит в том, что в рассматриваемом регионе отсутствует какой-либо доабхазский иноязычный топонимический субстратный слой, который неизбежно должен был существовать, если бы абхазы были бы здесь позднейшими пришельцами.

Иными словами, если бы мегрелы были древними коренными жителями Самурзакана, то там и в горах преобладали бы не абхазские, а именно мегрельские названия местностей и речек, потому что и мегрелы так же, как и абхазы издревле

---

¹ **Адзинба З.И.** Географические названия местонахождений растений флоры Абхазии//Труды Сухумского ботанического сада. Вып. XXIV. – Тбилиси. 1978. С. 118 – 121, 128.

² **Зухбая В.А., Зантарая Х.В.** Гали (Природа, исторический очерк, народное хозяйство). – Сухуми. 1988. С. 31 (на груз. яз.).

³ **Бжания Ц.Н.** Указ. соч. С. 29, 134, 150.

широко занимались отгонным скотоводством, а такое первичное хозяйственное освоение ими близлежащих гор, безусловно, должно было бы найти свое соответствующее отражение и в «языке земли».

Как может легко убедиться всякий читатель, знающий абхазский язык, очень многие названия имеют совершенно прозрачную абхазскую этимологию. Ограничимся несколькими примерами: «Акыдра (от акды по-абхазски «бревно», видимо, в этом месте когда-то стояла обычно квадратная в разрезе смотровая башня, строившаяся абхазами из бревен-кругляков) – источник в с. Речхи; Амцарха – «огненная долина» – приток р. Охурей, Акаламра – бамбуковая, Акармара (Акармара) – лиановая, Аисырра – осоковая, Алашара – светлая, Амзара – сосновая, Адзмах (Азмах) – болотистая, Анаара – вероятно, крутая, Апшыра (Апшыра) – смотровая (место наблюдения), Нхыц (Нхыц) – загорная, Окум-Арха (Окэым-Арха) – окумская долина, Ауассара – место стрижки овец, Абынджлацарта «место посева риса», Ацыгымва (Ацыгымва) – куньи тропы, Ахуца (Ахэца) – подгорное селение вблизи Окума, Анаку (Анакэ) – ледниковая (в верховьях р. Ингур), Аджда чапара (Ацъма чапара) и Андырхуа. Последние два урочища, расположены в верховьях реки Сакен на обоих ее берегах, вблизи перевалов, ведущих в Сванетию и Карачай¹. Первое из них означает «место, где срываются козы», так называют и пристройку к жилому дому, предназначенную для хранения и переработки козьего молока, Хецера (по-абхазски Ахьацара означает «грабовая роща»), находится на левом берегу реки Ингур и т. д.

Ряд пунктов свое название получил по имени абхазских владетелей и феодалов, а также и фамилий других сословий: Ах-ихапы (Ах-ихапы) – пещера владетеля, Ачачба – абхазская форма фамилии владетелей Абхазии – это гора правобережья р. Ингур, граничащая с горой Анаара-адзмах², Ачба-икэара –

---

¹ **Бжания Ц.Н.** Из истории хозяйства абхазов. – Сухуми. 1962. С. 111, 112.

² **Инал-ипа Ш.Д.** Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми. 1971. С. 96.

речка князей Ачба, Чаабалрхуа – владение князей Чаабал (Чебулурха по А.М. Павлинову) в Гальском районе¹ и др.

Характерно, что абхазские названия местностей, в том числе гор и альпийских лугов, сохранились в памяти не только самурзаканских старожил, но даже старожил из мест внутренней Мегрелии. Так, по словам мегрельского пастуха Дианоза Шамуги из с. Мужава Цаленджихского района, он знает гору Аджба-икуара, что в переводе с абхазского означает «ручей Аджба», Букустоу (абх. Абақәы, Абыкә зтоу – «содержащая пчелиную колоду»), Ашта (абх. Ашҭа – «поляна»), Башкапсара (абх. акапсара – «рассыпание», «россыпь») и Чамхарх (абх. ачамхә – «кленовая долина»), и, что важно, расположены, все они, по его представлению, на левобережье («слева от р. Ингури»), но на самом деле, как мне кажется, вероятно, на ее правобережье. Согласно же Иосифу Кварацхелия из с. Джгали, на горе Гвандра берет свое начало Хобис-Цкали².

А вот некоторые из абхазских топонимов, связанных с укреплениями, фамильно-родовыми группами, религиозными верованиями и пр.

Укрепления, крепости, ограды, населенные пункты:

Название	Значение	Локализация
Абаагды	Руины крепости, без зубцов (абаа «крепость», аагды «безрогая»).	Вблизи г. Гал, селение Мухури
Абаажв (Абааже, по-мегр. Абажу ³)	Старая (древняя) крепость ажә «старое».	с. Пирвели Гали

¹ Павлинов А.М. Экспедиция на Кавказ 1888 года. Путевые заметки //МАК. III. – Москва. 1893.С. 3, 4.

² Бигвава В.Г. Образ жизни абхазских долгожителей. – Тбилиси. 1988. С. 65,70.

³ Джибладзе Л.В. Стратиграфия поселений колхидской низменности. – Тбилиси.1990. С. 8.

Абака (Абайа), мерг. Наабакаре (Наабайаре)	Памятник, монумент, надгробие (от абх. абака «памятник»).	с. Царча
Абжигуара	Ограда (от абх. агуара – «ограда», Абж – лич- ное имя или название рода Абжба)	Междуречье Эрисцкали и Охурей
Аква-Риква (Ақәа-Рикәа)	Ақәа «крепость», «за- мок», Рикәа – имя.	Пос. Земо-Баргеби, ср. Аква (Ақәа) – замок, крепость и др. а также абх. название Сухума.
Акра (Анакра на карте 1800 г.); у Арк. Ламберти, Дюбуа, Спенсера и др. Анакрия/ Анаклия	От абх. акра – «маяк», «наблюдательный пункт», «мыс».	Устье р. Ингур (ср. Акра в устьях Дгамыш и Тоу- мыш, а также у берега в Пицундской роще).
Гал-хучи (Гал- хэчы)	Малый Гал (ахэчы по- абх. «маленький»).	У г. Гал (совр. село Пир- вели Гали).
Акыдра (Ақыд- ра)	Четырехугольная башня из круглых бревен (от абх. «Ақды – бревно»).	с. Речхи
Гудаква (Гәдақәа)	Гуд – имя, а аква «крепость», «замок», «каменное сооруже- ние, укрепление».	с. Гудава (Гудаа), бывш. Гудаква. Вероятно, оз- начает «крепость» или «замок Гуда».
Ацангуара	Ограда ацанов (от абх. «Ацан миф. пле- мя карликов» и агәара – «ограда»).	В с. Гудава (Гудаа), бывш. Гудаква
Ахра	«Скала». На ней на- ходятся развалины крепости.	с. Речхи. По преданию крепость связывается с родом князей Инал-ипа

Ачигвара (Аеггара)	Ограда для коней (абх. аҭы «конь», аггара «ограда».	с. Ачигвара
Мур-абаа	Означает «крепость Мура».	с. Пакуаш
Нарджхьоу-Абаа (Нарцъхьоу- Абаа). Второе и тоже древнеаб- хазское название крепости – Уати- аца (Уатиатцәа)	Крепость Нарджхьоу, она же и Аква (Акуа)	с. Бедия (название «Бе- дия» идет с 999 г., после постройки церкви при царе Баграте II).
Речь-Абаа	Речская крепость (от вымерш. рода Речь и абх. абаа – «кре- пость»).	Подошва горы Аючара (Аџчара) в двух км от с. Чхуартал
Речхь-Абаа и др. ¹	Крепость рода Речь, а хь – от абх. ху, хуа – холм, владение.	с. Речхи

Названия от имен абхазских родоплеменных групп

Название	Значение	Локализация
Абаз	Ср.: «абаза» – само- название абазин и назв. абх. и абазин у кавк. диаспоры и др.	с. Речхо-Цхири ²
Атарба идзыхь (Атарба изыхь)	Родник рода Тарба азыхь – «источник»	с. Чхуартал

¹ А.М. Павлинов в 1888 году во время своего пути на юго-востоке Абхазии, в Очамчирском и Гальском районах отмечал местности с развалинами замков, носившие абхазские названия: Ахуз, Амзера, Кечь-ноха, Хуада, Чебулурха и др. (Павлинов А.М. Указ. соч. С. 3, 4).

² Шония Н. Об изучении топонимики Восточной Абхазии // Ж-л «Друг памятника» (Дзеглис мегобари). – Тбилиси. 1970. 21. С. 62, 63. (на груз. яз.).

Ахиба	Фам. имя со значением «Золотарев», а ахьы – «золото».	с. Гумуриш (на границе Окуми и Речхи)
Ачангуарта (Ачангуарта)	Стойбище Чанба игэарта «ограда»)	с. Окуми
Гудзба и Гудзуба Диха-Гудзуба	Диха по мегр. «Земля (холм)», а Гудзба фамилия.	Холмы справа и слева от р. Ингури
Капш-кыт (Капшь-кыт)	Село, община (рода) Капш.	На границе сел Окуми и Чхуртала
Наапхазури (мегрельское название)	Досл. «Бывшее абхазское»	Селение Чубурхинджи ¹
Нажанео – совр. Нажанаури (мегр. название)	Селище абхазского рода Жане, Ажанаа.	На берегу Ингура (Егры – по-абхазски, Егури по грузинской летописи) ²
Сида ³ , под этим названием был известен княжеский род Сидовых	Село названо по роду абазинских князей Сид Сидаа, Сидипа.	Село близ Гала (ср. с названием раннесредневековой крепости Сидерон, бывший Тцахар в верховьях бассейна р. Кодор)
Чабалрхуа (Чебулу-рха по Павлинову)	Владения княжеского (рода) Чаабал ⁴ .	В районе села Окум
Речхи (абх. Речь-хуа)	Название местности носит имя рода Речь.	с. Речхи (ср. с назв. реки, местности и ущелья Речепста на Северном Кавказе)

Что касается названия с. Сида, то оно полностью совпадает с названием известного у абазин вплоть до XIX в. рода Сида,

¹ Там же.

² Какабадзе С.С. Грузинские документы Института народов Азии. – М., 1967. С. 16, 167, 170, 480.

³ Тхайцухов М.С. Этнокультурная общность ономастики (Рукопись).

⁴ Какабадзе С.С. Указ. соч. С. 16, 167, 170, 480.

Сидаа, причислявшего себя к роду абхазских князей Маршан (Марчан по абаз.), к ветви, носившей название Варданыжвлара (Урданыжэлара)¹. Интересно в этом отношении и название крепости Сидерон (быв. Тцахар VI в.), в начале VIII в., упоминаемой Феофаном в связи с миссией будущего императора Льва III, прибывшего к аланам, чтобы их силами наказать абазгов за их отпадение от Византии². Упоминает эту фамилию в XVIII в. и Пейсонель, как главенствующую у башилбаевского племени.

Можно привести и иные наименования самурзаканских населенных и других пунктов, восходящие по своему происхождению к абхазским и абазинским названиям. Например, пожилой Александр Зухба, родом из самурзаканской «столицы» Окума, сообщил мне, что соседнее село Гумриш абхазы называли раньше своим древнеабхазским названием Гумрыпш (Гумрып̄шь), из которого образовалась впоследствии мегрельская форма Гумриши. По-видимому, Гумрыпш генетически связан, как считает и К.С. Шакрыл, с абхазским родоплеменным названием «Гум», «Гумба»³.

Топонимы, связанные с культурами абхазов:

Название	Значение	Локализация
Азаниш	Ср. с местностями Азантха (Азант̄ха) в Цебельде, на р. Бзыпи и в с. Эшера.	с. Лекухона ⁴

¹ **Лавров Л.И.** Классовое расслоение и племенное деление абазин в XVIII – XIX веках // СЭ. 1948, № 4; То же в статье «Абазины» // КЭС 1. – М., 1955. С. 29.

² **Чичуров И.С.** Византийские исторические сочинения. – М., 1980. С. 67, 139, 140; **Агафий Миринейский.** О царствовании Юстиниана. Кн. 4-я, ч. 15.

³ **Шакрыл К.С.** К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов // Ученые записки АбНИЯЛИ. Т. IV. – Краснодар. 1965. С. 216.

⁴ **Шониа Н.** Указ. соч. С. 62, 63.

Ананалтварта (Анана–лтэарта)	«место восседания Ананы» (абх. богиня размножения людей, животных и пчел).	У VIII шахты на Галидзге; у слияния Кодора и Джампала, на Гумисте и в других местах
Апарда (Аҭарда)	Занавес.	с. Окум
Ахаруа (Ахарџа)	Название культового камня.	с. Гумриши
Къач-ныха (Кеч-ныха по А.М. Павлинову)	Аныха – святилище рода Къач, ср. также с назв. храма в с. Джгерда Къачныха, с названием церкви около Зугдиди – Киач ¹ ; с княжеским садзским. родом Гечь и абаз. обществом Кечь ² .	Между сс. Бедия и Окум ³ . Ср. с названием р. Кечь, притоком Мдзымты, а также и с названием ручейка Кечь в верховьях бассейна р. Кодор в Дале.
Лашкиндар	От имени абх. божества собак Алышкинтыр (на архитравном камне у входа в храм изображены два леопарда, которых также называли Алышкинтрами)	Храм на вершине горы, в ущелье реки Галидзга. Так назывались и большие боевые корабли абхазов.

¹ С этим названием связан псевдоним известного грузинского писателя Лео Шенгелая – Киачели (см.: Чачхалия Д.К. Роковая святыня // «Советская Абхазия», 1992, 22 июня.

² Лавров Л.И. «Обезы» русских летописей //СЭ. 1946, № 4. С. 163.

³ Павлинов А.М. Указ. соч. С. 3.

Аергьдзышра Ергедзышра	Ергь, Аергь – бог охоты и охотников, а дзышра означает – «жаждущий».	Озеро в верховьях р. Галидзга, с которым связана древняя легенда ¹
Ажвейпш-ныхвара ² (Ажәеипшь-ныхәара)	От названия бога диких животных, покровителя охоты и охотников – Ажвейпшаа и ныхвара – моление.	Находится между горами Соуипсара и Бытихә
Жепишха, Жипшха (Жып ишьха)	От имени Ажвейпшаа и ашьха – гора	Гальский район
Шашиквара и Шашиквараша (Шьашьикәараша)	Ручей Шаши, то есть, абхазского бога металлургии и кузнечества Шашвы (Шьашәы)	Приток р. Эрцкали; ручей в с. Ачигвара и ручей в с.Царча
Шьагунаха (Шьагәныха)	Святылище рода Шьагуа	с. Окум
Швджина (Шәцьына, вероятно, от Шәцьных)	Святылище стодубовой роши (видимо, от абх. шәкы – «сто», аць «дуб» и ныха)	с. Окум
Эргуджарут ³	Место аджара (абрзала) бога Аерга (св. Георгий по-абх.)	Крайний юго-восток
Эргдзашира (см. у Т. Сахокия и у З. Адзинба ⁴)	Место восседания жаждущего Аерга (бога дичи и охоты)	Озеро и перевал, связывающий Абхазию со Сванетией.

¹ Чачхалия Д. Древности твои, Ткварчал // Газ. «Ткварчельский горняк», 1991, 1 апреля.

² Шинкуба А.Е. Процесс охоты и культ горы Ажвейпшныхвара//Все-союзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986 – 1987 гг. Тезисы докладов. – Сухуми. 1988. С. 120, 121.

³ Зухбая В., Зантарая Х. Гали. Природа, исторический очерк, народное хозяйство. – Сухуми. 1988. С. 37. (на груз. яз.).

⁴ Адзинба З.И. Указ. соч. С. 128.

В.А. Зухбая и Х.В. Зантарая, описывая в своей книге¹ горы, реки, озера и села Гальского района приводят целый ряд названий бесспорно абхазского происхождения: Рекишха, Жепишха,² Алашара, Анара (Анаара), Ашта, Айсырра, Ачигвара, Абажв, Патархуца, Маршаниквара, Авасаквара (Ауасакэара), Шашиквара³, Аквариква⁴, Адзуру, Апсха-Идзых⁵, Адахвара, Ергуджарут⁶.

Последний гидроним сами авторы считают «интересным». А он, как кажется, представляет собой композит из абхазских слов: Аерг – бог дичи и охоты, он же св. Георгий и аджар (аџар) – т.е., аджар бога Аерга и абхазский локативный суффикс – «т». Аджар это старинные культовые огромные двурогие копыя с черешком вместо втулки, изредка встречающиеся в священных рощах Абхазии и Черкесии. На юго-востоке Абхазии, они проходят под названиями абрзал, иногда и аджар, на северо-западе – аджар, у адыгейцев – как джор, а у кабардинцев и черкесов – джор и жор.

Однако авторы тщательно обходят щекотливый вопрос этнической принадлежности всех этих и подобных им наименований. Не сказано ничего об этом и в главах, посвященных вопросам археологии, истории и исторической географии района (последняя написана, к сожалению, только по данным карты Хр. Кастелли, приложенной к книге Арк. Ламберти, где информаторами, несомненно, были одни мегрелы).

В книге «Гали» упоминается и р. Эрис-Цхали или Эртис-Цхали. По Вахушти, она еще в XVIII веке называлась Дадис-Цхали, а в ее верховьях находилась и крепость с тем же абхазским на-

---

¹ Зухбая В.А., Зантарая Х.В. Гали.

² Здесь явно присутствует название древнеабхазского божества дичи и охоты Ажвейпшаа (Ажэицшьяа).

³ Не вызывает, сомнения, что и это слово по своему происхождению также связано с языческими религиозными верованиями абхазов – названием могучего бога-кузнеца Шашвы (Шъашэы) и в переводе означает «ручей Шашвы», по мегрельски «ручей Шаши».

⁴ Поселок в с. Земо Баргеби и небольшая речка.

⁵ У авторов почему-то источник приводится в переводе на грузинский, хотя местное население называет его по-прежнему, по-абхазски Апсха-изыхь – «Царский источник».

⁶ Зухбая В.А., Зантарая Х.В. Указ. соч. С. 6, 7, 29, 31, 3, 32, 37, 62 и др.

званием Дад. Об этой речке и названии ее как Дад писали и другие авторы. Писал об этом и М. Броссе, считая, что в основе фамилии Дадиани лежит абхазское слово дад (а может быть, и в сванской фамилии Дад-ешкел-иани?)

Авторы в целом ценной книги начинают свой исторический экскурс с утверждения о том, что в прошлом, две тысячи лет назад, здесь, но, по их мнению, только «от Ингури до Галидзги (?) обитало одно из древнейших абхазских племен – апсилы (апшилы)». И мы после этого куцега признания вправе были ожидать от их поисков хотя бы каких-либо «абхазских следов» на этой маленькой территории.

Если «племя апсилов» абхазское¹, а их потомки проживали здесь, как мы уверены, не одно тысячелетие, то как они могли исчезнуть бесследно, не оставив ничего заслуживающего упоминания? Правда, авторы рассматриваемого труда, вообще избегают вопрос этнической интерпретации фактов и явлений. Но в данном случае ведь речь идет о бесспорных фактах, приведенных мною выше. Но разве в таких случаях молчание оправдано? Молчание не всегда золото!

Здесь, как мне представляется, следует привести и примеры южноабхазской лексики, связанной с судостроением и мореплаванием. Неужели авторам книги они остались неизвестными? Ведь не подлежит никакому сомнению абхазская этническая принадлежность ряда староабхазских названий местностей на территории прибрежной части южной Абхазии. Исключительно важны в данном случае топонимы и гидронимы с. Тамыш и других мест, связанных с вышеназванными занятиями. Например, «Место изготовления (досл.: «тесания») судов (Ашхэацэырҭа); «Место хождения судов (по каналу)» (Ашхэатаныкэарҭа); «Место укрытия судов» (Ашхэатцэахырҭа); «Место прикола судов» (Ашхэатцэахырҭа) и др.². Бесспорно то, что происхождение этих микропонимов уходит вглубь ве-

---

¹ Там же. С. 63.

² **Инал-ипа Ш.Д.** Новые данные по истории мореходства в Абхазии. Открытие следов древней судостроительной верфи и судоходного канала на территории с. Тамыш. // **Инал-ипа Ш.Д.** Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми. 1971.

ков, они могли возникнуть только в среде коренного южно-абхазского приморского населения задолго до господства в кавказских территориальных водах греческого, римского, византийского, гунуэзского, турецкого, а затем русского флота и связанного с последним полного упадка местного мореплавания. Если бы даже у нас не было никаких других источников, то одного этого факта было бы, по-моему, достаточно для утверждения о наличии здесь не только в эпоху средних веков, но и в гораздо более раннее время постоянного абхазского населения, не только занимавшегося рыбным промыслом и пиратством, но и поддерживавшего морским путем торгово-экономические и прочие связи с другими прибрежными пунктами Абхазии и с соседними странами.

О многовековых традициях в области мореходства, существовавших у древних жителей крупного уникального поселения эпохи поздней бронзы в устье р. Тоумыш, свидетельствует, помимо всех других ценных материалов, сенсационная находка археологов Д.С. Бжания и Г.А.Сангулия – керамической модели морского судна-ладьи с высокими бортами, клиновидной носовой частью и выступающим форштевнем в виде стилизованного изображения головы животного (собаки/волка или скорее леопарда)¹. В этой модели вероятно можно видеть влияние хаттской традиции, продолженной хеттами – изготовления миниатюрных ритуальных кораблей².

Здесь уместно вспомнить и свидетельство Вахушти о том, что абхазские военные суда назывались «алышкинтрами», то есть по имени абхазского божества собак Алышкинтр (этим именем абхазы называли и леопарда, хотя для него было и другое обозначение – абжьас). У Вахушти эти многоместные (до 300 человек) парусные военные корабли названы словом

---

¹ **Бжания Д.С., Сангулия Г.А.** Археологические открытия на Тамышском поселении в 1990 году. //Тезисы докладов XXXVIII научной сессии АБНИЯЛИ. – Сухуми. 1991. С. 23, 24; **Берзения Виссарион.** Тамышская ладья // Газ. «Абхазия». 1991, № 1.

² **Гиоргадзе Г.Г.** Производство и применение железа в Центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов//Древний Восток. Этнокультурные связи. – М., 1988. С. 241, 248, 255.

«олечкандари»¹, что является искаженной на мегрельский лад формой имени Алышкинтр². И, конечно же, не вызывает сомнения и то, что именно от староабхазского названия местности приморья – Акра происходит и мегрельская форма названия Анаклия, Анакрия³ – пункта в устье Ингура, означающее, о чем уже не раз сказано, в переводе с абхазского «наблюдательный пункт», «маяк»⁴, «мыс», и связано по своему проис-

¹ **Вахушти.** Описание царства Грузинского (География Грузии). – Тбилиси, 1941. С. 172 (на груз. яз.).

² Ср. вторую часть термина с названием «Кинтришские высоты» и рекой Кинтриши в юго-западной Грузии и народа кинтров Нартского эпоса. Однако, по расспросам фольклористов, им никогда не попадалось название такого народа. Как видно, у автора был какой-то вариант сказания, к настоящему времени не сохранившийся. Возможно, вариант был приведен в книге, посвященной много лет собиравшимся автором и неопубликованным до того материалам по абхазскому фольклору, подготовленной Ш.Д. к своему юбилею 1984 г. Но тогда дирекцией было принято решение издавать только «Труды», т.е. сборники с уже публиковавшимися материалами. Рукопись книги с фольклорными материалами сгорела во время поджога института (Прим. М.К. Хотелашвили – Инал-ипа.).

³ Тонкий наблюдатель и знаток нашего края, Ф.Ф. Торнау, в 1835 году писал об Анаклии, об ее жителях, а также и о южной границе Абхазии следующее: «В Анаклии, мингрельском пограничном местечке с смешанным населением из турок, мингрельцев, *абхазцев* и армян, мы переправились через широкий Ингур. Это была единственная переправа по всей дороге от Редут-Кале до Бомбор, на которой я нашел паром. На другой день... я переехал в Илори, на границу Абхазии, где в прошлом году наши войска построили укрепления на берегу Галидзги. Настоящая граница Абхазии начиналась на правом берегу Ингура. Галидзга служила прежде только для разделения двух абхазских округов – Самурзаканского и Абжельского. По причинам, которых я не мог никогда понять ясным образом, Самурзаканский округ был причислен нами к владениям князя мингрельского, и абхазская граница отодвинута с Ингура к Галидзге». (**Торнау Ф.Ф.** Воспоминания кавказского офицера. Ч. 1. – М., 1864. С. 18, 19).

⁴ Пункты с названием Акра значились и в других местах Черноморского побережья. «Акра» в абхазском несет «мореходные» функции, выражая собой «мыс», «маяк», «наблюдательный пост», и близко по значению к греческому. Анакрой, судя по С.М. Броневскому, называли Анаклию и турки. Рассматриваемая же точка у устья Ингура исстари служи-

хождению с необычайно широким развитием у абхазов мореплавания не только в античную, но, как видно, и в доантичную эпоху, в средние века и вплоть почти до середины XIX века. Пункт встречается не только в литературе, но и на карте 1800 года и в других источниках.

Вместе с тем внимание заинтересованных читателей и незадачливых оппонентов хотелось бы еще раз обратить на то, что абхазский язык отличается не только от картвельских, но и от родственных с ним адыгских языков обилием исконных морских лексем. Здесь можно еще раз вспомнить слова известного лингвиста Г.А. Климова, сказанные им об абхазском языке: *«очевидную специфику состава отраслевой лексики, заметно отличающую абхазский язык от других абхазо-адыгских, образует богатый пласт терминов мореходства и морского промысла, свидетельствующий о давности тесного общения абхазов с морем»*¹.

Конечно, в предгорной и альпийской зонах больше и лучше сохранилась абхазская топонимика, которая – надо и на это лишний раз обратить внимание – создавалась в результате длительного интенсивного освоения этих гор абхазскими крестьянами – оседлыми жителями равнинной и предгорной части того же района, перегонявшими летом свой скот на близлежащие и более дальние альпийские луга, богатые роскошными кормами.

Таким образом, в целом во всех горах и предгорьях Южной Абхазии, как и в других районах страны, по-прежнему безраздельно господствует старая и почти беспримесная, чисто абхазская топонимика. В населенной же полосе, преимущественно на побережье и в предгорьях и вблизи него, поверх древнего

ла именно таким местом, причем это же название (Акра) встречается и в других аналогичных местах абхазского побережья, и не только в сел. Тамыш: в Мгудзырхуа, в Пицунде и т. д., а названия «Анаркия», «Анакроя», «Анаклиа» представляют собой видоизменения первоначальной Акры в результате закономерного для мегрельского языка наращивания звука «н». (Шесть пунктов с названием Акра в северо-восточной и северной части Черноморского побережья, отметил **Стефан Византийский** еще в VI в. н.э.// ВДИ 1948, № 3, с. 313. Порт под названием Акра существовал и на побережье Сирии).

¹ **Климов Г.А.** Введение в кавказское языкознание. – М., 1986. С. 52, 53.

абхазского топонимического пласта неравномерно и вразброс наслоились сравнительно более молодые и даже совсем новые мегрельские и грузинские названия. Если говорить только о более ранних из них, то наиболее известными являются, например, Сатамашо – будто бы означает «место игрищ», Цкургил – «холодный источник», Цхенцкар – «конская река», Олагвана – «место обжига кувшинов», Папанцкур (Папанцкур) – «место провала попа». Только в самом конце X века появилась Бедия – «счастливое» место, а Чубурхинджи, что означает «каштановый мост» в XIX веке и др. Вместе с тем имеются пункты, названия которых являются словами, общими для грузин и абхазов, такие, например, как Акардама (груз. «аклдама») – «могильная яма», «склеп», Рашишь-накучхи – «след раши» (абх. «арашь» и груз. «раши» обозначают «легендарного крылатого коня»). Можно привести и другие примеры такого отложения картвельских (в случае если они не заимствованы из другого, третьего языка) географических названий на территории юго-восточного побережья Абхазии¹, но и приведенных, как мне кажется, достаточно.

Однако, по крайней мере часть из них безусловно представляет собой видоизменение на картвельский лад соответствующих абхазских первоисточников. В этом можно убедиться легко на примере метаморфозы названия одной из речек Самурзакани, о чем уже писалось выше. С самого «начала она называлась по-абхазски Юардзы (Царзы)² – «поток-речка» (от афар – «поток», азы – «речка, вода»); впоследствии гидроним подвергся трансформации, и речка получила новое назва-

---

¹ Если бы это не отвлекало нас в сторону от заданной темы, можно было бы привести немало примеров и того, как за последние десятилетия искусственно резко изменена топонимическая карта Абхазии в целях ее максимальной грузинизации. Достаточно вспомнить о том, как широко известный в истории Абхазии Цандрипш – «община рода Цандба», где находится замечательный одноименный христианский храм VI в., был переименован, без всяких на то оснований, в Гантиади, причем даже такие вопиющие искажения до сих пор остаются неисправленными. (Ныне почти всем этим местам возвращены их исконные названия. – Прим. М.К. Хотелашвили – Инал-ипа.)

² Гулиа Д.И. Абхазский календарь. – Сухум. 1921. С. 6 (на абх. яз.).

ние, соответствующее нормам мегрельского языка – Ерцкар (Ертцкар), в котором первая часть оригинала (⊙ар) заменена элементом «ер», а вторая (зы) – словом «цкар» (ц̄кар), что по-мегрельски означает «вода», «речка». Точно такому же превращению подверглось и название соседней речки: вместо абхазского Хуажвуара – «рододендроновая речка» (от ахэажэ – «рододендрон» и акэара – «речка») появилось Ходжкуара – «бычья речка» (ходж по-мегрельски «бык»). Возможно, также, что и мегрельское Цхенцкар – «конская река» – также восходит к своему абхазскому прототипу – Ачдзы с тем же значением (ачы – «лошадь», азы – «вода»), то есть мы имеем здесь копию, кальку – семантическое заимствование, буквальный перевод структуры слова. Со слов же Шрына Аргун (72 года) эта река в старину в верховьях называлась Хыбза (Хэыбза)¹.

Древнеабхазское название реки, протекающей в между-речье рр. Гал и Ингур – Дад (Вахушти, Делиль, Броссе и др.), связано возможно, с именем божества грозовых явлений Адыд (адыд в абхазском означает и «гром»). В то же время не исключается, что слово Дад в свое время выступало в значении «старейший», «старейшина» и т.п. В XIX веке река почему-то принимает грузинское название Эртисцкали, а в XX в. – Эрисцкари, выражающими собой, непонятно почему, то ли «река одного», то ли «народная (национальная) река». Альбовская Дихагузба (абхаз. Гудзба) – наименование в основе своей абхазского происхождения – стала называться Оцарце (на правом берегу Ингура)² и т. д.

Мы привели выше лишь небольшую часть примеров. Дальнейшими поисками эти материалы, несомненно, могут быть значительно пополнены и уточнены. Трудно сомневаться в

---

¹ Записано в Ткварчале 04 .09. 1960 г.; См. и в кн.: **Чацэ Чагэ иажэабжькэа.** – **Акэа.** 1983. Ад.156. (**Чац Чагу.** Рассказы, похождения, легенды, анекдоты).

² Абхазия. – М., 1899. С. 54. Это название носят холмы и на левобережье р. Ингур, а ближе к горам в селении Эргета, один холм носит картвельское название «Мамулиебис Диха-Гудзуба», что в смысловом переводе означает «родовое гнездо Гудзба» или вернее «место предков Гудзба» (**Микеладзе Т.К.** К археологии Колхиды (эпоха средней и поздней бронзы – раннего железа). – Тбилиси. 1990. С. 72).

бесспорно абхазской этнической принадлежности этих топонимов. Надо полагать, что подавляющее большинство из них появилось на географической карте Самурзакани несоизмеримо ранее XVII – XVIII вв. (хотя, как известно, определение времени и условий происхождения того или иного названия местности сопряжено нередко с большими трудностями). Если говорить, например, о приблизительной датировке в контексте истории страны и народа, приведенного выше абхазского названия «Царский источник» (Ап̄сха-изыхь) на территории сел Ачигвара и Кутол, не имеющего никакого параллельного обозначения, то становится ясным, что оно относится по своему генезису, конечно же, к периоду, не позже, чем время существования Абхазского царства, во главе которого стояли правители, называвшиеся по-абхазски «апсха» (ап̄сха), что переводится как «царь абхазов». Следовательно, данное название существует в составе южноабхазской топонимики, по крайней мере, свыше тысячи лет.

В с. Бедиа находятся развалины древнего сооружения – крепости, известной под названием Нарджхьоу (Нарц̄хьйоу-Абаа, она же Аква), а это имя одного из главных героев абхазского Нартского эпоса. Несомненно, крепость могла быть названа так только абхазами, жившими здесь задолго до строительства самой крепости-замка, относящегося к зрелому Средневековью, а, возможно, и к более раннему периоду (крепость не изучалась). Следовательно, ко времени возникновения данного топонима все население Бедийской округи было абхазским. С теми же нартами, надо думать, связаны и названия Анария и Анарги в Самурзакани и т. п.

Если абхазов не было в Абхазии до XVII века, то как мог образоваться отнюдь не до конца еще выявленный мощный слой бесспорно абхазской топонимики рассматриваемой области, в том числе оронимов, которые почти сплошь состоят из одних абхазских названий, образующих своего рода национальный абхазский «топонимический заповедник» горных районов и в Южной Абхазии, к счастью, в значительной своей части не подвергшийся пока всякого рода искусственным искажениям.

Стоит привести и еще один важный факт. Как известно, вся альпийская зона исторической Абхазии насыщена развалинами каменных пастушьих оград и жилищ под названием «ацангуара» (атцангэара), которые сооружались абхазскими скотоводами на протяжении длительного исторического времени. Подобные сооружения под тем же чисто абхазским названием ацангуар «ограда ацанов», часто встречаются в горах не только Очамчирского, но и Гальского районов. Кто являлся создателем этих достаточно древних памятников? Ими могли быть, если оставить в стороне миф о карликовом племени ацанов, только абхазы, населявшие долины указанных районов и перегонявшие свой скот каждое лето на горные пастбища (не зимой, не весной, не осенью жить там невозможно). Другие же народы, включая мегрелов, не знают этой своеобразной, давным-давно заброшенной ацангуаровской скотоводческой культуры, как и самого термина «ацангуара» (знают его частично только старые самурзаканские мегрелы, перегонявшие свой скот на абхазские пастбища, и который они усвоили от абхазов).

В.А. Гурко-Кряжин, опираясь на официальные и лично им собранные материалы, писал в середине 20-х годов, что в Гальском (прежде Самурзаканском уезде) *«мы наблюдаем сильный мингрельский элемент, питающийся постоянным притоком колонистов с родины. Как указывает топонимика Самурзакани, эта территория ранее была заселена абхазами»* (Выделено мной. – **Ш. И.**)¹. Далее он отмечает, что наряду с многовековой инфильтрацией мегрелов, в новое время имело место и «привлечение» их в качестве арендаторов на земли местных абхазских помещиков (в особенности с развитием плантационного хозяйства). Вследствие всего этого, «абхазское население подверглось здесь сильнейшей мингрелизации и утратило свой родной язык». Однако Гурко-Кряжин считал, что этот процесс не был еще «бесповоротно завершенным: в 1925 году четыре селения потребовали здесь устройства школ с преподаванием на абхазском и русском языке»².

---

¹ Гурко-Кряжин В.А. Абхазия. – М., 1926. С. 13.

² Там же.

Если бы до конца XVII в. абхазы не заселяли территорию до р. Ингур, то откуда появились здесь, в юго-восточной части современной Абхазии, многочисленные старо-абхазские фамилии, в том числе такие, например, как Ануа (с. Тамыш), которую предания не без основания относят к числу древнейших родоплеменных групп и притом только южной части страны?

В Гальском районе к числу коренных абхазских фамилий, которые нигде больше в Абхазии не встречаются, относятся, например, дворянская фамилия Цхуцхуба-я (первоначально, видимо, Цхэщхэба) и крестьянские Кавшба-я, Езыгуаа/Езыгу-ба (мегр. форма Эзугба-я от абхазского имени Езыгу)¹, Абрскил или Аблскир (мегр. Булискерия), причем последняя фамилия близка имени знаменитого героя абхазской мифологии – богоборца Абрскила, вымерший ныне род Речь, оставивший после себя следы в топонимике Самурзакани и Северного Кавказа. Только в этой части страны, на границе Мегрелии с Самурзаканом, встречается и фамилия Апшилава (Апшьлаа), название которой восходит к самим апсилам (апшилам)². Археолог Н.В. Хоштария привела в своей работе чрезвычайно важный материал об этой фамилии. Как она сообщает, еще в довоенное время (до 1941 г.) в Зугдидском районе сохранялась фамилия Апшила. По логике именно ее представители и были жителями поселения под названием Леапшиле, т.е. «Апшиловское», во время Второй мировой войны, переименованное в «Ахали Сопели» и присоединенное к селению Джума на юго-восточной окраине г. Зугдиди. Там же находятся и развалины храма, название которого тоже связывается с фамилией Апшила (церковь апшиловцев).

---

¹ Один богатый представитель этого крестьянского рода по имени Геджи Эзугбая, живший в конце XVIII – начале XIX в. в с. Малый Гал (Гал Хучы, совр. Пирвели Гали) «пожертвовал сто душ баранов богу животных Ажвейпшаа» (**Антелава И.Г.** Указ. соч. С. 133, 147). Кстати, если бы в прошлом население современного Гальского района не было бы абхазским, то у него не могло бы быть и представлений об этом оригинальном абхазском обычае жертвовать и отпускать в лес этому абхазскому божеству такое количество скота из своего стада, когда последнее достигало одной тысячи голов.

² **Хоштария Н.В.** Цихисdziри. – Тбилиси. 1962. С. 22 .

Как известно, в контактных зонах, при взаимодействии двух и более языков, побеждает обычно тот язык, который имеет большее распространение в силу многочисленности его носителей и который, что также, не менее важно, легче усваивается в силу его большей простоты в фонетическом и грамматическом плане. Но процесс ассимиляции абхазов затянулся на десятилетия. Этническое смешение и поглощение сопровождалось довольно длительным и активным сосуществованием абхазского, мегрельского и других языков. В одном из отчетов 1880 года отмечено, что «Труднее всего приходится учителям... в Окумской школе, где учителя должны объясняться на мингрельском, абхазском, турецком и обучать русскому языку»¹.

Абхазский язык, несмотря на продолжавшееся ослабление его позиций, функционировал, конечно, и позже. Например, по свидетельству коренного жителя с. Пирвели Гали, по-абхазски Малый Гал (Гал-Хэчы), старого педагога Михаила Кягусовича Эзугбая, еще в 1930-х годах во многих семьях этой и смежных деревень, где проживали представители ряда абхазских фамилий (Езыгуба – Езугбая, Кецба – Кецбая, Тарба – Тарбая, Зухба – Зухбая, Абухба – Абухбая и многие другие), хорошо говорили по-абхазски.

Леван II Дадиани пытался оградить стеной свои владения от вторжения не только каких-то дальних загорных пришельцев, но вероятно и от самих абхазов, местных жителей, живших издревле тут же, но и не только вдоль стены в предгорной полосе (Ахуна) и далее вглуби довольно обширных ущелий Кодора, Дваба, Моквы, Галидзги и в других местах, которые были почти неуязвимы для врагов (вспомним слова Э. Челеби о том, что турки «в горы не ходили»). Во всяком случае, обороняться в этих труднодоступных местах, как показала еще война мисимиян против византийских войск в середине VI века, было куда легче, чем на низинах. За «стеной, в горах также проживали абхазы», – писал, как мы знаем, и З.В. Анчабадзе.

При этом должно быть отмечено и то, что именно абхазское население Абжуа, т.е. «срединной области» (дословно оз-

---

¹ Отчет общества восстановления христианства на Кавказе за 1880 год. – Тифлис. 1884. С. 77.

начает «между»), нынешнего Очамчирского района, является одной из наиболее долгожительских популяций в Абхазии, а феномен долгожительства, как известно, неразрывно связан с многовековой адаптацией коренных жителей ко всем локально-климатическим, культурно-бытовым и другим особенностям среды их обитания, вплоть до мельчайших отличительных черт края. Короче говоря – феномен популяционного, или группового долгожительства – результат непрерывного влияния на население данной территории определенных природных и социальных факторов, длительный процесс его полнейшей адаптации, включая психологию народа и его нравственно-эстетические воззрения, длящийся в продолжение не одного тысячелетия. Одним словом, абжуйцы не могли бы быть такими «классическими» долгожителями, если бы их предки появились здесь всего лишь «пару веков назад».

В составе самурзаканского населения представлены как абхазские крестьянские (Абухба, Аблыскир¹, Езугба, Тарба, Кецба и мн. др.), так и абхазские княжеско-дворянские фамилии (княжеские – Чачба, Ачба, Инал-ипа, Эмхаа (Эмухвари), Чхотуа,² Чаабал, а из первостепенных дворян – Лакрба, Маан, Званба, Акыртаа), при почти полном отсутствии среди последних представителей мегрельского, сванского и вообще грузинского привилегированного сословия. Такой социальной картины мы здесь не имели бы, если вся эта территория искони была бы населена мегрелами или другими группами картвельской этнической принадлежности. Феодалного общества без своей национальной господствующей верхушки не бывает.

В языке и этнографическом быту старшего поколения самурзаканцев мы еще совсем недавно находили большое количество староабхазских элементов, частично доживших и до наших дней. Так, например, «на первом плане» «абхазский

---

¹ По А. Иоакимову «а-Булыскир». Он записал эту фамилию со слов абхазов в 70-х годах XIX в. (Иоакимов А. Абхазцы. //Газ. «Кавказ», 1874, №39).

² Ср. абазинское фамильное имя Чкатуевых. Его представители хорошо помнят свое родство с самурзаканскими Чхотуа. (Микаель Чкату. Асонеткәа. – Аҟәа. 1998).

обычай гостеприимства» и «чтение некоторых молитв по-абхазски» (Н.М. Альбов), обряд вызывания дождя Дзиоу, почитание божеств охоты и дичи Айрг и Ажвейпшаа (И.Г. Антелава), божества кузни Шашвы – у самурзаканцев Шаши (М. Джанашвили и др.), моление наковальне с принесением в жертву белого козла с прямыми рогами и др.,¹ обряд «воздушного захоронения»², вылавливания души утопшего в бурдюк, оплакивание покойников по-абхазски, о чем писал и Нико Дадиани, сообщая о событии в связи с доставкой убитого самурзаканского правителя Манучара Шервашидзе в его дворец в сел. Барбара. Он написал при этом о происходившем там «большом и выдающемся обычае абхазцев оплакивания и горевания»³, о поминальных ритуалах, абхазском обычае «ачапшара» и ряде других традиционных форм и отношений абхазского происхождения, а также абхазской лексике в речи самурзаканских мегрелов, о которой дает представление следующая таблица из далеко неполной выборки разных полевых записей:

Абхазское слово	Мегрельское соответствие	Перевод
Абаажә	абажу (абажу)	башня, замок, крепость
абаагды	абагд (абаагд)	Руины крепости без «зубцов» досл.: «безрогая».
Абджар (Абцъар)	Абцъари	вооружение, оружие
алаба	Лъаба	Палка
алабашъа	лъабашъа	Посох с металлическим наконечником
Апста (Ап̄ста)	Ап̄ста Ущелье	Напр., Окумское ущелье Оқәым ап̄ста
Атып (Атып̄)	тип̄у	Стоянка пастухов
Ахра	Ахра	Горная вершина, скала

¹ **Мачавариани Д., Бартоломей И.** Нечто о Самурзакани // ЗКОР-ГО. Вып. 6. – Тифлис. 1864. С. 80 – 83.

² **Хорасани Х.** Корреспонденция из Сухума // Газ. «Кавказ», 1873, № 150.

³ **Ник. Дадиани.** Указ. соч. С. 90, 91.

Ашэымкьат (Ашэымкьат)	Ашвамкьат	Пастушеский высокий сто- лик
Ашымкьат (Ашэамкьат)	Шфмикет	Настил из веток на каркасе для убитых молнией и такой же для мяса жертвенного жи- вотного.
(Ахэышэта)	Хушта	Место сидения старшего на пастушеской стоянке
Асыҭса	Сыҭса	Ледник
Абкэыл	Букуни	Цилиндр. формы деревянная посуда для кислого молока
Акэмача	Кумача	Темя
Акэахьча	Куархча	Шкурка-подстилка
Ачакэа	Чакэа	Деревянная кружка пастуха
Ахаза ахаза	Ҷаза	Налог, феодальная повин- ность
Абжьында	Абжьанд	Подпруга
ахта	ахта	Головная часть уздечки
атыхэцад	тыхэцад	Подхвостник
Акьахь.	Кьехь	Каркас седла
анахэҭа	нахэҭа	Недоузок (узда)
Акэымпыл (ама- ха)	Кумпиль	Лука седла
аҭшза	ҭшиза	Ласка? белка?
атытцындра	тытцындра	Земляника
марҭья	марҭья	А, ну-ка! побудительный возглас)
Бзиала уаабейт!	Бзальабет!	Добро пожаловать!
Ей, сабиц!	Ей, сабиц!	Непереводимая абх. идиома
Ахтцара	Хынтцра ¹ (и в сванском)	Мечение мелкого скота пу- тем разных надрезов уха

¹ Макалатия С. История и этнография Мегрелии. – Тбилиси. 1941. С. 193, 194, рис. 24.

Амҳара	Амхара ²	Цилиндр. формы плетеный домик с конусообразной крышей, предназначавшийся для молодоженов
--------	---------------------	--

Таких примеров усвоения в прошлом мегрелами абхазских терминов и множество традиционных норм поведения можно привести немало. Этого, естественно, не могло быть, если бы здесь не проживали абхазы, а мегрелы всегда составляли бы подавляющее большинство коренного населения края. Элементы местной культуры были заимствованы иммигрантами, как это всегда бывает при взаимодействии местного населения с пришлым.

Набирало силу и обратное влияние в результате непрерывно продолжавшегося в течение веков притока мегрелов и резкого увеличения количества смешанных браков между абхазами и мегрелами (в том числе особенно в XIX веке между владетельскими домами Шервашидзе и Дадиани и между другими представителями местного дворянства), что, в конце концов, привело к утере абхазами региона своего языка и этнического самосознания, то есть к почти полной ассимиляции Самурзакани.

С интересующей нас точки зрения немаловажное значение имеют именно сугубо локальные фольклорные материалы рассматриваемого региона. Например, знаменитая абхазская легенда о богоборце Абрскиле и исторические предания о «Царе Абхазии», или «Царе абхазов» (*Апсха*) являются весьма оригинальными памятниками устного народного творчества абхазов, отнюдь не имеющими столь широкого распространения ни в одной другой части Абхазии, не говоря об иных уголках Кавказа. Причем каждый из этих уникальных памятников своими корнями уходит вглубь веков (предание об Апсха по своему происхождению бесспорно связано с первым тысячелетием н.э., а легенда об Абрскиле восходит к гораздо более раннему времени).

² Там же. С. 245, 269. Рисунок Каstellи XVII в. (с. 246) и рис. 51 позднего времени на с. 246.

Как же такие, несомненно, абхазские национальные памятники, неразрывно связанные с определенной территорией – Южной Абхазией, могли возникнуть здесь, а затем передаваться из уст в уста, из поколения в поколение в продолжение сотен или даже тысяч лет в условиях отсутствия на этих землях соответствующей этнической, то есть абхазской среды?

Старые абхазы из села Пакуашь, что на левом берегу р. Галидзга (абх. Аалдзга) вспоминают о том, как у них еще не так давно, женщины пугали своих детей словами: «Перестань плакать, Лауан идет!» (Уаҭәытц атцәыуара Лауан даауеит!) или «Чтобы, тебя Лауан забрал!» (Лауан уигааит!). Эти характерные абхазские выражения донесли до нас, скорее всего, воспоминания о событиях, имевших место во второй четверти XVII в., связанных с именем жестокого мегрельского владетеля Левана II. Напрашивается вопрос: как могли возникнуть такие представления и так отразиться в исторической памяти именно южноабхазского населения, если бы самих абхазов в то время здесь не было?

Еще один весьма существенный момент. Чем можно объяснить наличие в пределах интересующей нас части Абхазии особого абжуйского территориального диалекта абхазского языка? Причем исследователи (Н.Я. Марр, Н.Ф. Яковлев, М.М. Циколия и др.) выделяют в нем и особое самурзаканское наречие (например, окумско-чхортольское).

Неужели абжуйский диалект мог оформиться здесь со всеми своими основными фонетическими, морфологическими, лексическими и специфически интонационными особенностями, менее чем за последние полтора столетия? Разве для завершения процесса образования такого диалекта, как и любого другого, не требуется несравненно более длительный период времени? Правда, языковеды, изучающие абхазские диалекты в их историческом взаимодействии с соседними языками, в том числе мегрельским, еще не сказали на этот счет своего решающего слова.

В монографии грузинского филолога М.М. Циколия «Абжуйский диалект абхазского языка» подчеркивается, что этот диалект «характеризуется рядом особенностей, выявление ко-

торых имеет важное значение для генезиса его исторического развития».

К сожалению, автор не останавливается более конкретно на генетических вопросах – о времени, месте и условиях его происхождения. Зато дает полное высококвалифицированное описание диалекта, с учетом влияния картвельских языков (особенно мегрельской речи), причем им впервые сделана попытка выделения его подгруппов – атарского, джгердинского, пакуашского и багбаранского¹.

Известно, что территориальные диалекты, представляющие собой разновидность общенародного языка, отражают собой языковые расхождения длительного периода племенного строя и эпохи феодализма (хотя иногда они связаны также и с передвижениями населения на той или иной территории). Диалект и племя, как правило, всегда находятся между собой в органической взаимозависимости. Происхождение диалекта как особой формы языка данной области, нельзя понять вне зависимости от исторических условий образования и развития определенной этнографической группы или племени.

Поэтому, надо полагать, что, как садзский диалект абхазского языка есть тип речи абхазов-садзов, связанный с санигами и территорией позднейшего Садзена (Джикетии), так и бзыбский диалект есть тип речи, связанный с абазгами и их территорией на северо-западной части Абхазии, а абжуйский исторически связан с апсилами и их потомками – абжуйцами и бывшими самурзаканцами и с местами их основного проживания на юго-востоке страны. Этническую же принадлежность апсилов к абхамам, как и их локализацию в Южной Абхазии, теперь почти никто из исследователей не отрицает.

Даже академик Т. Гамкрелидзе публично заявил, что «апсилы, как видно, в генетическом и языковом отношении связаны с современным «апсуа-абхазским» (?) этносом, они, возможно, являются их предками»². В то же время совершенно неприем-

---

¹ Циколия М.М. Абжуйский диалект абхазского языка – Тбилиси. 1969. С. 61 и др.

² Гамкрелидзе Т. Абхаз-абазг//Газ. «Эри», 1991, 10 апреля (на груз. яз.); Его же. К проблеме историко-этимологического осмысления эт-

лема его трактовка этнического содержания названия «абазги», сделанная на основе неубедительного формально-лингвистического анализа, вне историко-этнографического контекста. В статье он причислил их к грузинским племенам, но ведь хорошо известно, что именно абазги, проживавшие в северной части страны и неразрывно связанные этнически и культурно-исторически со своими южными соплеменниками апсилами, являются главным компонентом образования абхазской народности, ее основной этнополитической силой.

Если абжуйские абхазы не являлись бы коренными жителями занимаемой ими земли, а пришли откуда-то извне, причем не в очень отдаленном прошлом, то на их территории не должно было быть значительных топонимических или других древнеабхазских памятников, а их историческая память не сохраняла бы те или иные воспоминания, связанные с этнической и культурной жизнью данного района, относящейся к «домиграционному» прошлому.

В самом деле, ведь «общеизвестно, что при переселении группы людей на новое место, не только они сами, но и их потомки в той или иной мере сохраняют прежние отличительные, этнические свойства, обладающие особой устойчивостью»¹.

Если бы самурзаканские абхазы являлись недавними (с конца XVII в.) переселенцами из Бзыбской Абхазии, то они, естественно, должны были бы привнести в регион и свой бзыбский диалект, отличающийся, как известно, многими яркими особенностями.

Но такой факт не установлен пока ни одним языковедом. Напротив, самурзаканская абхазская речь представляет собой разновидность именно абжуйского диалекта, территориальное распространение которого в прошлом, вероятно, далеко выходило за пределы нынешних его границ, в основном Очамчирского района.

нонии древней Колхиды (К истории термина «апхаз»-«абазг») // Вопросы языкознания. 1991, № 4. С. 75–106; **Его же**. Из истории племенных названий Колхиды (К историко-этимологическим взаимоотношениям этнонимов «апхаз» – «абазг» и «абаза» // «Мацне». Серия языка... 1992, № 2.

¹ **Бромлей Ю.В.** К вопросу о сущности этноса // Ж-л «Природа», 1970, № 2. С. 52.

Мы уже приводили выше документ начала XIX в., где говорится о переселении в XVII в. из Бзыби только «нескольких семейств» абхазских привилегированных фамилий с их окружением. Следовательно, количество переселенцев в любом случае не могло превышать несколько сот человек, в связи с чем они должны были очень скоро раствориться среди массы мегрелов. Но этого не произошло. Напротив, еще 200 с лишним лет назад не наблюдалось никаких признаков ассимиляции самурзаканских абхазов. С другой стороны, допустим, что население в Самурзакане было в то время сплошь мегрельским. Но как в таком случае небольшая кучка абхазских переселенцев – носителей одного из самых труднейших языков Кавказа¹ – смогла так изменить ситуацию, что почти до конца XIX века доминирующим языком здесь был абхазский, не говоря уже об абхазских обычаях.

Одним словом, согласно господствующему мнению специалистов, апсилы, наряду с абзагами, санигами и другими древнеабхазскими племенами, являются непосредственными предками современных абхазов. С этнонимом «апсилы» неразрывно связано и самоназвание абхазского народа (апсуа). Апсилы, упоминаемые в источниках с I в. н.э., обитали в продолжение не одного тысячелетия не только в юго-восточной части нынешней Абхазии, а как видно, и в прилегающих к ней с юго-востока местах. Поэтому они не могли не передать своим потомкам – абжуйцам и «будущим» самурзаканцам свой язык и многие элементы своей культуры. Другое дело, имевшие здесь место изменения политических границ и сокращение ареала

---

¹ Здесь уместно привести мнение генерала И.А. Бартоломея по поводу поручения ему наместником создать и возглавить специальную комиссию по составлению азбук для всех кавказских горских народов: при этом «...принимая во внимание, – писал он, – что абхазский язык употребляется, кроме самой Абхазии еще и в Самурзакани, Цебельде, Псху, Ахчипсоу, у прибрежных джигетов и у других племен абхазского происхождения, обитающих на севере от Главного хребта, счел удобным начать с языка абхазского, который по произношению и разнообразию звуков, входящих в состав его, резко отличается от прочих кавказских языков и представляет особенные трудности к изучению его». (**Бартоломей И.А.** Введение письменности у кавказских горских народов // Газ. «Кавказ», 1862, № 70.

распространения абхазского языка в процессе позднесредневековой (начиная с конца XIV в.) этнической ассимиляции части его носителей, о чем говорилось выше.

Вновь и вновь возникает перед нами все тот же резонный и вполне законный вопрос: возможно ли, чтобы все эти фамилии, топонимы, фольклор, сам абжуйский диалект, бытовые особенности, ацангуары, и другие памятники абхазской культуры, возникли здесь лишь в течение полутора столетий, после пребывания на Кавказе Арк. Ламберти. Возможно ли согласиться с тем, что все они имеют позднее происхождение, и, что до этого времени ничего абхазского не было на территориях современных Очамчирского и Гальского районов?

Можно ли исходить из такой предпосылки, которая сама нуждается в строгих научных доказательствах? Вряд ли правомерно сомневаться в том, что указанные выше и другие памятники материальной и духовной культуры были созданы апсилами и их потомками – непосредственными предками современного абхазского населения Абжуа и его ближайших окрестностей. На мой взгляд, не выдерживает научной критики мнение некоторых авторов, включая З.В. Анчабадзе, о появлении постоянного абхазского населения в абжуйско-самурзаканском регионе только с конца XVII века.

Безусловно, этнические границы, как и политические, подвержены изменениям. «Этнические территории, а, следовательно, и этнические рубежи... изменяются в ходе исторического процесса. Это изменение зависит иногда от того, что народы переселяются на новые территории или расширяют военным и экономическим путем области своего обитания. Но, пожалуй, гораздо чаще мы имеем дело не с процессами миграции или экспансии, а с процессом этнического развития (когда племена развиваются в народности или народности превращаются в нации) или с процессом этнической ассимиляции (когда племена, этнические группы и целые народности этнически растворяются среди соседних народов). Сложный процесс трансформации этнических рубежей зависит от национальных отношений...»¹.

¹ Кушнер П.И. (Кнышев). Указ. соч. С. 104.

Междуречье Кодор-Ингур вне всяких сомнений относится к основной части апсильской этнической территории, а апсилы, племенное название которых ясно слышится и теперь в общем самоназвании абхазского народа, являются, одним из основных этнических компонентов формирования абхазского народа. Они издревле населяли эти земли, а незначительные их передвижения не меняли общей картины этнической ситуации. Иначе говоря, значительных миграционных движений или радикальной смены населения, как можно судить по имеющимся данным, здесь не наблюдалось. Главной особенностью этнических изменений в этой части Абхазии являлось длительное (порой довольно интенсивное) внедрение мегрельского элемента и смешение его с коренным (абхазским) населением, частью которого в результате этого впоследствии утеряны были родной язык и в меньшей степени этническое самосознание.

Отмечаемая же Арк. Ламберти и некоторыми другими авторами абхазо-мегрельская языковая граница по Кодору к середине XVII в. отражает, по-видимому, исторически ограниченный отрезок времени (XV–XVI вв.), связанный в частности, с внешнеполитическими акциями отдельных мегрельских владетелей, охватывавшими, как видно, в основном относительно неширокую прибрежную полосу, на которой к тому же чрезвычайно широко практиковалась работорговля.

Что касается преобладания мегрельского языка в тот период, то, вероятнее всего, в данном случае речь может идти только об узкой прибрежно-предгорной полосе (где, кстати, только и вели свои наблюдения иностранные миссионеры). Население же всего остального пространства выше этой полосы состояло уже, надо полагать, сплошь или почти сплошь из абхазов – непосредственных потомков апсильцев. При этом, можно допустить существование и для прибрежной полосы определенного периода абхазо-мегрельского двуязычия, которое в конце концов завершилось, как сказано, ассимиляцией самурзаканских абхазов мегрелами в течение в основном последнего столетия с лишним и поглощением абхазского языка мегрельским.

В связи же с проблемой о времени появления постоянного абхазского населения в юго-восточной части страны едва ли не самым решающим и важным является вопрос об этнической принадлежности того мощного традиционного культурного наследия в широком смысле слова, которое представлено в том или ином виде на территории изучаемого междуречья.

А в этом отношении, думается, вопрос может стоять только таким образом. Либо будет доказано, что апсилы и их потомки не относятся к абхазской группе и ни этнически, ни территориально не связаны с Южной Абхазией, а указанные выше многочисленные археологические и другие выразительные материалы абхазской архаики (от множества названий местностей и ономастики до древней богоборческой легенды об Абрскиле и многовариантного раннесредневекового предания об Апсха – «Царе Абхазии» и другие памятники местной материальной и духовной культуры, включая особый территориальный абжуйский диалект абхазского языка, неразрывно связанные с рассматриваемым регионом, и в большинстве своем только с ним), не имеют также никакого отношения к абхазам и последние появились каким-то чудом в Абжуа лишь после XVII века.

Либо же придуманный верченый тезис о якобы полном отсутствии здесь до этого времени постоянного абхазского населения придется признать необоснованным и совершенно несостоятельным. Закономерно встает и вопрос – под чьим же тогда влиянием мог сформироваться зугдидо-самурзаканский говор или вернее диалект мегрельского языка, имеющий очевидные следы воздействия абхазского языка?

Итак, на основе сказанного выше можно наметить некоторые выводы.

Известное сообщение Вахушти о том, что абхазский князь Сорех Шервашидзе завоевал всю территорию до Эгриси и «поселил там абхазцев»¹ вовсе не означает, что на указанной территории до того времени вовсе не было абхазов, а переселение небольшого количества представителей абхазского дворянства с его окружением имело целью, надо полагать, не

¹ **Вахушти.** История Грузии. – Тифлис. 1913. С. 317.

первичное этническое освоение края – для этого нужно было бы совершенно иное количество людей, – а подкрепление политических позиций абхазских владетелей в постоянно беспокойном пограничном районе.

Правильно отмечено, что Самурзакан был «вечным яблоком раздора между Шервашидзе и Дадиани», но как смогла кучка иммигрантов с труднейшим языком ассимилировать относительно многочисленное по сравнению с абхазским, местное мегрельское население за каких-нибудь несколько десятилетий, ибо в начале XIX в. в Самурзакани, как известно, говорили еще по-абхазски?

Выше мы уже приводили мнение З.В. Анчабадзе о том, что «южная этническая и политическая граница Абхазии в течение большей части XVII в. (до конца 70-х годов) проходила в основном по р. Кодор (в нижней его части), и что за пределами Келасурской «стены, в горах, также проживали абхазы» (Выделено мной. – Ш. И.)¹.

Известный ученый утверждает, что указанная граница проходила не по всему Кодору, а только по самому нижнему его течению. Вместе с тем он считает, что абхазы (и только они) жили и за пределами стены, то есть в горных ущельях южной части страны. Эта точка зрения выражает собой, если и не всю правду, но, по-видимому, довольно близка к ней. При этом, однако, возникает и другой, законный вопрос: если абхазы составляли коренное население, то, как же мегрельские переселенцы, составлявшие меньшинство смогли, если не сказать ассимилировать их, то создать близкую к этому состоянию ситуацию на протяжении в основном второй половины XIX – начала XX вв.?

Это явилось, к сожалению, следствием редкого стечения нескольких важных обстоятельств. Придется здесь вновь повторить вышесказанное.

Во-первых, неослабевающими темпами продолжалось массовое переселение в Абхазию различных категорий мегрельских крестьян, а отчасти и представителей духовенства, главным образом в Самурзакан, при полном отсутствии какого-либо обратного оттока. В основе стремления к перемене местожительства

---

¹ Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии. С. 87, 88.

лежали причины не только социально-экономического, но отчасти, и экологического характера, неблагоприятные условия среды обитания. «Крайняя сырость» воздуха Мегрелии «служит причиной постоянных болезней, а часто и чумы», «особенно страдают люди от водянки», – писал Шарден¹.

Во-вторых, отрицательное значение имело для абхазов отсутствие у них своей письменности и литературы (хотя в этом отношении не могли похвастаться ни мегрелы, ни сваны).

В-третьих, возрастающее число абхазо-мегрельских смешанных браков. Это наблюдалось, как уже было отмечено, и в среде абхазского дворянства. В частности, абхазские князья владетельного рода Шервашидзе, по политическим и сословным соображениям, с начала XIX века женились, как правило, только на мегрелках из владетельной фамилии Дадиани. Обратных брачных связей, то есть случаев женитьбы мегрелов на абхазах, было сравнительно мало.

Одним из представителей этого меньшинства был член мегрельской владетельской семьи историк Нико Дадиани, женившийся на княжне Маршан, сестре широкоизвестного и влиятельного Салируфа Тлапсовича Маршан. Породнившись, с этим буйным родом, он, как видно, надеялся оградить Мегрелию от частых набегов цебельдинских и дальских князей, а также был движим желанием приобрести некоторое влияние на род, известный своей неукротимостью. Кроме всего прочего, важно и то, что при переходе к мужу каждая мегрельская княжна, а нередко и сванская, в качестве приданого брала с собой на постоянное жительство в Абхазию приближенных лиц и то или иное количество своих крепостных крестьян, иногда чуть ли не селами, как это было, например, при владетеле Сафарбее, когда с его невестой Тамарой Дадиани было прислано целое село крепостных, поселенных в абхазском селении Абжаква.

В условиях, когда окружающая этническая среда была не чисто абхазской, в смешанных самурзаканских семьях мегрельский язык становился языком не только матери, но постепенно и всей семьи. Словом, брачно-семейные отношения, исторически сложившиеся в Самурзакани, также явились од-

---

¹ Шарден Ж. Указ. соч. С. 22, 23.

ним из существенных факторов ассимиляции местных абхазов, которые и не помышляли тогда о последствиях, как им казалось, сугубо личной их жизни.

В-четвертых, как выше отмечалось, свою роль сыграл мергельский язык – менее сложный по сравнению с абхазским, хотя положение о том, что когда взаимодействуют два языка, победу одерживает обычно тот из них, которому по его фонетическим и структурным особенностям гораздо легче научиться носителям более сложного языка – некоторые ученые подвергают сомнению.

Однако ситуация в Самурзакани являет яркий пример правильности первого положения, о чем писал еще Бодуэн де Куртене: «При столкновении и взаимном влиянии двух языков, смешивающихся «естественным образом», победа остается в отдельных случаях за тем языком, в котором больше простоты и определенности.

Переживают более легкие и ясные в своем составе формы, исчезают же более трудные...», в смежных языках «...в борьбе за существование победа остается за языком, легче усваиваемым и требующим меньшей затраты энергии, как физиологической, так и психической». И далее «Конечно, это имеет место только при так называемом естественном ходе вещей, при отсутствии сознательного вмешательства административных властей и других политических и общественных факторов, прибегающих к разным предохранительным и принудительным мерам»¹.

Без сочетания всех перечисленных выше основных факторов, языковой ассимиляции абхазов не было бы. Таким образом, иногда, в силу определенных обстоятельств, и коренная этническая группа, составляющая большинство на данной территории, может подвергнуться ассимиляции со стороны меньшинства пришлого населения. История знает и другие факты подобного рода. Ограничимся одним кавказским примером. В конце IV века и в V веке часть алан, разгромленных гуннами, смешалась с многочисленным местным населением и переда-

---

¹ **Бодуэн де Куртене.** О смешанном характере всех языков//Избранные труды по общему языкознанию. Том 1. – М., 1963. С. 366, 367.

ла им свой язык, а сама восприняла почти полностью антропологический тип и кавказскую культуру (так же, как это позднее имело место в Самурзакани). С этого времени, как полагают некоторые исследователи, начинается формирование осетинской народности.

В этом резюме, надеюсь, мои оппоненты найдут ответ на вопрос о том, как могло пришлое мегрельское меньшинство ассимилировать местных жителей, если последние в рассматриваемый период составляли в регионе большинство.

Сторонники такой постановки вопроса полагают, что Южная Абхазия исконно была мегрельской территорией и только с XVII в., когда абхазским феодалам удалось передвинуть свою политическую границу до Ингура и переселить туда абхазов, там произошла будто бы скорая победа абхазского языка и культуры.

Они не считают с невозможностью столь резкого изменения этнокультурной ситуации в результате появления здесь кучки абхазских переселенцев – носителей сложнейшего языка. Они полностью игнорируют те историко-культурные условия и наличие фактов, свидетельствующих о глубоких корнях абхазского «племенного мира» в рассматриваемом регионе, о которых, как мне кажется, в этой работе дается достаточно подробная и убедительная информация.

VI. ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АБХАЗИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Абхазия в первой половине XIX в. делилась на «Внутреннюю» или «Большую» и внешнюю или «Малую» Абхазию¹. Внутренняя или Большая Абхазия локализовалась в междуречье Бзыпи и Ингура. На эту территорию распространялась власть владетельного князя².

Внешнюю Абхазию составляли Садзен или Джигетия (район Гагра – Хамыш или, скорее, Сочи), а также многолюдные горные общества Ахчипсы, Аибга, Мдавей, Цвиджа, Чужгуча, Чужи, Чуа, Псху, Дал, Цабал (Цебельда) и др.³ (иногда Малой

---

¹ **Дадiani Н.** История Грузии //СМОМПК. 1902. Вып. 31. С. 99.

² **Антелава И.Г.** Очерки по истории Абхазии XVII – XVIII вв. – Сухуми. 1949. С. 9, 10.

³ **Шервашидзе Г.М.** Сын последнего владетеля Абхазии писал в 1910 г.: «Народ Псхе и Ачхипсхе ничего общего в своей политической жизни с Абхазией не имел и никогда в состав княжества Абхазского не входил, отторгнутый от последнего не только исторически, но и естественными препятствиями» (**Шервашидзе Г.М.** Так пишется история // «Закавказье». № 125). Сказано слишком безапелляционно. Ни о каком абсолютном «отторжении Малой Абхазии», куда входили названные общества, от «Большой Абхазии» не может быть и речи. Вспомним хотя бы периоды правления некоторых владетелей Абхазии XVIII – XIX вв. – Зураба, Келешбея, да и самого Михаила, отца автора вышеприведенной цитаты. Абхазские владетели имели не только большое влияние на Джигетию, но и последняя временами, хотя бы формально входила в Абхазское княжество, как это имело место при турках, когда садзские князья исполняли даже должность Сухумского паши и позже, например, с 1841 г. после образования Джикетского (Садзского) приставства, причисленного к Абхазии (**Дзидзария Г.А.** Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. – Сухуми. 1958. С. 17 – 19). Но вскоре приставство было вновь отторгнуто от Абхазии и присоединено

Абхазией называли территорию на Северном Кавказе, населенную абазинами).

Начальник Черноморской береговой линии Н.Н. Раевский в свое время писал: «надобно знать, что прежде все пространство от р. Хамыш (в 6-ти милях от Сочи) до границ Мингрелии принадлежало князьям Шервашидзе. «Оно населено одноплеменным народом, называющим себя азегга, а у нас известным под именем абхазцев... с некоторого времени часть этого народа, обитающая между р. Хамыш и Гагрою, отложилась от князей Шервашидзе. Для своего усиления она вступила в тесный союз с джигетами, состоящими из трех обществ: Варданэ, Саше и Убых. Все это пространство составляет теперь так называемую Малую Абхазию»¹.

Там же он отметил, что на Малую Абхазию [Садзен] «можно иметь влияние только посредством Большой и обратно. До тех пор, пока обе сии части не будут соединены в одно целое, все действия наши будут разобщены без общей связи и без цели»². Иными словами, этнические границы были значительно шире политических. Население всего указанного региона в течение первой половины XIX в. было в основном еще мононациональным – абхазским³.

к Черноморской губернии. Вообще царское правительство по своему усмотрению неоднократно перекраивало административную карту Абхазии. Однако при всех этих изменениях основными частями страны оставались Бзыпская Абхазия – на северо-западе, Центральная или Гумская Абхазия, Абжуа, что значит Средняя Абхазия и область на юго-востоке страны Самурзакан (абх. Мурзакан).

¹ **Раевский Н.Н.** Рапорт министру Чернышеву от 16 июля 1840 г. //ЦВИА ВУА. Д. № 6422, л. 1 – 5. (Цит. по **Фадееву А.В.** Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // «Исторический сборник». 1935, № 4. С. 149.

² **Там же.**

³ Вопросы исторической и современной демографии Абхазии мало освещены в научной литературе. См.: монографии **Дзидзария Г.А.** Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. – Сухуми. 1958. С. 17 – 19, 473, 474, 482 – 84; **Его же.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми. 1975; **Инал-ипа Ш.Д.** Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 150 – 152, в каждой из которых специальные разделы посвящены этой теме; См.: также **Соловьева Л.Т.** Роль миграционных

По-прежнему оно находилось в окружении и теснейшем взаимодействии с этнически родственными и неродственными соседними народами – абазинским, убыхским, адыгскими, картвельскими, отчасти тюркскими (карачаевцы) и др. Это обстоятельство являлось постоянным фактором, определяющим во многом особенности этнической и культурной истории абхазского народа. Причем этнокультурные процессы на стыке двух и более групп носили, как и везде, сложный характер, протекая с различной степенью интенсивности в зависимости от социально-экономических, политических и других причин.

Здесь же невольно встает вопрос: действительно ли в начале XIX века этническая граница между абхазами и мегрелами проходила по р. Ингур? При этом надо иметь в виду капризный характер этой горной реки. Так, еще Я. Рейнеггс отметил «...город, а около него крепость Анаклею у правого берега реки Энгури и ее слияния с морем», и, что «Это резиденция абхазского князя Левана Сервазитсе» (см. выше).

В начале XIX века С.М. Броневский со своей стороны отметил, что «на реке Енгури, в 30-ти верстах от Анаклии лежит город Рух... Он был некогда местопребыванием князей Дадианов. Ныне половина сего города, лежащая на левом берегу, принадлежит Мингрелии, а другая *на правом берегу Ингури населена абхазами*»¹. То же явление происходило и с селением Барбала – второй резиденцией главы Самурзаканской области. Как сообщается в «Очерках устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани», Барбалой «называлась местность по обе стороны нижнего течения Ингури, отделявшаяся от Менгрелии главным руслом этой реки. Ингур, направляясь по рукавам, разделил Барбалу на две части, из них главная лежит ныне на левой стороне Ингура в Менгрелии. Лежавшие здесь селения Диди-коки, Орантия, Шамгона, были издавна подвластны Шервашидзевым, которые здесь жили, вероятно,

---

процессов в этническом развитии Самурзакано //Межэтнические контакты и развитие национальных культур. – М., 1985.

¹ **Броневский С.М.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – Москва. 1823. С. 58.

раньше Мурзакана. Мурзакан жил в Барбале и в Бедия. Саберийские Шервашидзе жили прежде в Копити, части Бедия»¹.

Чуть позже Ж.Ф. Гамба сообщает, что и в его время комендантом порта Анаклия служил абхазский князь, с которым он лично встречался в Тифлисе и в Сухуме². Понятно, что мегрельский владетель вряд ли разрешил бы абхазу стать комендантом порта в своем княжестве. Значит, порт в то время не принадлежал Мегрелии.

И в турецких источниках позднего времени неоднократно указывается, что граница между абхазами и мегрелами проходила в начале XVIII в. в районе нижнего течения р. Ингур, по линии крепостей Анаклия и Рухи³. Однако впоследствии сама река становится стабильной границей между Абхазией и Мегрелией. Известный грузинский ученый XVIII в. Вахушти о походе против Мегрелии абхазского владетеля Шараха (Сореха) Шервашидзе сообщает следующее: «И было в Одиши большое несчастье, как описал выше, и главным образом от абхазцев, так как, приходя на суднах и сушею, уводили в плен людей, завоевали всю территорию до реки Егриси и поселили там абхазцев»⁴. А позже один из преемников Сореха – Келешбей Шервашидзе силой оружия в конце XVIII в. завладел Анаклией⁵, находившейся тогда фактически в руках русских.

Заметим при этом, что крепость, расположенная до того на правом берегу Ингура принадлежала, по свидетельству Я. Рейнегса, абхазам и мы знаем, что она была резиденцией князя Левана Шервашидзе. Если бы она не находилась на правом берегу, то каким бы образом могла быть резиденцией абхазского князя?

Как уже отмечалось выше, немецкий ученый и путешественник Якоб Рейнегс, в 1780-х годах живший в Грузии, имел

¹ ССКГ. Вып. III. 1870. С. 23.

² **Гамба Ж.Ф.** Путешествие в Закавказье. Т. I. – Тбилиси. 1987. С. 87. (Перевод с франц. на груз. яз. Мгалоблишвили).

³ Османские документальные источники о крепостях Анаклия и Рухи (XVII – XVIII вв.) – Тбилиси. 1982. С. 36, 37, 93, 99, 117, 147 и др. / Турецкий текст с грузинским переводом осуществил Н.Н. Шенгелия.

⁴ **Вахушти.** История Грузии. Ч. II. – Тифлис. 1913. С. 317.

⁵ **Дадиани Нико.** Указ. соч. С. 76.

возможность хорошо изучить местное население. Он побывал и в Абхазии, в частности, о чем уже писалось выше, в Пицунде (Безонта), Лыхны (Суппу), Анакопии (Анакуфа), Сухум (Сагхум), Анаклии. В своем труде он перечислил народы, в непосредственном соседстве с которыми находилась в то время Абхазия: адыгейцев-шапсугов, абазин, мегрелов и сванов (не названы только убыхи)¹.

Таким образом, на основании его описания² и других приведенных выше источников, можно заключить, что в конце XVIII в. юго-восточная этническая граница абхазов, как и политическая граница их княжества, проходила по нижнему течению р. Ингур, в устье которой был расположен абхазский город-крепость Акра (Анакрия/Анаклия). Такая ситуация в основном (за редким исключением), сохранялась здесь и в течение первой половины XIX в., при относительно слабо выраженных еще ассимиляционных процессах.

В изменениях этнической ситуации, происходивших в «стране Самурзакани», судьбоносную роль сыграло, как уже не раз отмечалось выше, массовое переселение сюда жителей Западной Грузии (главным образом из Мегрелии). Побудительными причинами этой миграции являлись, о чем неоднократно отмечалось выше, социально-экономические и политические факторы: классовая борьба, бегство крестьян от тяжелой феодальной эксплуатации (крепостное право в Мегрелии было отменено в 1866 г.), малоземелье, низкое плодородие почвы при относительно большой густоте населения, продажа крестьян мегрельскими князьями и дворянами и захват их в плен абхазскими феодалами во время их набегов. Вместе с тем последние были заинтересованы в привлечении арендаторов, поскольку абхазские крестьяне наемный труд считали позорным.

В крайне же слабо выраженных миграциях абхазов, пожалуй, главную роль играл обычай кровной мести. Недовольные и преследуемые крестьяне из Абхазии бежали за ее пределы, главным образом, на Северный Кавказ, иногда в другие райо-

---

¹ АБКНКА. С. 209, 404.

² **Reineggs J.** Allgemeine historich-topographische Beschreibung des Kaukasus. – Hildesheim und St-Petersburg. 1797. Sh. II, s. 4.

ны своей страны, отчасти и в Мегрелию. Однако самыми массовыми и постоянными были миграции именно мегрельских крестьян, оседавших в основном в соседней Самурзакани, значительно реже в других селах Южной Абхазии и еще слабее в остальных областях страны.

Демографические и этнокультурные последствия таких переселений были значительны, поскольку они способствовали не только этническому взаимопроникновению, но и процессам активной ассимиляции. Подобные миграции, как уже отмечалось, возникали под действием самых разнообразных факторов, в том числе голода и массовых эпидемий. Так, например, в 1811 г., в Имеретии, Мегрелии, Гурии и Грузии вспыхнула эпидемия чумы, продолжавшаяся около двух лет, и унесшая массу жизней. Затем наступил небывалый голод. Спасаясь от бедствий, пишет очевидец Нико Дадиани, «многие ушли в Абхазию, так как в Абхазии в том году не было ни голода, ни повальной той болезни»¹. Однако пришельцы занесли чумную болезнь и в Абхазию, в результате чего вымерла почти половина ее населения, что в свою очередь сыграло роковую роль в демографической ситуации страны.

Переселение именно в Абхазию во многом основывалось на традиционном обычно-правовом институте абхазского гостеприимства (абх. асасство) – обычая, при котором в дореформенное время крестьяне могли переселяться из одной общины в другую, переходить от одного феодала к другому. Обычай асасства официально сохранялся до 1869 г., фактически же некоторые его нормы, как существенный элемент традиционного быта абхазов, продолжали действовать и позже, вплоть до первых лет Советской власти. Этот институт, являясь органической частью абхазского кодекса чести – апсуара, сыграл роковую роль в судьбе абхазского народа.

Согласно традиции, любой гость считался лицом неприкосновенным, ему оказывали помощь, всевозможные знаки внимания: защищали от преследования врагов, принимали в свою общину или братство и т.д. В наиболее благоприятном положении в отношении безопасности и всего прочего находился

---

¹ Дадиани Нико. Указ. соч. С. 89.

гость владетеля или членов его рода. Например, известный абхазский этнограф XIX века Теимурква Званба, несмотря на свое дворянское происхождение, был в свое время «простым асассом» в имении князя Дмитрия Шервашидзе и получил от него право на земли Цхубена (Дранда)¹.

Попытки царской администрации пресечь или хотя бы сократить число переселенцев, направлявшихся из соседней Мегрелии, не имели успеха, и их наплыв «год от года усиливался»², особенно в 1860 – 1880-е годы в период махаджирства – массового насильственного выселения абхазов в пределы Османской империи. При этом следует отметить почти нулевой отток жителей Самурзакани за его пределы. К началу XX в., согласно документальным данным, в Самурзакани насчитывалось уже 5,3 тыс. мегрелов, т.е. около 13% населения, но основную долю – 36,2 тыс. человек, свыше 80%³ составляли еще сами «самурзаканцы», этническую принадлежность которых нельзя было определить однозначно. В 1865 г. Дмитрий Кипиани так определял их: самурзаканцы «мингрельцы, или, пожалуй, и не мингрельцы, потому что не входят в состав Мингрелии; да и не абхазцы, потому что и в состав Абхазии не входят, а просто себе самурзаканцы»⁴.

Другой же автор, исходя из источников XIX в., по-своему объясняет, кого следует подразумевать под словом «самурзаканцы». В них «надо понимать коренных жителей Самурзакани, принадлежавших либо к абхазской, либо к мингрельской народности». Мингрельцами же, как считал он, следует называть позднейших выходцев из Мингрелии⁵.

В этнической ситуации, сложившейся в Самурзакани, развитие абхазского языка и культуры на протяжении всего XIX в. происходило по-разному. Вплоть до 80-х годов XIX в. абхазы

¹ Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани // Сб. сведений о кавказских горцах. Вып. 3. – Тифлис. 1870. С. 9.

² Соловьева Л.Т. Указ. соч. С. 103.

³ Там же. С. 52, 53.

⁴ Кипиани Д. Еще по поводу статьи № 154 «Московских ведомостей» // Газ. «Кавказ», 1865, № 83.

⁵ ИКОИРГО. Том 7. – Тифлис. 1882 – 1883 гг. С. 101.

продолжали доминировать почти на всей территории Самурзакани, что подтверждается свидетельствами многих авторов того времени.

В начале XIX в., член мегрельской владетельской семьи, Нико Дадиани, по заданию царской администрации, принимал активное участие в военных действиях на стороне будущего владетельного князя – Сафарбея (а в будущем и его сына Дмитрия), против законного наследника Асланбея Шервашидзе, за что ему был пожалован чин генерал-майора. Он прекрасно знал и мегрельский, и грузинский, и русский язык но, хоть и был женат на абхазской княжне из рода Маршан, как видно, абхазским языком не владел, так как в Абхазии ему понадобился переводчик, которым стал сопровождавший его самурзаканский князь Темурква Анчабадзе. Н. Дадиани, образованный офицер, естественно, не нуждался ни в русском, ни в грузинском, ни в мегрельском переводчиках, значит, услуги Темурквы Анчабадзе как переводчика заключались лишь в переводе с абхазского и на абхазский язык¹. Следовательно, самурзаканский князь Анчабадзе с традиционным абхазским именем Темурква должен был хорошо знать свой родной абхазский язык. Но он не мог бы так свободно владеть им, если бы с детства его окружение (Анчабадзе жили в долине у правого приустья р. Ингур) не было бы абхазским.

Более того, абхазский язык имел распространение и среди привилегированных слоев западногрузинского населения, пограничного с абхазами – мегрельского, сванского и др. В 30-х годах XIX в. английский путешественник Э. Спенсер посетил не только Сухум и Пицунду, но и Анаклию, о пребывании в которой он, в частности, писал: «Известно, что мегрельские крестьяне не говорят на черкесском диалекте, которым пользуются лишь князья и дворяне, претендующие на общее происхождение с черкесами...».

Достоверность этого факта была подтверждена русскими офицерами..., от которых мы узнали много подробностей... и которые охарактеризовали знать Мегрелии... как расу, резко

---

¹ Дадиани Н. Указ. соч. С. 103.

отличающуюся от зависимых сословий...»¹. (Черкесами Спенсер называл всех абхазо-адыгов). Не приходится, по-моему, сомневаться в том, что под «черкесским диалектом» английский автор подразумевал абхазский язык, а не адыгский, поскольку мегрелы никогда не граничили с «черкесами», напротив, их разделяли горы и большие расстояния, что исключало возможность непосредственных контактов – необходимого условия для овладения одним народом языком другого (в то время многие считали абхазский язык диалектом адыгского).

Еще в 1860-е годы Д. Кипиани абхазский язык назвал «языком моды у самурзаканцев, который дольше всего сохранялся в среде князей и дворян»². Даже Д.З. Бакрадзе отметил, что «большая часть самурзаканского дворянства хорошо говорит по-абхазски, считая этот язык едва ли не вроде придворного или аристократического»³. И А.А. Цагарели в 1877 и в 1880 годах отмечал, что абхазский слыл «языком высшего сословия», что им «щеголяли» князья и дворяне⁴.

Интересно и заключение Г. Шухардта о том, что, если в середине XIX в. абхазский язык по всей Самурзакани признавался языком высшего общества, то в конце того же века «щеголяли» уже мингрельским языком, ставшим теперь более престижным⁵, хотя, судя по сведению К.Ф. Гана (1902 г.), большинство дворянских семей продолжало говорить на абхазском языке.

Известный французский востоковед Мари Броссе, основатель европейского грузиноведения, в 1848 году путешествуя по Кавказу, в том числе по Мегрелии и Абхазии, посетил, в частности, Окум, «главный город Самурзакано» и «Бедию, резиденцию князя Хутуны Шервашидзе». Весной того года, опи-

---

¹ **Spenser E.** Travels in Circassia, Krim-Tartary, ets. Vol. II, 1839, p. 317 – 318.

² **Кипиани Д.** Указ. соч. С.10.

³ **Бакрадзе Д.З.** Дворянство Абхазии и Самурзакани. (Из заметок)// Госмузей Грузии. Отдел рукописей. Личный фонд **М. Туманова**. Дело № 376, л. 2.

⁴ **Цагарели А.** Из поездки в Закавказский край// ЖМНП 1877, № 12. С. 209; **Его же.** «Мингрельские этюды». – СПб., 1880. Вып. I. С. VII.

⁵ **Шухардт Г.** О географии и статистике картвельских (южно-кавказских) языков //СМОМПК. Вып. 26. – Тифлис. 1899. С. 71.

сывая впечатления о пасхальных торжествах в резиденции мегрельского владетельного князя Дадиани, он обратил внимание на то, что «церковь в Зугдиди заполнили съехавшиеся верующие со ста верст в округе.

В толпе можно было видеть абхазцев-христиан, которых легко было распознать по их бритым головам и белому башлыку, положенному на плечо; мингрельцев и имеретин, преимущественно одетых в русскую военную форму с красным воротником»¹. Упомянутые здесь люди с бритыми головами и накинутыми на плечо белыми башлыками, были представителями абхазской знати, приехавшими, несомненно, прежде всего, из близлежащих самурзаканских селений.

И после выселения большинства абхазов (60–70-е годы XIX в.) в Османскую империю, когда сфера распространения абхазской культуры на северо-запад от Ингура резко сократилась, в Самурзакани абхазским языком продолжали, по традиции, пользоваться еще довольно широко, особенно мужчины в общественных местах, хотя население этой области было уже этнически смешанным – абхазо-мегрельским. Тот же А.И. Цагарели, сведения которого относятся к наиболее достоверным, в 1877 г. сообщал: «В Самурзакани у жителей мингрельский язык хоть и считался родным – женщины и дети говорят на нем, но мужчины говорят и по-абхазски»².

Считаю необходимым привести здесь полностью цитаты нескольких авторов о положении абхазского языка. Вот, что узнаем мы из работ А.И. Цагарели, написанных в 1876 – 1879 гг., то есть в период массового махаджирского выселения абхазов и связанного с этим сокращения ареала функционирования абхазского языка, сообщает он интересные сведения о пределах распространения его в юго-восточном направлении.

Согласно его данным, еще во второй половине 70-х годов XIX в. на абхазском языке говорили многие жители не только во внутренних частях Самурзакани, особенно мужчины, а

---

¹ Буачидзе Г. Мари Броссе. Страницы жизни. – Тбилиси. 1983. С. 223 – 224.

² Цагарели А. Из поездки в Закавказский край летом 1877 года. С. 209, 210 ; Его же. Мингрельские этюды. –СПб., 1880. С. VII, VIII.

представители высшего сословия кое-где и на левом берегу р. Ингур. Известны, например, имена поручика, князя Кваджи (в оригинале «Кважи»), Акиртава из села Тчубурхинджи (точнее «Чубурхинджи») на побережье р. Ингур и князя Бахвы Чиковани (в ориг. «Чикоани») из окрестностей села Джвари (на обоих берегах р. Ингур) как лиц, «одинаково хорошо владеющих абхазским, мингрельским и грузинским языками¹. Говоря о соприкосновении в этом районе абхазского языка с мегрельским, он пишет: «Есть общины, села и поселки в Самурзакано, в которых языком семьи и общества служит мингрельский язык. Эти местности обнимают пространства между правым берегом р. Ингур и незначительной речкой Эртисцхали, или Эрис-цхари. Начнем перечисление названий этих местностей с границ Дадешкелиановской Сванетии, то есть со среднего течения р. Ингури: Пураши, Этцери, Джвари, Пахулани, Саберио, Дихазурга, Цхири, Тчубурхинджи, Тагило-ни, Атангела..., Набакеви, Отобаиа..., Ганарджиашмухури..., Исорети и Дихагузбэ..., Коки, Хетуш-мухури, значит Остров, принадлежащий Хетту (Анчабадзе), Этцери, Барбала, Баргеби, Этцери-мухури».

«В общинах, селах и поселках, расположенных между... р. Эртис-цхали и... р. Охури, язык семьи также мингрельский, в обществе же одинаково говорят по-мингрельски и по-абхазски... Эти местности суть: Абжигдара, Кумузи, Атабжа, Абжа, Наджихеви..., Сагургулио, Сачина, Река, Сахахубио, Бедиа, Эшкети, Чхортоли, Речхи, Окуми, Тцарче, Рени, Гали, Мухури, Шашлети, Гудава.

В промежуточной полосе, находящейся между рр. Охурей и Галидзга господствует абхазский язык. Он есть язык не только общества, но и семьи; здесь женщины и дети, говорящие по-мингрельски, составляют исключение, мужчины же, если не все говорят, то, тем не менее, почти все понимают мингрельскую речь... Эти места, где преобладает абхазский язык суть Ткварчели, Квезани, Урта, Поквеша, Этцери».

В 1893 г. другой тонкий наблюдатель абхазского быта Н.М. Альбов писал, что на крайнем юго-востоке от Окума, в общи-

¹ **Его же.** Мингрельские этюды. – СПб., 1880. С. VII.

нах Саберио, Дихазурга, Чубурхинджи и других, «господствующим языком является мингрельский, хотя старики рассказывали мне, что в старину здесь говорили больше по-абхазски». Далее он отмечает, что названия гор и речек в Самурзакани «почти исключительно абхазские», «некоторые молитвы читаются по-абхазски» и что, наконец, «господствующие обычаи и на первом плане обычай гостеприимства, строго абхазские». В итоге автор приходит к такому выводу: *«Большинство данных говорит за то, что самурзаканцы скорее происхождения абхазского, и что мингрельский элемент явился сюда лишь в сравнительно недавнее время»* (Выделено мной. – Ш. И.)¹.

С этой точки зрения очень интересная беседа состоялась у К.Д. Мачавариани с одним крестьянином из Самурзакани, опубликованная в 1899 году. На вопрос, являются ли самурзаканцы мегрелами, крестьянин ответил: «Ну, что вы, что вы! От роду мне с лишним 60 лет. Помню я хорошо и отца моего, и деда. Никогда они не говорили на мингрельском языке. Все, все объяснялись на абхазском языке. Возьмите целые общины: Бедийскую, Чхортольскую, Окумскую, Гальскую, Царчинскую, – везде и всюду вы услышите среди взрослых абхазскую речь. А если в Саберио, Отобае, Дихазурга и говорят мингрельским языком, то это благодаря тому, что жители этих сел имели ближайшее общение с мингрельцами. Разве наши имена и фамилии, наши нравы, обычаи и даже наши суеверия не доказывают, что мы абхазцы, а не мингрельцы? В 50-х годах почти по всей Самурзакани вы бы не услышали мингрельского говора, а до того мингрелец считался редкостью...»².

К концу XIX в. процессы этнической ассимиляции самурзаканских абхазов ускоряются. «Для многих самурзаканских семей в этот период мегрельский язык уже стал родным. Однако среди мужчин больше сохранялось знание абхазского языка». «При этом, – пишет Г. Шухардт, –...распространение мегрельского языка ... было довольно неравномерным. В последней

---

¹ Альбов Н.М. Этнографические наблюдения в Абхазии// Ж-л «Живая старина». Вып. III, год третий – СПб., 1893. С. 306.

² Мачавариани К.Д. Ответ самурзаканцу// «Черноморский вестник» 1899, №102, 8 мая.

четверти XIX века, в Бедийском, Окумском, Гальском обществах слышалась преимущественно абхазская речь, тогда как в Саберии, Отобае, Дихазургах говорили по большей части помингрельски»¹. Этому процессу способствовали значительно усилившаяся миграция мегрелов, большая близость бытовой культуры абхазов и мегрелов, а также отмеченные выше частые смешанные браки (главным образом, как отмечено, между мегрелками и абхазами, и гораздо реже между абхазами и мегрелами) и др.².

В конце XIX в. самурзаканцы этнически представляли собой две группы, населявшие два округа, каждый из которых состоял из двух участков:

Первый округ – Окумский и Бедийский – охватывали территорию от р. Охурей до р. Эрисцкали (села Абжигдара, Кумузи, Атабжа, Абжа, Наджихеви, Сагургулио, Сачина, Река, Сахахубио, Бедиа, Эшкет, Чхуртал, Речхи, Окуми, Царче, Рени, Гали, Мухури, Шашлети, Репи, Гудава).

Второй округ от реки Эрисцкали до р. Ингур включал в себя тоже два участка – Набакевский и Саберийский со следующими селами: Пураши, Эцери, Джвари, Пахулани, Саберио, Дихазурга, Цхири, Чубурхинджи, Тагилони, Атангела, Набакеви, Отобая, Ганарджиаш-Мухури, Эцери-Мухури, Исорети, Дихагузуба, Коки, Хетуш-Мухури, Этцери, Барбала, Баргеби. Однако, по заключению сословно-поземельной комиссии, несмотря на различие языков в восточной и западной частях Самурзакани, общественное устройство в них «не представляло никаких резких изменений по сравнению с другими частями Абхазии»³.

По сведениям А. Цагарели, в 60 – 70-х годах в полосе от р. Охурей до Галидзги «полностью господствовал абхазский язык – и в семье, и в обществе. Мужчины, почти все, говорили или,

---

¹ Шухардт Г. Указ. соч. С. 73, 74.

² Аналогичная картина наблюдается и у северокавказских абазин, которые, в условиях чересполосного расселения и еще большей культурной близости с адыгами (черкесами), уже давно подвергаются ассимиляции со стороны последних.

³ Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. – Тифлис. 1870. С. 5.

по крайней мере, понимали мегрельский, но женщины и дети его не знали»¹. Это положение подтверждается и Е. Ковалевским, который пишет, что из четырех участков Самурзакани в Бедийском и Окумском «близких к Абхазии, жители говорят чисто по-абхазски», а в Набакевском и Саберийском, «прилегающих к Мингрелии, более по-мингрельски...»². В 1864 году К.Д. Мачавариани и И.А. Бартоломей также свидетельствовали, что в их время в Саберийском и Набакевском участках, т.е. между реками Эртисцкали и Ингури, преобладал мингрельский язык. Представляет интерес и цитата из И. Чернаго: «В 1857 году с принятием Мингрелии в непосредственное русское управление, Самурзакан подчинен управляющему Мингрелией. В 1865 году, с образованием Сухумского военного отдела, Самурзакан поступил в состав последнего, составив, таким образом, одно целое с Абхазией, родственной ей и по племенному происхождению и по исторической судьбе своей, и по характеру внутренних отношений»³.

В 1896 г., по сообщению В.Т. Маевского, «самурзаканцы, ближайšie к Зугдидскому уезду, говорили по-мегрельски, а другие, ближайšie к р. Охурей, – по-абхазски»⁴. Примерно из четырех тысяч семей самурзаканцев в 1890-е годы около половины считали абхазский язык родным⁵. Даже в начале XX в. К.Ф. Ган, также побывавший здесь, отмечал: «Если же в Самурзакани большинство дворянских семейств говорит на абхазском языке, и если этот язык в домашнем обиходе сохранился до сих пор в разных селениях этой страны, как, например, в селах Эшкетах, Бедиа, Гали, Окуми и так далее; если имена многих фамилий, как Шервашидзе, Маршани, Маргани, Сванбай,

¹ Цагарели А. Мегрельские этюды. – СПб., 1880. С. VII, VIII.

² Ковалевский Е. Очерки этнографии Кавказа // «Вестник Европы». – СПб., 1867. С. 109 – 111.

³ Мачавариани Д., Бартоломей И. Нечто о Самурзакани //ЗКОР-ГО. Вып. 6, 1864. С.76.; См.: и Чернаго И. в «Очерке устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани» // ССКГ Вып. III. 1870. С. 23.

⁴ Маевский В.Т. Кутаисская губерния. Военно-статистическое описание. – Тифлис. 1896. С. 265

⁵ Шухардт Г. Указ. соч. С. 74.

Лакербай, Эмухвари и другие те же, как у настоящих абхазцев; если брак, считающийся у мингрельцев действительным только после благословения священников, у самурзаканцев не требует церковного благословения; если при том тут сохранилось много чисто абхазских обычаев, то «старый самурзаканец» все-таки, в конце концов, вправе причислить своих земляков к абхазцам»¹.

Конечно, как уже отмечалось, все эти абхазские традиции, топонимические и фамильные названия и прочее, претерпели в Самурзакани много изменений объективного и субъективного характера в продолжение XIX и особенно в XX веке.

К.Д. Мачавариани в своей статье от 1900 года², говоря о том, что «мирные завоеватели» (имеется в виду картвельский элемент) выступали в роли своего рода «культуртрегеров», писал: «*Эти недремлющие деятели на поприще экономических завоеваний покушаются и на большее относительно абхазцев, они навязывают им свой язык... они поставили задачей переделывать фамилии на свой лад, придавая «свои» окончания... Деятельнейшими проводниками этой меры было духовенство у абхазцев, все поголовно грузинского племени*». Удивительно, что грубые искажения абхазских родовых имен осуществлялись при почти полном равнодушии самих носителей, которые в большинстве своем по своей неграмотности или наивности не обращали обычно внимания на безобидные, как им казалось, записи на бумажках. Так «все эти *дзе, швили, ия, ая* с совершенно спокойным сердцем реформаторы фамилий, священники, внесли в документы, метрики», а со временем носители фамилий «совершенно свыклись со своими измененными прозваниями». Свою статью автор завершает такими словами: «Для чего нужна была подобная переделка понять нетрудно, но почему ее допустили, почему сами абхазцы так легко помирились с ней – решительно непонятно».

---

¹ **Ган К.Ф.** Поездка в Мингрелию, Самурзакань и Абхазию // «Кавказский вестник». – Тифлис. 1902, N 4. С. 29: См.: также **Н.С. Джанашиа.** Статьи по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1960. С. 41.

² **Мачавариани К.Д.** Сословный вопрос в Абхазии // «Черноморский вестник». 1900, №N°121, 124.

Таким образом, в последней четверти XIX в. в этническом плане Самурзакань представляла собой сложную картину. Здесь жили абхазы и мегрелы, находившиеся в процессе постоянного этнокультурного взаимовлияния, имелись группы и даже целые селения и общины абхазов, утративших родной язык и полностью или частично перешедших на мегрельский. Некоторые же села и общины сохранили абхазский язык и свое самосознание.

Вообще этническое самосознание населения Самурзакани в этот период было сложным и вполне отражало те этнические процессы, которые происходили здесь в течение многих десятилетий. Последние отразились и в названии «самурзаканцы», принятом во всех официальных статистических материалах второй половины XIX в. Так, в посемейных списках 1886 г. в Самурзаканском участке Сухумского округа основное население составляли «самурзаканцы» – 29,5 тыс. человек. Здесь жили также мегрелы (около 1 тыс.). Кроме них, к этому времени в участке поселились греки (2 тыс.), армяне (1 тыс.), эстонцы (0,6 тыс. человек)¹ и др.

В настоящее время только в нескольких селениях бывшей Самурзакани (Чхуартал, Бедия, Окум Гальского района) частично сохраняется знание абхазского языка или абхазо-мегрельское двуязычие и осознание своей абхазской этнической принадлежности. Почти все остальное население считает себя мегрелами².

В результате указанных миграционных процессов коренные самурзаканцы в основном утратили свой язык, соответственно изменилось и их этническое самосознание. Но вместе с тем нельзя забывать (как это иногда бывает у некоторых исследователей), что абхазы были не только объектом, но и субъектом влияния, имевшего здесь, как и в любой другой контактной зоне этнических групп, двусторонний характер. В результате такого интенсивного и продолжительного взаимодействия мы имеем на рассматриваемой территории весьма своеобразный,

---

¹ Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. – Тифлис. 1893.

² Соловьева Л.Т. Указ. соч. С. 44, 53.

локальный самурзаканский вариант абхазо-мегрельской народной культуры, где каждый из обоих языков претерпел влияние другого.

В результате пройденного периода, близких контактов, а затем двуязычия, в регионе сформировались два особых говора: «самурзаканский» или иначе «окумско-чхортольский» говор абжуйского диалекта с фонетическими (ослабление абхазских твердых звуков), морфологическими и лексическими особенностями, а также своеобразием интонации. По мнению специалистов это вызвано в немалой степени влиянием именно мегрельского языка, о чем писали в свое время такие выдающиеся лингвисты как Н.Я. Марр и Н.Ф. Яковлев¹.

В то же время и мегрельский язык Самурзакани приобрел своеобразные черты, на что обратил внимание А. Цагарели еще в 1877–1880 годах. Он отметил тогда в мегрельском языке усиление и учащение некоторых звуков², а И.А. Кипшидзе уже в 1914 г. выделял в мегрельском языке два диалекта: западный – самурзакано-зугдидский, со своими фонетическими особенностями, который в свою очередь сформировался под влиянием абхазского языка, и восточный – сенакский³.

Однако специальных работ, посвященных мегрельским диалектам, нет. В трудах ученых проскальзывали лишь некоторые наблюдения в отношении разных разделов лингвистики, касающихся абхазских заимствований в мегрельском (в основном в самурзакано-зугдидском диалекте). Эти наблюдения изложены в работах Марра Н.Я., Чикобава А.С., Рогава Г.В., Гудавва Т.Е., Ломтатидзе К.В., Циколия М.М., Климова Г.А. и других ученых.

Желая глубже изучить самурзакано-зугдидский диалект мегрельского языка, старший научный сотрудник Абхазского НИИ М.М. Циколия включил работу над ним в свой годовой

---

¹ **Марр Н.Я.** Племенной состав населения Кавказа. 1920. С. 20.
Яковлев Н.Ф. Языки и народы Кавказа. – Тифлис. 1930. С.13. См.: и **Инал-ипа Ш.Д.** Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 51.

² **Цагарели А.А.** Мингрельские этюды. С. IV.

³ **Кипшидзе И.А.** Грамматика мингрельского (иверского) языка. Материалы по яфетическому языкознанию. – С-Петербург. 1914. С. VII.

план 1952 года. Однако во время проведения научной сессии секретарь Абхазского обкома по идеологии И.Н. Тускадзе «заставил снять готовую к чтению на научной сессии работу М.М. Циколия «Самурзакано-зугдидский говор мегрельского диалекта» и потребовал затем вообще снять ее в середине года из тематики института¹.

Понятно, что в то время, когда пропагандировалось положение об отсутствии абхазов в Абхазии до конца XVII в. и даже позже, такая работа была для ассимиляторов ни к чему. Лишь в 1954 году М.М. Циколия смог опубликовать свою статью и в последующем продолжить заниматься этой тематикой².

О глубоких корнях абхазского языка и абхазских традиций на самурзаканской земле свидетельствует, как указывалось выше, «господство абхазских обычаев», начиная от гостеприимства и почитания охотничьих божеств Ажвейпшаа, Аерга, Шашвы и других до «чтения некоторых молитв по-абхазски» (Н.М. Альбов, Джанашвили). «Сохранение многих чисто абхазских обычаев» (К.Ф. Ган и др.), бесспорно. Но такие важнейшие факты этнокультурной истории рассматриваемого региона, которые сторонниками «горной стихии» демонстративно игнорируются, неопровержимо, на мой взгляд, свидетельствуют о давнем проживании абхазов на данной территории, а «мингрельский элемент, – говоря словами Н.М. Альбова, – явился сюда [в Самурзакан] лишь в сравнительно недавнее время».

В верховьях Ингура обитали, как и сейчас, сваны (эбзе карачаевцев и балкарцев), с которыми абхазы, особенно цибельдинцы и дальцы, тесно контактировали (браки предпочтительно были абхазо-сванскими), что нашло яркое отражение в этнографическом быту и духовной культуре каждого из этих народов. Во второй половине XIX в. часть сванов пере-

¹ Материалы протокола отчетно-перевыборного собрания Абхазского НИИ, состоявшегося 28 апреля 1952 года (Из моего личного архива. Ш.Д. Инал-ипа).

² **Циколия М.М.** Фонетический обзор самурзакано-зугдидского говора мегрельского диалекта//Труды АбНИИЯЛИ. Т. XXV. 1954. С. 323 – 343.; **Его же.** Абхазо-картвельские синтаксические параллели //Резюме докладов симпозиума «Вопросы истории и культуры картвельских языков». – Тбилиси. 1987. С. 27, 58.

селилась на освобожденные от абхазского населения земли верховьев р. Кодор, где и образовалась «Абхазская Сванетия»¹. Ранее в этом высокогорном районе находилось общество Дал. До махаджирства там жили только абхазы во главе с княжеским родом Маршан, теперь же там живет лишь несколько семей абхазов.

На северной стороне Главного Кавказского хребта, вблизи абхазской этнической границы, находились разбросанные в верховьях Кубани и ее притоков поселения абазин, адыгов и карачаевцев. Об абазинах Я. Рейнеггс писал, что «... народ, живущий на Кубани под именем Абазек, считает себя давно отделившейся колонией абхазов и называет эту страну Большая Аваза, а своему местожительству дает название Малая Аваза... Говорят оба народа Большой и Малой Авазы одним языком, лишь различным по диалектам, и имеют одинаковые обычаи»². О них, как о переселившихся за хребет абхазах, писали и К. Главани, и К. Пейсонель, да и многие другие авторы. Интересно, что часть абазин – жителей аулов Апсуа, Старо- и Ново-Кувинское, при общем названии «абаза», именуется также терминами «апсуа» и «апсуаква», т. е. самоназванием абхазов³.

Не менее сложными были этническая ситуация и родоплеменной состав населения и на северо-западных границах Абхазии. Здесь на небольшой территории, в непосредственной близости друг от друга, веками жили четыре родственные между собой этнические группы. Это были – абхазская (садзы, или джигеты⁴, – примерно от р. Бзыпи до р. Хамыш/Хоста (а вернее, до Сочи), составлявшие, по мнению некоторых ученых,

---

¹ **Гасвиани Саша.** Новая страна – Абхазская Сванетия// Рукописный фонд АбНИИЯЛИ. Ф. № 1.

² **Рейнеггс Я.** Абхазы. Описание их страны, истории и религиозных обычаев С. 4 – 13 / Перевод **Н.А. Пушиной-Данкевич.**

³ **Генко А.Н.** Абазинский язык. – М., 1955. С. 5, 6 и сл.

⁴ Существует, однако, и другая точка зрения, по которой абзины (а также садзы, или джигеты), как и убыхи, являются самостоятельным, хотя и близким к абхазам, этносом. (**Лавров Л.И.** Абзины //Кавказский этнографический сборник. Вып. I. – М., 1955 и другие его работы. Мнение об этом впервые в 1928 г. высказал А.Н. Генко, но затем изменил его и более не повторял. (см.: **Генко А.Н.** Абазинский язык. – М., 1955).

«переход от абхазского племени к убыхскому», далее убыхская до р. Буу, затем адыгская (шапсуги, натухайцы, абадзехи и др.), а на северо-западе от убыхов и часть абазин. В результате постоянного взаимодействия этих групп, близости их языков и культур стали отчасти намечаться некоторые признаки образования своеобразной, теснейшим образом взаимосвязанной общности, некоей этно-лингвистической непрерывности в пределах определенного круга этнических единиц, включая абхазов, которую условно можно назвать «абазской».

Итак, начиная с юго-восточной стороны, этническая граница абхазов к середине XIX в. проходила по нижнему течению Ингура (хотя, как выше отмечалось, население здесь уже тогда было смешанным и шла ассимиляция самурзаканских абхазов мегрелами) и, продолжаясь по южным предгорьям Главного Кавказского хребта, выходила к абхазо-убыхским, а точнее садзско-убыхским территориям. За пределами очерченного пространства, занятого абхазами, оставались разбросанные по верховьям Кубани и ее притоков поселения их ближайших соплеменников – северокавказских абазин, в языке которых, говоря словами Ф.Ф. Торнау, произошло лишь «слабое изменение, сравнительно с чистым абхазским языком, заметное, впрочем, только для привычного уха»¹.

Приведенные выше сведения дают основание для вывода о том, что к 60-м годам XIX в. вся территория исторической Абхазии была почти сплошь населена собственно абхазскими этническими группами – садзами, бзыпцами, акапо-гумцами, абжуйцами и самурзаканцами, включая и горные общества Ахчипсы, Аибга, Мдавей, Цвиджа, Чужи, Чвьджипсе, Чуа, Псху, Дал, Цабал и др. Кроме того, абхазский этнический элемент, о чем уже не раз говорилось выше, был представлен и на Северном Кавказе, если иметь в виду ближайших сородичей абхазов – прикубанских абазин. Следует учитывать и выселившихся во время махаджирства в Аджарию, садзов, о чем еще будет сказано ниже. Численность всех этих групп, относящихся к абхазскому этносу, не поддается точному определению. Действительно, очень противоречивы имеющиеся сведения о ко-

¹ **Торнау Ф.Ф.** Воспоминания кавказского офицера. – М., 1864. С. 113.

личестве населения абхазского корня к середине XIX в. – от 30 – 35 и до 150 тыс. человек и более.

По-видимому, ближе всего к истине Ф.Ф.Торнау и А.П. Берже. По данным Ф.Ф. Торнау, их было около 140 тысяч, а у Ад. Берже около 145 (вместе с садзами и абазинами), хотя Г.А. Дзидзария склонен был придерживаться цифры около 100 тыс. человек ¹. Абхазы в целом, как уже сказано, не отличались миграционной активностью, если не считать исключительный случай махаджирства в XIX в. и более ранние переселения на Северный Кавказ. Это не значит, что вообще не было никаких передвижений, но они происходили в основном в пределах своей этнической территории, миграции же за пределы страны были в целом крайне редкими и незначительными. Большую роль в сдерживании переселений абхазов играли семейно-родовые традиционные связи, а также религиозные и патриархальные отношения, хотя, с другой стороны, тот же традиционализм, в особенности обычай кровной мести, нередко являлся причиной одиночных и даже групповых переселений. Такие факторы, как язык, быт, духовная и материальная культура, обычаи, привычки, навыки – одним словом, комплекс ценностей и ориентаций в общественной и бытовой сфере, объединяемых термином «абхазство» (аҭсуара), были основными причинами традиционно малой миграционной активности абхазов.

Однако этого оказалось в дальнейшем недостаточно для сохранения их этнической монолитности в собственной стране и волею неумолимых исторических судеб, в течение короткого времени этническая территория Абхазии оказалась в корне перекроенной, причем прогрессируя с каждым годом изменения происходили в ущерб интересам коренных жителей, которые полностью были отстранены от решения важнейших вопросов жизни своей страны.

Вообще в XIX в., особенно во второй его половине, сотни тысяч людей Кавказа перебрасываются из одного конца Российской империи в другой, население перемешивается, национальная обособленность ослабевает. На Западном Кавказе, в частности в Абхазии, такие миграционные потоки осложни-

---

¹ Дзидзария Г.А. Народное хозяйство... С. 24, 25.

лись вынужденным выселением многих десятков тысяч коренных жителей в султанскую Турцию. Как уже отмечалось, махаджирство происходило многими этапами.

Первая волна переселения имела место еще в 1810 году, когда вместе с отстраненным от власти владельцем Асланбеем, ушло в Турцию 5000 человек, вторая волна относится к 1821, затем к 1824 и 1830 годам, к 1840 – 41 годам – третья, четвертая – в период Крымской войны (1853 – 1855 гг.), пятая – в связи с упразднением Абхазского княжества (1864 г.), шестая – как следствие Лыхненского восстания 1866 – 1867 годов и седьмая, самая крупная, как следствие Русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

В итоге поголовно были выселены не только убыхи, но и абхазские субэтноты – садзы и многолюдные горные общества Ахчипсы, Аибга, вообще весь Мдавей, Псху, Гума, Дал, Цабал и другие менее многочисленные. Опустели: вся Северо-Западная и вся Центральная (совр. Сухумский и Гульрипшский районы) Абхазия. Было выселено большинство бзыпских и, в меньшей степени, абжуйских сел, гораздо слабее пострадал Самурзакан. Картина была удручающей. «Куда же делись коренные жители этой страны?» – с возмущением восклицал грузинский деятель Тедо Сахокия в 1903 году¹.

По словам Н.Я. Марра, «Абхазия была обездолена в своей даже центральной этнографической части... Остались одни одичалые дворы с фруктовыми деревьями, ни души абхазской, ни звука абхазского»².

Эмигрировало (в Османскую Турцию и другие страны) много и абазин, большей частью из племени ашхаруа, наиболее близкого к абхазам (тамовцы, кизилбековцы, большинство чегреев и мысылбаев). Другую часть абазин – тапантовцев переселение затронуло сравнительно в меньшей степени³.

Всего же в Турцию переселилось, по примерным и явно уменьшенным данным, свыше 100 тыс. человек абхазского эт-

---

¹ **Сахокия Т.** Указ. соч. – Тбилиси. 1950. С. 296 (на груз. яз.).

² **Марр Н. Я.** О языке и истории абхазов. – Л., 1938. С. 177.

³ **Лавров Л.И.** Абазины //Кавказский этнографический сборник. – М., 1955. I. С. 16.

нического корня, включая абазин¹. Современный нам американский историк Э. Толедано, опираясь на секретные донесения 60-тых годов XIX века, английских консулов в Сухум-Кале и Керчи пишет: «В декабре 1863 года федерация племен Абаза сдалась, и 150.000 из них было приказано покинуть Кавказ к следующей весне» (Выделено мной. – **Ш. И.**). Четырьмя месяцами позже было побеждено последнее горное, как он пишет, «черкесское (?) племя Ахчипсу». В действительности это было общество Аибга, а Ахчипсу объявили о своей покорности еще в марте 1864 года.

На самом деле, и Ахчипсу, и Аибга являются представителями абхазского этнического корня, а самым последним «племенем», сдавшимся уже спустя некоторое время после объявления окончания Кавказской войны, в течение нескольких дней оказывая отчаянное сопротивление в кровопролитных боях с царскими войсками, были жители абхазского высокогорного общества Псху, обитавшие в верховьях и среднем течении реки Бзыпь.

Автор далее указывает, что абхазские и убыхские села, с которых были согнаны коренные жители, стали тут же заселяться донскими казаками и всякого рода «заслуженными» крупными и мелкими царскими чиновниками. Поскольку в приведенной цитате Э. Толедано убыхи упоминаются отдельно, то само собою разумеется, что под абазами можно подразумевать абхазов, так как собственно абазин в то время на побережье уже столетиями не было.

Небольшая часть абхазов-махаджиров (в основном садзов) обосновалась в районе Батума, входившего до 1877 г. в состав Османской империи. Эти земли турецкое правительство с 1866 г. уступило в аренду абхазским эмигрантам, за что они были обязаны платить взнос находившейся вблизи мечети. Постепенно абхазы образовали там несколько селений². Число абха-

---

¹ **Толедано Эхуд Р.** Оттоманская работоторговля и ее упадок. 1840 – 1890 // Принстонский университет. – Нью-Джерси. С.149.

² **Вольненский Л.В.** История Батумского края. Батумское побережье. – Батум. 1911.С. 37; **Кольфоглу И.И.** Древние известия о Батуме // ИКОИРГО. XXVIII, №1, 1905. С. 46.

зов, поселившихся к концу XIX века в Батуми и его окрестностях (в селах Ангиса, Кахабери, Минда, Махмудие или Мнатоби, Ферия, Кведа, Самеба, Гонио, Челта, Урехи, Чарнали, а также в Кобулету, Пичвнари, Цихисдзири, Чаква и других местах), составляло не менее 10 тысяч человек.

Махаджирство явилось одной из величайших, если не самой величайшей трагедией абхазского народа, одним из наиболее катастрофических итогов войн и конфликтов, когда-либо им пережитых, последствия которого тяжело дают о себе знать и по сей день.

Опустошение страны вследствие махаджирства создало исключительно благоприятные условия для усиления колониционных процессов. С середины, и особенно с последней четверти XIX в., многонациональность населения Абхазии становится все более и более заметной. В ряде мест, главным образом в Сухуме, а также и в других прибрежных пунктах, Акра (совр. Анаклия), Ачамчира (так, по свидетельству стариков, в середине XIX века называли абхазы совр. Очамчира), Дранда, Келасур, Псырдзха (совр. Новый Афон), Гудаута, Пицунда, Гагра, Цандрипш, Адлер, Гечрипш и в другие места, постоянно вселялись вначале не очень многочисленные иноэтнические группы – грузины (в основном мегрелы), русские, армяне, греки, эстонцы, болгары, лазы, чехи, немцы, австрийцы, молдаване, турки и представители других народов.

На Красной поляне, где 21 мая (2 июня по новому стилю) 1864 г. был отслужен молебен по случаю окончания Кавказской войны, первые новые поселения появились уже в конце 1860-х годов ¹, причем древнеабхазское название Губаадвы, то есть «поляна Губовцев» (отсюда Кбаада), было заменено царским фамильным именем – Романовск, а чуть позже поселившиеся туда греки назвали Красной Поляной, какой они, попав туда осенью, увидели ее сплошь покрытой порывевшим папоротником и покрасневшими кустами других растений.

---

¹ Дьячков-Тарасов А.Н. Через перевалы Псеашха // СМОНПК. Вып. 31. 1903. С. 38 – 39.

Новые поселения представляли собой небольшие деревни греков и эстонцев¹. Это были едва ли не первые иноэтнические поселки после махаджирства. К концу же века этническая картина стала значительно более сложной, особенно на побережье. Так, согласно А.Н. Дьячкову-Тарасову, описание которого относится к лету 1900 г., вблизи Адлера поселились молдаване. Они основали большое село Молдовка, а также селения Веселое и Пиленково. Разноязычное население самого Адлера состояло из молдаван, русских, турок, мегрелов, грузин, абхазов, персов и представителей других национальностей. Эта «великолепная», по определению А.Н. Дьячкова-Тарасова, «русская колониальная окраина»², не составляла, конечно, исключения. Такая же картина наблюдалась и в ряде других мест побережья (например, в Гагре).

Колонизация края, получившая широкое развитие с середины 60-х годов XIX в., была одним из самых существенных звеньев в цепи великодержавной политики царизма на Кавказе³. Целью этой политики было не только экономическое освоение «освобожденных» от горцев земель, но также русификация оставшихся местных жителей и стремление иметь на побережье – от Анапы до Бзыпи и далее на юго-восток – вполне надежное в политическом отношении население, путем создания не только сельских гражданских, но и военных казачьих поселений.

Колониальный земельный фонд составлялся из обширных конфискованных участков бывшего владельца и других абхазских феодалов, земель махаджирских эмигрантов (которым в случае возвращения на родину было запрещено селиться вблизи побережья), «казенных земель» крестьянских общин и других, так называемых, «свободных земель». Заселение происходило и путем вызова переселенцев, отведения и продажи им ставших государственными земель, которые к 1890 году со-

---

¹ Тот же автор отмечает, что 20 эстонских семей поселилось в 1860-х годах в с. Бурное, которое находилось в верховьях р. Лабы (Дьячков-Тарасов А.Н. Указ. соч. С. 18).

² Там же. Указ. соч. С. 43 – 48.

³ Дзидзария Г.А. Махаджирство... С. 422, 423.

ставляли более 480 тыс. десятин¹. Формы колонизации были разные: арендная, особенно поощрявшаяся абхазскими помещиками, «дворянская», курортная, монастырская, а с конца XIX в. и «пролетарская», и т.п. Об этой колонизации В.И. Ленин писал: «Переселенческий фонд образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение из России производится во славу все того же национального принципа «русификация окраин»².

Так, начиная с 30-х годов XIX века и до начала XX века, в разных районах современной Абхазии были основаны десятки русских или смешанных по национальному составу поселений.

Вот неполный перечень³, названных в большинстве своем по именам знатных особ, основателей поселков или по губерниям, откуда вышли иммигранты: в середине 1860-х годов не только на Красной Поляне, но и в Сухуме обосновались греки, чуть позже появились поселения Александровское, Алексеевское (Первое и Второе), Черниговка (Первая и Вторая), Полтавское, Ольгинское, Анастасьевское, Андреевское, Баклановское (Бакланка, Баклановка), Белореченский поселок, Беслетская, Васильевка, Веселая и многие другие.

В 1881 г. греки поселились на Гумисте в бывшем большом абхазском селении Гума, названном ими Михайловским (позже было переименовано в грузинское «Шрома») и др. В 1892 г. армянские беженцы из Турции обосновались в с. Мцаре и других местах и т.д.

Из числа населенных пунктов, в которых стали жить приезжие, местные названия сохранили всего лишь несколько: Адлер (от абхазского фамильного имени князей Арыдба), Хоста, Бамбора, Гудаута (с 1897 г. населенный пункт городского типа), Дранда и некоторые другие. Колонисты не только «беспощадно вырубали леса», но и «уничтожали прежние географические

¹ Там же. С. 425, 428.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 21. С. 330.

³ Указанные кое-где в скобках сведения о времени основания отдельных населенных пунктов заимствованы в основном из книги **Исмаил-Заде Д.И.** «Русское крестьянство в Закавказье. 30-е годы XIX – начале XX в.». – М., 1982. См.: также **Мачавариани К.Д.** Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. – Сухум. 1913.

имена, и скоро Абхазия неузнаваема будет...»¹. Так, ничем не оправданная замена и ликвидация абхазских названий, и вообще топонимическая чехарда в Абхазии, принявшая особенно широкий размах в период бериевщины, берет свое начало еще со второй половины XIX в., причем, если она сначала была связана с политикой русификации, то в дальнейшем сменилась почти полной грузинизацией края.

К 1890 году новых селений было уже более 35, некоторые из них влачили, правда, жалкое существование и вообще вскоре сошли на нет. Кроме того, страшным бичом для новопоселенцев являлась малярия, свирепствовавшая в те годы в Абхазии. Это не относится к преуспевающим богачам, крупным и мелким имперским чиновникам, заслужившим благодарность верной службой царской администрации, которые селились в таких предгорных местах, как Цебельда, где, по сообщению Г.А. Рыбинского, на рубеже XIX – XX вв. обустроились 24 крупных и мелких помещика, владевших 16 тыс. десятин земли, из которых половина принадлежала графу Бобринскому.

Как мы видим, только на рубеже XIX – XX вв. в Абхазии появился целый ряд новых поселений, которым были даны в большинстве случаев русские названия, а коренные абхазские были преданы забвению. Все эти малые и более значительные поселки и дачи создавались, как правило, в лучших местах курортной зоны в районе Адлера, Гагры, Гудауты, Сухума, Цебельды и так далее.

Русским центром в Абхазии в 1860 – 1870 гг. был Сухум, населенный тогда в основном русскими. К концу века, с 1874 г., в связи с созданием монастыря русскими монахами, приехавшими из греческого Афона, роль русского центра в Абхазии переместилась в Новый Афон, как стали называть абхазское село Псырдзха, где был построен монастырь.

«В монастыре, – читаем в книге «Абхазия и в ней Ново-Афонский монастырь», – живет 300 монашествующих, до 400 послушников и несколько сот рабочих. Это настоящий, чисто русский, православный культурный пункт, имеющий, кроме религиозного и экономического, и весьма важное политиче-

---

¹ Мачавариани К.Д. Указ. соч. С. 153, 346.

ское значение»¹. Афонский монастырь получил 3278 десятин земли, а Моквский, основанный в 1885 г. – 300 десятин.

К концу XIX в. в Абхазии было создано еще до 20 новых поселений, где обосновались малоазийские (турецкие) армяне (Атара Армянская, Арагич и Лабра в Очамчирском районе; ряд армянских селений на территории современного Гульрипшского района; Эшера Армянская в Сухумском районе; Анухва Армянская, Мцара, Кавакрук (совр. Агараки) в Гудаутском районе).

Греки, как уже было отмечено выше, основали большое селение под названием Михайловка, на месте бывшей абхазской общины Гума, а северо-восточнее Сухума селение Ольгинское и другие. Эстонцы основали селения: Эстонка – юго-восточнее Сухума, на месте абхазского Допуакыт или Дапукыт, на правом берегу нижнего течения Кодора, Сальме в верховьях р. Псоу, Эстонка у Адлера, Эсто-Садок за Красной поляной и др. Поселки немецких колонистов Гнаденберг, Линдау и Найдорф были созданы в окрестностях Сухума еще в 1879 г.². В с. Дранде поселилось небольшое количество молдавских и австрийских семей, а в Цебельде в 1860-х годах обосновалось 150 чешских семей, однако они вскоре покинули Абхазию, вслед за чем там появилось 70 греческих семей³ и т.д.⁴

---

¹ **И. Н.** Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. – М., 1899. С. 245.

² **Дзидзария Г.А.** Махаджирство... С. 430.

³ **Аверкиев И.В.** С северо-восточного побережья Черного моря // Газ. «Кавказ». 1866. №76; **Дьячков-Тарасов А.Н.** Несколько слов о заселении Цебельды // Газ. «Кавказ». 1868, № 129.

⁴ В Абхазию (возможно еще в XVIII в.) были завезены и негритянские семьи, немногочисленные и сильно ассимилированные, потомки которых еще встречаются (или встречались до недавнего времени) в нескольких селениях Южной, а также Северной Абхазии (Адзюбжа, Киндги, Тамыш, Тхина, Река, Илори, Ачандара, Аацы и др.). Нелегкая судьба занесла их сюда. Вот что ответил старый адзюбжинский негр Шишин Абаш на вопрос о том, как они попали в Абхазию: «Еще в прошлом веке один купец, приобрел большую партию негров-рабов, привез их в Стамбул, вскоре они были подарены русскому царю. Но в Петербурге мои соотечественники от непривычного климата стали болеть и умирать. Оставшихся в живых, среди которых был и мой прадед, царица

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. христианское население Малой Азии (армяне, греки, лазы, грузины), рассчитывая на избавление от многовекового турецкого господства, приняло русских, по словам английской газеты «Дейли-Ньюс», «с распростертыми объятиями». Командующий корпусом царских войск М.Т. Лорис-Меликов, учитывая страх христиан за свою судьбу, в случае, если по заключению мира их интересы не будут учтены, считал необходимым переселение их в Россию для сохранения дружественного элемента на случай новой войны с турками, причем значительная их часть, главным образом армяне и греки, переселились в Абхазию¹.

Постепенно маленькая Абхазия из страны моноэтнической превратилась в полиэтническую – одноцветная в основном этническая карта сменилась многоцветной, мозаичной. В начале XX века в окрестностях Сухума, кроме единственного абхазского селения, уже было 26 общин переселенцев, из них 10 греческих, 6 русских, 5 мегрельских, 3 немецких, 3 эстонских. Недалеко от Дранды поселились болгары², а в Эшерах и нескольких иных местах – лазы.

В этой ситуации существенно менялась, но в обратном порядке, доля абхазов в общей численности населения Абхазии. Если к середине XIX в. абхазы составляли подавляющее большинство населения страны, то к концу века в результате махаджирства, массовых миграций мегрелов и идущих процессов этнической ассимиляции, их было уже немногим более 55%. В 1897 г., по данным первой Всеобщей переписи населения Российской империи, в Абхазии проживало 106,2 тыс. человек, из них абхазов – 58,7 тыс. (55,3%), грузин – 25,9 тыс. (24,4%), армян – 6,5 тыс. (6,1 %), греков – 5,4 тыс. (5,0%), русских – 5,1 тыс. (4,8%), прочих – 4,5 тыс. (4,2%)³.

подарила, как дарят котят, одному вельможе, имевшему поместье на теплом берегу Черного моря» («Счастье старого негра»//Газ. «Заря Востока», 1958, 17 августа).

¹ Мегрелидзе Ш. Грузия в Русско-турецкой войне 1877 – 1879 гг. – Батуми. 1955. С. 63.

² Ган Ф.К. Указ. соч. С. 55.

³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XVI. Кутаисская губерния. – СПб., 1905. С. 244 – 253 и сл.

Однако абхазы составляли еще более половины населения Абхазии. Но вскоре демографическая ситуация стала быстро меняться. По переписи 1959 г., абхазы находились уже на четвертом месте, составляя лишь 15,1% от всего населения Абхазии. Несомненно, созданию такой демографической ситуации способствовала целенаправленная грубая ассимиляторская политика, в частности, переселенческая, осуществлявшаяся в Абхазии Грузией в указанный выше период. Наибольшую долю в населении республики составили теперь грузины (39,1%), на втором месте оказались русские (21,4%), на третьем – армяне (15,9%)¹. Только за последние 30 лет до грузино-абхазской войны 1992-1993 гг. наблюдалось очень небольшое повышение доли абхазского населения, которое стало составлять несколько выше 18%².

Подведем некоторые итоги. Коренное население Абхазии характеризовалось слабым участием в межрегиональных миграционных обменах, что было обусловлено главным образом этническими и социально-психологическими причинами. Традиционные социальные и этнографические особенности препятствовали длительному отрыву местных жителей от веками создававшейся привычной этносоциальной среды, адаптации их в инонациональной среде, что также служит косвенным, но существенным доказательством насильственного характера махаджирского выселения.

Все это отражалось на тенденциях и динамике территориального перемещения местных жителей, которые оставались и наименее урбанизированной частью населения, благодаря специально чинимым препятствиям в переселении их в города. Вместе с тем в XIX в., особенно в пореформенное время, после выселения абхазов иммиграционные процессы приняли

---

¹ Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник. – Тбилиси. 1967. С. 24.

² Несмотря на то, что Ш.Д.Инал-ипа готовил данную книгу к переизданию после грузино-абхазской войны 1992-1993 гг., информацию о связанных с войной миграциях и послевоенных изменениях в демографической ситуации, он сознательно не включал в данную работу, поскольку эти сложнейшие процессы требовали отдельного изучения (прим. М.К. Хотелашвитли-Инал-ипа).

исключительно широкие масштабы. Главной особенностью и результатом таких процессов является непрерывное сокращение доли абхазов в Абхазии при одновременном резком увеличении иноэтнического элемента и почти полном отсутствии сколько-нибудь заметного миграционного оттока.

Конечно, человеческое бытие – это всегда общение и контакты. Они происходили везде и всегда, в том числе и в Абхазии в XIX веке, а тем более в нынешнюю эпоху НТР. Нет ни одного «чистого» народа. Бесперывное смешение и перекрещивание народов – один из важнейших законов внутриэтнической эволюции. Процесс усиления интернационализации и ломки национальных перегородок, который мы сейчас наблюдаем, берет свое начало в основном с рубежа XIX – XX вв.

Отмеченную выше многонациональность растущего народонаселения на ограниченной территории¹ нельзя рассматривать вне зависимости от эпохи, изолированно от общего политического и социально-экономического развития страны. В частности, на изменение этнической ситуации в Абхазии не могли не оказывать свое влияние такие факторы, как относительно быстрое развитие капиталистических отношений в пореформенный период (с 1871 г.), создание промышленных и торговых предприятий, например, создание крупного Пицундского хозяйства, созданного купцом Игумновым на скупленных у князей Инал-ипа землях, оживление морского и других путей сообщения, строительство Черноморской шоссе-ной дороги (1892 г.), дачное и курортное строительство: Гагринская климатическая станция принца Ольденбургского, которому принадлежало здесь 14500 десятин земли, санаторий «Гульрипш», крупнейшего русского лесопромышленника и крупнейшего мецената Н.Н. Смецкого, имение Великого князя Александра Михайловича на Мачаре и других высокопоставленных особ, основание в 1874 г. большого Ново-Афон-

---

¹ В 1959 году средняя плотность населения Абхазии доходила до 47 человек на 1 кв. км, а в курортных зонах почти до уровня наиболее развитых стран Европы, где в 1977 году на 1 кв. км приходилось 64 человека. В Грузии же на 1 кв. км приходилось несоизмеримо меньшее количество населения.

ского монастыря на месте исчезнувшего с лица земли не только крупного абхазского селения Псырдзха, но и сохранявшихся веками в приморской части развалин Анакопии, возникновение и рост городов (Сухум, объявленный городом в 1847 г., насчитывал в 1853 г. 300 жителей, а в 1893 г. уже 7 тыс. человек) и т.д.

Абхазия на рубеже XIX – XX вв. являла собой пример поразительного сочетания разнообразных тенденций. С одной стороны, непрерывный приток групп различных национальностей способствовал, например, развитию некоторых форм хозяйства (табаководства, торговли, отдельных видов ремесленного производства и др.), созданию местных кадров в сельском хозяйстве и производстве, а также взаимодействию культур, развитию просвещения и росту интеллигенции.

С другой стороны, мы видим ничем не прикрытую колонизацию края, проводимую царизмом в интересах военно-феодалного и буржуазно-помещичьего режима, хищническую эксплуатацию уникальных природных богатств (без ведома и участия коренных жителей), объявление абхазов (после войны 1877–1878 гг. и махаджирства) «виновным населением», со всеми вытекающими отсюда тяжелейшими последствиями, начало культурной нивелировки, ломку традиционных устоев под воздействием вездесущего «бессердечного чистогана», образование растущей и необратимой смеси и пестроты этнического состава населения, уменьшение количества самих абхазов до крайне опасных пределов, поставившее абхазский народ перед угрозой полной ассимиляции и исчезновения.

Абхазия, где издавна сталкивались и перекрещивались исторические судьбы разных народов – абхазского, абазинского, убыхского, адыгейского, кабардинского, грузинского, мегрельского, сванского, а с начала XIX в. русского и других народов, где теперь бок о бок живут и трудятся представители около 100 национальностей, стала, особенно за последнее столетие, своего рода естественной лабораторией для изучения взаимодействия этносов, культур и языков.

Вряд ли поэтому можно переоценить теоретическое и практическое значение комплексного исследования происходящих здесь этнокультурных процессов. Но изучаются они у нас все

еще очень слабо, несмотря на то, что Абхазия представляет собой в этом отношении одну из «горячих точек» Кавказа, а политика в области межнациональных отношений всегда будет здесь злободневной и сложной. Поэтому, на мой взгляд, назревший еще до войны вопрос о создании при Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа, хотя бы небольшой группы специалистов по вопросам истории и нынешнего состояния национальных отношений в Абхазии, и сегодня является актуальным с точки зрения изучения и прогнозирования перспектив их дальнейшего развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Безответственные утверждения некоторых авторов вроде того, например, что дикое адыгское «племя апсуа» спустилось с гор «каких-то полтора столетия назад и нагло присвоило имя истинных абхазов-грузин»¹, являются по форме и содержанию грубейшим искажением истории абхазского народа и, конечно, не имеют ничего общего с наукой и абсолютно не соответствуют исторической действительности.

Абхазы сами себя называют «апсуа». Абхазы и апсуа, – это, конечно же, один и тот же народ, испокон веков проживающий на своей традиционной этнической территории на северо-восточном побережье Черного моря. Они являются прямыми наследниками многократно упоминаемых в античных и средневековых источниках апсилов (в этом имени явно слышится самоназвание абхазов), абазгов, санигов и других древнеабхазских племен и народностей – создателей значительной и широко известной в свое время феодальной монархии под названием Абхазского царства – со столицей на первых порах только в Анакопии, у современного Нового Афона (середина VIII – конец X вв.), а затем и в Кутаиси.

XIX столетие оказалось одним из сложнейших и неоднозначных периодов многовековой истории многострадальной Абхазии, веком тяжелейших этнополитических и социальных потрясений и испытаний для абхазского народа.

Это было связано с такими крупными знаковыми событиями, как разрыв отношений с Турцией; загадочное убийство владетельного князя Келешбея; присоединение Абхазии к Рос-

---

¹ **Гаркин В.** Можно ли молчать? Заметки по поводу некоторых высказываний З. Гамсахурдия // Газ. «Советская культура». 1991, 18 мая; **Арсеньев Вл.** Абхазия: Между небом и землей // «Известия» 1991, № 75, 28 марта (Однако позиция этого автора не совсем ясна).

сии, отрицательно воспринятое туркофильски настроенными кругами; с кровавыми военными действиями на ее территории в связи с покорением «непослушных» жителей; Кавказская и Крымская войны и выселения после них; упразднение Абхазского княжества; ссылка, а затем и смерть его владетеля; вооруженное выступление 1866 года и в результате вынужденный исход большого числа абхазов; новый этап вынужденного или насильственного выселения чуть ли не большинства коренных жителей в султанскую Турцию (махаджирство), после Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. со всеми ее трагическими последствиями, в том числе объявление абхазского населения «виновным» народом, обезоружением его и др. поставившими абхазский народ перед реальной угрозой полного физического исчезновения; широкомасштабная колонизация края, в корне изменившая его этническую карту; миграционные процессы со связанной с ними ассимиляцией значительной части абхазов и др.

Если до середины 60-х годов XIX века Абхазия в целом оставалась в основном мононациональной, этнически еще мало потревоженной страной, в границах между убыхским и «черкесским» с одной стороны и картвельскими (мегрельским, сванским) «племенными мирами» с другой, то в результате крупнейших махаджирских переселенческих волн, а из них особенно последних переселений 1864 и 1877 гг., произошло резкое сокращение абхазского населения на его исконной родине¹.

Исчезли с лица абхазской земли и ее северо-западных окрестностей целые абхазские этнографические и локальные группы и общества – приморские садзы или джигеты, многолюдные горские объединения на р.р. Мдзымта, Псоу, Бзыпь и Кодор – ахчипсы, айбговцы, цвиджа медовеевцы², псхувцы

¹ В XIX в. сравнительно небольшие переселенческие волны, более или менее вынужденные, а иногда и насильственные, происходили неоднократно. Как уже писалось выше, первая из них относится к 1810 г. после поражения Асланбея, когда со свергнутым владетелем в Турцию ушло пять тысяч человек.

² Согласно российскому Словарю конца XVIII в., существовала абхазская княжеская фамилия Мудавия, по-абхазски Мдавей (Мдаа,

из верховьев Бзыпи; фактически не стало многих бзыпских и абжуйских общин, почти полностью (за исключением с. Эшера) выселились жители Центральной Гумской Абхазии, в том числе неукротимые «племена» Дала и Цебельды, а опустевшие земли первого из них были заняты переселившимися туда сванами и др.

Из района Псху ушли на север и последние абазинские семьи¹, причем и северокавказских абазин не миновала, как и других горцев, махаджирская трагедия. Имея в виду опустошение и разорение Абхазии, академик Н.Я. Марр с горечью начертал известные уже нам слова: «...ни души абхазской, ни звука абхазского».

А Тедо Сахокия еще 1903 году с искренней болью писал: «Для Абхазии настало новое время... Кто еще лет 20 тому назад проезжал по этим местам, тот ныне и не поверит, что этот край так изменился за такое короткое время... Вы можете услышать здесь русскую речь, грузинскую, греческую, армянскую... Задумываясь над здешним положением, вы невольно спрашиваете себя: куда же делись коренные жители этой

Мдаю, Маад-ипа). В Словаре написано, что представители этой фамилии назначались турками пашами с резиденцией в Сухуме //Новый и полный географический Словарь Российского государства. – М., 1788. С. 3. По информации Ю.Г. Аргун, одного из представителей этого рода встретили в Турции абхазские ученые в июле 1992 г. Вместе с тем немалый интерес представляет и следующее сообщение В.А. Чирикба. Во время его посещения села Дагладжа (**Дагладжба**), местный житель Джаавит Палба рассказал ему, что население Дагладжа из Абхазии в Турцию привез их князь Маад-ипа Хакыбей, а основал село его прадед, назвав его тем же именем, каким называлось их село на родине. (**Чирикба В.А.** Расселение абхазов в Турции. С. 270. / См.: Приложение в книге **Инал-ипа Ш.Д.** Садзы.

¹ Имеются сведения о значительно более раннем переселении на север и некоторых других абхазских групп. Так, по преданиям, ныне адыгское племя бжедугов, в прошлом абхазского происхождения, проживало некогда в Бзыпском ущелье, а затем перебралось к истокам р. Белой. Оттуда часть из них спустилась в Туапсинскую долину. В одном из вариантов предания говорится о том, что и абадзехи, обосновавшиеся в верховьях Тубе, также вышли из Абхазии (**Дьячков-Тарасов А.Н.** Абадзехи //ЗКОИРГО. – Тифлис. 1902. Кн. 22 Вып. 4. С. 11,12).

страны? Как случилось, что вокруг ее накрытого стола сели другие!..»¹.

Активное этническое взаимодействие, которое в течение веков имело место на северо-западной окраине исторической Абхазии между абхазами (садзы, ахчипсы, айбга и др.), абазинами, убыхами и отдельными приморскими адыгейскими группами, искусственным образом было разорвано и прервано вследствие поголовного выселения основных субъектов указанных взаимоотношений (убыхи, садзы и др.)

Иную картину мы наблюдаем в юго-восточной контактной зоне, то есть в Самурзакани (абх. Мурзакан, от имени правившего некогда там абхазского князя Мурзакана Шервашидзе). Здесь также происходило непосредственное взаимодействие двух, но разных «племенных миров», их языков и культур – абхазского и мегрельского и, отчасти, сванского. Такие взаимодействия и взаимовлияния происходили здесь издавна, а со второй половины XIX в. приобрели наиболее интенсивный характер, причем, с весьма тяжелыми для абхазского народа последствиями.

Следует иметь в виду и то, что это взаимодействие совершалось в области, которой махаджирство коснулось несоизмеримо слабее. Серьезность последствий объясняется тем, что происходило оно на фоне предельного истощения физических и моральных сил всего абхазского народа, связанного с махаджирской катастрофой, в условиях слишком неблагоприятной для него политической и демографической обстановки. К тому же, после событий 1877 – 1878 гг. абхазы, мало того, что были официально объявлены царской администрацией «виновным населением», но и были подвергнуты полному обезоружению, что являлось тяжелейшим унижением для мужского населения.

Важнейшим фактором этнической деградации абхазского народа являлись миграционные процессы – массовые переселения жителей Западной Грузии, главным образом мегрельских крестьян в Абхазию, преимущественно в Самурзакан, происходившие с разной степенью интенсивности в течение многих десятилетий.

---

¹ Сахокия Тедо. Указ. соч.– Тбилиси. 1950. С. 296 (на груз.яз.).

Это не было передвижением населения из одной части Мегрелии в другую. Не было у них и стремления перебраться куда-нибудь на восток, вглубь грузинских земель. Перед нами явно выраженное тяготение к переселению именно в Абхазию, как в страну со своеобразным социально-экономическим и политическим устройством (более свободным по сравнению с Мегрелией положением зависимых сословий, а потому и более привлекательным).

Как отметила Л.Т. Соловьева, стимулом миграций в Абхазию были разные причины социально-экономического характера: классовая борьба (прежде всего самовольный уход крестьян от феодалов), нехватка пригодных для возделывания земель, продажа крепостных крестьян, кровная месть, стихийные бедствия (эпидемии, голод, неурожаи), относительный избыток народонаселения и др.¹.

В Абхазии же после махаджирского выселения оказалось немало свободных земель и, как сказано в одном источнике, они были «вдвое плодороднее», чем в Мегрелии, а крепостное право имело очень смягченную форму. Особое значение для адаптации беглых крестьян имел необычайно важный в общественной жизни абхазов институт асасства – обычай гостеприимства (асас по-абхазски «гость»), согласно которому каждая община и каждый ее член могли, никого не спрашивая принять любого гостя, и оказывать ему помощь и содействие, вплоть до наделения землей и защиты его жизни. Вместе с тем, и сами абхазские помещики были заинтересованы в привлечении арендаторов, поскольку местные крестьяне презирали наемный труд. В результате всех отмеченных обстоятельств из года в год процент мегрельского населения неуклонно повышался, но особенно широко это явление проявлялось в Самурзакани.

Вместе с тем, если вселявшееся мегрельское крестьянство занимало пустующие земли махаджиров почти во всех районах Абхазии, то несколько иное положение имело место в Самурзакани, очень слабо затронутой махаджирством. В связи с этим, пришедшие крестьяне селились в основном на расчищенных ими от леса участках, что сопровождалось соответствующими

---

¹ Соловьева Л.Т. Указ. соч. С. 45 и др.

изменениями не только этнической, но и экологической ситуации региона.

Если еще в 70-х годах XIX в. исследователи отмечали некоторые остаточные явления прежней широкой сферы влияния абхазского языка (по свидетельству лингвиста Ал. Цагарели, писавшего в 1877 году, знание абхазского языка встречалось среди мужчин в ряде селений и левобережья Ингура), то к концу века ситуация меняется, что в немалой степени было связано с общим ослаблением позиций абхазской культуры, хотя еще долго продолжалось ее влияние в различных сферах общественной и духовной жизни.

О глубоких корнях абхазской традиционной культуры в Самурзакани говорит и такая, казалось бы, незначительная деталь этнографического быта, как сохранение абхазским языком своих существенных функций в столь важной и консервативной области, как культовая практика, засвидетельствованная еще в конце XIX в. рядом авторов¹.

Так, молитву в честь Всевышнего (абх. Хыхь-иҭоу, у мегр. Жини) имели право произносить только старики, владевшие абхазским языком. По-абхазски же обращались к богам и при обрядах вызывания дождя (Дзиоу), а также и во время проведения фамильно-родовых и других религиозных ритуалов и церемоний.

В Самурзакани языковая ситуация последних столетий, прежде чем перейти в новое качественное состояние, прошла несколько переходных этапов. Сложный процесс смены абхазского языка мегрельским, растянулся на многие десятилетия. Начинаясь он в пограничных с Мегрелией селениях, расположенных близ устья Ингура.

Позднее стал ощущаться в общинах, прилегающих к абжуйским абхазским деревням (Бедия, Чхортоли, абх. Чхуартал и др.), промежуточное положение занимала центральная часть района (Окум, Гал).

Так, по словам Евг. Ковалевского, в 60-х годах из четырех Самурзаканских участков в двух – Окумском и Бедийском –

---

¹ Альбов Н. Указ. соч. С. 305, 324; Мачавариани К.Д. Религиозное состояние Абхазии // КГВ. 1889. С. 14 и др.

жители говорили «чисто по-абхазски», а в двух других – Набакевском и Саберийском – уже «больше по-мингрельски»¹. Отмечая неравномерное распространение мегрельского языка, известный немецкий филолог, работавший инспектором народных училищ, Г.О. Шухардт также указывал, что в последней четверти XIX в. в Бедийском, Окумском и Гальском обществах слышалась преимущественно абхазская речь, тогда как в Саберии, Отобайе, Дихазургах говорили по большей части уже по-мегрельски².

Однако и после того, как абхазскому языку пришлось делить свое преобладание с другим языком, он оставался еще некоторое время престижным не только в культовой практике, но и в общественных местах у мужчин, особенно среди представителей высшего сословия. Согласно Д. Кипиани его называли «языком моды», которым «щеголяли» князья и дворяне (см. выше А. Цагарели, Д. Бакрадзе и др.), но к исходу столетия, в новых условиях на первое место все более и более выдвигался мегрельский.

Среди значительной части самурзаканских жителей этому предшествовал довольно длительный период неравномерного абхазо-мегрельского двуязычия. Уже в 30-х годах на побережье, близком к устью р. Ингур, где побывал Фр. Дюбуа, «говорили как на том, так и на другом языке»³. В 1877 году, как об этом писал А. Цагарели, между Галидзгой и Ингуром «одинаково господствовали оба языка».

С двуязычием частично были связаны и приведенные выше топонимы в двух вариантах – абхазском и мегрельском. Тот же Г. Шухардт, который специально изучал географию и статистику картвельских языков, сообщал, что в 1890-е годы примерно из четырех тысяч самурзаканских семей около половины считали еще абхазский язык родным, а по И.А. Кип-

---

¹ Ковалевский Е. Очерки этнографии Кавказа // ВЕ. Т. III. – СПб., 1867. С. 109 – 111.

² Шухардт Г. О. О географии и статистике картвельских (южнокавказских) языков // СМОМПК. Вып. 26. – Тифлис. 1899. С. 74.

³ Дюбуа Фр. Путешествие вокруг Кавказа/перевод Н.А. Данкевич-Пущиной. – Сухуми. 1937. С. 163.

шидзе, в начале XX в. период двуязычия уже «почти завершился», однако полностью завершенным считать его в этот период еще нельзя.

Таким образом, от абхазского одноязычия (в основном) через абхазо-мегрельское двуязычие к мегрельскому одноязычию (в основном) – таков непростой путь развития языковой ситуации в Самурзакани на протяжении XIX – и первых десятилетий XX столетия.

Материалы «самурзаканского феномена» служат ярким доказательством «важнейшего значения языкового фактора», его «решающего значения для осознания своей этнической принадлежности»¹. При этом, все же, следует иметь в виду, что смена языка и смена самосознания далеко не всегда совпадают². Не об этом ли свидетельствует, в частности, и то обстоятельство, что в Самурзакани, где уже «постепенно утвердилось преобладание мегрельского языка»³, в 1925 году, по словам В.А. Гурко-Кряжина, «четыре села потребовали устройства школ с преподаванием на абхазском и русском языках»⁴. Если даже можно говорить о том, что «видимо, отчасти у населения Самурзакани оформилось и особое, территориальное самосознание» и получил эпизодическое употребление термин «самурзаканцы», в качестве несостоявшегося все-таки этнонима, то это, пожалуй, мало что решает.

Во всяком случае, в середине 20-х годов XX в., то есть по истечении нескольких десятков лет после «утверждения» мегрельского преобладания, значительная часть местного самурзаканского населения активно добивалась открытия абхазской национальной школы, что говорит о многом с интересующей нас точки зрения.

Конечно, отрицать полностью этнически смешанный характер населения Самурзакани не только в XIX в., но и в более

¹ Кипшидзе И.А. Грамматика мингрельского языка. – СПб., 1914. С. XVII.

² Соловьева Л.Т. Языковые процессы в этноконтактной зоне (по материалам Юго-Восточной Абхазии) //Проблемы изучения традиций в культуре народов мира. – М., 1990. С. 15.

³ Там же. С. 13.

⁴ Гурко-Кряжин В.А. Абхазия. – М., 1925. С. 8,13.

ранние периоды не приходится, особенно в отношении сравнительно узкой прибрежной и предгорной полосы. Об этом уже говорилось в основной части настоящей работы, причем даже с допущением возможности определенного двуязычия в отдельных селах.

Но все дело в том, какое количественное и этнотерриториальное содержание вкладывать в термин «смешанное», о какой степени смешения и о каких категориях населения может идти речь. Одно дело – ограниченное число торговцев, служителей культа и т. п., а другое – крестьянские массы – земледельцы, пастухи, охотники, а также, морские пираты и воины, князья и дворяне с их окружением и прочие слои населения.

Для периода ранее XIX в. мы можем говорить, вероятно, о наличии довольно скромных островных групп старых мегрельских поселенцев в таких, например, пунктах, как Анаклия, Гудава, Илори, Бедия. В противном случае, то есть если бы, как полагают некоторые исследователи, «по крайней мере с XVIII века»¹ население всей Самурзакани было смешанным в значительных масштабах, то, учитывая миграционные процессы, контаминацию абхазо-мегрельских этнических признаков и вообще, полная ассимиляция абхазов завершилась бы задолго до рубежа XIX – XX вв.

По мнению З.В. Анчабадзе, постоянное мегрельское население в пределах Южной Абхазии появляется только к середине II тыс. н.э., когда «мегрельские феодалы отторгли от Абхазии значительную территорию и с течением времени часть ее (вплоть до р. Кодор) сумели даже этнически освоить». В другом месте он пишет, что именно в этот период (XIV – XV вв.) «районы исторической Абхазии, расположенные между Галидзгой и Кодором, в их приморской и предгорной частях, стали интенсивно заселяться мегрельскими элементами, ассимилировавшими ту часть абхазского населения, которая здесь оставалась»².

Иными словами, по З.В. Анчабадзе, часть территории между Галидзгой и Кодором – области исторической Апсолии только

---

¹ Соловьева Л.Т. Указ. соч. С. 13, 14.

² Анчабадзе З.В. Очерки этнической истории абхазского народа. – Сухуми. 1976. С. 66, 67.

с XIV – XV веков стала заселяться мегрелами, ассимилировавшими все-таки только часть коренного абхазского населения, которая и в дальнейшем продолжала тут проживать.

Турецкая агрессия, особенно упомянутое выше опустошительное нашествие 1440 года, повлекла за собой серьезные этнодемографические изменения в Абхазии, преимущественно в южной ее части. Видимо, с этого времени начинается переселение значительных групп абхазоязычного населения на Северный Кавказ. Вскоре после этого князя Бедиани, воспользовавшись ослаблением Абхазии, относительно прочнее обосновались в этом крае (на юго-востоке). Началась, а вернее продолжилась длительная с переменным успехом борьба абхазских феодалов за возвращение отнятых земель.

Эта борьба для абхазской стороны осложнялась тем, что Мегрелия постоянно получала помощь со стороны грузинских царей. После каждой значительной победы абхазов, как правило, появлялись грузинские войска и отвоеванные земли вновь отходили к Дадиан-Бедиели. Пограничные же области – Абжуа и Самурзакан, особенно последняя, стали, таким образом, «постоянным яблоком раздора» между двумя соседними княжествами с неоднократными передвижениями политических границ. Наконец, к середине второй половины XVII в. абхазским князьям Шервашидзе удалось завершить эту борьбу, как бы абхазским вариантом испанской реконкисты, – возвращением утраченных ими ранее исконных земель.

В связи с упомянутым здесь переселением абхазоязычного населения из Южной Абхазии на север, следует обратить внимание на некоторые самурзаканские фамилии, представленные у абазин, например, Абсава – Апсов, Гагида – Гаги, Дзигуа – Дзугов, Туква (с. Чубурхинджи) – Тугов (Туков), Хубуа – Хубиев, Цеквава – Цеков (Цеква) Цанба – Цамба, Чхотуа – Чкатуев и др., а абазинская фамилия Сидаа (Сид-ипа), отсюда Сидовы, так же находит свою параллель в самурзаканском названии местности Сида.

По мнению М.С. Тхайцухова, из рукописи которого в основном заимствованы эти примеры, наличие таких фамильных и топонимических параллелей объясняется, по-видимому, тем,

что некогда довольно значительная часть предков нынешних абазин проживала на территории современного Гальского района, а оттуда (возможно, в связи с разгромом абхазов – потомков апсиллов) турками в 1440 году с длительными остановками в Дал-цебельдинском округе, по перевальным путям ушла на Северный Кавказ. Об этом говорят и некоторые фольклорные данные. Так абазины сохранили легенду об Арам-Хуте, которую знали только самурзаканцы.

Следует иметь в виду и то, что фонетическая система абазинского языка, особенно ашхарского диалекта, ближе к южно-абхазским диалектам, чем к североабхазским. В нем отсутствуют специфические бзыбские звуки. В целом, однако, абазины, как об этом уже говорилось выше, обитали в прошлом, как видно, в основном в районах, смежных с северо-западной частью исторической Абхазии, так например, аул Хуажв-Ду населен главным образом выходцами из Псху (Дзыбовцы и др.) и из других мест Сухумского района.

Все вышесказанное подтверждает, насколько сложным является не новый уже вопрос об этническом самосознании самурзаканцев. Даже для такого авторитетного автора, как Ф. Торнау, оказалось «трудным определить, какого именно происхождения народ, населяющий Самурзакан и говорящий частью абхазским, частью мингрельским языком», но в то же время, как мы знаем, он уверенно подчеркивал, что «настоящая граница Абхазии начиналась на правом берегу Ингура»¹.

Заметим в скобках, что Ф. Торнау, как и громадное большинство других ученых и путешественников, писавших об Абхазии, в частности о Самурзакани, фиксировал в основном только то, что сам видел или слышал на побережье, вдоль которого проезжал, совершенно не заглядывая в предгорные и горные области, где языковая и прочая ситуация была в значительной степени иной (например, в отношении оронимов, а названия гор, как и крупных рек, как известно, отличаются редкой долговечностью, устойчиво сохраняясь без существен-

---

¹ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 18, 19; Дзидзария Г.А., Ф.Ф. Торнау и его Кавказские материалы – М., 1976. С. 119.

ных изменений и после смены населения и языка, что наглядно иллюстрируется и на данной территории).

По М. Селезневу, в 1830-х годах «самурзаканцы считали себя абхазцами и именно поэтому отказывались подчиняться власти мегрельского владетеля»¹.

Комиссия, работавшая в конце 1830-х гг. над вопросом принадлежности Самурзакани по этнографическим и другим данным, признала право на Самурзакань князя Михаила. А Е. Ковалевский, несколько позднее, в 1867 г., уверенно заявляет: «Жители Самурзакана настоящие абхазцы. Они совершенно сходны между собой по типичным наружным признакам, по нравам, обычаям и по языку»².

Д. Кипиани склонен был выделить их в самостоятельную этнографическую группу, считая, что они и не мегрелы, и не абхазы, «а просто себе самурзаканцы».

Сухумская сословно-поземельная комиссия, работавшая, как известно, во второй половине XIX в. и состоявшая из лучших знатоков края, тоже «настаивала» на абхазской этнической принадлежности самурзаканцев.

Смена языка, происшедшая в этом регионе в результате длительной (в течение не одного столетия) и непрерывно возрастающей иммиграции мегрелов, объясняется, в частности, относительной легкостью их языка, если следовать теории такого лингвиста, как Бодуэн де Куртенэ³ (см. выше), и рядом других причин, среди которых не последнее место занимало отсутствие у абхазов письменности. Все вышеперечисленные факторы оказали решающее воздействие на общую ситуацию, что привело к изменениям также и в области этнического самосознания, хотя, при всей его нечеткости и противоречивости, самурзаканцы всегда сохраняли живое ощущение своей органической историко-политической и культурной связи с остальной Абхазией.

---

¹ Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. – СПб., 1847. С. 185.

² Ковалевский Е. Указ. соч. С. 109 – 111.

³ Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков// Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Том 1. 1963. С. 366, 367.

Немаловажное значение имеют и антропологические исследования, проводившиеся в Самурзакани в последние предвоенные годы. Как пишет абхазский антрополог П. Квициния: «Анализ рассматриваемых нами признаков расовой морфологии и конституции современного мужского населения двух сел Гальского района – Окуми и Баргеби, а также населения других районов (абхазы Абхазской и Аджарской АССР и мегрелы Зугдидского р-на) приводит нас к следующим выводам:

1. Антропологический статус современного населения Гальского р-на по статистическим параметрам признаков более близок к абхазам, чем к мегрелам Зугдидского р-на.

2. По признакам характеризующим развитие костного компонента сомы, аналогично населению Зугдидского района, а по признакам тотальных размеров тела (и головы), жирового и мускульного компонента сомы – абхазам Абхазии и, частично абхазам Аджарии.

3. В целом по расово-морфологическим признакам население Гальского района занимает промежуточное положение (по среднестатистическим параметрам) между абхазами и мегрелами, что является следствием значительного их смешения, происходившего в течении последних двух столетий¹.

Известный абхазский ученый и общественный деятель С.П. Басария, касательно отношения самого самурзаканского народа к противоестественным попыткам «отторжения» их от Абхазии, писал, что в 1918 году, когда меньшевистское правительство Грузии присоединило Самурзакан к Кутаисской губернии, Абхазский Народный Совет счел правильным предоставить самому самурзаканскому населению реагировать на эту акцию по своему усмотрению.

Все сознательные самурзаканцы, за редчайшим исключением, «говорили, что самурзаканцы абхазы, а потому территориальное и культурное отторжение их от всей Абхазии находили величайшей несправедливостью», поправим «эле-

---

¹ **Квициния П.К.** Роль ассимиляции и смешения в формировании общего антропоморфологического статуса у абхазов и мегрелов // Тезисы докладов Всесоюзной сессии по итогам этнографических и антропологических исследований 1986 – 1988 гг. – Сухуми. 1988.

ментарных прав абхазской нации». Через два месяца правительство меньшевиков вынуждено было вернуть Самурзакан в «родное русло»¹.

Мы подошли к концу нашего исследования, но тема, как это обычно бывает, далеко не исчерпана. Главное – будем придерживаться фактов и документальных текстов. Без них любые смелые выводы и заявления, а тем более такие одиозные, как «апсуа и абхазы – разные названия разных народов, сравнительно недавно ставших соседями»² – не имеют ничего общего с наукой, как и утверждения о двуаборигенности народов на одной территории и в одни и те же периоды времени³.

И еще одно замечание. По тем или иным вопросам, затронутым в данной работе, безусловно, могут быть разные мнения. Естественно, автор предлагает свое видение прошлого, свой взгляд на проблему. Ее дальнейшее всестороннее объективное изучение в свете новых материалов и гипотез является, несомненно, важной и актуальной задачей научного абхазоведения. При этом вся наша работа должна опираться на любовь к истине. А любовь, по словам апостола Павла, «не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла»⁴.

---

¹ **Басария С.П.** Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношениях. – Сухум, 1923. С. 103.

² **Ониани А.** Абхазия и Западная Грузия по языковым данным // Газ. «Народное образование». 1990, 7 января.

³ **Силагадзе А., Беридзе Ш.** Доколе Катилина // Газ. «Народное образование». 1989. С. 13.

⁴ **Псалтирь.** С. 42.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга «Ступени к исторической действительности» писалась автором в основном в конце второй половины 1980-х годов. О приблизительном ее содержании знали многие сотрудники института и ждали ее быстрейшего завершения и издания. Это было время, предшествовавшее развязанной Э. Шеварднадзе грузино-абхазской войне. В эти годы в Грузии бурным потоком в прессе и по телевидению изливались, направленные против Абхазии, ее истории и народа статьи и выступления.

К сожалению, широким антиабхазским фронтом выступали и грузинские ученые, как самого высокого ранга, так и мелкие злопыхатели. Абхазские ученые в силу своей немногочисленности не имели возможности противостоять на равных многим и многим сотням грузинских авторов, пропагандировавших поздний приход абхазов на территорию современной Абхазии, а тем самым отрицавших автохтонность абхазов на своей родине.

Крайне обеспокоенные сложившейся тяжелой ситуацией, к Шалве Денисовичу пришли сотрудники института и попросили его принять какие-либо меры в защиту искажаемой исторической правды, чтобы дать отпор шквалу ложной информации. А когда он спросил, что он может сделать, по их мнению, в данной ситуации, они попросили его ускорить работу над книгой «Ступени...» и в срочном порядке ее издать.

В ответ он сказал, что книга далеко еще не закончена, не достает материалов нескольких поздних авторов и не написана очень важная, по его словам, третья глава («О том, где зарыта собака»), для которой у него хоть и имеется уже большой, но далеко не полностью еще собранный и обработанный материал и, что вся работа требует сокращения многих повторов и во-

обще основательного редактирования, к которому он сможет приступить только после окончания работы, а для этого требуется время.

Однако, коллеги, частично знакомые с этой работой, заявили, что и в таком виде, в каком книга находится в настоящее время, если ее чуть-чуть подправить, можно издать – «время, – по их словам, – не терпит». В конце концов, они смогли его уговорить и через некоторое время, к сожалению, с неизбежными в условиях спешки ошибками (например, везде вместо XIV в. проходит почему-то XV век и т.п.) и с очень большими погрешностями, книга была сдана в издательство. Ш.Д. очень надеялся, что в скором времени удастся ее переиздать полностью завершенной и отредактированной.

Шел 1992 год. Вскоре Шалва Денисович получил 2 сигнальных экземпляра, однако началась война. О судьбе книги мы ничего не знали и были уверены, что во время погромов издательства и типографии книга была уничтожена. Через некоторое время после окончания войны, помещения издательства и типографии, пострадавшие во время погромов, стали очищать от завалов и, по возможности, восстанавливать.

Во время указанных работ там оказался наш известный писатель Джума Ахуба. Он обратил внимание на стопки бумаг на полу в одном из дальних углов одного из помещений. Это оказалась малая часть тиража набранной работы Ш.Д. Инал-ипа «Ступени к исторической действительности». Возможно, что во время войны кто-то из сотрудников типографии, пытаясь сохранить хоть часть листов, занес их в дальний угол, чтобы они не привлекали внимания. После этой находки сотрудники типографии, за что им огромное спасибо, провели с найденными листами необходимую работу, и небольшое количество книг быстро разошлось по рукам.

Шалва Денисович и до и во время войны, и после нее возвращался к этой книге, стараясь по возможности завершить над ней свою работу. Беспокоило его то, что он никак не мог найти материалы по некоторым авторам, а также, что незавершена работа над третьей главой. Но он все-таки надеялся в ближайшее время закончить свой труд.

Судьба, однако, распорядилась по-своему. Сердце его не выдержало слишком многочисленных и тяжелых ударов судьбы. Перед смертью я дала ему слово, что сделаю все, что в моих силах для издания неопубликованных и готовившихся к переизданию почти доработанных книг. И с тех пор стараюсь исполнить его последнюю просьбу.

К 2004 году я была уже готова издать «Ступени к исторической действительности» с правками автора, которые он успел сделать во время и после войны. Как уже говорилось выше, Шалва Денисович несколько лет скрупулезно собирал археологические, фольклорные, литературные и лингвистические данные, касающиеся уровня экономического развития, производственной, хозяйственной и ремесленной деятельности абхазов, анализируя этот материал в историческом разрезе с глубокой древности и до рассматриваемого периода.

Однако в окончательном варианте третья глава, посвященная этим вопросам, так и не была готова. Вопрос о том, в каком виде включить в доработанное автором издание большой, хотя и не полный, по его мнению, имеющийся материал, долгое время оставался для меня открытым, что и задерживало переиздание «Ступеней...».

В конце концов, по совету коллег из АБИГИ было принято решение все подготовленные Ш.Д. Инал-ипа тексты для третьей главы и отобранные им материалы опубликовать в приложении к книге.

Насколько мне удалось скомпоновать собранный Шалвой Денисовичем материал, согласно его замыслу, теперь сказать трудно, однако самое важное заключается в том, что весь материал ученого, который я нашла и который он собирал для переиздания «Ступеней», не пропал и будет доступен читателю, хотя кое-какие материалы он, возможно, и не собирался включать в эту книгу.

М.К.Инал-ипа-Хотелашвили

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тексты и материалы к главе III «О том, где «зарыта собака»

Выше уже приходилось отмечать, что существует мнение о резком упадке хозяйства и культуры Абхазии в эпоху позднего Средневековья в результате «засилия горских племен», отличавшихся будто бы какой-то глубочайшей, чуть ли не прирожденной отсталостью и, как видно, не только в указываемую эпоху (здесь явно подразумеваются так называемые «апсуйцы», то есть «новые абхазы»).

Стало широко известным глубоко патетическое восклицание Н.Ю. Ломоури, *«Вот где зарыта собака»*. Опирается это мнение об Абхазии и абхазах в основном на описании некоторых миссионеров и путешественников, которые, как известно, нередко были склонны изображать местных жителей страшными «варварами», ориентируясь на получаемые сведения от сопровождающих их переводчиков, информаторов и других лиц¹. Здесь хочется привести одно сопоставление.

¹ Это во многом связано с тем, что миссионеры и путешественники чаще всего прибывали со стороны Тифлиса, то есть из Грузии или из Каффы, где также жили грузины и мегрелы. Как правило, в Абхазии именно они становились переводчиками, проводниками и информаторами. Мегрелы и грузины, практически во все времена, претендовавшие на земли Абхазии и, вместе с тем, озлобленные от набегов и войн с абхазами, сообщали о них путешественникам в основном негативную информацию. О том, что миссионеров и путешественников сопровождали именно картвелы, говорят зафиксированные от них абхазские имена, фамилии, географические названия и отдельные слова с характерными изменениями в сторону грузинизации, например Кацо вместо Кац, Маргания вместо Маан, Анчабадзе вместо Ачба, Каппети вместо Бзыпь, Бичунта вместо Пицунды, вместо абхазского названия мамалыги – абыста используется грузинское слово гоми и т.д. и т.п.

Так, на Кавказе феодосийскому градоначальнику Семену Михайловичу Броневскому говорили, что цена невольников (определявшаяся по красоте, статности, здоровью и другим показателям) по национальности располагалась так: «черкес, мингрел, грузин, абхаз», в то время, как «в Египте, по показанию г-на Волнея, – пишет он же, – при покупке пленников наблюдался следующий разбор по нациям, означающий их оценку [по тем же показателям]: черкес, абхаз, мингрел, грузин, русский, поляк, венгр, немец и пр.».

Отдельные из комментаторов, пишущих об экономическом и культурном положении Абхазии того времени, преимущественно со знаком минус, также порою слишком сгущают краски, проявляя односторонность и далеко не всегда учитывая противоположные свидетельства тех же источников, на которые они ссылаются, не приводя в то же время сведения о соседних с абхазами народах.

В частности, когда пишут о «полном и безраздельном господстве в крае натурального хозяйства», об отсутствии городов, денег и товаров у местного населения¹, о том, что жители не знали христианской религии, почти не занимались земледелием, предаваясь воровству, грабёжам, пленопродавству и так далее, то нельзя обходить молчанием сведения и другого характера, содержащиеся в тех или иных описаниях, которые позволяют обрисовать отнюдь не столь варварскую картину жизни абхазов, не очень-то отличавшуюся от жизни соседних народов. Что касается натурального хозяйства, то оно было присуще многим, в том числе и соседним мегрелам.

Так, Ламберти писал, что среди мегрелов «...нет таких, которые бы ремеслом приобретали необходимое для жизни. Они устраиваются так, что все необходимое имеется дома...

Все имеют без покупки то, что им нужно...Часто годы проходят так, что мингрел ни для себя, ни для своего семейства ничего не истратит и содержит себя тем, что получает из своего хозяйства». Тот же автор сообщает, что «вся жизнь мингрельцев непрерывная кочевка». Что касается отсутствия городов, поселений и прочего, то это было особенностью не одних

¹ **Анчабадзе З.В.** Из истории средневековой Абхазии (VI – XVII вв.). – Сухуми. 1959. С. 281 – 282.

только абхазов. Так, Шарден отмечает, что в Мингрелии «нет ни городов, ни посадов». Об этом же писали раньше и русские послы в Дадианскую землю, М. Броссе и др.

В то же время представляет интерес сообщение Вахушти о Зупу (Лыхны) вроде как о «маленьком городе» с дворцом и резиденцией владетельных князей Шервашидзе (более подробно о Лыхнах писал А.Н. Дьячков-Тарасов, см. ниже). Обращает на себя внимание также и более раннее сообщение Челеби о том, что страна абаза «имеет сильное войско» и «большую пристань Лакба [Аква, то есть Сухум], в трехстах милях от Трапезунта», а Каstellи упоминает *пристань и порт Анакопии*, где он крестил его начальника. Об Анакопии, как о достаточно процветающем местечке, пишет и Рейнегтс, вспоминая вместе с тем и город около крепости Анаклия, в его время находившийся на правом берегу Ингура, где располагалась резиденция удельного самурзаканского князя Левана Шервашидзе.

Если же говорить о других высказываниях, например, о воровстве, то, как мы могли убедиться из вышеизложенного, это было время, когда, по словам Ламберти, «воровали все». Говоря же о пленопродавстве у абхазов, а в то время им занимались почти все народы Кавказа, в том числе и ближайшие их соседи, не мешает вспомнить сообщение послов России в Дадианскую землю, относящееся к тому же XVII веку (1639 – 1640 гг.):

«..Леонтей [Леван], или кто будет иной, людей той земли ково хочет, в иные государства продают...да не токмо де, что владетель, продает и отец детей, и брат брата, и муж жену, и жена мужа продают и на товары приезжим торговым людям меняют».

Вспомним и «следующие слова С.М. Броневского: «В Мингрелии и Гурии сами князья и помещики по чрезмерному их распутству и сребролюбию, производят торг пленниками, добывая оных чрез баранту, как выше сказано, или продавая собственных своих рабов»¹.

Все приведенные данные свидетельствуют о сходстве основных черт уклада жизни, характерного как для Абхазии, так и для соседней Мингрелии, что противоречит навязываемому некоторыми авторами мнению о какой-то особой отсталости абхазов в XVII – XVIII вв.

¹ Броневский С.М. Указ. соч. С. 303.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Полеводство. Совершенно несправедливо и утверждение, что абхазы не занимались или почти не занимались земледелием. В противовес этому исследователи определяют абхазов как один из древнейших земледельческих народов Кавказа¹. Об этом говорят сугубо национальные абхазские названия нескольких известных им систем земледелия, а также сохранившиеся пахотные орудия, имеющие аналогии в древнешумерской земледельческой культуре, о чем писал еще в 1941 году акад. Г.С. Читая².

О том же говорят и коленчатые сохи из самшита и дуба, найденные в нижних слоях раскопок в с. Пичора – Диха-Гудзба (юго-восток Абхазии), относящиеся ко второй половине III тыс. до н.э.³. А в 1973 г. в Сухумском районе в с. Багбаране во время земляных работ был обнаружен уже развалившийся сосуд, в котором находился большой клад крупных массивных железных земледельческих орудий раннего типа, как видно, приспособленных для тяжелых почв – сошников, мотыг и топоров.

Этот клад был опубликован М.М. Гунба, который для определения возраста найденных предметов обратился к другим подобным археологическим находкам. К ним относятся небольшой сошник, серп и две мотыги, обнаруженные археологом М.М. Трапшем в 1954 г. на горе Гуад-Иху в окрестностях Сухума в слоях местного поселения III вв. до н.э.⁴. Осмотрев-

---

¹ Приводимые далее археологические данные, относящиеся к древнейшим временам, выходят за рамки обсуждаемой эпохи, но представляется, что эта информация очень важна для внесения ясности в вопрос о зарождении и развитии земледелия в рассматриваемом регионе.

² **Читая Г.С.** К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий //«Моамбе» (Сообщения АН ГССР. Том II, № 4. – Тбилиси. 1941. С. 373 – 378.

³ **Барамидзе М.В., Джибладзе Л.В.** Древнейшее пахотное орудие из с. Пичора //Сообщения АН ГССР. Том 135, № 3. – Тбилиси. 1989. С. 657 – 659; См.: и **Барамидзе М.Б., Цвинария И.И.** Работы абхазской археологической экспедиции в Гальском районе //Вопросы археологии Абхазии. – Сухуми. 1989. С. 47.

⁴ **Трапш М.М.** Труды. Том 2. С. 232.

ший этот сошник Г.С. Читая отнес его к пахотным орудиям грядильного типа.

В связи с этим определением им было сделано предположение о более раннем появлении такого типа орудия в данном регионе, т.е. ко времени ранее IV – III вв. до н.э.¹.

Важное значение имеет и малоизвестная находка достаточно окультуренных обугленных зерен пшеницы и других злаковых², находившихся в кувшине, извлеченном из глубины 3-х метров. Найдка была сделана во время раскопок грота Юпсы в Бзыпском ущелье экспедицией под руководством М.Х. Хварцкия в слое, с остатками керамики и других предметов, свидетельствующих о существовании контактов жителей грота с представителями майкопской культуры. Углеродный анализ зерен пшеницы показал дату конца III и начала II тысячелетия до н.э.³ И в селении Пичоре на юге современной Абхазии в слоях конца III и начала II тысячелетия до н.э., были встречены обугленные зерна пшеницы Маха (древнейший колхидский эндемный вид), а также пшеницы спельты и двузернянки. Вместе с ними находились зерна проса и овса⁴.

Показательно и обнаружение в Пицунде в слоях, относящихся к IV – V вв. н.э. многочисленных остатков обугленной пшеницы. Зерна эти находились на всей площади какого-то бывшего сооружения. Как предполагают исследователи, это помещение было зернохранилищем⁵.

---

¹ Хотелашвили М.К. Земледельческие орудия Абхазии античного и раннесредневекового времени // Материалы по археологии и искусству Абхазии. – Сухуми. 1974. С. 37, 38.

² Злаковые были определены сотрудниками Ленинградского Ботанического сада.

³ К сожалению, в связи с гибелью М. Хварцкия во время грузино-абхазской войны, материалы раскопок остались неопубликованными.

⁴ Джибладзе Л.В. Стратиграфия, хронология и периодизация поселений Колхидской низменности в эпоху бронзы. Автореферат. – Тбилиси. 1990. С. 18.

⁵ Апакидзе А.М., Микеладзе Т.К., Лордкипанидзе О.Д., Рамишвили Р.М. Итоги археологических исследований Причерноморской археологической экспедиции АН ГССР летом 1960г.//Научная сессия, по-

Важное значение для понимания уровня развития и истории полеводства имеют лингвистические данные. В абхазском языке есть целые пласты слов, относящихся к самому полеводству. Так, например, абхазы сохранили 8 самобытных обозначений различных субтропических почв Абхазии, а наряду с этим и орудий земледельческого труда и их частей. Все эти термины являются словами чисто абхазского происхождения.

Таким образом, устанавливается, что с культурой пшеницы и других зерновых местное население было знакомо задолго до существования Боспорского и Понтийского царств и соседства с грузинами, заимствование от которых этих культур постоянно приписывается абхазам. Например, о древности культивирования пшеницы свидетельствуют не только многочисленные термины абхазского языка, касающиеся полеводства, но и различных мучных изделий, в состав которых пшеничная мука хотя и не входит, но названия их содержат слово «ача» – пшеница, да и само выражение «хлеб-соль» означает дословно «[пшеничный] хлеб-соль» и т.д.¹.

Можно предположить, что род мягкой пшеницы под названием «ача» у абхазов некогда являлся самым распространенным при изготовлении мучных продуктов. Затем его место, как видно, заняло просо, возможно в результате изменившихся климатических условий, не благоприятствовавших урожайности пшеницы. Однако пшеницу, хотя и в небольшом количестве, сеяли постоянно, так как почти в обязательном порядке именно из пшеничной муки пекли ритуальные хлеба и другие продукты, используемые во время обрядов большинства главных молений абхазов.

В этой связи следует вспомнить слова Челеби (и не только его), что в Абхазии сеют пшеницу и гоми и получают большой урожай². Об этом же говорят и сведения Шардена, относящиеся не только к самой Мегрелии, но и к территории

священная итогам полевых археологических исследований 1960 года. – Тбилиси. 1961. С. 35.

¹ **Инал-ипа Ш.Д.** Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 236.

² **Челеби Э.** Указ. соч. С. 11.

современной южной Абхазии, входившей тогда в политическое пространство Мегрелии, о том, что земля там настолько сыра, что «...ее вовсе не обрабатывают, когда сеют пшеницу и ячмень»¹.

О пшенице позже упомянул и Вахушти, сообщивший, что в Абхазии обильно сеяли ячмень и просо, и, что там «...родятся всякие зерна», но пшеницы сеется мало². В последнее тысячелетие самой распространенной зерновой культурой у абхазов, как и у соседних народов, было просо. Впервые какой-то вид дикого проса был обнаружен в культурных слоях верхнего мезолита в Гроте Хупынипшахва (Холодный грот)³, зерна же одомашненного проса были найдены не только на поселении Пичора, но и в некоторых других местах Абхазии.

Большой интерес представляет находка пыльцы культурных и диких видов проса и гоми (абх. ахэыз), извлеченных из вырезов земли от 80 см и ниже, произведенных вблизи Эшерского городища, что говорит о большой древности культивирования и этих злаков на территории Абхазии⁴.

Авторы конца XVIII и XIX вв. пишут о большом значении земледелия в жизни абхазского населения. Стоит вспомнить слова Я. Рейнеггса, писавшего, что «земледелие с избытком удовлетворяет потребности абхазов». Лейтенант Ф.Я. Скирневский, посетивший Сухум в 1807 году, также отметил, что в окрестностях города население занимается хлебопашеством, состоявшим из пшена, ячменя и кукурузы⁵, а С.М. Броневский, приехавший в Абхазию в 1810 году для ознакомления с ней, писал, что абхазы «упражняются» в хлебопашестве, «сеют пше-

---

¹ Шарден Ж. Указ. соч. С. 24.

² Вахушти. География Грузии// ЗКОИРГО. Кн. XXIV. Вып. 5. 1904. С. 195, 234.

³ Соловьев Л.Н. Об итогах археологических раскопок в Гроте Хупынипшахва в 1960 году //Труды АБИЯЛИ. Т. XXXII. 1961. С. 194.

⁴ Рухадзе Л.П., Квавадзе Э.В., Шамба Г.К. Динамика растительности окрестностей Эшерского городища (Абхазия)//Известия АН ГССР. Серия биологическая. Т. 14, № 6. – Тбилиси. 1988. С. 409.

⁵ Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. – Сухуми. 1958. С. 28.

ницу, ячмень, турецкую пшеничку (кукурузу) и особый род проса, называемый грузинами гоми»¹.

В 1817 году капитан Е.И. Энгольм сообщил, что «засеваемый и удобопроизрастаемый в Абхазии хлеб, есть кукуруза, часть гоми, меньшая часть пшеницы и ячменя». В то же время он добавляет, что «количество сего засева достаточно только для собственного употребления»². Представляют интерес и сообщаемые Ф.Ф. Торнау сведения о хлебопашестве у садзов, культивировавших кукурузу, просо, в небольшом количестве пшеницу и овес. И в селении Чуа на реке Мца он видел посевы *проса, кукурузы и пшеницы*. Побывав же у ахчипсувцев, он и там обратил внимание на посевы *кукурузы, проса и пшеницы*³.

Овес же сеяли все жители горных обществ – Псху, Чужгуча, Аибга и Ахчипсху⁴. Ячмень сеяли в небольшом количестве, однако, фольклорные данные говорят, что было время, когда его сеяли намного больше. Пшеницу же, согласно полевым и литературным сведениям, сеяли и в конце XIX в.⁵

По А.Н. Лаврентьеву, писавшему в 1858 году, наиболее урожайными культурами в Абхазии были кукуруза, просо, отчасти пшеница и различные огородные культуры⁶. К концу века кукуруза, как видно, окончательно вытеснила просо. Так, М.Т. Джанашвили, уже не упоминая просо, отметил: «Ныне абхазцы сеют кукурузу и изредка пшеницу»⁷, хотя у Фон-Дервиза сказано, что кроме этих культур сеют нередко

---

¹ **Броневский Семен.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Часть I. – М., 1823. С. 326.

² **Чанба Р.К.** Земледелие//Сб.: Земледелие и скотоводство у абхазов. – Тбилиси. 1986. С. 21.

³ **Торнау Ф.Ф.** Воспоминания кавказского офицера. Ч. II. – М., 1864. С. 47, 39, 40.

⁴ **Чанба Р.К.** Указ. соч. С. 21.

⁵ **Чанба Р.К.** Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. – Тбилиси. 1977. С. 31, 32.

⁶ **Лаврентьев А.И.** Статистическое описание Кутаисского генерал-губернаторства//Военно-статистическое описание губерний и областей Российской империи». Т. XVI. – С.-Пб., 1858. С. 149.

⁷ **Джанашвили М.** Абхазия и абхазцы//ЗКОРГО. Кн. XVI. 1894. С. 15.

и местное просо, и что просо, а также и пшеница в прошлом «давали большой урожай»¹.

Здесь, видимо, следует привести некоторые сведения, касающиеся культивирования в стране и риса. И.А. Джавахишвили считал, что эта культура была занесена в Колхиду из Византии где-то около IX – X веков², но в литературе об Абхазии информация о культивировании риса каким-то образом лишь проскальзывала, например, указание на использование рисовой соломы при некоторых производствах одежды. С.М. Броневский в своей книге дважды говорит о рисе, называя его, сорочинским пшеном: «По долинам...производится хлебопашество. Сеют сорочинское пшено, ячмень и турецкую пшеницу (кукурузу)». Упоминает он рис и среди вывозимых товаров: «...вывозились бурки... толстое сукно... несколько хлопчатой бумаги, сорочинского пшена и ячменя»³.

О нем вспоминал и Н.Н. Раевский, написавший, что «Край изобильно производит виноград, шелковицу, оливки, рис и хлопчатую бумагу»⁴. В 1842 г. Д. Зубарев, среди зерновых и технических культур также упоминает рис под названием сорочинского пшена. И он писал, что предметами сеяния в Абхазии являются «кукуруза, гоми (род проса)... конопля, лен и в небольшом количестве пшеница, сорочинское пшено(?) рис(?) и ячмень»⁵. И только в турецких документах XVI века можно найти об этом более определенные сведения. Так, в «Уставе Сулеймана I для Каффской ливы», относящемся к 1542–1543 гг., определяются размеры пошлин и налогов для товаров, ввозимых или вывозимых из Каффы, связанной с тремя городами, – Сухумом, Таманью и Азовом (Азак).

---

¹ **Фон-Дервиз Н.** Сухумский округ в сельскохозяйственном и лесном отношениях//Кавказское сельское хозяйство. – Тифлис. 1894, № 48, 17 ноября.

² **Джавahiшвили И.А.** Экономическая история Грузии. Кн. I. 1930 (на груз. яз.).

³ **Броневский Семен.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Часть I. – Москва. 1823. С. 345, 350.

⁴ **Раевский Н.Н.** Записка о торговле с горами//АКАК. Том IX. Ч. 1. С. 471 – 472.

⁵ **Зубарев Д.** Абхазия//Русский вестник, 1842, № 6, с. 93.

В реестре из товаров, вывозимых из Сухума, названы шелк, рабы и рис. При этом разная цена указывается в зависимости от того, находится ли рис в мешках или на развес. Если рис привезен в мешках, то цена устанавливалась по мешкам: за мешок требовалось взимать пошлинный сбор в размере одного ахче с каждого из них¹.

О культивировании риса абхазами сообщает и более поздний автор – Артур Бихан, заведующий отделом Кавказа в Гамбургском этнографическом музее². О возделывании риса свидетельствует и название низменной местности в селении Гуп Очамчирского района – «абрынджлацарта», что означает «место сеяния риса» (от абрынць – рис, алатцара – сеяние и локативный суффикс -та).

Итак, приведенный, может быть, слишком подробный материал, с очевидностью подтверждает слова Н.М. Альбова, что главным занятием абхазов являлось земледелие, причем добавим, с самых древнейших времен, о чем свидетельствует и наличие у абхазов божеств, покровительствовавших земледельческому труду: Богиня Владычица Земли, имя которой затерялось в источниках, богиня зерновых Анапа-Нага, богиня урожая Джаджа, а также божество мукомолья Сауна.

При этом следует иметь в виду, как писал еще в 1830 г. И.К. Аш, и многие другие авторы, что абхазы обрабатывают только «такое пространство земли, которым можно было прокормиться» и, добавим, накормить гостей, но в течение только лишь одного года. Впрочем, в XIX веке кукурузу сеяли уже как выгодный товар не только для внутреннего потребления, но и для внешней торговли, а намного ранее и рис³.

¹ **Берадзе Т.Н.** Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. – Тбилиси. 1989. С. 125 (со ссылкой на **Berindet**).

² **Бихан А.** Кавказская цивилизация. Абхазы и черкесы. – Париж. 1936. С. 139.

³ Более подробно о земледелии абхазов см.: **Дзидзария Г.А.** Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. – Сухуми. 1958. С. 28 – 36; **Инал-ипа Ш.Д.** Абхазы. С. 226 – 245; **Бжания Ц.Н.** Указ. соч. С. 143 – 178 и особенно у **Чанба Р.К.** Земледелие // В сб.: Земледелие и скотоводство у абхазов. – Тбилиси. 1986. С. 6 – 105.

Льноводство. Самой древней технической культурой, разводившейся в полевых условиях Абхазии были: лен, затем конопля и гораздо позднее хлопчатник. Показательно в этом плане обнаружение в ископаемом состоянии пыльцы культурного льна в вырезе земли, произведенном недалеко от Эшерского городища, о чем писалось выше, а также и семян льна, находившихся на дне амфоры и в чашке, найденных в VI башне Эшерского городища в слоях, датирующихся II и началом I века до н.э.¹

Этнограф Е.М. Маляя считает, что абхазы были знакомы с несколькими видами льна, «в том числе льна-долгунца и озимых сортов»², а они, насколько мне известно, произрастают только здесь. О древности культивирования льна говорит и топоним Кукунда, упоминаемый во II веке географом Птолемеем (где-то поблизости от Гагр). Топоним сохранил название богини льна и других технических культур Кукуны, центр поклонения которой, видимо, находился в указанном им месте.

Виноградарство и виноделие. Территория Абхазии является местом, где явно самостоятельным путем шло развитие виноградарства и виноделия, чему способствовало разнообразие видового состава чрезвычайно широко распространенных в лесах Абхазии виноградных диких лоз, зачастую достигавших гигантских размеров.

В глубине нескольких тысячелетий теряются истоки появления культивирования этого благородного растения. Ученые считают, что его зачатки относятся здесь ко II тысячелетию до н.э. Абхазский термин, обозначающий виноградную лиану-лозу, адзахуа объясняется, по моему мнению, выражениями из самого абхазского языка и означает «вьющееся растение» (от **аза**, «сочное, вьющееся растение», и хуа, «хэа» же служит выражением понятия «отпрыск», «поросль», «ветвь» (а в одной народной песне выступает даже в значении «сын»). Эта культура не могла не зародиться в стране, как сказано, с множеством высокоствольных деревьев в ее лесах, окутанных урожайными лозами.

¹ Рухадзе Л.П. и др. Указ. соч. С. 406, 407.

² Маляя Е.М. Льноводство и льняные изделия абхазов//«Известия» АБИАЛИ. Т. XI. – Тбилиси. 1983. С. 85.

Путешественников, посещавших Абхазию, поражали лозы огромной, «колоссальной», как они говорили, величины. Так, А.В. Верещагин писал: «Виноградная лоза отличается здесь, сколько плодovitостью, столько и силою растительности. И в диком состоянии, и разведенная горцами около дерев, виноградная лоза достигает до 1 фута [т.е. 30, 48 см] в диаметре, а некоторые из лоз давали по 15 пудов винограда», а это будет около 2,5 тонн¹.

О виноградных лозах Абхазии, как о диких, так и об окультуренных, писали очень многие. А сами абхазы до недавнего прошлого помнили названия свыше 60-ти культивированных ими сортов винограда. В народной памяти сохранилось свыше четверти тысяч слов, относящихся к виноградарству и виноделию, а также различных выражений: пожеланий, приветствий, названий методов выращивания лоз, и т.д. Вообще абхазский язык исключительно богат самобытной лексикой, касающейся этой важной отрасли сельского хозяйства Абхазии².

О древности культивирования винограда и виноделия говорит и особое отношение абхазов к вину. Этот напиток до сих пор тесно связан не только с обыденной жизнью населения, но и с религиозной обрядностью. В подавляющем большинстве винопитие входит в ритуалы обрядов главнейших религиозных молений абхазов, а также считается обязательным при проведении как погребальных и поминальных обычаев, так и свадебной обрядности. Можно предположить, что в древние времена употребление вина, как священного напитка богов, происходило только в таких случаях.

Представляет большой интерес найденная в Бзыпской Абхазии бронзовая статуэтка так называемого «винопийцы», к головке которого приварены петли для подвешивания. Это на-

¹ **Верещагин А.В.** Колонизация Черноморского побережья Кавказа. – С.-Петербург. 1878. С. 28.

² **Джанашиа Б.П.** Абхазская лексика виноградарства и виноделия. – Тбилиси. 1955; **Кецховели Н., Рамишвили М., Табидзе Д.** Ампелография Грузии. – Тбилиси. 1960. С. 424 – 428; **Инал-ипа Ш.Д.** Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 245–257; **Чанба Р.К.** Земледелие. Раздел Виноградарство // В сб.: Земледелие и скотоводство у абхазов (Материалы к историко-этнографическому атласу Грузии). – Тбилиси. 1986. С. 10, 11, 29 – 41.

гой с огромным фаллом мужчина, восседающий на оригинальном кресле и держащий в руках рог для питья.

Вряд ли можно сомневаться в том, что перед нами божество плодородия, виноградарства и виноделия. Там же был обнаружен и высокохудожественно исполненный бронзовый ритон, опоясанный вдоль устья извивающейся змеей, а по тулову украшенный той же гравировкой птицами и фантастическими животными. Оканчивается он изящной скульптурной головкой козла. Эти предметы относятся к середине I тысячелетия до н.э.

О древности виноделия говорят и многочисленные и очень крупные тарные гончарные изделия, предназначавшиеся главным образом для хранения вина (но также и для зерна, копченого и соленого мяса и других продуктов). Эти крупные изделия были распространены по всей территории Абхазии с очень ранних времен, по крайней мере, с середины I тысячелетия до н.э.,¹ если не раньше.

Большой научный интерес представляют косточки местного абхазского древнего культурного винного сорта винограда, под названием «качич», найденные в слоях III в. до н.э., во время раскопок Сухумской набережной в 1959 году². О том, что виноград начали культивировать в очень далекие времена, исчисляемые тысячелетиями говорит и такой факт: в 1927 г. во время рытья колодца в с. Лыхны, на глубине от 7 до 15 м был обнаружен ствол крупного грецкого ореха, обвитый, как видно, уже не дикой, а культурной лозой винограда³.

О раннем культивировании этой культуры свидетельствуют и данные археологии. Так, в слоях середины I тыс. до н.э. попадаются флаксы, специальные втульчатые орудия, применявшиеся в виноградарстве, имевшие прямое длинное лезвие, переходящее в прямую же круглую втулку и крючковидно за-

¹ Из личного архива Ивана Андреевича Аджинджал (записи в тетради), бывшего в 1940-х годах заместителем директора Абгосмузея по научной части.

² **Апакидзе А.М., Лордкипанидзе О.Д.** Новые материалы к археологии Диоскурии-Сébastополиса // Труды АБИЯЛИ. Т. XXXIII – XXXIV. – Сухуми. 1963. С. 219.

³ **Хашба Л.Х.** Культура грецкого ореха в Абхазии. – Сухуми. 1959. С. 8, 9.

гнутой во внутрь конец лезвия, подобно лезвиям цалд (Сухумская гора, и Красный Маяк)¹.

К этому же типу орудий виноградарства и садоводства относится и случайная находка флакса вместе с топорами цебельдинского типа, сделанная во время земляных работ при строительстве фундамента дома в с. Джгерде, т.е. относящаяся ко времени цебельдинской культуры (III – VI вв.).

О том же свидетельствуют и многочисленные находки небольших железных ножичков, употреблявшихся в садоводстве и виноградарстве, начиная с рубежа конца эпохи бронзы и начала железного века. К орудиям виноградарства и садоводства как видно относятся и серповидные кривые ножички, а также и втульчатые небольшие орудьяца типа флаксов с пильчатым краем и вовнутрь загнутым лезвием.

Раскопки раннесредневековых слоев Анакопии дали несколько орудий такого типа, из которых два имели пильчатое лезвие, а у третьего пильчатость не просматривается. Еще орудие подобного типа было обнаружено на Бамборской поляне города Гудаута². Что эти предметы являются орудиями виноградарства и садоводства, подтверждается советами древнеримского ученого Палладия, считавшего, что среди других, необходимых орудий следует иметь и следующие: «серпы для обрезки как деревьев, так и лоз,... снабженные рукоятками пилки маленькие и покрупнее... с помощью которых легко отсекать ветки от ствола и прививать лозы... маленькие кривые ножички, посредством которых легко отрезать маленькие и сухие ветки», а также «очень короткие, снабженные зубьями серпики... и маленькие пилки».

О древности культивирования винограда свидетельствует и огромное количество сортов винограда местного происхождения, выведенных путем народной агрикультуры. Даже в пору исчезновения множества традиционных сортов все же удалось

---

¹ **Каландадзе А.** Археологические памятники Сухумской горы. – Сухуми. 1953. Табл. X/7; **Трапш М.М.** Археологические раскопки в окрестностях Сухуми//Труды АБИЯЛИ. XXIX. – Сухуми. 1958. Рис. 11/3.

² **Хотелашвили М.К.** Земледельческие орудия Абхазии античного и раннесредневекового времени // Материалы по археологии и искусству Абхазии. – Сухуми. 1974. С. 40 – 47, рис. V и VII.

зафиксировать большое количество их названий на такой небольшой территории, какую занимает Абхазия (к сожалению, земля садзов к тому времени, когда стали записывать и описывать сохранившиеся ко второй половине XIX в. сорта винограда, была уже пуста).

Запись сортов и их описание велись натуралистами уже в XIX веке, когда многие из них еще процветали. Это были В.И. Чернявский, К.Д. Мачавариани и ампилограф М. Баллас. В целом ими было зафиксировано и описано около 60-ти сортов. Работу в этом направлении продолжили ампелографы уже нового времени, такие как Ф.К.Кварацхелия, Е.И.Чамагуа, М.А.Рамишвили, Д.И. Табидзе, Ц.Н. Бжания, Р.К. Чанба и др., а также автор этих строк. Так, мне самому в 1945 году в селе Ачандаре удалось записать 18 названий.

В Абхазии были выведены самые разнообразные сорта винограда, получавшие названия не только по цвету (черные, темно-синие, белые, розовые, янтарные и др.), по вкусу, сочности, форме, полноте ягод, месту происхождения, но и по имени человека, создавшего его и т.п. Вместе с тем, этимология ряда названий винограда остается непонятной, хотя в абхазском происхождении подавляющего большинства из них трудно сомневаться.

Впрочем, Б.П. Джанашиа, специально посвятивший труд абхазской лексике виноградарства и виноделия, утверждал, что главные термины виноградарства являются общими словами, относящимися к основному словарному фонду как абхазского, так и картвельского языков. Однако все основные абхазские термины виноградарства и виноделия отсутствуют в грузинском языке¹.

Различаются сорта и по другим качествам, например, по времени созревания. Так, например, в с. Бедия оказалась лоза, начинавшая цвести в феврале или марте. В конце апреля или в начале мая она давала уже «совершенно зрелые плоды», замечательные тем, по словам К.Д. Мачавариани, что их ягоды никогда не осыпались и не гнили².

В Абхазии были выведены не только очень ранние сорта, но и сорта такого позднего созревания, о которых И.Н. Клинген

---

¹ Джанашиа Б.П. Указ. соч. С. 3.

² Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 253.

писал следующее: «...благодаря сухой, теплой, солнечной осени, характерной для здешних предгорий» «нередки случаи созревания лучших поздних сортов винограда в январе...»¹. Но, как правило, основные сорта созревали в конце октября или к середине ноября, а остальные – в конце ноября или даже в декабре.

Как считало большинство исследователей, абхазские сорта винограда отличались не только превосходными вкусовыми, но и другими ценными качествами. Среди них выделялись многие столовые и винные сорта. Некоторые ученые считали, что сорта абхазского винограда в основном относятся к категории винных, зачастую обнаруживая прекрасные свойства и столовых сортов.

Что касается абхазских вин, то о них писали и отмечали их высокое качество авторы как XIX века, так и в первой половине XX в. Впервые сообщение о высоком качестве абхазского вина мы встречаем у епископа Султании Иоанна де Галонифонтибуса, написавшего, что Абхазия располагает не только множеством животных, но и «превосходным вином»².

В этом отношении особенно отличались районы Бзыпской Абхазии, где благодаря наличию больших площадей с известковой почвой, располагавшихся на юго-восточных солнечных плодородных склонах холмов, называвшихся айа, айа/ра, где «ра» является суффиксом показателя местности. Слово «айа» сравнивается этнографом Ц.Н. Бжания с греческим названием колхидской Айи³.

На этих склонах удавалось выращивать лучшие столовые и винные сорта, характеризовавшиеся наиболее высокими вкусовыми качествами и богатым букетом. Из них изготавливались и разные безалкогольные напитки помимо широкоизвестных высококачественных вин, шедших на обмен и на вывоз в Поты, Батуми, а также в крымские и причерноморские города Турции. Некий В. Герман сообщал в своей статье, что он в 1893 году был приглашен в Гудауту, где хозяйство Г. Багрицкого скупило у абхазов виноград лучших сортов – «качич» и «ава-

---

¹ Цит. по **Чанба Р.К.** Указ. соч. С. 34.

² **Иоанн де Галонифонтибус.** Указ. соч. С. 18, 19.

³ **Бжания Ц.Н.** Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми. 1973. С. 150.

сырхваж». «Вина из этих сортов, – пишет он, – были удостоены на Юбилейной выставке в Тифлисе серебряной медали»¹.

Божеством высоких деревьев и виноградной лозы у абхазов, как видно, был Нар. Недаром к человеку, собиравшему урожай винограда, и находившемуся на высоте большого дерева, обращались со следующим благопожеланием: «Благополучно спуститься тебе с Нара».

Садоводство. Интенсивно занимались абхазы и садоводством. Многие авторы – С. Пушкарев, А.В. Пахомов и многие другие называли Абхазию «сплошным садом». Издревле абхазы занимались выведением превосходных сортов плодовых деревьев. Еще Э. Челеби заметил, что территория Абхазии «изобилует плодами», об этом же писал и грузинский царевич Вахушти.

По словам барона И.К. Аш, абхазские «фрукты очень вкусны, особенно яблоки», несомненно, имея в виду в первую очередь знаменитое «железное яблоко», сохранявшееся до самых летних месяцев, и другие местные зимние сорта.

При этом много было сортов также и очень ранних яблок, как и груш, слив, вишни (деревья последней в Пицунде, по признанию Э. Спенсера были такой величины, которая превосходила все те, какие ему приходилось когда-либо видеть раньше); абрикосов, крупных и мелких персиков, крупноплодной айвы, инжира, крупноплодных сладких гранатов, красной, черной и нескольких сортов белой черешни.

Н.А. Дьячков-Тарасов вспоминал как он, проходя по долине реки Мдзымта, шел буквально аллеями белой черешни². И С.М. Броневский, отметив «удобство» земель Абхазии «к хлебопашеству и садоводству», назвал в числе плодовых «яблоки, груши, сливы, каштаны, квиты (айву?), персики, абрикосы, грецкие орехи, дикий виноград, тутовые ягоды и прочие плоды», которые, по его словам, произрастают в лесах без всякого примотра». Такое впечатление создавалось в силу того, что абха-

---

¹ **Герман В.** Виноградарство и виноделие в Сухумском округе// «Черноморское сельское хозяйство». 1905. № 3, с. 201 – 203.

² **Дьячков-Тарасов А.** Через перевал Псеашха (верховья Малой Лабы) к Черному морю//СМОМПК. Кн. XXXI –Тифлис. 1902; **Дзидзария Г.А.** Указ. соч. С. 39 – 41; **Инал-ипа Ш.Д.** Указ. соч. С. 256 – 259; **Чанба Р.К.** Земледелие. Садоводство //Указ. соч. С. 41 – 45.

зы, в своих лесах делали прививки диким плодовым деревьям, считая это благим богоугодным делом.

Приведенным выше перечислением не ограничивается всё разнообразие фруктов, а также орехоплодных (многочисленных гигантских, в том числе тонкокорых грецких орехов нескольких сортов, каштанов, нескольких сортов фундука и т.д.). При этом следует отметить, что вопреки утверждениям некоторых дореволюционных авторов, отрицавших какое-либо культурное садоводство у абхазов, последние не только «пользовались дарами девственной природы», но и из глубины веков занимались садоводством настолько, насколько это позволяли земледельцу условия того времени.

Если бы садоводство не было развито, то откуда появилось такое удивительное разнообразие сортов плодовых и нескольких видов грецкого и мелкого ореха и др. И почему тогда писали, что после махаджирства абхазские сады стали дичать? «Теперь сады одичали...», – писал известный краевед натуралист А.Старк¹.

В связи с плачевным состоянием сельского хозяйства хочется привести выдержки из доклада члена «Сухумского общества сельского хозяйства» помещика Б.Н. Захарова, прочитанного им 2 января 1903 г. Он говорил о том, что в Сухумском округе, несмотря на исключительно благоприятные климатические условия, наблюдается «полный упадок сельского хозяйства», а «садоводство и виноделие, некогда процветавшие в крае, совершенно запущены».

Б.Н. Захаров задается вопросом – в чем причина такого печального положения, такого упадка в то время, как «по всей Абхазии много следов бывшего процветания». И сам же отвечает, что причина всего этого лежит «в неустроенности как среди туземного виновного населения, так и среди иноплеменного, заселившего край после выселения абхазов в Турцию». Однако, по его мнению, «...очень большая роль в деле упадка... принадлежит игнорированию и полному равнодушию к выработывавшимся веками народным способам ведения хозяйства, селекции, агротехники и т.д.»².

¹ Старк А. На Русской Ривьере. – Тифлис. 1913. С. 21, 32, 37, 45, 81.

² Захаров Б.Н. О необходимости введения Земских управлений в Сухумском округе //Ж-л «Черноморское сельское хозяйство». 1905. С. 102, 103.

Здесь же уместно привести и слова возмущенного А.Н. Дьячкова-Тарасова: «Весьма нерационально поступают некоторые из купивших прибрежные участки, сводя весь лес и не оставляя узкой полосы вдоль дюны, что всегда исполнялось аборигенами страны, джикетами [да и всеми остальными абхазами]: эта зеленая стена защищает от вредных для растений морских туманов, умеряет силу морского ветра, смягчает действие холодных воздушных течений северо-запада»¹.

На самом деле абхазы издревле занимались народной селекцией, знали способы омолаживания плодовых деревьев, проводили прореживания, удаление сушняка, использовали несколько приемов прививки, подсадки, размножения черенками, отводом и т.д. и т.п.

При всем том и здесь следует отметить, что в основном почти все выведенные сорта, а также приемы выведения новых сортов, имеют свои абхазские названия, что в свою очередь говорит об аборигенности абхазского населения на этой благодатной земле.

Скотоводство. Широко занималось население Абхазии и скотоводством, но это занятие никто не оспаривает, наоборот, самые рьяные грузинские авторы, а их немало, всегда стараются доказать, что охота и скотоводство, а не земледелие были главными занятиями абхазов. На самом деле в их хозяйственной жизни скотоводство стояло на втором месте, так как почти вся территория Абхазии была покрыта девственными лесами, препятствовавшими более широкому его развитию.

В результате сильной облесенности в нижней зоне получило распространение разведение, в первую очередь, крупного рогатого скота, о начатках которого мы можем предполагать уже с эпохи поздненеолитических времен, когда протекала жизнь на Кистрикском приморском селище², а также и из материалов Очамчирского селища раннебронзового времени, где почти не было костей диких животных, «при этом значительное большинство костей принадлежало корове».

---

¹ Дьячков-Тарасов А.Н. Гагры и их окрестности//ЗКОИРГО. XXIV – Тифлис. 1903. С. 25.

² Лукин А.Л. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут//СА XII. – М. – Л., 1950. С. 284.

По определению проф. В.И. Громова, «корова была мелкая и, по-видимому, комолая. В значительно меньшем количестве встречалась свинья и лишь в совсем незначительном количестве коза и овца». Значит, при самых благоприятных условиях, охота почти не имела значения в хозяйстве этого населения¹.

Из древней литературы известно, что в Колхиде была выведена, по-видимому, та же местная мелкая порода, которую так описал Аристотель: «на Фазисе есть маленькие коровки, из коих каждая дает много молока»².

Видимо, их потомками и являются нынешние быки и коровы, так и оставшиеся мелкой породой, называемой абхазами «абхазской», о которой С.М. Броневский заметил, как о скоте малого роста, но имевшего «мясо вкусное и жирное»³. Также писал о нем и Фр. Дюбуа – «Быки и коровы довольно хорошей породы, хотя и малорослы»⁴.

Однако во все последующие времена, наиболее широко разводили коз, о чем писали многие исследователи. Этнограф Ц.Н. Бжания считал, что в Абхазии, «основой всего скотоводческого хозяйства, особенно в предгорной и горной зонах» было козоводство, имевшее здесь наибольшее развитие, по сравнению со всеми другими районами Кавказа⁵.

Об этом же говорит и теоним Джабран – божество коз, ставшее впоследствии божеством и овец, сохранив в то же время в своем имени слово аджда, означающее козу. Абхазами была выведена, вызывавшая восторженные отзывы порода коз, сильно отличавшаяся от распространенной в Мегрелии, Имеретии, Гурии и Аджарии. О ней упоминал в первой половине XVIII века и Вахушти Багратиони, опи-

---

¹ **Соловьев Л.Н.** Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии//Материалы по археологии Абхазии. Вып. XV. – Сухуми. 1939. С. 52.

² **Аристотель.** Истории о животных. Кн. III. Гл. 23, 7//ВДИ, № 2, 1947. С. 325.

³ **Броневский С.** Указ. соч. С. 345.

⁴ **Дюбуа де Монпере.** Путешествие вокруг Кавказа//Перевод **Н.А. Данкевич-Пушиной.** – Сухум. 1937. С. 123.

⁵ **Бжания Ц.Н.** Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми. 1973. С. 46.

савший ее наиболее полно: «коза здешняя весьма красива, с мягкой шерстью; она пестра [вернее пятниста], с высокими рогами, большим телом, рога ее длинные, примерно в 1,5 аршина, борода длинная, доходящая до ее колен»¹. Как видно, позже коз занялись и разведением овец, в связи с чем стало широко практиковаться отгонное скотоводство, связанное главным образом с овцеводством, требовавшим открытых кормовых пастбищ. Ими стали в основном альпийские луга гор Абхазии. Еще Страбон писал, что на Кавказе «зимой вершины гор недоступны, а летом люди поднимаются на них»². Вряд ли можно сомневаться в том, что население поднималось в горы со своим скотом.

В литературе сохранилось немало сведений и о свиноводстве (начиная с Эвлия Челеби), которое широко было развито в Абхазии до начала XIX века, и только в этом столетии в связи с распространением мусульманства стало быстро сдавать свои позиции.

О широком развитии свиноводства у абхазов свидетельствуют не только остеологические материалы, встречаемые при раскопках, но и сохранившаяся сравнительно богатая свиноводческая терминология, хотя и сильно уступавшая терминологии, связанной с мелким рогатым скотом. Вся терминология всех вышеуказанных животных собрана и представлена в работе абхазского лингвиста В.Е. Кварчия³.

Занимались абхазы и разведением лошадей, мулов и ослов. Ими была выведена так называемая «абхазская лошадь», отличавшаяся небольшим ростом, но незаменимая в горных условиях⁴. Покровителем лошадей было божество под названием Ачъшьашъана. Особенно интенсивно развивалось оно у садзов. Именно у них была выведена известная порода лошадей, известная ныне почему-то под названием «кабардинской». Еще в Средневековье, – писал известный абхазский этнолог Ц.Н. Бжания, – в Абхазии была выведена особая порода коней –

---

¹ **Вахушти Багратиони.** География Грузии/Перевод с груз. М.Г. Джанашвили. С. 234.

² **Страбон.** География. – Ленинград. 1964. С. 479.

³ **Кварчия В.Е.** Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. – Сухуми. 1981. С. 36, 37, 38, 97, 98, 99.

⁴ **Там же.** С. 31 – 36.

знаменитые горбоносые трамо-лоовские скакуны, неправильно называемые «кабардинскими»¹.

Собаководство. Абхазы широко занимались и собаководством². В результате народной селекции были выведены несколько пород, среди которых на Кавказе славились «абхазские пастушеские собаки», охотничьи «гончие» и «полугончие борзые», а также «собака-медвежатник», выведенная из породы среднеазиатских овчарок, и «волкодав» – собака из породы кавказских овчарок, на шею которых надевали железный ошейник, покрытый острыми зубцами³. В указанной книге В.Е. Кварчия приведено большое количество лексического материала, касающегося животноводства и связанных с ним различных понятий.

Пчеловодство. Особое место в хозяйственной жизни абхазов занимало пчеловодство. Им население Абхазии занималось чрезвычайно широко по всей территории Абхазии, включая Садзен. Абхазский мед от лучшей в мире пчелы (представляет собой особый подвид серой западнокавказской дикой горной пчелы), названной на одном из конгрессов пчеловодов «абхазянской», обладает превосходными качествами.

До последнего времени в Абхазии действовали питомники этой пчелы, поставлявшие наиболее чистый маточный материал очень многим странам мира. Недаром итальянский миссионер Арк. Ламберти о меде этой пчелы имел особое мнение: «...я продолжаю настаивать на том, что это лучший мед в свете... Есть у них и другой сорт меда, очень белого и твердого, как сахар...»⁴. Что касается другого сорта, несомненно, имеется в виду знаменитый «каменный мед», добывавшийся абхазами с риском для жизни, из гнездовий пчел, находившихся на большой высоте в расщелинах отвесных скал, а также потолков и стен пещер, а также в дуплах высокоствольных деревьев. Об абхазском каменном и обычном меде писали и Шарден, и другие авторы (см. выше).

¹ **Бжания Ц.Н.** Из истории хозяйства и культуры абхазов (Исследования и материалы. – Сухуми. 1973. С. 217.

² **Инал-ипа Ш.Д.** Из скотоводческого культа абхазов (Алышкинтр) //Известия АБИЯЛИ. – Тбилиси. 1983. С. 45 – 63

³ **Там же.** С. 38, 39, 40.

⁴ **Ламберти Арк.** Указ. соч. С. 47.

Местный мед имел большое значение в быту населения и употреблялся им в огромных количествах. Он использовался в разных видах в пищевом рационе, с ним готовили мучные изделия, разнообразные напитки, а также применяли в народной медицине. В то же время продукция пчеловодства с незапамятных времен служила у абхазов одним из главных товаров, сначала в качестве обменного, а затем и денежного.

Не менее важное значение имел и воск, также в немалом количестве не только употреблявшийся абхазами во время отправления различных религиозных обрядов, но и применявшийся и в народной медицине, и для покрытия поверхности морских судов. В быту же его использовали для натирания веревок, шнуров, шпагатов, изготовления разного назначения свечей и др. Воск также служил одной из главных статей вывоза, так как в огромных количествах был необходим христианским странам для свечного производства, необходимого для церковного богослужения и во многих других отраслях. Его специально заготавливали и выносили на продажу в огромных количествах, причем зачастую придавали ему товарный вид – спрессовывали в круги, или придавали ему форму столбиков.

В этом отношении представляет интерес рассказ жителя с. Лата Абаа-ипа Куча о том, как в Дальском ущелье «во время земляных работ в поселке Шаку был найден в земле огромный ком воска в виде круга. Когда его обкопали, несколько человек не смогли его сдвинуть с места, после чего он был топором разрублен на куски»¹. Спресовывали его, как видно, и в виде довольно толстых столбиков, какие, по устному сообщению археолога Л.Н. Соловьева, были обнаружены в земле поселенцами с. Гума (быв. Михайловское) в 30-х годах XX века.

---

¹ **Аджинджал И.А.** Из этнографии Абхазии. – Сухуми. 1969. С. 279 – 280.

ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО

Охота. Нельзя отказать абхазам, как прекрасным охотникам и в их любви к охоте. Охота была спортивно-военным занятием, хотя и очень опасным. Охотились на многих животных – на одних для обогащения питания разнообразной мясной пищей, а на других для добывания шкур, что являлось важной статьёй торговых операций. Охотились, как на крупного зверя (медведей, леопардов, рысей, волков, оленей, ланей, а в недалеком прошлом и на огромных зубров), так и на мелких животных, таких как лисицы, в том числе и на встречавшихся чернобурых, на белок, бобров и на высоко ценившихся куниц двух разновидностей¹.

Особое место занимала излюбленная абхазами соколиная охота. Абхазские соколы славились во многих странах Старого Света. Их вывозили в Константинополь, в Крым, в Грузию, в Персию и даже в Индию и многие другие места. Абхазы были признанными дрессировщиками ловчих птиц, и, по словам миссионера Жана да Люкка, натаскивали их всего за восемь дней. Ловчие соколы преподносились как особый дар среди свадебных подарков, причем, судя по византийскому эпическому произведению «Дигенис Акрит», их ценность разнилась в зависимости от величины, породы и цвета. Как видно, наиболее ценившимися были белые птицы.

Рыболовство. Что касается рыболовства, то им местное население занималось с самых древнейших времен. Уже в гроте Хупынипшахва (Холодный грот) с верхнепалеолитическими и мезолитическими слоями были найдены прекрасные орнаментированные гарпуны из оленьего рога и масса костей лосося, величина которого сильно превосходила нынешние особи.²

Грузила для сетей из галек, с выбитыми с двух сторон выемками, в больших количествах находят археологи на таких стоянках неолитического и раннебронзового веков, как Кистрик и Очамчира, где был обнаружен даже просверленный рог козы,

¹ Подробно см.: **Инал-ипа.** Абхазы. – Сухуми. 1965. С.183– 192.

² **Соловьев Л.Н.** Гарпуны грота Хупынипшахва //Кавказ и Восточная Европа в древности. – М., 1973. С. 33 – 38.

вероятнее всего для вязания сетей. О рыболовстве говорят и находимые там костные остатки дельфинов и камбалы¹, да и во многих других местах, как в бронзовую, так и в средневековую эпохи.

Так, например, во время раскопок башен Анакопийской крепости, археологами были обнаружены круглые костяные пластины камбалы. Рыболовством занимались и позже, хотя и бытует представление о том, что абхазы вообще рыбу не употребляли. Однако, например, Ф.Ф. Торнау пишет, что «Прибрежные абхазцы занимаются рыбной ловлей. Устья горных речек, впадающих в море, изобилуют лососиной, которая составляет весьма лакомую пищу и по здешнему обычаю жарится обыкновенно на вертеле». Он же сообщает и подробно описывает развитый у них промысел по ловле дельфинов².

О некотором развитии рыболовства писал еще в 1831 году Абрюцкий, отмечая чрезвычайное богатство рек и озер Абхазии рыбами: «И в сем отношении жители совершенно удовлетворяют свои нужды, хотя рыболовство не составляет собой ветви промышленности»³. Впрочем, о довольно широком занятии рыболовством в прошлом свидетельствуют искусно сплетаемые абхазами разных видов сети и неводы, а также специальные вытянутой формы плетенки для речных рыб под названием «адарча», да и другие показатели⁴.

---

¹ Соловьев Л.Н. Указ. соч. С. 53.

² Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 61, а также и Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 201 – 204.

³ Абрюцкий. Статистический взгляд на Абхазию//Тифлиские ведомости», 1831, № 24 – 29. Цит. по Дзидзария Г.А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. – Сухуми. 1960. С. 13.

⁴ Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 202 – 204.

ПРОИЗВОДСТВА И РЕМЕСЛА

В отношении абхазов, к сожалению, сложилось впечатление, как о народе со слабо или почти неразвитым кустарным ремесленным производством. Сообщения некоторых дореволюционных авторов о том, что абхазы – народ считающий занятие каким-нибудь ремеслом за стыд, вследствие чего среди них чрезвычайно мало развита кустарная или ремесленная промышленность, в корне не соответствуют действительности.

Такое впечатление было вызвано в силу слабо развитых товарно-денежных отношений и является свидетельством натурально-потребительского характера почти всех отраслей домашнего производства, но отнюдь не как полного его отсутствия. Г.А. Дзидзария в своем исследовании народного хозяйства в Абхазии посвятил ремеслам специальную главу, отметив, что «кустарная промышленность у абхазов исторически связана с земледелием, скотоводством, лесным промыслом, потреблением металла и т.д.»¹.

Металлургия и металлообработка. У абхазов достаточно высоко были развиты кузнечно-литейное мастерство, обработка железа, а также примыкавшие к нему два ремесла – оружейное и ювелирное. Кузнецы изготавливали все виды сельскохозяйственных орудий – сошники, лемеха, лопаты, мотыги разных форм, топоры, цалды, серпы, разнообразные садовые ножички и домашние ножи, массу всяких других изделий, необходимых в хозяйственном быту.

В недалеком прошлом из их рук выходили якоря, многих величин цепи, ошейники с зубьями для собак-волкодавов, специальные охотничьи «подковы» для лазания по скалам – аихац, с ушками и продетыми в них кольцами для ремней, прикреплявших их к обуви. С наружной стороны аихац имели по три четырехгранных шипа. Встречаются и аихац большего размера.

Выделывали надочажные цепи, замки и ключи к ним, тамги, подковы для лошадей и ишаков, котлы, очень длинные

---

¹ Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. С. 55 – 78; См.: также **Инал-ипа Ш.Д.** Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 259 – 273.

массивные вилы для извлечения вареного мяса из больших котлов, стремена и треноги для лошадей, ножницы-апсард для стрижки шерсти овец и обычные портняжные, щипцы для очагов, молотки, разнообразные по форме и величине гвозди, включая тончайшие миниатюрные серебряные экземпляры и многое другое.

Местное население с глубокой древности занималось добычей и обработкой металлов, о чем говорят исследования высокогорных рудников Абхазии. Достаточно прочесть замечательный сборник (к сожалению, доклады изданы в нем только тезисами), посвященный данному вопросу, в котором участвовало немало видных ученых¹. Этот сборник заставил многих пересмотреть представление о времени зарождения металлургии на территории Абхазии.

В последние десятилетия, что очень важно, по вопросам кузнечного ремесла, на основе металлографического анализа древнего железа и раннего появления на территории Абхазии изделий из стали, а затем в III – IV вв. и сварочного дамаска, вышли работы известного археолога и специалиста по древнему железу О.Х. Бгажба. Его работы, посвященные кузнечному ремеслу в древней и средневековой Абхазии, имеют большое научное значение².

С конца XVIII века о металлургии и металлообработке у абхазов уже имеются и письменные сообщения. Так, Я. Рейнеггс писал, что абхазы занимаются обработкой железа, «из которого выделывают прекрасную сталь» и оружие, которое еще в XVI веке у них, по словам М. Меховского, приобретали заволжские татары.

---

¹ Медные рудники Западного Кавказа в III – I тыс. до н. э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения. Тезисы докладов Башкапсарского полевого археологического семинара (Сухуми – Башкапсара). – Сухуми. 1988.

² **Бгажба О.Х.** Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII – XIV вв.). – Сухуми. 1977. С. 39 – 52; **Его же.** По следам кузнеца Айнара. – Сухуми. 1982; **Его же.** Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии. – Тбилиси. 1983; **Ардзинба В.Г.** К истории культа железа и кузнечного ремесла (Почитание кузницы у абхазов//Древний Восток: этнокультурные связи. – М., 1988 и др.

Ружья, сабли и кинжалы в XVIII веке (а судя по вышеприведенному сведению, вероятно, и гораздо ранее) продолжали закупать у абхазов чегемцы и карачаевцы¹. Капитан Е.Н. Энгсольм, сообщения которого относятся к 1819 году, говорил о «фабриках» Абхазии следующее: «главные фабрики оного состоят в выделывании железа, из которого они приготавливают особенной доброты сталь. Выливают ружейные стволы, делают кинжалы и ножи весьма порядочные...»².

О высоком мастерстве, достигнутом абхазскими оружейниками в деле производства вооружения, в том числе даже берданок (одну такую берданку, сделанную абхазским мастером, видел Фон-Дервиз³), замечательных кремневок и пистолетов, украшавшихся местными мастерами-ювелирами золотом, серебром, перламутром и слоновой костью, писал также Н.Ф. Дубровин. И. К. Аш также сообщал, что «ружья, кинжалы и сабли делают во многих местах Абхазии... железо абхазцы отлично выделывают, и приготавливают высокой доброты сталь. Есть мастеровые, кои искусно чернят серебро и золото для украшения оружия»⁴. О том же писал и некий Абрюцкий.

Интересно, что у абхазов сохранился специальный термин для обозначения чернения, содержащий слово золото. Этим термином называли чернение любого металла, а это свидетельствует о том, что чернение начинали с золота. Однако чернили серебро и золото не только на оружии, но и на других предметах – масленках, рогах для питья вина, пороховницах, натрусках из рога, пряжках, наконечниках, накладках и бляшках ременного набора мужских поясов, колец с удлиненным щитком для большого пальца (употреблялись при натягивании лука при стрельбе), газырях, налобных и нагрудных украшениях конской сбруи и т.д.

---

¹ **Клапрот Г.Ю.** Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807– 1808 гг. //АБКИЕА. С. 251.

² **ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. №18497.** Лл. 33, 37.

³ **Фон-Дервиз. Н.В.** Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего)//ЗКОИРГО. 1906. Кн. XXV. Вып. 8. – Тифлис. 1906. С. 55.

⁴ **Аш И.К.** Статистический взгляд на Абхазию. Краткие исторические сведения об Абхазии //«Тифлиские ведомости». 1831, № 22.

Вместе с тем, следует упомянуть абхазских ювелиров, изготавливавших и женские украшения – обручальные и обычные золотые и серебряные кольца (также и в качестве залога), перстни и серьги с глазками, ожерелья, чапразы-застежки с подвесками из серебра для скрепления верхних женских курточек, серебряные дутые небольшие пуговички, броши, сложного узора серебряные пряжки женских поясов, серебряные шкатулки для хранения драгоценностей, бляшек, а также двойные пряжки для скалывания верха бурок, накладки и пряжки для ноговиц, кожаных носков и мн. др.¹. При всем том надо отметить, что некоторые предметы украшались и рельефными узорами, филигранью и др., а не только чернением. Особенно богато украшали оружие – слоновой костью, рогом, драгоценными камнями и драгоценными металлами с чернением, о чем писал Д. Дубровин².

Золото же и серебро добывалось на территории самой Абхазии и выдавалось абхазским мастерам-ювелирам самим владельцем, хозяином рудников, причем определенная доля добываемого золота ежегодно отсылалась турецкому султану. Своими же рудниками (в договоре абхазского владельца Сафарбея с русским правительством они названы – «заводы золотые и серебряные»), так дорожили, что доступ к ним иноземцам (да и не только им) был строго запрещен и держался в тайне.

Очень важно и сообщение И.Ф. Бларамберга, согласно которому черкесы «достають свои лучшие кольчуги из аула Кубачи». При всем том, пишет он, некоторые «...утверждают, что кольчуги очень хорошего качества производят также в Абхазии на побережье Черного моря»³. А Клапрот Г.-Ю. уточняя, сообщил, что «Лучшие кольчуги доставляются из Кубачи в Дагестане, но говорят, что особенно хорошие кольчуги изготавливаются только в землях абхазов у Черного моря»⁴.

1 **Малия Е.М.** Украшения одежды абхазов. – Сухуми. 1985.

2 **Дубровин Н.** История войны и владычества русских на Кавказе. Том I. Кн. I.

3 **Бларамберг И.Ф.** Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Часть I.//АБККЕА. С. 363.

4 **Клапрот Г.-Ю.** Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. //АБККЕА. С. 266.

В связи с этим интерес представляют рассказы русских военных, находившихся в районе Драндского собора. Обнаружив на территории храма подземный ход, ведущий к берегу р. Кодор, они, проникнув в него и пройдя несколько помещений, в одной из «комнат» увидели массу висевших на стенах и лежавших на полу кольчуг. Видимо, в Драндах был один из центров их изготовления.

Ткачество, плетение, пошив, вязание и вышивание. О глубокой древности возделывания льна и изготовления из его нитей полотен разного качества, говорят многие факты. О высококачественных льняных тканях Колхиды писал еще Геродот, называя их сардоническими, в отличие от также славившихся тканей Египта¹ и Карфагена. Известный археолог Б.А. Куфтин связывал слово «сардоническое» с абхазским термином «сарты» (**сардэы**), обозначающим ткацкий станок (досл.: «место тканья»). В этом слове он видел «указание на технические особенности его [полотна], изготовленного с помощью ткацких станков «сартэы», отличных от греческого типа и сходных, по Геродоту с египетским».

Это подтверждается, по мнению Б.А. Куфтина, и советом Ксенофонта: при изготовлении нижнего края охотничьих сетей, названного им, как ни странно, словом «сардонион», «пользоваться лучше всего фасианской, а также и карфагенской льняной пряжей»². В этом сообщении между сардоническим полотном и вытканым фасианами поставлен знак равенства.

О древности прядения ниток говорят многочисленные пряслица, разных форм находимые по всем уголкам современной Абхазии, начиная с неолитического времени.

О развитии ткачества свидетельствует и, так называемая текстильная керамика, распространенная во всей полосе Восточного Причерноморья. Эти, легко разламывающиеся и крошащиеся сосуды, II тыс. до н.э. и первой половины I тыс. до н.э. служили, по предположению Л.Н. Соловьева, для выпари-

---

¹ Геродот. Истории. 7. Происхождение колхов (II, 105) // ВДИ. 1947, № 2. С. 256.

² Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Т. II. – Тбилиси. 1950. С. 292, 293.

вания из морской воды соли. Изготавливались они при формовке с помощью тканей, отпечатки которых сохранились на всех обломках этой посуды. По мнению Л.Н. Соловьева, «ткачество племен побережья достигло высокого совершенства еще до появления здесь эллинов и перешагнуло рамки домашнего промысла». Среди этих отпечатков можно увидеть ткани из льняной крученой витой нити «от грубого рядна до самого тонкого льняного полотна» (на древней текстильной керамике, согласно Л.Н. Соловьеву, отпечатаны следы уже и шерстяных тканей)¹.

Здесь следует привести и выявленное и зафиксированное Е.М. Маля слово «ахатэы», которое ассоциируется с определенным процессом – подготовки основы для тканья, а именно с натягиванием пряжи для основы на колышки «ахатэы ахара». И если на станок были натянуты подлежащие тканью льняные (и только они!) нити основы, то ткачиха говорила: «ахатэы сзыкэгылоуп», что дословно означает «меня ждет основа для плетения». Из этого выражения следует, что тканью предшествовало плетение, а первоначальным материалом для тканья, у абхазов, как земледельческого народа, служил лен.

В то же время интересно, что на очень древней керамике Абхазии встречаются отпечатки циновок, а абхазские мастерицы еще сравнительно недавно занимались плетением циновок из рисовой соломы. В связи с этим, как думает автор, «выражение плетения в данном слове древнее, чем выражение тканья»².

В этом отношении представляют интерес и наблюдения известного этнографа Е.М. Шиллинга. Он заметил, что льняная нить у абхазов подвергается гораздо большему количеству процессов, чем шерстяная и хлопчатая. При этом Е.М. Шиллинг приводит описание этих процессов с названием каждого из них, а также и вспомогательных приспособлений для их исполнения. Шерстяная же нить, а также и хлопчатая, у абхазов, как и у народов Северного Кавказа, «...проходит от веретена

---

¹ **Соловьев Л.Н.** Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии//«Советская археология» Т. XIV. 1950. С. 285.

² **Маля Е.М.** Льноводство и льняные изделия абхазов// Известия АБНИИЯЛИ XI. 1983, С. 84, 85.

до станка весьма сокращенный путь», – писал он. И это, по его словам, «как будто показывает, что льняная ткань у абхазцев старше шерстяной». Здесь же он приводит и «один факт из области духовной культуры». На большую традиционность ткани льна указывает запрет заниматься тканьем льна в семейные запретные дни, «тогда как ткать шерсть и хлопок в эти дни можно»¹. Об этом же говорит, как уже отмечалось выше, и имя богини тканья Кукуна, содержащее слово лен – акуны.

Купцы вывозили из Абхазии не только рабов, древесину, мед, воск и пушнину, но и льняные, по словам д'Асколи, «прекрасные нитки для выделки полотна»². А в середине второй половины XVII века и Ж. Шарден отметил, что абхазы изготавливают и продают высококачественную «льняную пряжу»³.

В XVIII веке, уже и Вахушти писал, что лен и хлопок никто не обрабатывает с таким искусством как абхазки и, что их льняные полотна превосходят по качеству все изготавливавшиеся полотна других народов⁴. В конце этого века об абхазских женщинах писал и Я. Рейнеггс, отмечая, что они славятся как прекрасные пряжи, занимающиеся изготовлением и хлопчатобумажной нити, которая в больших количествах ежегодно вывозилась из Абхазии в Смирну (Измир) и Салоники, а этот факт, в свою очередь, говорит о высоком их качестве⁵.

В 1842 году Д. Зубарев, возможно повторяя Гюльденштедта, писал, что абхазы занимаются приготовлением толстого сукна, бурок, «грубых бумажного, пенькового и льняного полотна» (здесь им добавлено, что, «...в небольшом объеме занимаются и шелководством»)⁶. И действительно, абхазки из льняных нитей ткали не только тонкие полотна для одежды, но и как морской народ более плотные на парусину. Изготавли-

¹ Шиллинг Е.М. По Гудаутской Абхазии// «Этнография», 1926. № 1–2. С. 76 – 78; Дортелли д'Асколи в первой половине XVII века сообщил, что из порта Абаза (устье р. Сочи или р. Псоу).

² д'Асколи. Указ. соч.

³ Шарден Ж. Путешествие Шардена по Закавказью в 1672 – 73 гг. – Тифлис. 1904. С. 20. См.: Е. Малия. Указ. соч. С. 84.

⁴ Вахушти. Описание царства Грузинского. – Тбилиси. 1941. С. 145.

⁵ Рейнеггс Я. Указ. соч. С. 13.

⁶ Зубарев Д. Абхазия//«Русский вестник», 1842, № 6. С. 94, 93.

вали украшенное вышивкой и кружевами по краю постельное белье, летние льняные черкески, известные на Кавказе только абхамам, длинные, с кружевами по краям тканевые полосы, натягивавшиеся на несколько высоких крепких кольев. Под этим навесом на натянутые шпагаты подвешивали высушиваемые различные фрукты, кисти винограда, сваренные кочаны мелкой молочной кукурузы, обмокнутые несколько раз в кисель из сладкого виноградного сока с мукой и нанизанные на толстые нити, очищенные грецкие орехи или фундук – так называемые, аджанджыхуа (груз. чурчхелы), тоже обмокнутые несколько раз в подготовленный «кисель» из виноградного сока с мукой и др.

Изготавливались и украшенные вышивкой или узорно сотканые, игравшие роль салфеток «наколенные полотенца», для покрытия колен во время пиршеств или торжественных трапез. Ткали в то же время не только обычные двухсторонние полотенца, но и трех-, четырех- и восьмиконечные, неизвестные другим народам Кавказа «не только по технике изготовления, – пишет Е.М. Маля, – но и по некоторым мотивам орнаментики».

Искусные пряжи, ткачихи, вязальщицы, вышивальщицы и портнихи, абхазские женщины, как большие рукодельницы, имели специальные оригинальные ящички для хранения выкроек разной одежды, рисунков для аппликаций, узора кружев, вышивания или тканья настенных шерстяных и льняных ковров, подзоров, постельного белья, одежды, обуви, башлыков, кисетов, и т.п., а также куски тонкого сафьяна разных цветов, предназначавшиеся для аппликации сафьяновых подушек, одежды, обуви и других изделий. Подобные орнаментированные деревянные ящички со съемной крышкой под абхазским названием ахсаалатра (адапа), также не были знакомы другим соседним народам.

Из конопли же изготавливали очень грубые, более прочные, чем льняные, полотна, которые, как предполагают некоторые ученые, в древности служили для изготовления прочных парусов, а еще недавно из ее полотна шили мужские рубахи и другие бытовые предметы, грубые мешки и пр. Из ее же пеньки

мастерили различных видов веревки: морские канаты, толстые веревки для спуска корзин с виноградом, во время снятия урожая, шпагаты, которые шли на изготовление рыболовных и охотничьих сетей, для ловли птиц и др. (уже на Очамчирском селище был найден просверленный рог козы, предназначавшийся для вязания рыболовных сетей, датируемый концом III тыс. до н.э.).

Для охоты на дельфинов, жир которых абхазы продавали грекам и туркам, сети делались очень длинными и широкими с поплавками и тяжелыми привесками снизу, чтобы при окружении стада животных сеть находилась в вертикальном положении и окружала большое замкнутое пространство¹. Все сети изготавливались из льна, и славились своим высоким качеством.

В Грузии они носили название «абхазских веревок», о чем упоминалось в грузинском документе XVII в.² А конопляную паклю употребляли для чистки оружия, ею же конопатили морские суда, а когда в бедном хозяйстве не доставало перьев и пуха и не хватало ваты, или она дорожала, то в таком случае, по сообщению Е.М. Маляя, ею набивали тюфяки и подушки.

Помимо льняных и конопляных волокон абхазки пряли шерсть, изготавливали из нее разнообразные изделия – очень прочные веревки, верхнюю одежду, ноговицы, носки до колен, так называемые амест, ковры-паласы, подстилки и другие предметы домашнего обихода, которые, несомненно, составляли важную часть торговых операций абхазов.

Изготавливали и войлок, и изделия из него: бурки, длинные распашные и короткие мохнатые накидки в виде перелины, куртки, головные уборы, мужские сапожки, чехлы для ружей (их делали и из барсучьей шкуры), подстилки, потники, постельные принадлежности и т.п.

Из смеси тонкой осенней овечьей шерсти с осенним козьим пухом при помощи специального устройства – циновки из рисовой соломы, изготавливали славившиеся мужские пелерины

---

¹ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 61.

² Мшвениерадзе Д.М. Строительное дело в древней Грузии. – Тбилиси. 1952. С. 198.

и прекрасные светлосерые бурки с серебристым блеском, готовившиеся зачастую на заказ. Они носились аристократами как демисезонное одеяние.

Из такой же смеси осенней овечьей шерсти с козьим пухом выдвдывали и шапки типа шляп с полями. Лучшие экземпляры бурок, о которых говорили, что они равны по цене «скаковой лошади», в небольшом количестве шли и на продажу¹. В связи с последним, представляет интерес сообщение Н. Дубровина, писавшего, что «на всем Востоке славились андийские бурки, которые уступали только абхазским и кабардинским»². Сукна, как тонкие, так и толстые, изготавливали путем многократного валяния шерсти.

Как видно, с начала зрелого Средневековья в Абхазии появляется и хлопчатник, ставший одной из главных статей ткацкого производства. Выше уже приводилось сообщение Я. Рейнеггса, что абхазки славились как прекрасные пряжи, занимавшиеся изготовлением хлопчатобумажной нити, которая в больших количествах ежегодно вывозилась в Салоники и в Смирну (Измир). Из этих нитей ткали все те же изделия, которые изготавливались и из льняных.

Видимо, еще с конца раннего Средневековья, а, может быть, и несколько ранее абхазы начали заниматься и разведением шелкопряда. Этому немало содействовало множество тутовых деревьев, произраставших по всей территории Абхазии. Самое раннее упоминание об этом занятии мы находим у немецкого автора Иоанна де Галонифонтибуса, относящееся к концу XIV – века. Он уже тогда писал, что абхазы «...искусны в выделке сукна, холста и шелка», а на выработку высокого искусства выделки изделий из шелка, требовался немалый срок времени. Затем в XVI веке сведение о занятии населения шелководством мы имеем в упоминавшемся выше «Уставе» султана Су-

¹ **Бжания Ц.Н.** Из истории хозяйства абхазов. – Сухуми. 1962. С. 148, 149.

² **Дубровин Н.** История войны и владычества русских на Кавказе. Том I. Кн. I. – СПб. 1871. С. 500. (Цит. по **Ткавашвили С.Г.** Торговля и обмен между Грузией и Дагестаном в первой трети XIX в. // Вопросы истории народов Кавказа (Сб. статей, посв. памяти З.В. Анчабадзе. – Тбилиси. 1988. С.271).

леймана, где предписывалось за шелк-сырец, привезенный из Сухума, «взимать по 50 ахче с каждой тысячи».

О том, что шелководством продолжали заниматься и во все последующее время, говорят сообщения С.М. Броневского: абхазы торгуют не только буковым и самшитовым лесом, но «отчасти шелком и хлопчатой бумагою», а в 1842 г. и Д. Зубарев, написав о занятиях абхазов (земледелие, скотоводство, виноделие, пчеловодство, рыболовство), упоминает и шелководство¹. Спустя некоторое время о шелковом производстве писал и С. Пушкарев, указав, что в селах вокруг Очамчир шили шапки, башлыки, черкески из грубого сукна, славившегося добротностью и отделкой, бурки, а также и шелковые рубахи², которые шли и на продажу.

К.Д. Мачавариани так писал об абхазских женщинах: «Невольнотно относишься с особенным благоговением к абхазским женщинам, которые не только всецело обшивают себя, но и своих мужей. Рукоделие у них поставлено на образцовой ноге. Этими труженицами изготавливаются разного рода шелковые материи для платья и для головных платков. Сами они изготавливают сукно для черкесок и для башлыков. Из их же рук выходят разноцветные бурки, и они же изготавливают белые сафьяны для тюфяков и подушек»³. Почти то же самое писал и Г.А. Рыбинский.

На большие и древние традиции ткацкого ремесла у абхазов указывают многочисленные поверья и обряды, связанные с возделыванием технических культур, обработкой волокон, изготовлением нитей и самого процесса тканья, покровительницей которого была богиня по имени Ерыш. Впоследствии она стала божеством не только тканья из нитей льна и конопли, но и из хлопчатника, а затем и из шелковых нитей. Богиней же самих технических культур, дававших волокна, как уже было отмечено, была богиня по имени Кукуна.

В связи с этим, о чем уже отмечено выше, большой интерес представляет зафиксированное во II веке н.э. Клавдием Пто-

---

¹ Зубарев Д. Указ. соч. С.7.

² Пушкарев С. Абхазия и абхазцы//«Кавказ», 1854, № 6.

³ Мачавариани К.Д. Метафизические размышления. – Батум. 1909. С.18.

лемею название местности, находившейся где-то на территории между реками Мдзымта и Псоу – Кукунда¹. По-видимому, там был какой-то центр поклонения названной богине. Это, кажется, один из редких случаев, когда в топонимике Абхазии зафиксировано имя божества из его национального языческого пантеона.

Гончарство. Во все периоды истории абхазов широкого развития достигало и их гончарное производство, остатки которого обнаружены во многих местах страны².

Выделялись разных величин кувшины для воды, вина, масла, меда и других жидкостей, керамические сковороды, чаши и другие изделия домашней столовой посуды, а среди нее в зрелое Средневековье и поливная глазурованная, остатки производства которой были обнаружены во время раскопок Очамчирского порта (материалы хранятся в фондах Абгосмузея).

Обломки глазурованной посуды были найдены во время раскопок и в Анакопии, и в самом Сухуме (коллекция В.И. Сизова)³, на горе Баграта, а также при земляных работах на территории Университета и военных санаториев, а также в могильнике в районе Ткварчала и случайно во многих других местах (хранятся в фондах Абгосмузея)⁴.

Изготавливались и разных размеров пифосы для хранения вина, зерна и соленого или копченого мяса, главным образом, как видно, для гарнизонов и крепостей. Особенно впечатляющими были колоссальные размеры таких изделий раннесредневекового периода, вырытых у Келасурской стены, во время разрушения ее отрезка при проведении приморской шоссейной дороги. Каждый из них, по словам И.А.Аджинджал, был огромным. К сожалению, в музей попали лишь их обломки.

¹ **Птолемей Клавдий.** Географическое руководство//ВДИ, 1948, № 2. С. 250.

² **Гунба М.М.** Атарские гончарные печи. – Тбилиси. 1985 и др.

³ **Сизов В.И.** Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии//МАК. II.1889.

⁴ Сводку о керамическом производстве в Абхазии для периода I тыс. можно найти в работе **Гунба М.М.** Абхазия в первом тысячелетии н.э.; См.: также **Бгажба О.Х.** Указ. соч. С. 7 – 38 и др.

Почти целый пифос того же раннесредневекового времени (VIII – X вв.), рассчитанный на 60 ведер, экспонируемый ныне в музее, был обнаружен в разрушенной раннесредневековой крепости с. Пакуаш¹. Большое значение имел ремесленный керамический центр его производства, обнаруженный в с. Атаре².

Деревообработка. Широко занимались абхазы и деревообработкой, в которой достигли немалых успехов. Строили досчатые дома с балконами, украшавшимися фигурной резьбой, а долгожители говорили, что в прошлом украшалась художественной резьбой и мебель – люльки, скамьи, разных размеров и форм сундуки, простейшие диваны и кровати, подвесные и настенные полки для посуды, шкатулки и мн. др.

Из хворостин сооружали плетеные жилища и хозяйственные постройки. Для женщин из тонких хворостин плели даже специальную обувь, которую они надевали во время ацуных-вара (аимаа ҭаны). Изготавливали и простую деревянную обувь, и богато украшенную женскую обувь на двух подставках.

В связи с этим интерес представляет следующее высказывание С. Сафонова о Пицунде: «...здесь растет в большом количестве, так называемое, пальмовое дерево (Vixus) и дерево Негной красного цвета; из первого мы достали много хорошо выработанных, нескольких видов ложек; из второго полки, мебели и пр. Последнее очень красиво, особенно в отделке»³.

Из тиса (красное дерево) делали и двери домов, мебель, иногда лестницы, галеры и другие суда для рек и моря и весла к ним, а из цельных стволов дуба и каштана изготавливали каюки-однодревки, а также огромные давилы для винограда (в основном из липы). Кроме того, абхазы изготавливали арбы, арчаки седел, местные, овальной формы лыжи, весло-видные лопаты для разгребания снега в горах, сани-полозы для горных дорог. Для ткацкого производства изготавливались горизонтальные ткацкие станки нескольких разновидностей и

---

¹ **Мархолия И.Р.** Большой поквешский пифос//Труды Абгосмузея. Вып. V. – Сухуми. 1980. С. 108 – 115 (на абх. яз.).

² **Гунба М.М.** Атарские гончарные печи. – Тбилиси. 1985.

³ **Сафонов С.** Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете «Ифигения» в 1836 году. – Одесса. 1837. С. 40, 50.

челноки к ним, вертикальные станочки для кружевного плетения поясов-очкуров, чесалки для шерсти, приспособление для очистки хлопка, кожемялки и мн. др.

Из самшита и тиса выдвдывали тонкой работы миниатюрные станочки – нитченки, ниты, бердечки и коклюшки для плетения тесемок, галунов, шнуров и позументов из серебряных, золотых, шелковых и других нитей¹. Изготавливали разных размеров и форм, многочисленные виды плетеных корзин, удлиненные плетеные приспособления для ловли речной рыбы, оригинальные ловушки и западни нескольких видов для ловли мелких и средних величин зверей, покрытые сплошной резьбой женские ящички (адапа, ахсаалатра) для хранения выкроек для одежды, узоров для кружев и аппликаций, рисунков для вышивания, кусков разноцветных сафьянов для аппликаций и др.

Они представляли собой своеобразные прямоугольные плоские ящички из доски с вытесанной внутренностью, часто украшенные навершием из трех соединенных кругов на ножке. Эти ящички имели свои тонкие деревянные крышки, плотно прилегавшие к ящичку благодаря специальным пазам. В верхней и нижней части доска имела приставки в форме треугольников со срезанной верхушкой, примыкавшей к ящичку. Все верхние поверхности предмета – крышка, приставки и навершие орнаментировались, в основном солнечной символикой.

Плели женские сумки из коры вишневого дерева, а из самшита выдвдывали гребни, четки, фигурные бусы, веера и мн. др. Изготавливали деревянные части плугов, самшитовые мотыги, большие ступы для лущения проса и других зерновых, деревянные надочажные цепи, музыкальные инструменты, мебель, полки для посуды, многообразную молочную посуду, нескольких видов кружки из самшита и липы для кислого молока с фигурными ручками, ведерки с откидными крышками, тазы, корыта, чаши разных размеров, сита, лопатки для варки мамалыги, а также алабаши-посохи и фигурные верхи посохов, нередко украшавшиеся скульптурными изображениями, в основном головками животных, деревянные инкрустирован-

---

¹ **Малия Е.М.** Украшения одежды у абхазов. – Сухуми. 1985. С. 33, 34.

ные женские ходули на двух поперечных каблуках, деревянную женскую траурную обувь и многое другое.

Скорняжное, шорное ремесло и инкрустация. В Абхазии скорняки и шорники издревле занимались кустарным производством, и их продукция имела широкое распространение и применение в быту населения. Из выделанных шкур животных шили шубы (в одной колыбельной абхазской песне, записанной Аверкиевым, упоминается даже шуба из шкуры леопарда). Шкуру леопарда в прошлом употребляли и в качестве конской попоны¹.

Шкуры использовали и для меховых накидок, папах, а пушнина, в основном кунья, при отделке края низких суконных шапок знати, в качестве оторочек околышком. Козьими и медвежьими шкурами покрывали и полы домов, а большими медвежьими украшали иногда еще и стены. Пастухи и охотники в горах употребляли шкуры и для покрытия склада продуктов и поклажи, которую при переезде скрепляли ремнями. Повидимому, раньше также перевозили и определенные товары в галерах, покрывая их шкурами.

Из бычьих, коровьих и буйволиных очищенных сыромятных кож шили простые крестьянские чувяки, завязывавшиеся тоже кожаными шнурками. Из них же, после обработки в кожемялке, выделывали ремни для разных мужских поясов, многообразные ремни для конской сбруи, тонкие португепи, перевязи для оружия и многое другое.

Для перевозки значительного количества вина, из цельных шкур быков изготовляли большие бурдюки, а выделанные козьи цельные шкуры, а иногда и шакальи, служили бурдюками «ахьатра» (ахьатра). В них хранили всевозможные жидкие продукты – молоко, кислое молоко, мед, воду и др.². На некоторых видах походных мешков из козьих или шакальих шкур, шерсть оставляли нетронутой, она служила для более надежной сохранности от жары содержащихся в них продуктов.

---

¹ Елена Ванача 1870 г. рождения, рассказывала, что еще в детстве видела облезлую попоны из шкуры леопарда в доме какого-то Лакербая.

² В подобном бурдюке готовился и любимый абхазами молочный продукт «ачавюр» (ачавюр).

В козьих кожаных мешках-бурдюках хранили во время охоты, пастьбы скота или, особенно в военном быту, копченое и вяленое мясо, копченый сыр, муку, жареные зерна проса или пшеницы и сладкие, употреблявшиеся в военных походах продукты, приготовленные из муки и меда, так называемые адагрыжэ и ацхаршэы. Сафьяном покрывали сёдла, из сафьяна же шивали седельные подушки и украшали их аппликацией из разноцветного сафьяна. Выделывали и большие кожаные мешки для поклаж, особенно жители горных районов. Из барсучьих шкурок изготавливались и чехлы для ружей, а из кусков тонкой козьей шкуры шивали для охотников и пастухов небольшие походные стаканы, которые носили на поясе, прикрепляя их к нему кожаными же шнурами¹.

Местный сафьян под названием «цуш» женщины – абхазки выделывали из шкур молодых коз, косуль и серн и окрашивали его в разные цвета минеральными красками (черный цвет) и многочисленными растительными по известным им рецептам. Окрашенные куски сафьяна, фигурно вырезанные в традициях излюбленной народной орнаментики, накладывали на другие изделия из того же, но неокрашенного белого сафьяна и пришивали их шелковыми нитями.

Такой аппликацией украшали круглые и четырехугольные подушки и длинные подушки цилиндрической формы – (амартак, амыртак), а также и некоторые предметы одежды, так, например, девичьи корсеты – адзаратаршэ (азаратаршэ), согласно сведению Апполона Шинкуба или насмешливо агуыхэпыкурша, (агэыхэпыкэырша), что в переводе означает «обернуть вокруг груди»², женские сумочки, кисеты и др. (аппликацией занимались и с тканым материалом, нашивая куски вырезанной материи, украшенной вышивкой разными по материалу и цвету нитями, или накладной тесьмой, а иногда

---

¹ **Инал-ипа Ш.Д.** Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 344 – 346; **Бжания Ц.Н.** Указ. соч. С. 103.

² Оно было записано Е.М. Маля в Очамчирском районе // **Маля Е.М.** Одежда абхазов // **Маля Е.М., Акаба Л.Х.** Одежда и жилище абхазов. – Сухуми. 1982. С. 73. Описание же его дано в книге **Аджинджал И.А.** Из этнографии абхазов. – Сухуми 1969. С. 374.

золотыми и серебряными галунами. Кусок такой разукрашенной ткани нашивали и на верхнюю женскую одежду.

Из цельных и неокрашенных шкурок сшивали постельные принадлежности – светлые матрацы (ацвыш) и разных видов подушки. О пользовании подобными постельными принадлежностями положительно отзывался П.Г. Чарая. Он говорил, что этой прохладной кожаной постелью, очень приятно было пользоваться, особенно в летнее время, и добавлял, что она «очень нравится иностранцам»¹.

Из сафьяна же изготавливали седельные подушки, украшавшиеся галунами и тонкие кожаные шнуры под названием аача (аача), использовавшиеся не только как подвязочный материал, но и для украшения одежды, для сокрытия швов и для художественного сплетения в красивые накладки на шубы, бурки, агуабанаки (короткие куртки с рукавами, сшитые в основном из старых бурок), меховые и войлочные накидки, гетры, ноговицы, кисеты, пороховницы и т.п.

Из тонкой кожи шили и кожаные ноговицы типа гетр и носки до колен – амест. И те, и другие зачастую украшались по верхнему краю различной тесьмой с фигурными металлическими привесками часто серебряными, а нередко и позолоченными. Из сафьяна же шили для знати сапоги без уплотненных подошв и без ранта. Они были очень удобны при конской езде и для танцев, а в обычное время на них надевали чувяки из хорошо выделанной кожи. Из сафьяна же шили девичьи корсеты, женские тапочки и шлепанцы, причем подошва их состояла из двух слоев кожи, между которыми прокладывали слой ваты. На такие чустики зачастую надевали деревянную обувь или парадные деревянные женские ходули.

Как уже говорилось выше, абхазам не чуждо было занятие и инкрустацией. Ею украшали в основном оружие – деревянные ложа прикладов ружей и пистолетов, а также женские ходули и седла. Для исполнения ее использовали кость, в том числе и слоновую, рог, перламутр и серебряные тонкие пластинки. Для искусного их набивания на основу изготавливались специальные миниатюрные серебряные гвоздички. Так, генерал

---

¹ Чарая П. Абхазия и абхазы//«Иверия», 1888, № 169 (на груз. яз.).

Г.И. Филипсон в с. Лыхны при собрании абхазской знати, обратил внимание не только на их богатые одеяния и башлыки с позументами, но отметил и их пистолеты, кинжалы и сабли «с тонкими инкрустациями»¹.

В то же время из всех этих материалов мастерили и самостоятельные предметы. Так, рога шли для использования их в качестве сосудов для питья вина, причем зачастую по краю они украшались тонкими пластинками с узорами из серебра с чернением. Из маленьких рогов изготавливались и украшенные также серебром, а в прошлом и золотом – натруски для пороха.

Из рога, вырезали кольца, булавки, заколки для волос, а для удобства и красоты, на конце пистолетов приделывали шарики из белой слоновой кости или черного цвета рога. Из рога или кости изготавливали и специальные ножи для прибивания утка на ткацком станке и при плетении галунов и тесьмы на разного устройства нитах, нитченках и коклюшках.

Помимо них из рога или кости выделывали вязальные крючки, спицы и шила для застегивания плетеных пуговиц и петель к ним, а вместе с тем и для продергивания нитей при изготовлении бахромы. Хочется отметить, что газыри выделывали (помимо разных других материалов) не только из обычного, но и из оленьего рога.

Головки же всех газырей, снизу и сверху отделявали и украшали либо костью, либо рогом, но часто и серебром, иногда с пристегнутой серебряной цепочкой.

---

¹ Филипсон Г.И. Воспоминания//«Русский архив». 1883, № 6. С. 307. См.: Инал-ипа. Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 325.

СУДОСТРОЕНИЕ И МОРЕХОДСТВО

Абхазы, с глубокой древности связанные с морем, достигли высокого мастерства, как в судостроении, так и в мореходстве: в строительстве речных однодревок и каюков и разнообразных видов морских судов, начиная от Всевозможных лодок и галер до крупных военных, под названием «алышкинтр» (слово в переводе означает «леопард» и в то же время является именем божества собак), вмещавших от 100 до 300 человек.

По словам Элизе Реклю «эти суда, ходившие под веслами и парусами, ... отваживались нападать на берега Анатолии, Крыма и Европейской Турции, вплоть до Боспора», а непосредственно об абхазах, Э. Реклю писал, что многие из них, как отличные вояки, «нанимались солдатами в египетскую армию»¹.

М. Меховский еще в начале XVI века также отзывался об абхазах как «о воинственных людях, имеющих связи по всей Азии и в Египте», а в более позднее время, в конце XVII века и Н. Витсен сообщал, что абхазы настолько «смелые мореплаватели», что «иногда из-за них бывает опасным плавание из Каффы в Константинополь».

Дортелли д'Асколи, проинформировав о том, что из порта Абаза (устье р. Сочи или Псоу) купцы вывозили рабов, мед, воск, пушнину, и льняные «прекрасные нитки для выделки полотна», добавляет, что купцы получали здесь «такую прибыль, что затративший 100 реалов, выручал 300».

По его же сообщению, из-за исключительной выгодности торговли в этих краях, особенно во время устраивавшихся там населением подобия ярмарок, туда прибывали торговцы из Татарии и Константинополя², а, несомненно, и из многих других стран и городов по крайней мере Причерноморских.

Знали абхазы в какой-то степени и деньги, в частности князья и дворяне, часть которых все же проживала в Сухуме, Анакопии и Лыхнах, а последний, говоря словами А.Н. Дьячкова-Тарасова, «...красивый городок с правильными улицами,

---

¹ Элизе Реклю. Земля и люди. Всеобщая география. VI. – С.-Петербург. 1883. С. 78 – 79.

² Дортелли д'Асколи. Указ. соч. С. 101.

бульваром, церковью, школой для сельских учителей... протянувшийся верст на 5 и состоящий из 800 дворов»¹. Правда, это сведение относится к более позднему времени.

Многие из состоятельных абхазов посещали Каффу, Трапезунт, Синоп, Константинополь и другие города, а также даже Египет. Важным представляется и следующее сообщение С.М. Броневского: население «...во внутренности гор, пользуется совершенною независимостью, по крайней мере, в рассуждении черкесов и абхазов, власть Порты всегда была сомнительна. Для наказания их за шалости турецкие начальники не смеют посылать малые отряды в горы; для набирания войска или умножения единомышленников принуждены действовать *деньгами* и подарками».

Турецкие купцы везли к ним, да и другим народам Восточного Причерноморья *много денег*, зная о нехватке их у местного населения, о чем сообщает и Ламберти. Он же говорит и о том, что в обычной торговле при неравенстве ценности обмениваемых товаров, *доплатой служили деньги*. Нельзя забывать и Анакопию, где и во времена Каstellи, а судя по данным Якова Рейнеггса, и в конце XVIII века продолжали функционировать порт и пристань. Там, так же как и в Сухум-кале стояли военные турецкие гарнизоны, жалование которым выдавалось в турецких монетах ахче, на которые они, несомненно, покупали у населения продукты и другие товары. Эти ахче во множестве находили, находят и ныне по всей территории Абхазии.

***

Конечно, отставание абхазов в ряде областей социально-экономического и культурного развития нельзя отрицать. Но позволю себе лишний раз напомнить о том, что такая отсталость была присуща не им одним, ее разделяли вместе с абхазами все ближайшие соседние народы.

Необходимо учитывать и всеобщий закон неравномерного развития и, в то же время, в течение долгих столетий кошмарной обстановки постоянный страх попасть в ряды продавае-

---

¹ Дьячков-Тарасов А.Н. Бзыбская Абхазия//ИКОРГО. Том XIII, № 1, 1905. С. 60.

мых невольников, в связи с получившей широчайшее развитие работорговлей, развернутой Генуэй и продолженной в еще более широком масштабе при господстве Турции.

Однако, например, фактом является вековое отставание абхазов в отношении создания своей письменности в результате длительного почти полуторатысячелетнего пользования греческим языком и греческим письмом (Затем какое-то время грузинским, сменившим его позже турецким, а еще позже и русским), как впрочем, и у подавляющего большинства других кавказских народов, то они же продвинулись далеко вперед в судостроении и мореплавании, в раннем производстве стали, в том числе и дамасской и предметов вооружения, например, одних из самых лучших на Кавказе кольчуг (и указанных выше, пистолетов и замечательных кремневок, называвшихся в народе «абхазским ружьем», украшавшихся местными мастерами-ювелирами слоновой костью, драгоценными камнями и драгоценными металлами с чернением); в производстве лучших на Кавказе бурок; в развитии ткачества и мн. др. Несомненны их успехи в виноградарстве и виноделии, в садоводстве и скотоводстве.

Издавна обращала на себя внимание и уникальная бытовая культура, включая тончайший этикетный кодекс, опиравшийся, говоря словами Г. Рыбинского, на «высоконравственные традиции абхазов»¹.

Он призывал местных обывателей не забывать о гостеприимстве абхазов «в самом обширном своем значении», которого не найти даже у самых лучших представителей из местных жителей, об их «чисто французской вежливости и предупредительности», «которых больше нигде не встретить...Чувство собственного достоинства сказывается в каждом жесте абхаза... Живя среди них, – пишет он, – вы не можете не обратить внимание на недюжинные умственные и душевные силы этого народа, и только неустановившаяся жизнь их, не дает развиться им заметным образом»².

---

¹ Вместе с тем он с осуждением писал о склонности абхазов к скопированию, хотя, – отмечал он, – «этим пороком выдаются и мингрельцы», но к ним, несмотря на это, относятся более милостливо».

² **Рыбинский Г.А.** Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении // ИКОСХ. – Тифлис. 1894. С. 16, 17.

Привлекают к себе внимание и воспоминания Виктора Аскочинцева о пицундских жителях. Он пишет, что в «нищенской лачуге», где царила «благоуханная чистота», «мы встретили такой изящный прием... Обитатель этого шалаша нисколько не стыдился своей бедности, и владетельный принц едва ли мог бы принять нас с таким же достоинством и радушием, как этот полудикарь»¹.

Знаменательны и воспоминания об абхазах заведующего медицинским пунктом в Гудауте врача А.И. Мосткова, который много лет работал в Абхазии в дореволюционное время, приобретенные в 1944 г. Абхазским госмузеем:

«По своему характеру, вопреки сложившемуся мнению о вспыльчивости горцев, абхазец довольно спокоен и хладнокровен, хотя бы по внешности и умеет хорошо себя сдерживать, обнаруживая при этом воспитанность, но злопамятен и мстителен в случае нанесенной ему обиды. Целый ряд прекрасных народных обычаев и привычек говорит о трогательной чуткости и задушевности абхазцев, особенно абхазской женщины к чужому горю и несчастью и в стремлении помочь, кто чем может – утешением, лаской, деньгами и т.д.

Особым покровительством пользовались вдовы, сироты, инвалиды, причем по известному обычаю – киараз – вся община принимает в обработку их поля. Приветливость и гостеприимство абхазцев вошли в поговорку и нередко переходят даже меру. Как бы вы не спешили, вас не отпустят без угощения, которое иногда принимает характер целого пиршества с тостами, речами, и это, конечно, по отношению к более или менее почетному гостю.

Благодаря удивительному гостеприимству абхазцев, даже бездомные босяки, странствовавшие по шоссе от Сухума в Но-

---

¹ Аскочинский так описал облик встреченных им абхазов: «Удивительно красиво умеют абхазцы повязывать себе голову башлыком. В этом их отличие от черкесского костюма... Замечательно красив и строен кажется этот полудикарь, когда стоит перед вами, подбоченясь и опершись плечом на ружье. Стройный стан, смелый до развязности, даже какой-то аристократизм приемов делают его прекрасным сюжетом для картин». (Аскочинский Виктор. Абхазцы и Пицунда // Из кн.: «Домашняя беседа». – СПб., 1877. Вып. 33. С. 928, 932).

вороссийск и обратно, находили довольно радушный прием: абхазцы их кормили и вдоволь давали вино, не требуя от них за это работы»¹.

Здесь можно вспомнить и слова Е. Маркова «...абхазцы – отличный народ, даровитый, тонкий, изящный, французы Кавказа, как их величают в Грузии»².

При всем том следует обратить внимание также и на другие стороны их духовной жизни. В этом отношении примечательным примером может служить запись писателя В.И. Савинова текстов импровизированного театрального представления, которое разыгрывалось в Абхазии в 1813 году бродячей труппой, названной им «Абхазскими погливанами».

Пьеса была посвящена теме военных набегов адыгов и абхазов. И.Х. Дамения в своей работе пишет, что «Рассказ интересен тем, что никаких сведений о народном театре вообще в Абхазии не осталось»³. Конечно, это было не единичным, но уходящим из жизни явлением. Примечательным явлением можно считать и то, что в стране было несколько центров, куда ездили учиться ораторскому искусству, невероятно высоко ценившемуся среди всего абхазского народа.

Следует отметить и богатый фольклор – количественно ничтожный и духовно бедный народ, не смог бы создать его. Абхазское устное творчество, древний сказочный фольклор, а также героический Нартский эпос, прометеевская легенда об Абраскиле, миф о карликах-ацанах, историко-героические предания и уникальный музыкальный фольклор – все это могло быть украшением самобытной культуры любого народа.

---

¹ **Мостков А.И.** Воспоминания сельского врача. – Сухуми. 1944. Научный архив Абгосмузея. Ф. 3. Оп. 1, арх. 77, С.

² **Марков Евгений.** Очерки Кавказа. – С.-Петербург – Москва. 1887. С. 360, 361. В этой связи о многом говорит, в частности, челябинское сообщение о том, что высокопоставленные абхазы, жившие в Стамбуле, согласно обычаям своей родины, отправляли своих детей в Абхазию для воспитания и приобщения к национальной культуре и традициям, а по возвращению в Стамбул представляли их султану.

³ **Дамения И.Х.** Россия. Абхазия. Из истории культурных взаимоотношений в XIX – начале XX вв. – Санкт-Петербург. 1994. С. 57,58.

Вот что пишет известный грузинский исследователь народной музыки В.А. Гвахария: «...Большой интерес вызывают этапы развития абхазского многоголосия, где ярко прослеживаются следы архаизмов, антифонарные формы исполнения, полиметрия и полиритмия, заслуживающие тщательного изучения...»¹. Об абхазской музыке немало лестного писал композитор, музыковед Позднеев, а также композитор Баланчивадзе и мн. др.

После неглубокого принятия ислама значительной частью населения, более широко распространившегося в связи с агрессией султанской Турции, шло постепенное ослабление позиций христианства, влияние которого, однако, здесь никогда не было окончательно подорвано.

Вспомним вахуштиевские слова о том, что абхазы «весьма чтут священников» и свидетельства почти всех авторов, посетивших Абхазию о том, что «нигде так не чтут христианские храмы, как у абхазов и грузин». А что касается языческих религиозных верований, то они во многом до сих пор сохраняются почти на всем Кавказе, в том числе и в Грузии.

Так, обстоит дело с главным тезисом моего оппонента и его единомышленников по поводу того, *«где зарыта собака»*, то есть о будто-бы катастрофическом упадке хозяйства и культуры абхазов в XVII веке².

¹ Некоторые трудовые песни абхазов из сборника К. Ковача проанализированы в труде немецкого ученого Мариуса Шнейдера «История многоголосия».

² Если говорить о дикости «новых абхазов» XVII века, то здесь следует видимо для сравнения, привести и записи того же времени российских послов «в Даданскую землю» дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева: «... А столнова города у них нет, живут в слободах. А начального де у них владетеля Левонтием [Леван] зовут, а живет по слободам, переезжая. А вера де у них *бывала греческая... Толко поизшталася...* А владеет ими турский царь; а скол давно ими владеет, того де он не ведает... Пушек и ружья никакова у них нет... Леонтей или хто будет иной, людей тое земли ково хочет, в иные государства продают... да не токмо де, что владетель, продает и отец детей, и брат брата, и муж жену, и жена мужа продают, и на товары приезжим, торговым людям меняют. А денег де у них нет... А ходят наги, толко тайные уды прикрыты». Далее они продолжают «... что де тот Леонтей зятя своего ослепил,

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абхазия и абхазы** средневековых грузинских повествовательных источников / Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и комментариями снабдил **Г.А. Амичба**. – Тбилиси. 1988.
2. **Абхазия** – М., 1899.
3. **Аверкиев И.В.** С северо-восточного побережья Черного моря // Газ. «Кавказ». 1866. № 76.
4. **Агафий Миринейский.** О царствовании Юстиниана. Кн. 4, часть 15.
5. **Адамия И.** Грузинское народное зодчество. Книга вторая (на груз. яз. с русск. и англ. резюме) – Тбилиси. 1968.
6. **Адзинба З.И.** Географические названия местонахождений растений флоры Абхазии // Труды Сухумского ботанического сада. Вып. XXIV. – Тбилиси. 1978.
7. **Алборов Б. А.** Осетинские нартские сказания о Созрыко и Гумском человеке // Уч. записки СОГПИ. Том XXIII. Вып. 3. – Орджоникидзе. 1957.

а сестру свою родную выдал за Кизылбашского шаха. Да он же де убил дядю своего, отца родного брата казнил смертью, а жену ево, а свою тетку, взял за себя, а свою жену казнил». Пишут они и о том, что мегрелы «...едят все кашу просяную, а *хлебов не пекут*... а у них покупают воск, вино фряское, полотна... пряжу, в чом рыболова неводы делают; а делают де они те полотна и пряжу ис поскони [конопли], а не изо льну». (Посольство в Дадианскую землю дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева (1639 – 1640 гг.) // **Сергей Белокуров.** Материалы для русской истории.– М., 1888. С. 257 – 376.

А чего стоит сообщение русского офицера С. Смоленского об обычае гурийцев, свидетелем исполнения которого он был во время боев в Псху: «...варварский обычай отрезывать головы убитым и раненым неприятелям сохранился у гурийцев, – писал он, – до сих пор. При перестрелках, несмотря ни на какую опасность, они бросаются вперед, если увидят там труп, или раненого горца, режут ему голову, а затем с триумфом несут на бивуак, как военный трофей. Не без содрогания можно было смотреть на то, как они тащили в руках бритые головы за куст волос, оставленных на маковке» (**Смоленский С.** Воспоминания кавказца. Бзыбский отряд в 1861 году (Из походного дневника) // Военный сборник. Том LXLVII. Т.98, № 7, 8. – СПб., 1874. С. 170).

8. **Альбов Н.М.** Ботанико-географическое исследование в Западном Закавказье в 1893 г.//ЗКОРГО. Кн. XVI – Тифлис. 1894.
9. **Альбов Н.М.** Этнографические наблюдения в Абхазии.// Ж-л «Живая старина». Вып. III. Год третий – СПб., 1893.
10. **Алиев Ф.М., Желтяков А.Д., Зулалян М.К., Нутуридзе Г.В.** «Книга путешествия» как источник по истории Закавказья, сопредельных областей Малой Азии и Ирана в середине XVII в.». Предисловие к сочинению ЭвлияЧелеби – «Книга путешествия». Вып. 3. – М., 1983.
11. **Allen A.** Histori of Georgia. – London, 1932.
12. **Амераджиби Чабуа.** Из интервью, данного им журналистам П. Акопову и А. Колесникову // «Российские вести».1992, 22 октября.
13. **Антелава И. Г.** Очерки по истории Абхазии XVII – XVIII веков. – Сухуми. 1949.
14. **Антелава И.П.** К некоторым вопросам «абхазской проблемы» // «Библиотека общества Руставели». 1990.
15. **Анчабадзе З.В.** Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингорквва «Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века» // Труды АБНИИ. XXVII. 1956.
16. **Анчабадзе З.В.** Из истории средневековой Абхазии (VI – XVII вв.). – Сухуми. 1959.
17. **Анчабадзе З.В.** Очерки этнической истории абхазского народа. – Сухуми. 1976.
18. **Аншба А.А.** Вопросы поэтики абхазского Нартского эпоса. – Тбилиси. 1970.
19. **Арсеньев Вл.** Абхазия: между небом и землей. // «Известия». 1991. № 75, 28 марта.
20. **Ахвледиани Г.С.** Ценнейший труд по истории грузинской культуры // Газ. «Заря Востока». 9 июля 1955.
21. **Ахвледиани Г.С.** О некоторых вопросах исторической топонимики Абхазии //Ж-л «Мнатоби», 1957, № 2.
22. **Бадридзе Ш.А.** Некоторые вопросы политического и социально-экономического строя Абхазского царства // «Вопросы истории народов Кавказа». – Тбилиси. 1988.
23. **Бакрадзе Д.З.** Дворянство Абхазии и Самурзакани (Из заметок).// Госмузей Грузии. Отдел рукописей. Личный фонд М. Туманова. Дело № 376. Лист 2.

24. **Бакрадзе Дм.** «Кавказ», 1860, № 48.
25. **Бакрадзе Дм.** История Грузии // Тифлис. 1889. С. 89-90.
26. **Барамидзе М.** Археологи едут в Абхазию (беседа с руководителем археологической экспедиции Барамидзе Малхазом. Беседу вела Эка Ахалкаци) // «Заря Востока», 1990, № № 107, 6 мая.
27. **Бартая Н.** Айрг, ты лишь грабишь побережье моря // Газ. «Народное образование», 22 октября 1989.
28. **Бартоломей И.А.** Введение письменности у кавказских горских народов // Газ. «Кавказ», 1862, № 70.
29. **Басария С.П.** Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношениях. – Сухум. 1923.
30. **Бодуэн де Куртенэ И.А.** О смешанном характере всех языков // **Бодуэн де Куртенэ И.А.** Избранные труды по общему языкознанию. Т.1. 1963.
31. **Бгажба Х.С.** Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии // Труды АБНИИ. XXVII. – Сухуми. 1965.
32. **Бердзнишвили К.И.** Позднеантичная керамика из Цебельды // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. II. – Тбилиси. 1959 (на груз.яз. с русским резюме).
33. **Берзения Виссарион.** Тамышская ладья // Газ. «Абхазия», 1991, № 1.
34. **Бжания Д.С., Сангулия Г. А.** Археологические открытия на Тамышском поселении в 1990 году //Тезисы докладов XXXVIII научной сессии АБНИЯЛИ. Сухуми. 1991.
35. **Бжания Ц.Н.** Из истории хозяйства абхазов. – Сухуми. 1962.
36. **Бжания Ц.Н.** Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми. 1973.
37. **Бигвава В. Г.** Образ жизни абхазских долгожителей. – Тбилиси. 1988.
38. **Бларамберг И.Ф.** Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа//АБКИ-ЕА. – Нальчик. 1974.
39. **Бромлей Ю.В.** К вопросу о сущности этноса//Ж-л «Природа». 1970. № 2.
40. **Броневский С.М.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М., 1823.

41. **Буачидзе Г.** Мари Броссе. Страницы жизни. – Тбилиси. 1983.
42. **Вахушти.** История Грузии. Ч. II. – Тифлис. 1913.
43. **Вахушти.** Описание царства Грузинского (География Грузии). – Тбилиси. 1941 (на груз. яз.).
44. **Вахушти Багратиони.** История царства Грузинского. – Тбилиси. 1976.
45. **Вирсаладзе Е.Б.** Грузинский охотничий миф и поэзия. – М., 1976.
46. **Витсен Николай.** Северная и Восточная Татария или сжатый очерк нескольких стран и народов (Черкесия) // АБКИЕА. – Нальчик. 1974.
47. **Волкова Н.Г.** Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., 1973.
48. **Вольненский Л.В.** История Батумского края. Батумское побережье. – Батум. 1911. Кольфоглу И.И. Древние известия о Батуме // ИКОИРГО. XXVII, 1905, № 1.
49. **Гамба Ж.Фр.** Путешествие в Закавказье. Том I. – Тбилиси. 1987. (перевод с франц. на груз. яз. **Мгалоблишвили**).
50. **Гамкрелидзе Т.** Абхаз-абазг // Газ. «Эри», 1991, 10 апреля (на груз. яз.).
51. **Гамкрелидзе Т.** Из истории племенных названий Колхиды (К историко-этимологическим взаимоотношениям этнонимов «апхаз»-«абазг» и «абаза») // «Мацне», Серия языка... 1992, № 2.
52. **Гамкрелидзе Т.** К проблеме историко-этимологического осмысления этнонимии Древней Колхиды (К истории термина «апхаз»-«абазг») // «Вопросы языкознания» 1991. № 4.
53. **Ган К.** Поездка в Мингрелию, Самурзакань и Абхазию // «Кавказский вестник». – Тифлис. 1902, № 4.
54. **Гарданов В.К.** Арканджело Ламберти // АБКИЕА. Нальчик. 1974.
55. **Гарданов В.К.** Ксаверио Главани // АБКИЕА.
56. **Гаркин В.** Можно ли молчать? Заметки по поводу некоторых высказываний З. Гамсахурдия // Газ. «Советская культура» 1991, 18 мая.
57. **Гасвиани Саша.** Новая страна Абхазская Сванетия // Рукописный фонд АБНИИЯЛИ. Ф. №1.

58. **Генко А.Н.** Абазинский язык. – М., 1955.
59. **Герберштейн С.** Записки о Московских делах. – СПб., 1908.
60. **Геродот** «Истории», гл. 7, гл. 37.
61. **Гзелишвили И.Г.** Остатки кремации, погребенные в глиняных сосудах в Абхазии // САНГ. VIII. 1 – 2. – Тбилиси. 1947.
62. **Гиоргадзе Г.Г.** Производство и применение железа в Центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов // Древний Восток. Этнокультурные связи. – М., 1988.
63. **Гулиа Д.И.** Абхазский календарь. – Сухум. 1921. (на абх. яз.).
64. **Гунба М.М.** Некоторые новые вопросы абхазской этнографии // «Алашара», 1971, № 4 (на абх. яз.).
65. **Гунба М.М.** Новые памятники цебельдинской культуры. – Тбилиси. 1978.
66. **Гурко-Кряжин В.А.** Абхазия. – М., 1926.
67. **Дадiani Н.** История Грузии // СМОМПК, 1902. Вып. 3.
68. **Даппер Ольферт.** Азия или подробное описание Великих Моголов, Персидского королевства, а также Грузии, Мингрелии, Черкесии и других соседних стран, из различных старых и новых материалов путевых заметок, собранных **Ольфертом Даппером** // Перевод с немецкого (готт.) на русский **Т.Э. Васильевой.**
69. **Джавахишвили И.А.** История грузинского народа. Кн. 1. – Тбилиси. 1913 (на груз. яз.).
70. **Джанашиа Н.С.** Статьи по этнографии Абхазии. – Сухуми. 960.
71. **Джанашиа С.Н.** Труды. Том II. (Перевод с груз. яз. В.М. Бганба).
72. **Джибладзе Л.В.** Стратиграфия поселений Колхидской низменности. – Тбилиси. 1990.
73. **Джузеппе Джудиче из Милана.** Письма о Грузии. XVII век. /Перевел с итальянского на грузинский, предисловием и примечаниями снабдил **Бежан Гиоргадзе.** – Тбилиси. 1964.
74. **Дзидзария Г.А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми. 1975.
75. **Дзидзария Г.А.** Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. – Сухуми. 1958.
76. **Дзидзария Г.А.** Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. – М., 1976.

77. **Дзидзария О.П. (Дзария).** Морская лексика в абхазском языке. – Сухуми. 1989.
78. **Дортеллид'Асколи (Эмидио).** Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортеллид'Асколи, префект Каффы, Татарии и пр. (1634) / перевод **Н. Пименова** // ЗООИД, XXIV. – Одесса. 1902.
79. **Дьячков-Тарасов А.Н.** Абадзехи // ЗКОИРГО. – Тифлис. 1902. Кн. 22. Вып.4.
80. **Дьячков-Тарасов А.Н.** Несколько слов о заселении Цебельды//Газ. «Кавказ». 1868, №129.
81. **Дьячков-Тарасов А.Н.** Через перевалы Псеашха// СМОМПК. Вып. 31, 1903.
82. **Жан да Лукка.** Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. 1625 г.// ЗООИД. Том II. – Одесса. 1879.
83. **Жузе П.** Грузия в XVII столетии по изображению патриарха Макария. – Казань. 1905.
84. **Зубарев А.** Абхазы // «Русский вестник», 1842, № 6.
85. За марксистско-ленинскую разработку истории (К 36-летию ГССР). (О книге П. Ингороква) // Газ. «Комунисти», 1957, 2 июня.
86. **Зайковская Т.В.** Традиционные верования и представления греков Аджарии (Античные истоки образов св. Или и св. Георгия) // СЭ, 1989, № 2.
87. **Зисман М.Н.** Восточная школа еврейских грамматиков в X–XIII вв. //Материалы Первой конференции по семитическим языкам 26-28, X. 1864. Семитические языки. Том II (вып. 2). – М., 1965.
88. **Зухбая В.А., Зантарая Х.В.** Гали. (Природа, исторический очерк, народное хозяйство). – Сухуми. 1988 (на груз. яз.).
89. **И. Н.** Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. – М., 1899.
90. **Инадзе М.П.** К истории Грузии античного периода (Фл. Арриан и его сведения о Грузии). – Тбилиси. 1953.
91. **Инал-ипа Ш.Д.** Абхазы. – Сухуми. 1965.
92. **Инал-ипа Ш.Д.** Новые данные по истории мореходства в Абхазии (открытие следов древней судостроительной верфи

- и судоходного канала на территории с. Тамыш). // Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми. 1971.
93. **Инал-ипа Ш.Д.** Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми. 1976.
94. **Инал-ипа Ш.Д.** По поводу одной статьи и не только о ней // Газ. «Советская Абхазия», 1989, 16 сентября.
95. **Инал-ипа Ш.Д.** Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX – начале XX вв. //СЭ, 1990, № 1.
96. **Инал-ипа Ш.Д.** Без гнева и пристрастия // Абхазоведение: Археология. История. Этнология. Вып. V – VI. – Сухум. 2011 г.
97. **Ингороква Павле.** Леонтий Мровели // ИЯИМК. Том X. – Тбилиси. 1941.
98. **Ингороква П.** Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века // Ж-л «Мнатоби», № 1, 2, 3. – Тбилиси. 1950.
99. **Ингороква П.** Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века. Очерк по истории литературы, культуры и государственной жизни древней Грузии. – Тбилиси. 1954.
100. **Иоакимов А.** Абхазцы // Газ. «Кавказ», 1874. № 39, № 47.
101. **Интериано Джорджио.** Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // АБКИЕА. – Нальчик. 1974.
102. **Иоанн де Галонифонтибус.** Сведения о народах Кавказа (1404). Из сочинения «Книга познания мира» /Перевод с английского акад. **З. Буниятова.** – Баку. 1980.
103. **Исмаил-Заде Д.И.** «Русское крестьянство в Закавказье. 30-е годы XIX начала XX в.». – М., 1982.
104. **Испанский Аноним.** Книга знаний о всех королевствах, странах и владениях, имеющих в мире, гербах и эмблемах каждой страны и владения или же королей и владетелей, правящих ими, написанная испанским францисканцем в середине XIV века /Перевод **Васильевой Т.Э.**
105. **Какабадзе С.С.** Грузинские документы Института народов Азии. – М., 1967.
106. **Кальфоглу И.И.** Древние известия о Батуме // ИКОИРГО. XXVIII, 1905, № 1.
107. **Карпов С.П.** Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII – XV вв. – М., 1981.

- 124 **Кузнецов В.А.** Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. – Орджоникидзе. 1980.
125. **Кушнер П.И.** Этнические территории и этнические границы // Труды института этнографии. – М., 1951.
- 125а. **Лаврентьев А.И.** Статистическое описание Кутаисского генерал-губернаторства/Военно-статистическое описание губернии и областей Российской империи. Т. XVI. – С.-Пб., 1858.
126. **Лавров Л.И.** Классовое расслоение и племенное деление абазин в XVIII – XIX вв. //СЭ, 1948, № 4.
127. **Лавров Л.И.** «Обезы» русских летописей // СЭ, 1946, № 4.
128. **Лавров Л.И.** Абазины // Кавказский этнографический сборник. Вып. 1 – М., 1955.
129. **Ламберти Арканджело.** Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией, в котором говорится о происхождении, обычаях и природе этих стран с картою 1654 года. / Перевод с итальянского **К.Ф. Гана** // СМОМПК. Вып. 43. – Тифлис. 1913.
130. **Ленин В.И.** Полное собрание сочинений. Т. 21.
131. **Ломоури Н.Ю.** Как мы должны понимать этноним «абхаз» // Газ. «Литератури Сакартвело», 1989, 7 апреля.
132. **Ломоури Н.Ю.** Некоторые вопросы ранней истории Абхазии. Ответ проф. Ш.Д. Инал-ипа // «Мацне», 1990, № 3.
- 133 **Ломтатидзе К.В.** Абхазское слово – ауаფы – человек // «Моамбе», Т. 14, 1943, № 7.
134. **Ломтатидзе К.В.** Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. – Тбилиси. 1954.
135. **Ломтатидзе К.В.** О некоторых вопросах этнической принадлежности и расселения абхазов // «Мнатоби», 1956, № 12 (на груз. яз.)
136. **Лордкипанидзе М.Д.** Абхазия – неотъемлемая часть Грузии // Газ. «Ахалгазрда ивериели», 1990, 30 августа (на груз. яз.).
137. **Лордкипанидзе М.Д.** Абхазы и Абхазия. – Тбилиси. 1990.
138. **Маевский В.Т.** Кутаисская губерния. Военно-статистическое описание. – Тифлис. 1896.
139. **Макалатия С.** История и этнография Мегрелии. – Тбилиси. 1941 (на груз. яз.).
140. **Мамиствалишвили Э.** Из истории Черноморского побережья Грузии. // Газ. «Народное образование», 1989, 22 октября.

141. **Марков Евгений.** Очерки Кавказа. – С.Пб., – М. 1887.
142. **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. изд. 2. Том 21.
143. **Марр Н.Я.** О языке и истории абхазов. – М.-Л., 1938.
144. **Марр Н.Я.** Племенной состав населения Кавказа. – Пг., 1920.
145. Материалы протокола отчетно-перевыборного собрания Абхазского НИИ, состоявшегося 28 апреля 1952 года (Из личного архива Ш.Д. Инал-ипа).
146. **Мачавариани Д., Бартоломей И.А.** Нечто о Самурзакани // ЗКОРГО. Вып. 6. – Тифлис. 1864.
147. **Мачавариани К.Д.** Ответ самурзаканцу // «Черноморский вестник», 1899, № 12, 8 мая.
148. **Мачавариани К.Д.** Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. – Сухум. 1913.
149. **Мачавариани К.Д.** Религиозное состояние Абхазии. // КГВ. 1889.
150. **Мачавариани К.Д.** Сословный вопрос в Абхазии // «Черноморский вестник», 1900, № 121, 124.
151. **Мегрелидзе Ш.** Грузия в Русско-турецкой войне 1877 – 1879 гг. – Батуми. 1955.
152. **Меликишвили Г.А.** К истории древней Грузии. – Тбилиси. 1959.
153. **Меховский М.** Трактат о двух Сарматиях. – М.-Л., 1936.
154. **Мибчуани Т.** Кто были суано-колхи // «Народное образование», 1989. 10 декабря.
155. **Микеладзе Т.К.** К вопросу о периодизации истории Древней Колхиды // Вопросы древней истории (Кавказско-ближневосточный сборник IV). – Тбилиси. 1973.
156. **Микеладзе Т.К.** К археологии Колхиды (эпоха средней и поздней бронзы – раннего железа). – Тбилиси. 1990.
157. **Мухелишвили Д.Л.** Грузия – «Малая империя?!» // Библиотека общества Руставели. 1990.
158. **Мчедlishвили Д.В.** Новая Советская Социалистическая Грузия (К 36-летию ГССР) // «Мнатоби», 1957, № 2.
159. **Налбандян В.С.** Тбилиси в армянских литературных памятниках Древних и Средних веков. – Ереван. 1961.
160. **Народное** хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник. Тбилиси. 1967.
161. **Новосельцев А.П.** Половцы, кыпчаки, кумыки // «Советская энциклопедия». Том 11. – М., 1968. С. 284.

162. **Никонов В.А.** Этнография Украины и ономастика // Тезисы докладов на заседании, посвященном итогам полевых исследований 1969. – М., 1970.
163. Новый и полный географический словарь Российского государства. – М., 1788.
164. **Омар Бейгуаа.** Абхазский атарчей // Ж-л «Апсны аказара», 1990, № 2. (на абх. яз.).
165. **Ониани А.** Абхазия и Западная Грузия по языковым данным // Газ. «Народное образование», 1990, 7 января.
166. Османские документальные источники о крепостях Анаклия и Рухи. (XVII – XVIII вв.) – Тбилиси. 1982. (Турецкий текст с грузинским переводом осуществил **Н.Н. Шенгелия**).
167. Отчет Общества восстановления христианства на Кавказе за 1880 год. – Тифлис. 1884.
168. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани // ССКГ. Вып. 3 – Тифлис. 1870.
169. **Павлинов А.М.** Экспедиция на Кавказ 1888 года. Путевые заметки // МАК, III – М., 1893.
170. **Пайчадзе Г.Г.** Название «Грузия» в русских письменных исторических источниках // Вопросы истории народов Кавказа. – Тбилиси. 1988.
171. **Пайчадзе У.Г.** Антиосманская коалиция европейских стран и Грузии в 60-х годах XV века. – Тбилиси. 1989 (на груз. яз.).
172. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XVI. Кутаисская губерния. – СПб., 1905.
173. По поводу искажения истории грузино-абхазских взаимоотношений (Ответ авторам «Абхазского письма») // «Заря Востока», 1989, 28-30 июля.
174. **Пейсонель К.** Исследование торговли на Черноморско-абхазском берегу Черного моря в 1750 – 1762 гг. – Краснодар. 1927.
175. **Пейсонель К.** Traitesur la commerce de la mer Noir. – Paris. 1787.
176. **Reineggs J.** Aligemeine Historich – topograpfische Beschreibunges Kaukasusjh II. – Hildesheim und St.-Petersburg. 1797. Sh. II. (**Рейнеггс Яков.** Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа. Вторая часть. – Хильдесхейм и Санкт-Петербург.). Перевод **Данкевич-Пушиной Н.А.**

177. **Рейнеггс Я.** Абхазы. Описание их страны, истории и религиозных обычаев (Перевод **Н.А. Пущиной-Данкевич**).
178. **Раевский Н.Н.** Обзорение восточного берега Черного моря. (Рапорт министру Чернышеву от 16 июля 1840 г. // ЦГВИА ВУА, № 64. Д. 22, л. 1-5.
179. Русско-карачаево-балкарский словарь, под ред. **Х.И. Суюнчева** и **И.Х. Урусбиева**. – М., 1965.
180. **Рыбинский Г.А.** Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – Тифлис. 1894.
181. **Spenser E.** Travels in Circassia, Krim-Tartary, ets. Vol.II, 1839.
182. **Сахокия Тедо.** Путешествия. Гурия, Аджара. Самурзакано. Абхазия. – Батуми. 1950.
183. **Сахокия Тедо.** Путешествия. Гурия, Аджара. Самурзакано. Абхазия. – Тбилиси, 1950 (на груз. яз.).
184. Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. – Тифлис. 1893.
185. Газ. «**Свободная Грузия**», 1991, 12 ноября.
186. **Селезнев М.** Руководство к познанию Кавказа. – СПб., 1847.
187. **Силагадзе А., Беридзе Ш.** Доколе Катилина // «Народное образование» 1989.
188. **Соловьева Л.Т.** Роль миграционных процессов в этническом развитии Самурзакано // Межэтнические контакты и развитие национальных культур. – М., 1985.
189. **Соселия Г.К.** Вопреки исторической правде. //Газ. «Советская Абхазия». 1955, 8 декабря.
190. **Стефан Византийский.** Этника // ВДИ. 1948, № 3.
191. **Стражев В.И.** Руинная Абхазия // Известия АБНО. Вып. 1 – Сухум. 1925.
192. С чувством ответственности перед историей (О книге **Н. Адамия**). Заря Востока»
193. **Tardy L.** The Caucasian Peoples and treir Neighbours In 1404. – Budapest. Fcta Orient Hung. XXXII.1978.
194. **Тамарати (Тамарашвили) М.** История католичества в Грузии. – Тифлис. 1902 (на груз. яз.).
195. **Ткавашвили С.Г.** Торговля и обмен между Грузией и Дагестаном в первой трети XIX в. // Вопросы истории народов

- Кавказа (Сб. статей, посвященных памяти В. Анчабадзе). – Тбилиси. 1988.
196. **Товма Мецопеци.** История Ленгтимура (Тамерлана) и его преемников (на древне-арм. яз.) – Париж. 1860 (По книге **В.С. Налбандян**).
197. **Тоделано Эхуд Р.** Оттоманская работорговля и ее упадок. 1840 – 1890 гг. Принстонский университет. – Нью-Джерси. 1982.
198. **Торнау Ф.Ф.** Воспоминания кавказского офицера. – М., 1864.
199. **Трапш М.М.** Раннефеодальные замки, храмы и поселения Абхазии // Труды. Т. 4. 1975.
- 200 **Тхайцухов М.С.** Этнокультурная общность ономастики (машинопись).
201. **Фадеев А.В.** Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе// Исторический сборник, 1935, № 4.
202. **Хорасани Х.** Корреспонденция из Сухума // Газ. «Кавказ», 1873, №150.
203. **Хотелашвили-Инал-ипа М.К.** О культе божества Аерг у абхазов (Машинопись).
- 204.**Хоштария Н.В.** Цихисдзири. – Тбилиси. 1962.
205. **Хоштария Н.В.** Чхороцкусский могильник с трупосожжением и остатки поселений//МИГК. Вып. II. – Тбилиси. 1941.
206. **Цагарели А.** Мингрельские этюды. Вып. 1. – СПб., 1880.
207. **Цагарели А.** Из поездки в Закавказский край летом 1877 года // ЖМНП, 1877, № 12.
208. **Циколия М.М.** Фонетический обзор самурзакано-зугдидского говора мегрельского диалекта // Труды АБНИИЯЛИ, Т. XXV. 1954.
209. **Циколия М.М.** Абхазская речь Гальского района. (Основные особенности) // Труды АБИЯЛИ. XXX. 1959 (на груз яз. с русским резюме).
210. **Циколия М.М.** Абжуйский диалект абхазского языка. – Тбилиси. 1969.
211. **Циколия М.М.** Абхазо-картвельские синтаксические параллели // Резюме докладов симпозиума «Вопросы истории и культуры картвельских языков». – Тбилиси. 1987.
212. **Цинцадзе М.В.** Некоторые вопросы грузино-адыгских экономических и культурных взаимосвязей // Вопросы истории народов Кавказа. – Тбилиси. 1988.

213. **Чанба Р.К.** Земледелие и земледельческие отношения в до-революционной Абхазии. – Тбилиси. 1977.
214. **Чатцэ Чагә иажәабжьқәа.** – Ақәа. 1983. **Чац Чагу.** Рассказы, похождения, легенды, анекдоты.
215. **Чачибая Ц.Д.** Сан-Себастиан 1350 // Газ. «Аидгылара» («Единение»). 1991, апрель.
216. **Чачхалия Д.К.** Древности твои, Ткварчал // Газ. «Ткварчельский горняк», 1991.
217. **Чачхалия Д. К.** Абхазия в зарисовках Кастелли. // Ж-л «Апсны аказара», 1991, № 5 (на абх. яз.).
218. **Чачхалия Д.К.** О княжеском роде Гечба. Роковая святыня // «Советская Абхазия», 1992, 22 июля.
219. **Чачхалия Д.К.** Роковая святыня // «Советская Абхазия», 1992, 22 июля.
220. **Челеби Эвлия.** Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. Вып. 3 – М., 1983. (Перевод и примечания к главам II, III, VIII и X – **Г.В. Путуридзе.**
221. **Челеби Эвлия.** Путешествие турецкого туриста по восточному берегу Черного моря. // ЗООИД. Т. 13. – Одесса. 1875.
222. **Чернаго И. В** Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани» // ССКГ. Вып. III. 1870.
223. **Чирикба В.А.** Расселение абхазов в Турции // Приложение к книге Ш.Д. Инал-ипа «Садзы». – М., 1995.
224. **Чичуров И.С.** Византийские исторические сочинения. – М., 1980.
225. **Чурсин Г.Ф.** Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1957. – Тбилиси, 1950 (на груз. яз.).
226. **Чкату Микаель.** Асонетқәа. – Ақәа. 1998.
227. **Шакрыл К.С.** К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов // Ученые записки АдНИИЯЛИ. Т. IV. – Краснодар. 1965.
228. **Шарден Ж.** Путешествие Шардена по Закавказью в 1672-1673 гг. – Тифлис. 1902.
229. **Шервашидзе М.Л.** Карта Абхазии 1912 года (на абх. яз.).
230. **Шервашидзе Г.** Так пишется история // Газ. «Закавказье» № 125.

231. **Шильтбергер И.** Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. (Издание, редакция, перевод со старонемецкого и примечания акад. АН Аз. ССР **З.М. Буниятова**). – Баку. 1984.
232. **Шинкуба А.Е.** Процесс охоты и культ горы Ажвейпшныхва-ра // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986 – 1987 гг. Тезисы докладов. – Сухуми. 1988.
233. **Шинкуба Б.В.** Золотые россыпи. – Сухуми. 1990. (на абх. яз.).
234. **Шония Н.** Об изучении топонимики Восточной Абхазии // Ж-л «Дзеглис мегобари» («Друг памятников»). Тбилиси. 1970, № 21 (на груз. яз.).
235. **Шухардт Г.О.** О географии и статистике картвельских (южно-кавказских) языков // СМОМПК. Вып. 26. – Тифлис. 1899.
236. **Яковлев Н.Ф.** Языки и народы Кавказа. – Тифлис. 1930. С. 13.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Маан О.В.</i> Предисловие.....	5
-----------------------------------	---

ЗАРУБЕЖНЫЕ АБХАЗЫ

Вводные заметки.....	14
----------------------	----

I. ЗА МОРЕМ

1. Из политической и культурной жизни заморских абхазов	30
2. Количество и расселение	46
3. Хозяйственные занятия	58
4. Жилище, одежда, пища	65
6. О родовом составе абхазского населения Турции.....	71
7. Язык и фольклор.....	73
8. Религия	86
9. Национальное самосознание	88

II. В АРАБСКОМ МИРЕ

1. В стране Шам	92
2. Кое-что из бытовой жизни сирийских абхазов	99
3. На «священной земле».....	109
4. Абхазы в Мсыре, что на Ниле	110

III. НА БАЛКАНАХ

1. «Наши взоры обращены к Абхазии»	118
2. «Готовность помочь в беде»	121
3. Несколько слов по вопросу об абхазах в Болгарии.....	124
4. В центре Европы	125
5. У берегов Атлантики.....	127

ПРИЛОЖЕНИЯ

Обращение к абхазскому народу и ко всем другим народностям, населяющим Абхазию	133
Обращение в Президиум Верховного Совета СССР	135
Неполный перечень абхазских фамилий, встречающихся в Турции	138
Краткие сведения о некоторых зарубежных деятелях абхазского происхождения	143
Литература	149

СТУПЕНИ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ	156
I. СТИХИЯ «ГОРНОЙ СТИХИИ»	158
II. О ЧЕМ ГОВОРЯТ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, И О ЧЕМ ОНИ МОЛЧАТ	191
XIV – XVI века	191
Первая половина XVII века	202
Вторая половина XVII века	231
Материалы XVIII века	241
III. О ТОМ, ГДЕ «ЗАРЫТА СОБАКА»	254
IV. О ЧЕМ ГОВОРЯТ СПЕЦИАЛИСТЫ	257
V. ОБ АБХАЗСКОМ НАСЕЛЕНИИ	265
МЕЖДУРЕЧЬЯ КОДОР-ИНГУР	265
Заключение	345
Послесловие	359

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сельское хозяйство	365
Охота и рыболовство	385
Производства и ремесла	387
Судостроение и мореходство	405
Литература	411

Ш. Д. ИНАЛ-ИПА

ТРУДЫ

в XI томах

ТОМ

IV

ЗАРУБЕЖНЫЕ АБХАЗЫ

СТУПЕНИ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Редактор **Пачулия Л.С.**
Корректор **Клычева Л.З.**
Набор **Чамагуа Л.Р.**
Верстка **Гунба Н.Г.**
Технический редактор **Гунба Н.Г.**

Формат 60x90 1/16. Тираж 500. Усл. печ. л. 26,75.

Заказ №45.

Республика Абхазия, РУП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.

